Е. А. Давидович

ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Е. А. Давидович

ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(медные монеты XV — первой четверти XVI в. в Мавераннахре)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

9(С)13
Д 13

Ответственный редактор
Г. К. ШИРОКОВ

Первая часть монографии — источниковедческое исследование монетного материала: анализ значения монетных терминов, классификация и атрибуция монет и надчеканов, их описание и графическая реконструкция. Вторая часть — исследование разных вопросов денежного обращения. Выявлено несколько кризисов денежного обращения, четыре денежные реформы, реконструирована политика в отношении веса монет и масштаба цен, анализируются формы эксплуатации монетной регалии и т. д. В «Заключении» обоснованы периодизация и локальные варианты денежного обращения, рассмотрено время максимального развития товарно-денежных отношений — время максимального вовлечения в мелкотоварное производство и торговлю городского и сельского населения. В монографии разработаны новые методы источниковедческого и исторического анализа нумизматического источника.

Д $\frac{0505010000\text{-}060}{013(02)\text{-}83}$ 136-82

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Медные монеты Мавераннахра в XV — первой четверти XVI в. . 8

Часть первая. Источниковедческое исследование нумизматического материала 15

Глава I. Надписи монет и надчеканов 15

1. Репертуар и язык монетных надписей; монетные дворы . . 15
2. Термины «фулус», «адли», «динар» и «динар кебеки», «данги» в монетных надписях и вопрос о названии основного номинала . 32

Глава II. Монеты: типологическая классификация, атрибуция . . . 57
1. Принципы классификации; методы атрибуции 57
2. Типы медных монет Самарканда и Бухары 70
3. Типы медных монет Хисара и Хутталяна 83

Глава III. Надчеканы: типологическая классификация, атрибуция . . 87
1. Принципы классификации; методы атрибуции 87
2. Надчеканы первой группы первого разряда 95
3. Надчеканы второй группы первого разряда 110
4. Надчеканы первой группы второго разряда 118
5. Надчеканы второй группы второго разряда 123

Часть вторая. Денежное обращение 129

Глава IV. Монетная политика и формы эксплуатации монетной регалии 129
1. Политика в отношении веса медных монет 129
2. Политика в отношении масштаба цен 143
3. Формы эксплуатации монетной регалии 157

Глава V. Денежная реформа Улугбека 165
1. Содержание денежной реформы Улугбека 165
2. Обращение медных монет после завершения реформы Улугбека 180

Глава VI. Медные монеты в последнем десятилетии XV— первом десятилетии XVI в. 187
1. Центральный Мавераннахр в последнем десятилетии XV в. и мероприятия Мухаммада Шейбани-хана с 907/1501-02 г. . . . 187
2. Денежное обращение в регионе Хисара и реформа Хосроу-шаха в 906/1500-01 и 907/1501-02 гг. 202
3. Вторая часть денежной реформы Мухаммада Шейбани-хана (914/1508-09 г.) 223

Глава VII. Медные монеты во втором десятилетии XVI в. и реформа Кучкунчи-хана 227
1. Центральный Мавераннахр в первой половине второго десятилетия XVI в. 227
2. Регион Хисара в первой половине второго десятилетия XVI в. . 245
3. Кризис денежного обращения в центральном Мавераннахре и реформа Кучкунчи-хана 265

Заключение 280

Периодизация, локальные варианты и время максимального развития мелкотоварного производства и торговли в сфере обращения медных монет 280
1. Сфера обращения медных монет в XV—XVI вв. 281
2. Периодизация и локальные варианты чекана и обращения медных монет XV— первой четверти XVI в. в Мавераннахре . . 291
3. Регион Хисара: специфика и резервы развития денежной торговли в XV— первой четверти XVI в. 304
4. О времени максимального развития торговли в сфере обращения медных монет 310
Примечания 323
Список сокращений 349
Цитированные источники и литература 350
Summary 358

ПРЕДИСЛОВИЕ

Денежное обращение в средневековой Средней Азии долгое время не привлекало внимания советских историков ни как самостоятельная тема, ни как часть проблемы товарно-денежных отношений в эпоху феодализма. Объяснить это можно двумя причинами: состоянием источниковедческой базы и явной недооценкой самой проблемы как органической составной части феодализма и как критерия его типологии.

До тех пор пока советские историки пользовались только рукописными источниками по истории средневековой Средней Азии (причем преимущественно нарративными), изучение денежного обращения, по существу, и не имело перспектив. Даже редкие прямые свидетельства этих источников о денежных делах, замеченные и опубликованные историками, не были и не могли быть правильно поняты. Приведем один пример. В нарративных источниках описаны три денежные реформы, имеющие отношение к Средней Азии, причем наиболее подробно реформа начала XVIII в., вызвавшая восстание горожан Бухары. Описание этих событий вошло в монографические и обобщающие труды в виде некритического пересказа источника, содержание и назначение реформы не были поняты, значение и результаты городского восстания были оценены неверно, а о месте реформы во внутренней политике вопрос вообще не стоял. Общепринятые представления впоследствии были полностью пересмотрены, но для этого понадобилось привлечь два других источника: монетный и актовый [1].

Не будет преувеличением сказать, что тема «История денежного обращения средневековой Средней Азии» была поставлена на повестку дня только вместе с осознанием возможности опереться на монетный источник как основной, а по большей части и единственный. Думаю, что воздам должное, если подчеркну, что роль толчка в этом отношении сыграл курс лекций М. Е. Массона по нумизматике Средней Азии, который автору довелось прослушать на историческом факультете САГУ (теперь ТГУ) в 1943 г. М. Е. Массон не дал, да и не мог дать, готовых рецептов «извлечения» из монет материалов для характеристики денежного обращения, но он был уверен в ценности среднеазиатских монет для изучения этой проблемы и убедительно проиллюстрировал эту уверенность несколькими частными разработками (например, о реформе Кебек-хана), которые впоследствии были им опубликованы.

Занимаясь 35 лет изучением истории денежного обращения Средней Азии в пору феодализма и неоднократно обобщая достигнутое в курсах лекций (читанных в трех вузах), автор убедился, что проблему эту нельзя взять «приступом». Для равнозначной характеристики лишь части вопросов денежного обращения в разные периоды, для выявления признаков общего и локальных вариантов даже на самом «первом» уровне необходимы сначала подготовительная разработка суммы частных вопросов по каждому периоду и крупному региону («статейная стадия»), затем — исследование денежного обращения в рамках отдельных государств или периодов («монографическая стадия») и уж только после этого — сравнительный анализ одинаковых вопросов для всего средневековья с выявлением общих тенденций развития и локальных вариантов. Название «История денежного обращения средневековой Средней Азии», вынесенное на титульный лист данной работы,— это формулировка основной задачи, в рамках которой находятся и данная монография, и две опубликованные нами ранее (1964 г.— денежное обращение в XVII—XVIII вв.; 1972 г.— денежное обращение в XIII в.[2]), и подготовительные статейные разработки отдельных вопросов денежного обращения в VIII—XII и XVI вв., и авторские планы монографического исследования денежного обращения двух последних отрезков времени. При этом автор отчетливо понимает: если удастся осуществить все планы, это будет лишь малая часть того, что предстоит сделать другим. Но, вероятно, эта малая часть — самая трудная, так как была целина и не было опоры и ориентиров — что искать, как искать...

Особая сложность изучения денежного обращения заключалась и заключается в том, что методы работы со среднеазиатскими монетами с этой целью не существовали заранее, не были даны готовыми: изучение денежного обращения и разработка методов — это параллельный процесс с прямой и обратной связью. За истекшие десятилетия автору удалось разработать и проверить значительное число частных и общих методов исследования средневековых среднеазиатских монет, что уже облегчает ему и особенно другим специалистам подход к новому или недостаточно еще освоенному нумизматическому материалу. Нельзя не подчеркнуть, что методы эти применимы для работы отнюдь не только со среднеазиатскими, но и со всеми так называемыми мусульманскими монетами всего Среднего и Ближнего Востока.

Опыт работы показал, что источником изучения денежного обращения являются как отдельные монеты, так и монетные клады, но последние открывают значительно большие возможности: 1000 отдельных монет и клад из 1000 монет — это не одно и то же. Клад совершенно подобен самостоятельному рукописному произведению, которое ценно не отдельными сведе-

ниями и листами, а более всего — целиком. Клады одного времени подобны разным редакциям одного произведения: они позволяют вычленить закономерное и отсеять случайное, обнаружить общее и особенное. Являясь наиболее полноценным источником изучения денежного обращения, клады в конечном счете позволяют обратиться и к такой глобальной проблеме, как товарно-денежные отношения в целом. Исследование от кладов и отдельных монет до товарно-денежных отношений можно сравнить с четырехэтажной постройкой. Нижний «этаж» — это чтение и реконструкция монетных надписей и декоративного оформления монет, их взвешивание и обмеривание, выяснение состава металла, первичная общая и внутрикладовая статистика по династиям, собственным именам и титулам, монетным дворам, датам выпуска и любым другим признакам, которые «лежат на поверхности».

Второй «этаж» можно назвать источниковедческим, источниковедением в нумизматике. «Вход» на второй «этаж» — это разработка принципов классификации монет, классификационной иерархии, критериев на разных классификационных уровнях и определения конкретного значения для изучаемой группы монет такой ключевой в нумизматике классификационной единицы, как тип. Классификация — не самоцель. Опыт показал, что неудачная классификация механически сужает дальнейшие исследовательские возможности, удачная — подсказывает и помогает разработать многие важные вопросы именно денежного обращения. Источниковедение в нумизматике, естественно, не ограничивается классификацией, комплекс других источниковедческих задач зависит от особенностей самих монет. Двумя этими «этажами» и ограничивается нумизматика, специальные и собственные задачи этой дисциплины, требующие специальных знаний и навыков работы. Но не ограничиваются возможности монетного источника, не завершается, а расширяется его использование. На третьем «этаже» (история денежного обращения) и на четвертом (товарно-денежные отношения) должны были бы прописаться историки и экономисты, это для них нумизматы подготовили монетный источник совершенно так, как текстологи и источниковеды,— источник рукописный. Пока же альтернатива такая: либо на третьем и четвертом «этажах» исследование продолжит тот же нумизмат (обретая новую профессию историка и экономиста), либо подготовленный для исследования монетный источник останется неиспользованным, поскольку историки и экономисты к нему не обращаются.

Произошел такой парадокс. У истоков изучения так называемых мусульманских монет, пока они действительно были вспомогательным источником для дополнения и уточнения деталей политической истории, исторической географии и пр., все крупные историки тщательнейшим образом использовали этот материал, а многие (от Х. М. Френа до В. В. Бартольда) свое

время и усилия в разной пропорции делили между рукописным и монетным источниками. Новые методы исследования этих же монет с 50-х годов нашего столетия и конкретные разработки убедительно показали, что монетный источник не только и не столько вспомогательный, что он является «ведущим», основным, а подчас и единственным для изучения и денежного обращения, и ряда других важных вопросов экономической жизни и даже некоторых вопросов жизни социальной. Но это перемещение привычных ценностей не было замечено большинством историков среднеазиатского феодализма, по-прежнему изучающих только те вопросы, на которые отвечает источник рукописный.

Медные монеты Мавераннахра в XV — первой четверти XVI в.

1. *Территория и время; задачи исследования.* Регистрация находок медных монет и состав кладов, обнаруженных на территории Мавераннахра, убедили в том, что р. Амударья была важным рубежом, который медные внемавераннахрские монеты пересекали в относительно значительном количестве лишь на коротких отрезках времени, но даже и на этих отрезках времени они не влияли существенным образом на состав монетной массы Мавераннахра. В некоторых кладах Мавераннахра на сотни и тысячи местных монет приходятся единицы и десятки хорасанских, в других кладах последних вовсе нет. В музеях Москвы, Ленинграда и Средней Азии внемавераннахрская медь XV — первой четверти XVI в. также представлена слабо. Эти важные обстоятельства определили территориальные рамки исследования — Мавераннахр. Мавераннахрский источник не открывает возможностей изучения обращения медных монет, например, в Хорасане, поэтому медь в Хорасане — самостоятельная тема, которая должна опираться на местный, хорасанский источник: на монеты и клады, обнаруженные в пределах Хорасана. Иначе говоря, обращение медных монет (в отличие, например, от золотых и серебряных) необходимо и оправданно изучать в территориальных рамках не всего государства Тимуридов (XV в.) или Шейбанидов (XVI в.), а в более узких пределах исторически сложившихся и относительно «замкнутых» (с точки зрения чекана и обращения именно медных монет) регионов.

Государства Тимуридов и Шейбанидов — это XV—XVI вв., хронологические же рамки исследования другие — XV — первая четверть XVI в. На рубеже двух столетий, когда произошла смена династий, в чекане и обращении медных монет не было тех качественных перемен, которые позволяли бы и оправдывали их изучение отдельно в хронологических рамках каждого го-

сударства. Более того, развитие монетной политики, многих особенностей обращения медных монет и состояния товарно-денежных отношений невозможно было бы понять, если оборвать исследование на рубеже XV—XVI вв. Зато со второй четверти XVI в. начали созревать серьезные перемены в состоянии и развитии мелкотоварного производства, денежной торговли в сфере обращения медных монет, а соответственно и в монетной политике: начались те качественные перемены, которые должны быть объектом отдельного исследования.

Приступая к новому нумизматическому материалу, исследователь обычно не знает заранее — много или мало и что именно он извлечет из монет для характеристики денежного обращения или других вопросов социально-экономической истории. Медные монеты Мавераннахра XV—XVI вв. автор ощупью начал изучать с 1944 г., время от времени возвращаясь к этой теме, отрабатывая методы и отдельные вопросы. Именно эта подготовительная работа («статейная стадия») позволила реалистично определить и задачи и возможности монографического исследования. Основные задачи можно сформулировать следующим образом: первая — источниковедческая разработка накопленного монетного материала [3]; вторая — изучение общих особенностей в монетной политике и денежном обращении; третья — выявление локальных вариантов в монетной политике и денежном обращении; четвертая — оценка изучаемого отрезка времени с точки зрения сравнительного уровня развития мелкого (в том числе мелкотоварного) производства и торговли в сфере обращения медных монет. Что касается возможностей, то они ограничены двумя барьерами: во-первых, монетный источник, когда он единственный, позволяет изучить далеко не все стороны денежного обращения и тем более товарного производства; во-вторых, накопленный и источниковедчески обработанный нами монетный материал не является, естественно, исчерпывающим, соответственно предлагаемые здесь результаты изучения денежного обращения на этой ограниченной основе следует рассматривать лишь как первый этап. Первый барьер — константа. Второй будет отодвигаться по мере накопления нового материала, усовершенствования уже применяемых нами методов исследования и разработки новых.

Завершая характеристику основных задач и возможностей, подчеркнем, что локальные варианты денежного обращения и товарно-денежных отношений в данной работе выявляются путем сравнения двух регионов Мавераннахра, которым присвоены следующие названия: центральный Мавераннахр (это общность двух исторически сложившихся областей — Самарканда и Бухары) и Хисар (это общность таких исторически сложившихся областей, как Хисар, Хутталян, Вахш, Кабадиййан, Сагаииййан и др.). «Точкой отсчета» является центральный Мавераннахр — регион наиболее развитого денежного обращения и товарного

хозяйства. Представляется, что метод сравнения с центральным Мавераннахром даст полезные результаты при конкретно-историческом изучении ситуации и в других регионах или крупных областях вроде Ферганы, Ташкенда, Семиречья; для этого нужно накопить значительный местный кладовый материал.

Оговорим, что и не предполагалось снабдить книгу каталожным описанием медных монет, их слишком много для такого типа издания. Но от типостатистического описания кладов отказаться пришлось вынужденно, из-за недостатка места. По этой же причине в работе не рассмотрены место денежной реформы во внутренней политике Улугбека и сама эта внутренняя политика, снят ряд других вопросов более частного характера.

2. Источники. В нарративных источниках изучаемого времени не удалось обнаружить материалов для характеристики чекана и обращения медных монет в Мавераннахре. Роль вспомогательного источника выполнили документы и юридические сочинения. В вакф-нама и васика XV—XVI вв. были обнаружены сведения, полезные для конкретно-исторического исследования монетных терминов и некоторых частных вопросов; обозначенные в вакф-нама вознаграждения разным лицам, связанным с объектом одарения, помогли определить место медных монет в денежном обращении XV—XVI вв. Юридические сочинения — это два пособия по составлению документов, написанные на рубеже двух столетий двумя кази в Бухаре и Герате. В них оказались весьма важные материалы по монетной терминологии.

Но уже отмечалось выше, что основной, а по существу, единственный источник изучения разных сторон чекана и обращения медных монет — это сами медные монеты. Нами изучены монеты следующих государственных хранилищ: Ленинграда (ГЭ: Основное собрание, коллекции Азиатского музея, С. Строганова, Е. А. Пахомова), Москвы (ГИМ), Душанбе (ИИТ и РМТ), Ташкента (часть коллекций МИУз и КАТГУ), Самарканда (часть коллекции СМ), Термеза (часть коллекции ТМ), а также некоторые мелкие частные коллекции и отдельные экземпляры. Для изучения денежного обращения и уровня товарно-денежных отношений в сфере обращения меди полезными оказались и внекладовые монеты, однако самый существенный материал дали клады. Некоторые клады опубликованы, но с разной степенью подробности и подчас трудно сопоставимыми неравнозначными сведениями об их составе. Мы привлекли 36 кладов, но работа с ними, их использование как исторического источника не были одинаковыми и единовременными. Основу исследования составляют клады, обработанные нами в разное время, но по единой программе. Сравнительный анализ типостатистического состава и топографии именно этих кладов подсказал, в частности, периодизацию денежного обращения в Мавераннахре XV — первой четверти XVI в. (восемь этапов) и по-

зволил определить как общие признаки состава монетной массы в Мавераннахре, так и локальные варианты этого состава в двух регионах — центральном Мавераннахре и Хисаре. Остальные клады выполнили контрольные функции, подтвердив обоснованность периодизации и надежность признаков состава монетной массы каждого этапа. Клады эти, очень кратко описанные или изученные без статистики и даже просто «бегло» осмотренные, сразу и безусловно «попадают» в определенный этап. Будучи же определены в рамках периодизации, эти контрольные клады открыли возможность учета количества как дополнительного компонента одного из самых универсальных методов исследования: теперь можно говорить о сравнительном анализе не только состава и топографии кладов, но и их количества с учетом причин выпадения из обращения.

Мы собирались все 36 кладов описать в этой работе, чтобы в одной книге вместе были и основной источник, и его исследование. Это казалось тем более необходимым, что многие клады еще не опубликованы. Но из-за недостатка места от этого пришлось отказаться. Ниже мы прилагаем лишь перечень этих кладов с указанием числа монет [4], этапа (по нашей периодизации, о ней см. «Заключение») окончательного выпадения из обращения [5] и регионального происхождения [6]. Каждому кладу присвоен номер, многим — названия (и далее в работе они будут фигурировать под этими номерами и названиями).

В примечания вынесены ссылки на литературу (если клад опубликован полностью, кратко описан или использован как исторический источник) и сведения о неопубликованных кладах; место хранения указывается только для последних.

Клад № 1 (этап 1, регион — Хисар) —41 монета [7].
Клад № 2 (этап 3, регион — Хисар)—878 монет [8].
Клад № 3 (этап 3, регион — Хисар)—225 монет [9].
Клад № 4 (этап 3, регион — Хисар)—37 монет [10].
Клад № 5 (этап 3, регион — центральный Мавераннахр) — более 150 монет [11].
Клад № 6 (этап 3, регион — центральный Мавераннахр)— более 1000 монет [12].
Клад № 7 (этап 3, регион — центральный Мавераннахр) —185 монет [13].
Клад № 8 «Регистанский» (этап 3, регион — центральный Мавераннахр)—74 монеты [14].
Клад № 9 (этап 3, регион — центральный Мавераннахр) —291 монета [15].
Клад № 10 (этап 3, регион — центральный Мавераннахр) —14 монет [16].
Клад № 11 «Андижанский» (этап 3, регион — центральный Мавераннахр) —284 монеты [17].
Клад № 12 «Ошский» (этап 3, регион — центральный Мавераннахр)— 251 монета [18].
Клад № 13 «Узбекон-тепинский» (этап 4, регион — Хисар)—827 монет [19].
Клад № 14 «Душанбинский» (этап 4, регион — Хисар) —1040 монет [20].
Клад № 15 (этап 4, регион — Хисар) —2186 монет [21].
Клад № 16 (этап 4, регион — Хисар) —20 монет [22].
Клад № 17 (этап 4, регион — Хисар) —550 монет [23].

Клад № 18 «Клад кратных динара» (этап 4, регион — центральный Мавераннахр) —676 монет [24].

Клад № 19 «Клад ГЭ-АМ» (этап 4, регион — центральный Мавераннахр) —483 монеты [25].

Клад № 20 (этап 5, регион — центральный Мавераннахр) — более 60 монет [26].

Клад № 21 «Ангренский» и «клады» II—V (этап 5, регион — центральный Мавераннахр) — вместе около 1000 монет [27].

Клад № 22 «Шаартузский» (этап 5 или 6, регион — Хисар) —330 монет [28].

Клад № 23 «Кафыр-калинский» (этап 5 или 6, регион — Хисар) —90 монет [29].

Клад № 24 (этап 5 или 6, регион — Хисар) —14 монет [30].

Клад № 25 «Кум-Курганский» (этап 7, регион — Хисар) [31].

Клад № 26 (этап 7, регион — Хисар) —9 монет [32].

Клад № 27 «Нурекский» (этап 7, регион — Хисар) —1293 монеты [33].

Клад № 28 «Сары-Камышский» (этап 7, регион — Хисар) —1040 монет [34].

Клад № 29 (этап 7, регион — Хисар) — около 800 монет [35].

Клад № 30 «Самаркандский» (этап 7, регион — центральный Мавераннахр) —3 серебряные монеты и около 3000 медных [36].

Клад № 31 «Чилекский» (этап 7, регион — центральный Мавераннахр) — 140 монет [37].

Клад № 32 «Ташкентский» (этап 7, регион — центральный Мавераннахр) —74 монеты [38].

Клад № 33 «Сукокский »(этап ?, регион — центральный Мавераннахр)— 287 монет [39].

Клад № 34 (этап 8, регион — центральный Мавераннахр) —24—25 монет [40].

Клад № 35 (этап 8, регион — центральный Мавераннахр)—720 монет [41].

Клад № 36 «Клад пулов» (этап ?, регион — центральный Мавераннахр) — 29 монет [42].

3. *Литература.* В трудах Х. М. Френа, Ф. Эрдманна, Ф. Соре, В. Трутовского, А. Вайля, В. Г. Тизенгаузена, А. К. Маркова [43] и других востоковедов и нумизматов прошлого столетия с разной степенью подробностей опубликовано сравнительно небольшое количество медных монет XV — первой четверти XVI в. Некоторые публикации содержат только выпускные сведения, в других приведены надписи, но во всех случаях отсутствуют многие важные сведения о монетах и надчеканах. Разработанные нами классификация и методы их изучения как исторического источника показали, что самое большое источниковедческое значение имеет тип монет и надчеканов, между тем типовые признаки в этих публикациях не приведены, только в единичных случаях по прорисовкам или взаиморасположению частей надписей удалось определить тип опубликованных монет. Недостатки публикаций прошлого столетия мы отнюдь не ставим в вину их авторам: тогда перед нумизматикой не стояли те задачи, которые стоят теперь. В данной связи отметим, что типы значительной части опубликованных монет удалось установить, выше мы уже упоминали, что проработали в ГЭ Основное собрание (опубликованное А. К. Марковым), коллекцию С. Строганова (частично опубликованную В. Г. Тизен-

гаузеном), коллекцию Азиатского музея (частично опубликованную Х. М. Френом) [44].

Качественно новый тип нумизматической работы — регистрация монетных находок. В публикациях такого рода (регулярно осуществлявшихся М. Е. Массоном и автором) информация шире, так как содержит сведения о месте находки отдельных монет и кладов медных монет XV—XVI вв. Однако — выше это уже подчеркнуто — самым полноценным источником являются клады, соответственно самая важная форма издания источника — публикация кладов. Перечень опубликованных кладов уже дан, здесь мы его повторять не будем, остановимся только на исследовательских комментариях и специальных исследовательских статьях, в которых содержатся наблюдения над какими-либо сторонами денежного обращения.

В 1945 г. были опубликованы тезисы доклада З. А. Альхамовой, посвященного кладу, найденному в 1940 г. в Ташкенте (в нашем списке — клад № 9). В последнем тезисе сформулированы выводы [45], часть которых не потеряла своего значения и получила опору в новых материалах, другие требуют коррективов и пересмотра. Существенным вкладом является ее заключение о том, что тимуридские медные монеты без имен государей тем не менее являются государственным чеканом. Вывод о серийности монет 832—853 гг. х. требует поправки: серийным был чекан только Бухары, причем дата завершения Бухарской серии пока неясна. Заслуживает внимания первый опыт периодизации обращения медных монет в XV в. (четыре этапа), в нем есть зерно истины, хотя названный хронологический рубеж — чекан монет с 897 г. х. как начало четвертого этапа — абсолютизирован: этап этот (четвертый по нашей периодизации) в разных регионах начался не в одно время и не с одинаковых мероприятий. Начало же чекана монет в Ташкенде и время выпадения самого клада определены неверно.

В 1950 и 1953 гг. нами были опубликованы три статьи [46], в которых рассмотрены следующие вопросы: о масштабе цен в медном чекане конца XV — начала XVI в., о значении веса монет как критерия при определении их достоинства, о классификации и датировке надчеканов (отнесенных к первому разряду), об их назначении, о монетной терминологии, формах эксплуатации монетной регалии и т. д.

В 1957 г. Р. С. Сусенкова [47] публикацию клада из Сукока (в нашем списке — клад № 33) завершила некоторыми общими соображениями о денежном обращении: одни из них просто заимствованы из наших работ и тезисов З. А. Альхамовой (обычно без ссылок), другие не содержат обоснований, третьи просто неверны. Достоверными остаются два наблюдения: о ведущей роли самаркандского чекана в конце XV в. и о небольшом удельном весе местного выпуска — монет Ташкенда.

В 1960 г. М. Е. Массон [48] на материалах Ошского клада (в

нашем списке — клад № 12) и других монетных находок охарактеризовал специфику монетной массы в восточной Фергане: значительный удельный вес монет Кашгара (который существенно возрастет, если подтвердится предположение о кашгарском происхождении монет 857 и 860 гг. х.). В статье рассмотрены и более частные вопросы монетного дела (особенно относительно чекана Кашгара), а также повторены два обобщающих положения, разработанных З. А. Альхамовой (о государственном характере чекана меди) и нами (об условно-валютном ее обращении[49]). Статью свою М. Е. Массон заключил следующим соображением: «Отсутствие достаточного количества соответствующих данных в письменных источниках в известной мере будет тормозить детальное изучение истории денежного обращения в государстве Тимуридов. Но благодаря предварительным наблюдениям за обильными нумизматическими объектами и исследованиям местного (очевидно, „медного“ — *Е. Д.*) чекана XVI в. совершенно несомненно, что многие явления, положения и закономерности, обнаруженные и установленные для денежного хозяйства во владениях Шейбанидов, или восходят к XV столетию, или даже целиком справедливы для монетного обращения при Тимуридах. Это намного облегчит решение увлекательной и многообещающей нумизматической задачи по разработке вопросов истории среднеазиатского медного чекана с конца XIV до начала XVI в. <...>». М. Е. Массон не назвал, но подразумевал, конечно, наши к 1960 г. уже многочисленные работы о чекане и обращении и медных и серебряных монет Шейбанидов XVI в., поскольку других публикаций на эти сюжеты не было. Приятно отметить, что предсказание М. Е. Массона оказалось верным: опыт работы с шейбанидскими монетами действительно облегчил понимание тимуридского материала XV в.

В 1960, 1965—1966 гг. и впоследствии мы многократно обращались к разработке отдельных вопросов чекана и обращения медных монет в XV в.[50], подготовляясь к настоящей монографии. За прошедшие после 1960 г. более чем 20 лет никто другой фактически этими сюжетами не занимался, если не считать статью М. Е. Массона (1972 г.) о динарах кебеки[51], в которой он подтвердил и развил свою старую точку зрения на эти динары как монеты медные, хотя нами еще в 1965 г. было приведено свидетельство письменного источника, из которого следовало, что динаром кебеки назывались не медные, а серебряные монеты[52].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НУМИЗМАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Глава I

НАДПИСИ МОНЕТ И НАДЧЕКАНОВ

1. Репертуар и язык монетных надписей; монетные дворы

Репертуар монетных надписей не столь уж разнообразен, зато насыщен полезной информацией. Лишь ранние медные монеты являются именными: это монеты Тимура за разные годы и монеты Самарканда 808/1405-06 г. с именами Мухаммад-Джахангира и Халила[53]. Самая приметная черта надписей последующих выпусков Мавераннахра — отсутствие имен и титулов правителей. Поэтому мавераннахрские монеты XV — первой четверти XVI в. с полным основанием можно назвать анонимными. В это же время и в этом же регионе чекан золотых и серебряных монет осуществлялся с проставлением имен и титулов правителей, даже в надписях надчеканов по большей части есть собственные имена. Анонимность, следовательно,— специфическая примета медных монет Мавераннахра, причем заключение это в равной степени базируется на изучении надписей как самих монет, так и надчеканов.

Подавляющее большинство медных монет и надчеканов содержит в надписи обозначение монетного двора. Обычно это название крупного или среднего города, реже — области, в отдельных случаях — мелких населенных пунктов или пригородных районов (например, туманов больших городов). Чаще всего наименование монетного двора стоит либо самостоятельно, либо после слова ضرب «зарб». Иногда наименованию монетного двора предшествует слово بَلْد – بَلْدَة «балад», «балдат». Зафиксировано оно на монетах Бухары (типы 9—13, 14/*б*, 15/*б*, 17—19), Самарканда (типы 13, 18, 20, 27), Хисара (тип 13) и других монетных дворов (описание названных типов Бухары, Самарканда и Хисара см. в гл. II/3 и II/4). Неясно, что озна-

чает это слово в контексте монетных надписей: «город» или «окру́га», «область». В перечисленных случаях название области и его главного города совпадает, что само по себе не позволяет отдать предпочтение одному из двух значений[54]. Примеры, когда в качестве наименования монетного двора фигурируют безусловно области, говорят как будто в пользу того, что и в названных случаях слово «балад» скорее означало именно область. На монетах же Самарканда 812/1409-10 г. использовано слово شهر «шахр», т. е. безусловно «город», что можно рассматривать как персидско-таджикский эквивалент арабского слова «балад». Затруднение относительно конкретного значения слова «балад» в монетных надписях существует не только для медных монет рассматриваемого времени и территории.

Любопытны монеты, в надписях которых слово «балад» оторвано от наименования монетного двора и стоит после термина «фулус» (Бухара, типы 10, 11). Эти примеры показывают, что слово «балад» включено в монетные надписи, чтобы подчеркнуть основное, исходное назначение медных монет: «фулус-и балад», т. е. «медная монета города» или «медная монета области». Поэтому представление о конкретном значении слова «балад» в монетных надписях Мавераннахра рассматриваемого времени существенно, но уверенно обосновать выбор («город» или «область») пока нет возможности.

При наименовании монетных дворов иногда обозначено их индивидуальное «прозвище»: на некоторых монетах Хисара — слово شادمان «шадман» (типы 4, 10, 11, 13/*а*), на монетах Бухары — слово فاخره (тип 17).

Сторона монеты, на которой проставлено наименование монетного двора, считается лицевой (л. ст.). Дата чаще обозначалась на оборотной стороне монеты (об. ст.), реже — на лицевой, вместе с наименованием монетного двора. В надчеканах дата — редкость. На медных монетах Мавераннахра дата проставлялась словами или цифрами, иногда дважды цифрами или на одной монете и словами, и цифрами. Дате словами предшествуют чаще всего вводные формулы فى التاريخ سنة или بتاريخ سنة (привлекает внимание, что в Бухаре предпочитают первую формулу, а в Самарканде — вторую). Кроме этих двух формул перед словесными датами изредка стоят فى شهور سنة или فى سنة, или فى تاريخ. Месяц чеканки тоже проставлялся, но редко (см.: Самарканд, тип 3 — ша'бан 818/1415-16 г.). Дата цифрами чаще всего стоит самостоятельно, у нескольких типов после فى سنة или فى سنة, или فى تاريخ. Ее местоположение на монете — л. ст. (вместе с наименованием монетного двора), либо об. ст., либо, наконец, обе стороны.

Из терминов, встречающихся в надписях медных монет и надчеканов, наиболее труден для истолкования тот, который

Рис. 1. Монеты с термином «ширмард» в надписях: 1—Самарканд 906/1500-01 г.; 2—901/1495-96 г., без наименования монетного двора; 3— Бухара 914/1508-09 г.

мы читаем как «ширмард». Проставлен он вместе со словом «зарб» или чаще — со словом «'адил». Он прочтен нами на монетах 901/1495-96 г. без наименования монетного двора (рис. 1/2); на монетах Самарканда типа 13 за 906/1500-01 г. (рис. 1/1); на монетах Кеша того же типа, что и самаркандские; на монетах Бухары типа 12 за 914/1508-09 г. (рис. 1/3); в надчеканах без даты и наименования монетного двора (о датировке последних см. гл. III/3). Нельзя не упомянуть уникальную монету Самарканда, на которой этот надчекан наложен 10 раз: один — на л. ст., девять — на об. ст. (один — в центре, восемь — по краям) [55].

Дискуссия вокруг термина «ширмард», первоначально обнаруженного в надписях серебряных монет XVI—XVII вв., продолжается более полутора столетий [56]. Рассмотрены следующие чтения: شرمرد سرمزد سرمرز شیرمرد سیرمرد سرمرد. Предложены следующие интерпретации: название отдельного города; название монеты; синоним слова «балад»=«город»; синоним слова «сара»=«[монета] хорошая»; слово «сармарз»=«граница», слово «сармузд»=обозначение высокой ценности монеты; слово «ша[х]рмард»=«[монета] города мужей»; слово «ширмард»=«мужественный» (как эпитет государя). Некоторые из этих интерпретаций обязаны своим происхождением разному представлению о числе букв в слове (5 или 6) и разной рас-

становке диакритических знаков; две интерпретации исходят из того, что в начертании слова допущена ошибка.

В настоящее время мы располагаем следующими объективными данными об этом термине. Он был чрезвычайно широко использован Шейбанидами и Джанидами, а также Тимуридами более всего в надписях серебряных монет и в надчеканах на серебре, но зафиксирован также на золоте (неопубликованные монеты Мухаммада Шейбани-хана) и на меди (см. выше). Варианты сочетаний с другими словами механически снимают ряд интерпретаций: «зарб»+термин; «зарб»+термин+наименование монетного двора; «ʿадил»+термин; «ʿадил»+термин+наименование монетного двора. Правильное чтение первой части слова опирается на надписи с диакритическими знаками: две точки под вторым знаком (часто), три точки над первым знаком (на некоторых медных монетах Самарканда 906 г. х. и в некоторых надчеканах на серебре). При первой части «шир» остается одно чтение всего слова («ширмард») и идея В. Г. Тизенгаузена (не обеспеченная чтением) о том, что оно может быть синонимом слова «сара»=«хорошая».

Чтение «ширмард» находит некоторую опору в других монетных надписях и в актовых источниках. Прямое значение слова «ширмард» — «смелый», «храбрый», «мужественный». Оно могло быть использовано в качестве эпитета государя. В монетных надписях титулы, прозвища и эпитеты государей (в качестве средства удостоверения принадлежности им, т. е. государственных гарантий, государственного характера чекана) использовались довольно часто (особенно Караханидами, хорезмшахами Ануштегинидами, Чингисханом и Чагатаидами) в форме относительных прилагательных: от титулов (например, хани, султани, каани); от имен прославленных лиц (например, санджари, сикандари); от отдельных слов со значением победоносности, могущества (например, мансури, музаффари, карари). Последние являются прямой арабоязычной аналогией персидско-таджикскому слову «ширмард», ибо мансури, музаффари, карари — «победоносный», «непоколебимый» и т. д.

Ключ к пониманию назначения всех этих слов дают надписи монет Чингисхана и Чагатаидов со словом «менгу» в значении «деньги», «монета»: менгу чингизи (монета Чингисова), менгу хани (монета ханская), менгу каани (монета каанская), но и без «менгу», т. е. просто «хани» ([монета] ханская) [57], когда слово «монета» не проставлено, но подразумевается. Отсюда санджари=[монета государя, подобного] Санджару, мансури=[монета государя] победоносного. Рассматриваемое слово «ширмард» стоит в двух позициях: после слова «зарб» (в значении «чекан», «монета»; сравни слово «менгу») и самостоятельно (все случаи вместе со словом «ʿадил»). В рамках приведенных аналогий это позволяет такой перевод: «зарб-и ширмард»=«чекан мужественного [государя]»; «ʿадил ширмард»=

«[монета] правильная, мужественного [государя]». В конечном счете слова типа «хани», «санджари», «мансури», «ширмард» то прямолинейно (хани), то более косвенно (через прозвище или эпитет государя) утверждали, что все эти монеты — государственные, т. е. государство гарантирует их добротность и соответствие указанным стандартам.

О значении подобного рода психологической гарантии свидетельствуют и актовые источники. В них монеты, как правило, подробно описаны. При описании серебряных монет, именовавшихся в XV—XVII вв. танга или тангача, в среднеазиатских актовых источниках первой их характеристикой чаще всего является слово «хани»: танга-йи хани, тангача-йи хани (танга ханская, тангача ханская, т. е. государственная). Эта характеристика была столь важной, что в письменных источниках (актовых и других) само слово «танга» иногда опущено и его полностью заменяет слово «хани». Привлекает внимание, что слово «ширмард» также наиболее употребительно в надписях именно серебряных танга=тангача, поэтому и напрашивается параллель: «танга-йи хани» письменных источников=«зарб-и ширмард» монетных надписей; «хани» письменных источников= «ширмард» (без слова «зарб») монетных надписей.

Два типа аналогий (более ранние монетные надписи и современные слову «ширмард» актовые источники), прямой смысл слова «ширмард» и значение, придаваемое подчеркиванию государственного характера монетного чекана,— все это позволяет *загадочное слово на золотых, серебряных и медных монетах* и в надчеканах на серебре и меди конца XV—XVII вв. читать именно как «ширмард» и рассматривать как эпитет государя, предназначенный утверждать государственный характер, государственное происхождение чекана и надчеканов.

В надписях монет и особенно надчеканов часто встречается арабское عَدل «ʿадил». Термин призван был подчеркнуть, что монета или надчекан — «правильные» (с точки зрения закона).

Термин خوب «хуб» (персидско-таджикское слово, обнаруженное в надчеканах на медных монетах) означает, что надчеканенная монета — «хорошая». Здесь это персидско-таджикский эквивалент арабского слова «ʿадил».

На монетах первой четверти XVI в. обнаружена надпись без диакритических знаков, которую мы читаем как يك پل («йак пули») = «[монета] однопуловая», «[монета] в один пул». Изучение термина «пул» показало, что он не был однозначным. Удалось выявить два его значения в Мавераннахре XVI в.: общее (когда этим термином обозначали деньги вообще) и частное (когда так называли самую мелкую медную монету). Клад пулов и прочие материалы относительно самого термина рассмотрены в гл. IV/2.

В надчеканах начала XVI в. есть надпись без диакритиче-

ских знаков, которую мы читаем как يك ميرى («йак мири»= «[монета достоинством] в одно мири»). Такое толкование надписи основано на анализе термина «мири», который произошел от титула амир — мир, означал первоначально мелкую серебряную монету в четверть большой серебряной монеты, а потом получил расширительный смысл и мог быть использован для обозначения любой монеты и даже счетной единицы, достоинство которой равнялось четвертой части другой монеты. Конкретно значение этого термина рассмотрено в гл. III/5.

В многочисленных надчеканах разных типов есть еще одна надпись также без диакритических знаков, которую мы читаем как دو غلى «[монета] в две цены» или «[монета], удороженная в два раза». Подобные надчеканы определяли достоинство монеты, повышая их покупную способность в два раза.

Термины «фулус», «'адли», «динар» и «данги» требуют специального рассмотрения, особенно в связи с вопросом о названии основного номинала в медном чекане (этим терминам посвящен раздел второй настоящей главы).

Чрезвычайный интерес представляют надписи монет и надчеканов с обозначением веса. Надпись монет Самарканда 914/1508-09 г. (тип 20) прочтена нами как يكمثقال نيمدانك «один мискал [и] половина данга [мискала]». Надпись фиксирует указный вес медных монет и рассматривается в гл. IV/1 и VI/3. Еще раз обозначение веса встретилось уже совершенно неожиданно в надчеканах — это يك مثقال «один мискал». Надпись оказалась полезной при анализе группы вопросов, в том числе взаимозависимости и взаимовлияния общественной психологии и монетной политики.

Впервые как будто на медных монетах XV—XVI вв. прочтены две сентенции — это مبارك باد «Да будет благословен» (819/1416-17 г.: Шахрухиййа и тип 4 Самарканда) и عاقبت خير باد «Да будет процветающей его будущая жизнь» (тип 12 Бухары за 914/1508-09 г.).

Для характеристики чекана медных монет, в особенности же для изучения монетной политики и денежного обращения, существенное значение имеет язык монетных надписей. Традиционный для монет арабский язык мы встречаем и на медных монетах XV — начала XVI в. Но чрезвычайно важно, что на мавераннахрских медных монетах этого времени ведущее место занимает не арабский, а персидско-таджикский язык. Следует оговорить, что персидско-таджикскими надписями являются не только те, которые состоят исключительно из персидско-таджикских слов. Маленькая фраза, состоящая из термина или слова любого языка в сочетании с персидско-таджикским словом, является и квалифицируется уже целиком как персидско-таджикская надпись, а иноязычные термины — вошедшими в персидско-

таджикский язык и поэтому понятными местному населению Мавераннахра.

Даты словами на изучаемых медных монетах по-прежнему остались арабоязычными. В хронологических рамках XV — первой четверти XVI в. нам известно только одно исключение — дата монет Бухары 922/1516 г. (тип 17) на персидско-таджикском языке. Арабоязычными остались и религиозные сентенции, но на многотипных медных монетах пока их зафиксировано всего две (см. выше). Почти все остальные надписи либо персидско-таджикские, либо такие арабские, которые были известны людям, не знавшим арабского языка. Иначе говоря, эти монетные надписи, прочтенные самостоятельно грамотными людьми или услышанные неграмотными, были им понятны.

Из одного персидско-таджикского слова состоит надчекан «хуб» — «[монета] хорошая». Во многие надписи монет и надчеканов входит слово «данги». Сочетание любых слов с персидско-таджикскими «ним» («половина»), «йак» («один»), «ду» («два») делают эти надписи персидско-таджикскими в целом. А таких надписей особенно много и на монетах, и в надчеканах. Персидско-таджикскими являются надписи со словами «ширмард» (монеты и надчеканы) и «шахр» (монеты). В составе этих безусловно персидско-таджикских надписей есть и такие арабские слова, как «балад», «'адил». Эти два слова есть также в надписях, которые, взятые изолированно, следовало бы считать арабскими. Однако и эти надписи персидско-таджикские, поскольку состоят из слов, уже вошедших в этот язык, что и зафиксировано их сочетанием с персидско-таджикскими словами других надписей. Априорно можно заключить, что в персидско-таджикский язык вошли все имеющиеся в монетных надписях термины («'адли», «фулус», «динар»), что и подтверждается то прямым сочетанием с персидско-таджикскими словами (например, «ним динар», «ду динар», «йак динар»), то опосредованным («'адли» через «фулус», «фулус» же есть вместе с «йак динар» и т. д.). Поэтому даже в тех редких случаях, когда надпись грамматически и является арабской (например, «динар ал-фулус»), она все же была понятна местному жителю, не знавшему арабского языка.

Победа персидско-таджикского языка в надписях медных монет Мавераннахра XV — первой четверти XVI в.— важнейшая примета времени. Забегая вперед, можно сказать, что ее определило в конечном счете максимальное за всю историю средневековой Средней Азии развитие товарно-денежных отношений, причем преимущественно мелкотоварного производства и розничной торговли товарами широкого потребления. А на этом уровне торговли основным средством обращения были медные монеты. Поэтому все перемены в чекане и обращении медных монет важно было довести до сведения рядового городского и сельского населения на том языке, который все знали и пони-

мали. Частные прецеденты подобного рода были и раньше. Например, в XIII в., в пору хозяйственной разрухи после монгольского завоевания, когда население отказывалось пользоваться такими монетами, как медные посеребренные дирхемы, в Самарканде попытались сначала «уговорить», а потом подействовать и угрозами: эти «уговорные» и угрожающие надписи должны были понимать все, поэтому они также были не на арабском языке, а на языках местного населения: персидско-таджикском и тюркском [58]. Тогда это был эпизод, а в XV — первой четверти XVI в. это была настоящая победа. Но объединяет их тот безусловный факт, что надписи не были «нейтральными», они призваны были помогать реализации монетной политики в конкретных экономических условиях.

Краткую общую характеристику надписей медных монет и надчеканов завершим перечнем наименований монетных дворов, повторим их в арабской графике (учитывая разные варианты монетных начертаний) и сопроводим комментарием. Оговорим, что пока некоторые монетные дворы известны только по надчеканам.

Вот алфавитный перечень местных, т. е. мавераннахрских монетных дворов, работавших на протяжении XV — первой четверти XVI в. или на отдельных отрезках времени в этих хронологических рамках: Ахсы, Бухара, Вабкана, Вахш, Замин, Карши, Кеш (=Шахрисябз), Кабадиййан, Куфин, Куча-и Малик, Миййанкал, Наванд, Наубазар, Отрар, Парак, Сабран, Самарканд, Ташкенд, Термез, Урду, Хисар, Хутталян, Чаганиййан, Шаудар, Шахрисябз (=Кеш), Шахрухиййа, Шираз.

اخسی بخارا وبکنی وخش زامین قرشی کش قبادئیان کوفین کوچه‌ملك میان کال
نوند نوبازار اترار پرك صبران سمرقند تاشکند ترمذ ترمـــز اردو حصار
ختلان حطلان جغانیان شودار شهر سبز شاه‌رحیه شیراز

Из внемавераннахрских монетных дворов назовем лишь те, продукция которых (в виде монет или надчеканов) оказалась в составе кладов. Это Балх, Герат, Кашгар, Кундуз, Мерв, Ниса.

بلخ هراة کاشغر قندز مرو نیسا

Важно, что монеты, чеканенные в этих городах, оказались не в одном, а непременно в нескольких кладах, т. е. это не случайность. Причины будут рассмотрены в соответствующих главах. Города известные, сами по себе в комментариях не нуждаются [59] (кроме Кундуза, который на большом отрезке времени входил в состав Хисарского удела).

Зато некоторые из мавераннахрских монетных дворов совершенно новые, они раньше не были известны науке и отсутствуют в сводках монетных дворов О. Кодрингтона и Е. Цамбаура. Это Вабкана, Вахш, Кабадиййан, Куча-и Малик, Миййанкал, Наванд, Наубазар, Парак, Сабран, Шаудар и Шираз (самаркандский). У О. Кодрингтона не фигурирует еще и Замин, а у Е. Цамбаура — Ахсы.

Вторая группа мавераннахрских монетных дворов, наоборот, давно известна науке и учтена в сводках О. Кодрингтона и Е. Цамбаура, но для других периодов и династий, указание же на их функционирование в XV—XVI вв. при Тимуридах и (или) Шейбанидах отсутствует. О. Кодрингтон для Бухары и Карши называет только Шейбанидов, но Е. Цамбаур также и Тимуридов. С Куфином наоборот: у О. Кодрингтона — Тимуриды и Шейбаниды, у Е. Цамбаура — только Шейбаниды. Оба знают шейбанидский монетный двор Ташкенда, но не знают тимуридский чекан этого города, а с Термезом и Хутталяном — наоборот: отмечены Тимуриды, но нет Шейбанидов. Чаганиййан вовсе не числится, он фигурирует только в другом написании — Саганиййан (Саманиды, Караханиды), соответственно Тимуриды и Шейбаниды отсутствуют. Нет тимуридского чекана Шахрисябза и т. д. Неверно, с нашей точки зрения, локализован Куфин, дано только одно начертание Термеза (их два) и два — Хутталя=Хутталяна (их три).

Этот общий перечень сам по себе показывает, как много дают монеты и надчеканы в составе кладов для характеристики деятельности монетных дворов при Тимуридах и Шейбанидах и пополнения их списка. Некоторые из этих монетных дворов требуют комментария, а часть — локализации.

Ахсы. В XV—XVI вв.— крупный город Ферганы. В. В. Бартольд подчеркнул, что при Бабуре в Фергане это был второй по значению город[60]. Надчеканы Ахсы на медных монетах *зафиксированы не только в кладе, еще до того они были обнаружены* на внекладовых монетах музеев и частично опубликованы[61]. Нам известны и тимуридские и шейбанидские надчеканы (см. гл. III/2), и монеты Ахсы. В Ахсы на значительном отрезке времени Шейбаниды выпускали и серебряные монеты: выявлен чекан с именами Науруз-Ахмада (959—963 гг. х.), Пир-Мухаммада I (963—968 гг. х.), Искандара (968—991 гг. х.)[62]. О. Кодрингтон знает монетный двор при Шейбанидах по публикации А. К. Маркова. Но Е. Цамбаур Ахсы опускает: шейбанидские монеты он присоединяет почему-то к хулагуидским, а этот общий монетный двор локализует в Тохаристане под названием «Ахши» (совр. Акча), особо оговаривая, что это отнюдь не укороченное название от Ахсикета[63].

Вабкана. Это наименование монетного двора обнаружено и прочтено нами при обработке Самаркандского клада. Аналогичные надчеканы оказались и в Нурекском кладе (см. гл. III/2). Вабкана мы локализуем около Бухары. Так назывались один из туманов Бухары и селение близ города. Селение было известно географам[64] и в последующее время упоминается в разных источниках. В бухарских документах XIV в. оно названо «касаба», т. е. город; там был свой кази[65]. В документальных источниках XVI в. упоминается кишлак Вабкана и нисба Вабканди[66]. В XVI в. один из туманов Бухары носил два

названия: Камат и Вабкана[67]. Из письменных источников нам известны три начертания وابكنى وابكنه وبكند . Начертание монетное повторяет первый вариант, с буквой «йа» на конце (существенно, что этот вариант есть и в документах XVI в.— наиболее близких времени надчеканов), но с одним отличием: в надчеканах опущена вторая буква — «алиф». Поскольку в качестве наименования монетных дворов вообще на монетах обозначались не только города, но и области — и в данном случае возникает затруднение: Вабкана в надчеканах — селение или туман Бухары? Монетный двор Вабкана нам известен только по этим надчеканам.

Вахш. Это наименование монетного двора обнаружено нами при обработке Душанбинского клада, и чтение впервые опубликовано в 1965 г. Чтение в надчеканах тогда же было подкреплено впервые обнаруженными сельджукидскими серебряными дирхемами Вахша и золотыми динарами Мухаммада б. Текеша, чеканенными на этом же монетном дворе[68]. Позже накопился дополнительный материал о работе этого монетного двора[69]. Было также установлено, что надчеканы Вахша есть не только в Душанбинском, но и в Ангренском кладе[70]. Вахш — это название области в долине р. Вахшаб (южный Таджикистан), в данном случае в надчекан поместили название этой области.

Кеш, Шахрисябз. Известный и в XV—XVI вв. крупный город Мавераннахра. Привлекает внимание фактически параллельное употребление двух его названий[71]: в более раннем надчекане (тип 14) — Шахрисябз (надчекан Шахрисябза является тимуридским); в более поздних (типы 10 и 2) — Кеш (см. гл. III/2). О. Кодрингтон и Е. Цамбаур знают наименование Шахрисябз только на монетах Чагатаидов. Надчеканы типа 2 (в том числе и Кеша) произведены, вероятно, при Бабуре, когда Шейбаниды на некоторое время потеряли Мавераннахр; надчеканы типа 10 известны с датой — 906/1500-01 г. Есть и медные монеты Кеша. Нельзя не отметить, что на серебряных шейбанидских монетах XVI в. фигурирует именно Кеш, название Шахрисябз нам на них не встречалось[72].

Кабадиййан. Область и город в низовьях р. Кафирниган (южный Таджикистан). Впервые надчекан Кабадиййана обнаружен нами в составе Душанбинского клада, прочтен и опубликован в 1965 г.[73]. Надчеканы Кабадиййана типа 15 являются тимуридскими (см. гл. III/2).

Кундуз. К югу от Амударьи, в северном Афганистане. О. Кодрингтон включил Кундуз в свой список без указания династии; Е. Цамбауру источник, очевидно, не показался достоверным, у него Кундуза нет. Надчекан отнесен нами к четвертому этапу (последнее десятилетие XV в.), т. е. он является тимуридским. Кундуз в это и последующие времена (до завоевания Шейбани-ханом Хисара) входил в состав большого удела

с центром в Хисаре. Известны тимуридские медные монеты Кундуза (см. гл. VI/2), а еще до того золотые динары там были выпущены от имени хорезмшаха Мухаммада б. Текеша в начале XIII в.[74].

Куфин. Монету Куфина Х. М. Френ опубликовал еще в 1826 г., четко прорисовав, но не читая наименования монетного двора, а поиски его местонахождения сочтя бесполезными[75]. Сразу следует оговорить, что на всех впоследствии обнаруженных серебряных и медных монетах Куфина и в надчеканах на меди название этого пункта начертано одинаково: пять букв, предпоследняя буква — «йа». Сейчас о местонахождении этого монетного двора в литературе опубликованы и сосуществуют две точки зрения: одни поместили его в Хорасане (около Абиверда), другие — в Мавераннахре (около Кермине).

О. Кодрингтон счел равнозначными два начертания (с буквой «йа» и без нее), отнес к этому монетному двору чекан Тимуридов и Шейбанидов и поместил его в Хорасане, в шести фарсахах от Абиверда. Е. Цамбаур дал те же два начертания Куфина (с буквой «йа» и без нее) и присоединил еще и третье — Куфан (предпоследняя буква — «алиф» вместо «йа»). У Е. Цамбаура также речь идет о пункте в шести фарсахах от Абиверда: к этому Куфину — Куфану он отнес надчеканы на шейбанидских медных монетах, монету Ак-Коюнлу (публикация А. К. Маркова) и серебряную шейбанидскую танга 924 г. х. (публикация В. Г. Тизенгаузена). Н. М. Лавик (1966 г.), специально рассмотревший монетные дворы, выпускавшие при Шейбанидах серебряные монеты, в вопросе локализации Куфина (в одном написании, с буквой «йа») опирался на О. Кодрингтона, подразумевая описанный Якутом большой рабат в шести фарсахах от Абиверда в северном Хорасане. Ему известны четыре серебряные шейбанидские монеты, выпущенные в Куфине (Кучкунчи-хана 924 г. х., Убайдаллах-хана без даты и две впервые публикуемые им монеты Абд ал-Латифа 953 г. х.). Он отметил, что Абд ал-Латифу персидские владения не принадлежали, следовательно, монеты — свидетельство дальнейшего наступления Шейбанидов на Персию и при этом государе[76]. Куфан около Абиверда упоминают не только Якут и Мустауфи Казвини, но и более ранние географы[77]. Во всех этих источниках он фигурирует то как рабат, то как селение, то как маленький городок. Опираясь на часть этих известий, исследователи вместе с тем не прояснили два вопроса: разницу в начертании хорасанского Куфана и Куфина монет; что стало с хорасанским Куфаном к XVI в., поскольку монетный чекан и надчеканы с наименованием Куфин относятся именно к XVI в.

Относительно местоположения Куфина высказана и другая точка зрения. В. В. Вельяминов-Зернов (1859 г.) в связи с медной монетой Куфина обнаружил и привел свидетельство именно XVI в. (из Абдаллах-наме Хафиза Таныша) о существова-

нии такого пункта недалеко от Кермине, в области Миййанкал[78]. Именно с этим мавераннахрским Куфином связал В. Г. Тизенгаузен (1889 г.) опубликованную им серебряную шейбанидскую монету 924 г. х.[79]. В рецензии (1969 г.) на работу Н. М. Лавика, рассмотрев старые и новые материалы о деятельности этого монетного двора, мы пришли к следующему выводу: «Вопрос можно оставить открытым, но никаких оснований уверенно решать его в пользу хорасанского Куфина нет, в пользу же мавераннахрского некоторые данные имеются»[80].

«Некоторые данные» в пользу мавераннахрского Куфина — это контекст упоминания его в письменных источниках в связи с событиями XV—XVI вв. и комплексный анализ состава кладов. Из письменных источников можно заключить, что Куфин около Кермине был значительным пунктом. Иногда оба фигурируют как равнозначные. Абу-л-Гази описывает, как во время похода тимурида Абу-Са'ида на Хорасан его племянник занял Ташкенд и Шахрухиййу, подошел к Самарканду, а затем вступил в Куфин и Кермине[81]. Под 902/1496-97 г. Куфин упомянут Бабуром при описании междоусобиц среди Тимуридов: один из сторонников Султан-Али мирзы «пришел в Куфин и окрестные места», там его встретил и разбил передовой отряд Байсункар-мирзы[82]. После смерти Науруз-Ахмада (главы государства Шейбанидов) в зу-л-ка'да 963/1556 г. и восшествия на престол Пир-Мухаммада I его племянник Абдаллах-хан овладел Миййанкалом и Кермине, сам пошел на Шахрисябз, а одного из султанов с ордой оставил в Куфине[83]. Позже, во время одного из походов, тот же Абдаллах-хан со всем войском сделал остановку в Куфине, который крайне понравился ему своим благоустройством[84]. Еще до того, после второго раздела владений между Шейбанидами в 918 г. х., Миййанкал, Кермине и другие места отошли шейбаниду Джанибек-султану с сыновьями. Сам Джанибек-султан в 935 г. х. умер именно в Куфине[85].

Привлекает внимание, что во всех этих случаях начертание названия Куфин такое же (т. е. с предпоследней буквой «йа»), как на серебряных и медных монетах и в надчеканах на меди. Между тем хорасанский Куфан во всех источниках, в которых удалось это проверить, предпоследней буквы «йа» не имеет. Взятая изолированно, эта разница, возможно, и не была бы решающей. Но в контексте некоторых косвенных соображений она также приобретает значение. Косвенные данные следующие.

В составе упомянутых кладов медных монет, найденных на территории Мавераннахра, при большом количестве местных, мавераннахрских надчеканов надчеканы хорасанские, наоборот, единичны (Балх, Кундуз, Мерв). Но даже и эти единичные надчеканы хорасанских городов оказались в составе кладов потому, что были частью общих с Мавераннахром экономических мероприятий в условиях вхождения в одни уделы или владения

Практически надчеканы Балха и Кундуза (тип надчеканов Мерва не выяснен) однотипны с Хисаром и другими входящими в этот регион и удел более мелкими областями вроде Чаганиййана, Термеза (см. гл. III/2, табл. 2, типы 9, 18). Надчеканы Куфина того же типа 2, что и надчеканы центрального Мавераннахра, ведущим центром этого мероприятия был город Самарканд. Появление хорасанского надчекана, территориально удаленного от центрального Мавераннахра и никак политически с ним не связанного, особенно в ситуации 917—918 гг. х. (войны Бабура, Кызылбашей и Шейбанидов), представляется маловероятным. Куфин около Кермине хорошо вписывается в ареал регионального надчекана типа 2. Серебряные шейбанидские монеты, особенно 953 г. х., также скорее говорят в пользу мавераннахрского Куфина: в этом году Шейбаниды не делали похода на Хорасан. Искандар Мунши специально подчеркивал, что после смерти Убайдаллах-хана (946/1539 г.) Хорасан несколько лет был «местом безопасности и спокойствия»: первый после этого перерыва поход состоялся лишь в 957/1550 г.[86].

Единственное, по существу, затруднение при сопоставлении Куфина надчеканов (а следовательно, и монет, серебряных и медных) с пунктом около Кермине — это сама близость значительного города Кермине и тот факт, что современники под Кермине понимали не только город, но и округу[87]. Однако совершенно подобное затруднение существует и с хорасанским Куфаном: этот пункт был в округе и близ города Абиверда. Равнозначность этого затруднения для мавераннахрского Куфина и хорасанского Куфана лишает его силы аргумента в пользу обеих точек зрения.

Итак, ряд прямых и косвенных данных говорит о том, что монетный двор, выпустивший серебряные и медные монеты и производивший надчеканы на меди, размещался в XVI в. в мавераннахрском Куфине и название этого реального пункта в том же начертании (с предпоследней буквой «йа») поместили в монетные надписи.

К этому следует добавить, что хорасанский Куфан локализован, это городище Чугундор в южной Туркмении. Проведенные там раскопки жилых помещений дали два слоя: XII — начало XIII в. и XIV в.[88]. Обследование объекта убедило в том, что в IX—X вв. это был только рабат, расцвет падает на XI—XII вв., а в XV в. заселенная территория была сокращена резко, обжита была в основном его северо-западная часть, да и там застраивали лишь площади, свободные от руин[89].

К у ч а - и М а л и к. Наименование монетного двора прочтено в надчеканах; надчеканы такого типа одновременно были произведены во многих пунктах Мавераннахра (Карши, Кеш, Куфин, Самарканд, Шаудар, Шираз самаркандский). Нам представляется, что Куча-и Малик в надчеканах — это название одного из

туманов Самарканда или одноименного селения в нем (сравни: Вабкана, Шаудар, Шираз самаркандский и др.). Селение или крепость Куча-и Малик расположено западнее Самарканда, через него в рассматриваемое время проходила одна из кратчайших дорог из Самарканда в Бухару. Туман Куча-и Малик был западнее Анхарского тумана Самарканда [90] и позднее вошел в его состав [91]. Туман Куча-и Малик еще как самостоятельный фигурирует в вакф-нама 1546 г.[92].

Миййанкал. Это «остров» между Акдарьей и Карадарьей (рукава р. Зеравшан). С точки зрения административного деления вилайата Самарканда в XV—XVI вв. Миййанкал входил в два или три тумана. Основная его «верхняя» часть, примыкавшая в Акдарье, составляла самостоятельный туман, называвшийся Нимсугудским или Сугуд-и хурдским, в XVI в.— Афаринкентским [93]. Юго-западная часть Миййанкала входила в Анхарский туман. На Миййанкале были крупные населенные пункты вроде Иштихана (при Караханидах там был монетный двор) и Афаринкента [94]. В письменных источниках XVI в. Миййанкал упоминается часто. Он считался хорошим самостоятельным уделом, иногда составлял часть более крупного удела вместе с Кермине и пр. В 918 г. х., после окончательного раздела владений между Шейбанидами, Миййанкал, Кермине и пр. достались Джанибеку с сыновьями: сам Джанибек жил в Кермине, а его сын Искандар сначала в Афаринкенте, а затем (после смерти отца) в Кермине, откуда, как упоминалось выше, перебрался в Бухару после того, как был объявлен главой династии. Вместе с тем в источниках Миййанкал иногда называется округой (нахийа) в некотором отрыве от официальной территориально-административной номенклатуры. Иначе говоря, в силу своего географического местоположения с четкими границами Миййанкал воспринимался как нечто целое и именно в такой ипостаси упоминался в письменных источниках, считался уделом, основная его часть, кроме того, составляла один из туманов Самарканда (Афаринкентский). Поэтому появление этого названия в надписи надчекана не вызывает удивления, особенно при сравнении с другими наименованиями мелких пунктов или туманов крупных городов (сравни: Вабкана — туман Бухары или селение в этом тумане; Шаудар — туман Самарканда и т. д.). Целостность Миййанкала ярко подчеркивает тот факт, что там были свои меры веса, отличные от самаркандских [95].

Наванд. Это наименование впервые было обнаружено нами в надчеканах Душанбинского и Узбекон-тепинского кладов. Чтение было обосновано в 1965 г., тогда же Наванд надчеканов был сопоставлен с пунктом Навандак, фигурирующим у Бабура для времени, близкого надчекану. Бабур отнес Навандак к владениям Хосроу-шаха. Он сам останавливался там по пути из Чаганиййана, собираясь затем подняться вверх по до-

лине р. Кум-Руд (Каратагдарья). Навандак упоминается и на пути узбекских султанов из Хисара в Чаганиййан[96]. Нельзя не упомянуть, что Навандак фигурирует и в более ранних источниках. Ибн Хордадбех и Кудама в своих дорожниках считают его следующим пунктом после Чаганиййана (Саганиййана) на пути в Шуман и Вашгирд[97]. Маркварт (1938 г.) считал, что Навандак был близ Сар-и Асиййа[98]. Э. В. Ртвеладзе (1978 г.) убедительно проследил путь от Чаганиййана до Навандака и локализовал последний на конкретном городище (действительно недалеко от Сар-и Асиййа), которое местное население называет двояко: Кафыркала и Новандак (Новандак)-тепе. Городище это находится в 28—30 км от Чаганиййана (городище Бедрач), что соответствует расстоянию между Саганиййаном и Навандаком, указанному Ибн Хордадбехом (шесть фарсахов)[99]. Заметим попутно, что такая локализация хорошо отвечает ситуации, нарисованной Бабуром, у которого Навандак расположен по пути к р. Кум-Руд (Каратагдарья), но не доходя до нее.

Итак, название Навандак, упоминаемое источниками по крайней мере с IX в., сохранилось до сих пор в народной памяти. Все данные о местоположении этого пункта показывают, что он много столетий существовал, очевидно, даже на одном месте.

Нельзя обойти молчанием одно затруднение: сходство, но и различие в монетном названии (Наванд) и в названии письменных источников (Навандак, в разных начертаниях). Основа у них одна (Наванд), вариант письменных источников — «Маленький Наванд»,— так могли бы называть выселок — поселение, основанное жителями Наванда. Такая версия мешает отождествлению Наванда монетных надписей и Навандака письменных источников. Но все косвенные данные говорят в пользу отождествления. Надчекан Наванда — это тип 15 (см. гл. III/2). География надчеканов типа 15 целиком соответствует огромному уделу с центром в городе Хисаре: Термез, Чаганиййан, Кабадиййан, Вахш, Хутталян, сам столичный Хисар. Навандак письменных источников, расположенный между Чаганиййаном и Хисаром, хорошо вписывается в эту сетку. В пределах Хисарского удела нет другого пункта, который назывался бы Наванд. Допустить, что Наванд — это какое-то удаленное поселение, не входящее в удел, нельзя, так как надчекан типа 15 — именно региональное, удельное мероприятие, о чем свидетельствует перечень остальных монетных дворов и состав кладов. Можно допустить, что Навандак — народное, обиходное название (мы не входим в рассмотрение вопроса о его происхождении), а Наванд — более официальное. Открытие в Навандаке монетного двора увеличивало престиж этого пункта и могло побудить отбросить в монетной надписи уменьшительную частицу.

Наубазар. Это наименование монетного двора реконструировано по нескольким фрагментарно сохранившимся над-

чеканам, состоит из семи арабских букв, и чтение сомнений не вызывает. Правдоподобным представляется сопоставить Науба-зар с Янгибазаром (ныне г. Орджоникидзеабад Таджикской ССР): переименование персоязычных названий в тюркоязычные — известный процесс в истории позднесредневековой Средней Азии.

Парак. Такое чтение надписи надчекана было предложено М. Е. Массоном. Оно представляется допустимым палеографически и правдоподобным со всех других точек зрения. Картуш надчекана вытянут горизонтально (тип 7), чем и объясняется горизонтальная растянутость первой и третьей букв. Надпись расположена в два «этажа»: внизу первые две буквы (первая — в виде вытянутой вдоль всего картуша скобки, вторая — в обычном для буквы «ра» начертании монетного почерка этого времени); вверху буква, начертание которой несколько похоже на куфическое (из-за необходимости горизонтально ее вытянуть): ее предпочтительное чтение — «каф» (менее вероятно — «дал»). Парк, или Парак,— более древнее (иранское) название р. Чирчик. В. В. Бартольд отметил, что тюркское Чирчик появляется только в эпоху Тимура, но старое продолжает употребляться книжными людьми: в «Абдаллах-нама» Хафиза Таныша (XVI в.), например, чаще Чирчик, но встречается и Парак, оба названия есть в «Тарих-и Рашиди» Мухаммад Хайдара и т. д.[100].

Название реки, естественно, не могло стать названием монетного двора. Но в долине р. Парак в XV—XVI вв. было одноименное селение или городок. В этом убеждают следующие данные. До настоящего времени существует селение Паркент (районный центр Ташкентской области). При археологическом обследовании обнаружено, что на его территории, на левом берегу Паркентсая, расположено городище значительных размеров с цитаделью (подъемный материал от первых веков н. э. до позднего средневековья) [101]. Правдоподобно допустить, что это селение носило одно название с рекой и в предшествующее время, что находит опору в источниках. Исследователи уже сопоставляли с нынешним селением Паркент два названия (Фарункат и Барскат) арабских географов, восходящие, очевидно, к одному и тому же городу [102]. Еще более существенны свидетельства Васифи, хронологически близкие рассматриваемым надчеканам. Согласно Васифи, один из литературных маджлисов происходил при дворе шейбанидского удельного владетеля Ташкенда Кельды-Мухаммада (931—939 гг. х.) «в городе (округе?) Парак, который — одно из мест летовки его величества» [103]. Однажды тот же Кельды-Мухаммад «из летовки города (округи) Парак отправился в столичный Ташкенд» [104]. В обоих случаях перед названием Парак стоит слово «балад», которым обозначали округу, область и город. В монетном чекане XV—XVI вв. это слово стоит перед собственным наименованием монетного двора и означает скорее округу, чем город (см. выше).

В любом случае, подразумевал ли Васифи город Парак (как базу летовки) или округу Парак (с одноименным городом или селением), это наименование уже годилось для того, чтобы им обозначить в надчекане монетный двор [105].

Вывод этот прекрасно подтверждают вакфные грамоты XV—XVI вв., изданные О. Д. Чехович. В них Чирчик называется Фарак (дарйа) [106]. Некий пункт Фаркат, в который идет дорога общего пользования, упоминается в прижизненных грамотах Ходжи Ахрара, составленных до 1590 г.[107]. Административное значение этого пункта разъяснено в вакфной грамоте 953/1546 г.: это касаба Фаркат (т. е. город), к которому относятся села и местности [108]. Последнее свидетельство позднее Васифи и убедительно конкретизирует рассмотренные выше данные из его мемуаров, фиксируя также сосуществование двух форм: Парак — Фарак и Парак+кат — Фарак+кат.

В пользу чтения «Парак» в надчеканах и предложенной локализации говорит и тот факт, что надчеканы Парака обнаружены именно в Ангренском кладе — это местные надчеканы. Не менее существен и количественный показатель (см. гл. III/2): надчекан типа 7 сейчас известен для пяти монетных дворов в составе Ангренского клада и «кладов» II—V, но из них многочисленны надчеканы только Самарканда (зарегистрированы 38) и именно Парака, т. е. местные (зарегистрирован 21).

Ш а у д а р. Монетный двор не мог быть известен О. Кодрингтону и Е. Цамбауру, хотя еще в 1896 г. А. К. Марков опубликовал несколько монет с надчеканами, в надписях которых наименование монетного двора не было им прочтено, но было хорошо прорисовано: и это — Шаудар [109]. Нам эти надчеканы встретились в составе Самаркандского, а потом и Нурекского кладов. Отождествление этого наименования с одним из туманов Самарканда сомнений не вызывает. К югу от Карадарьи и Зеравшана (до гор) были два тумана — Анхарский и Шаударский, граница между которыми проходила примерно по меридиану Самарканда. Шаударский туман был восточным, прилегал к пригородам Самарканда и к р. Заравшан (вплоть до ее верховьев). Бабур с большой похвалой отзывался об этом тумане, особо восхищаясь приятным воздухом, обилием воды и дешевизной продуктов [110]. В тумане пока неизвестны одноименные селение или городок. В качестве наименования скорее всего фигурирует название тумана.

Ш и р а з. Наименование прочтено в надчеканах; надчеканы такого типа одновременно были произведены во многих пунктах. Мавераннахра (Карши, Кеш, Куфин, Куча-и Малик, Самарканд, Шаудар), следовательно, Шираз не город Ирана, а тот пункт, который находился в четырех фарсахах к северо-востоку от Самарканда. Это селение, по преданию, было основано Тимуром, который заселил его преимущественно пленными ширазцами. Селение дало название одному из туманов Самарканда и бы-

ло главным в этом тумане в течение многих столетий [111]. В рассматриваемое время селение Шираз было укреплено, управлял крепостью даруга [112]. В Ширазе использовались свои меры веса (упоминается ширазский ман [113]). Чтение надписи надчекана и локализация Шираза не вызывают сомнения, так как в туманах Самарканда известны и другие монетные дворы, производившие надчеканивание.

2. Термины «фулус», «'адли», «динар» и «динар кебеки», «данги» в монетных надписях и вопрос о названии основного номинала

Изучение монетных терминов убедило в том, что они, как правило, полисемантичны. Даже на одном отрезке времени и в рамках одного государства термины бывали многоликими. Один и тот же термин мог означать монеты разных металлов, а если монеты одного металла, то разного или любого достоинства. Термин мог иметь самый общий смысл и одновременно какой-либо частный, разные или частично совпадающие значения в разных государствах и т. д. Терминология менялась во времени: одни термины исчезали из употребления совсем или временно, у других появлялись частично или полностью новые значения, происходили новые терминологические заимствования. Все это упомянуто для того, чтобы подчеркнуть: конкретно-историческое исследование терминов в заданных хронологических и территориальных рамках даст надежные результаты, если будет базироваться преимущественно на местных источниках. Такой подход, конечно, сужает источниковедческую базу, зато гарантирует от необоснованных экстраполяций и открывает возможность выявления смысловой вариантности или смыслового единства как в диахроническом, так и в синхроническом разрезе.

Для конкретно-исторического изучения терминов, относящихся к обращению медных монет на территории Мавераннахра в XV — первой четверти XVI в., есть два вида местных источников: надписи самих мавераннахрских монет и разного рода юридические документы и сочинения. Существенным подспорьем являются некоторые неместные источники в тех случаях, когда их показания вписываются в рамки выводов, построенных на источниках местных. В частности, небесполезно и оправдано привлечение надписей тех хорасанских монет, которые оказались в составе кладов, найденных на территории Мавераннахра, т. е. не чуждых денежному обращению этого региона. Однако сразу нужно оговорить, что вхождение Хорасана и Мавераннахра в состав одних и тех же государственных образований (Тимуридов и Шейбанидов) отнюдь не дает права механически считать значение изучаемых терминов одинаковым в

двух этих регионах особенно потому, что речь идет о медных монетах: черты различия могли существовать и существовали как в силу самостоятельных традиций двух регионов, так и в силу различной монетной политики правительства в Хорасане и Мавераннахре.

В надписях монет Мавераннахра четыре рассматриваемых термина зафиксированы как изолированно, так и в разном сочетании друг с другом. Юридические документы также требуют комплексного рассмотрения.

Не встречает затруднений выяснение значения термина فلوس «фулус» (мн. ч. от слова «фалс»). В справочной литературе этот термин рассматривается, но даже вскользь не упомянуто его употребление в государствах Тимуридов и Шейбанидов XV—XVI вв. В авторитетном справочнике «Wörterbuch der Münzkunde» (1930 г.) статья о фалсе написана Р. Фасмером, который отметил самостоятельное использование этого термина во множественном числе: так обозначаются медные монеты персидских шахов и эмиров Бухары, стоит это слово и на медных монетах Великих моголов. Р. Фасмер правильно предположил, что слово «фулус» у неарабских народов этого времени потеряло, кажется, свое значение множественности. Употребление термина в тимуридском и шейбанидском государствах, проставление его на самих медных монетах Мавераннахра и Хорасана в XV—XVI вв. даже не упомянуто[114]. Для нового издания «Энциклопедии ислама» (т. II, 1965 г.) статью о фалсе написал А. Л. Удович; после статьи Р. Фасмера прошло 35 лет, но в статье А. Л. Удовича не появилось никаких сведений об употреблении и значении термина «фулус» в монетном деле и денежном обращении XV—XVI вв. в государствах Тимуридов и Шейбанидов[115]. Между тем за этот промежуток времени был накоплен и опубликован значительный материал для заключения: термин «фулус» связан был с медным чеканом Тимуридов и Шейбанидов, не имел значения множественности, не служил наименованием медной монеты какого-либо определенного номинала, мог быть приложен к любой медной монете любого достоинства и означал лишь, что эта монета — медная, медяшка. Сравнительный анализ монетных надписей и денежных описаний в юридических документах убедил, кроме того, в двояком употреблении этого термина: употреблялся он самостоятельно, не давая представления о достоинстве монеты, но утверждая, что это — медная монета; употреблялся он в сочетании с другими терминами, подчеркивая, что за последними опять же стоит медная монета. Эти выводы по материалам конца XV—XVI в. были обоснованы в 1953 г.[116]. С тех пор накопился дополнительный материал из монетных надписей и других письменных источников.

Решающим доказательством консервации множественного числа (фулус) в смысле обобщенного названия медной монеты

является сам факт наличия этого слова в монетных надписях. В 832/1428-29 г. оно появляется на пореформенных монетах Улугбека (см. гл. V/1), когда работали многие монетные дворы (Бухара, Самарканд, Андиган, Ташкенд, Шахрухийа, Қарши, Хутталян), и потом сохраняется в серийном выпуске Бухары (с неизменной датой — 832/1428-29 г.). Оно остается в надписях мавераннахрских монет тогда, когда серийный выпуск Бухары снова дополняется чеканом других городов: это монеты Хутталяна 852/1448-49 г., Самарканда и Шахрухийи 854/1450-51 г. Следующая группа мавераннахрских монет с термином «фулус» в надписях относится уже к началу XVI в., с точки зрения династийной эти монеты являются шейбанидскими (описание типов в гл. II/2): Бухара типа 10 (даты: 9.8, 91. гг. х.; 913/1507-08 г.) и типа 11 (даты: 912/1506-07 и 914/1508-09 гг.), Самарканд типа 18 (910/1504-05 г.) и типа 20 (914/1508-09 г.).

На разногородних тимуридских монетах 832—854 гг. х. термин «фулус» сочетается с термином «ʿадли», на шейбанидских монетах Самарканда 914 г. х.— с термином «динар» (значение этих сочетаний будет рассмотрено ниже). Самостоятельно термин «фулус» проставлен на монетах Бухары типов 10 (9.8, 913, 91. гг. х.) и 11 (912, 914 гг. х.), а также Самарканда типа 18 (910 г. х.).

Привлекает внимание тот факт, что на монетах Бухары и Самарканда, на которых термин «фулус» — единственный, в монетных надписях он определен словом «балад» или «балдат». Порядок чтения монетных надписей не всегда определить просто, но в данных случаях надписи с термином «фулус» расположены на л. ст. по сторонам центрального картуша, так что порядок слов только один: فلوس بلد . В зависимости от понимания значения слова «балад» (см. гл. I/1) такое сочетание означает: «медная монета города (области)», «городская (областная) медная монета». Решающим же доказательством того, что термин «фулус» не был названием медной монеты одного номинала, является тот факт, что термин этот входит в состав надписей медных монет по крайней мере двух достоинств. Ниже (гл. IV/2) будет приведен пример из вакф-нама, когда термином «фулус» названы медные монеты в одну шестую часть основного номинала.

Следовательно, в пору, когда выпускали монеты двух или нескольких достоинств, называя сумму в фулусах, предпочтительнее было уточнить, какие именно фулусы имелись в виду. Уточнения эти и производились, причем различно. На самих монетах термин «фулус», как будет видно, уточнялся терминами «ʿадли» и «данги». В юридических документах термин «фулус» также уточнялся различно, в том числе и термином «данги»[117]. Особенно замечателен случай, когда достоинство фулусов в вакф-нама[118] определено описанием веса этих медных монет.

Вместе с тем в письменных источниках, даже в юридических документах, термин «фулус» употребляли и без уточнения достоинства названных медных монет. Например, в вакф-нама от первого рамазана 868/1464 г. в пользу мавзолея Хавенд Султан-бика в Самарканде вознаграждения разным лицам назначены в медных монетах, которые названы просто «фулусами, имеющими обращение в данное время»[119]. Иначе говоря, если в быту или в письменных источниках фулусы назывались без конкретного определения достоинства, современники подразумевали в этих случаях основной номинал.

Следует упомянуть, что термин «фулус» есть и на хорасанских монетах, оказавшихся в составе кладов, найденных на территории Мавераннахра. Таковы монеты Балха, Герата и Мерва нескольких типов. На них термин «фулус» проставлен то изолированно, то в сочетании с терминами «данги» и «динар».

Подводя итог, можно заключить, что монетные надписи демонстрируют три варианта использования этого термина: изолированное; в качестве объекта, определяемого другими терминами («ʻадли», «данги»); в качестве эпитета, определителя, характеризующего и конкретизирующего другие термины (например, термин «динар»). Сразу отметим (не приводя пока конкретных примеров), что и в документальных источниках XV—XVI вв. зафиксированы те же три варианта использования термина «фулус», что и в самих монетных надписях.

Выяснение конкретного значения в XV—XVI вв. терминов «ʻадли», «динар» и «данги» значительно сложнее. Они связаны между собой, и формы их связи как в монетных надписях, так и в документальных источниках различны. Значение их может быть понято лишь при комплексном изучении, однако этому следует предпослать изолированное рассмотрение и группировку материалов из источников, что облегчит последующее сравнение. Сразу следует оговорить, что некоторые свидетельства юридических документов не являются источником, проясняющим значение терминов; они, наоборот, сами требуют истолкования.

Все три термина встречаются в надписях медных монет Мавераннахра и в надчеканах на них. По имеющимся в нашем распоряжении материалам можно заключить о некоторой хронологической последовательности появления терминов на монетах, а также о сосуществовании на определенных отрезках времени. Относительная хронология такая: сначала термин «ʻадли», затем «данги», а уж потом «динар». Изолированное рассмотрение материалов начнем с раннего, т. е. с термина «ʻадли».

К термину «ʻадли» мы уже обращались в 1965 г. Опираясь на монетные надписи 823—852 гг. х., свидетельства Наршахи (X в.) и неопубликованной тогда вакфной грамоты раби‘ II 894/1489 г. Ходжи Ахрара, мы пришли к заключению, что термин этот мог удостоверять добротность любой монеты, но в

XV в. применительно к медным монетам употреблялся в качестве названия сначала основного номинала, потом претерпел некоторую инфляцию и стал обозначать медную монету меньшего достоинства (возможно, медную монету в одну шестую часть основного номинала) [120]. Располагая сейчас новыми материалами, мы получаем возможность более детально рассмотреть значение этого термина и его эволюцию в XV в.

Термин «'адли» сейчас зафиксирован нами в надписях медных монет Андигана, Бухары, Карши, Отрара, Самарканда, Термеза, Хорезма, Хутталяна, Шахрисябза, Шахрухиййи в пределах 817—854 гг. х.: 817/1414-15 г. (Бухара, Самарканд); 818/1415-16 г. (Андиган, Бухара, Отрар, Самарканд); 819/1416-17 г. (Андиган, Самарканд, Шахрисябз, Шахрухиййа); 823/1420 г. (Бухара, Карши, Самарканд, Термез, Хорезм, Шахрисябз, Шахрухиййа); 832/1428-29 г. (Андиган, Бухара, Карши, Самарканд, Термез, Шахрухиййа); 852/1448-49 г. (Хутталян); 854/1450-51 г. (Самарканд, Шухрухиййа) [121].

На монетах 832—854 гг. х. термин «'адли» проставлен вместе с термином «фулус», причем таким образом, что возможен только один порядок чтения: فلوس عدلية . Такое словосочетание делает понятной грамматическую форму термина «'адлиййа» — женский род относительного прилагательного «'адли» после неправильного множественного числа (термина «фулус»). На всей ранней группе медных монет (817—823 гг. х.) «'адлиййа» стоит изолированно, но в той же грамматической форме, убеждая нас, что отсутствующий в этих случаях термин «фулус» подразумевался. В обоих случаях термин «фулус» — «медная монета» (любая) является объектом определения: эти фулусы — 'адли.

Термин «'адли» в форме «'адлиййа» зафиксирован и в надчекане: проставлен он в квадратном картуше изолированно (как и на части монет), т. е. слово «фулус» подразумевается. Иначе говоря, надчекан утверждает, что надчеканенная монета — это «[медная монета] 'адли». Место (места?) производства этого надчекана пока не установлено, время — последнее десятилетие XV в. или несколько раньше. Между поздним примером употребления термина на монетах (854/1450-51 г.) и употреблением его в надчекане — несколько десятилетий, но термин на протяжении этих десятилетий жил, использовался, ибо иначе его значение было бы забыто.

Если эти надписи «медная монета 'адли» и «[медная монета] 'адли» рассматривать без привлечения каких-либо других данных, допустимы два толкования. Можно счесть, что слово «'адли» просто подчеркивает общую добротность, «правильность» монеты. Правда, возникает сомнение в связи с тем, что для этой цели на монетах всех металлов употребляли обычно и часто прилагательное عَدِل «'адил», не прибегая к форме относительного прилагательного; присутствует этот термин и на мед-

ных монетах (особенно часто в надчеканах) XV—XVI вв. Другое толкование — термин «'адли» в качестве названия определенных, конкретных фулусов, а именно — основного номинала. Второе толкование находит опору прежде всего в более ранних письменных источниках и монетах, которые показывают, что термин был использован именно в этом качестве.

В «Тарих-и Бухара» Наршахи в конце главы о чеканке монет в Бухаре есть интересная для наших целей фраза, приводим ее перевод, опираясь на два издания Резави и Новобухарскую литографию 1904 г.[122]: «В Бухаре каждый из Саманидов и из других падишахов после Саманидов чеканили много 'адли и [123] пашиз». Краткость сообщения объясняется тем, что «в этом не было ничего удивительного». Наршахи ли в середине X в. что-то написал о чекане монет 'адли и пашиз при Саманидах, а переводчик-редактор Кубави в 1128 г. добавил, что чеканка таких монет продолжалась и после Саманидов (т. е. при Караханидах), или эта фраза целиком принадлежит Кубави — в данной связи не имеет значения. Мухаммад б. Зуфар в 574/1178-79 г., возможно, сократил этот пассаж, но во всяком случае не убрал его, т. е. свидетельство о чеканке 'адли и пашиз при Караханидах не показалось ему противоречащим реальной ситуации. Так или иначе, процитированная фраза из «Тарих-и Бухара» не оставляет сомнений в том, что при Саманидах и Караханидах 'адли и пашиз чеканили и это было обыденно и неудивительно.

В пассаже о монетах 'адли и пашиз не назван их металл. Н. Лыкошин и Р. Н. Фрай справедливо решили, что речь идет о медных монетах. 'Адли и пашиз — это названия фалсов двух достоинств. Действительно, при Саманидах чеканили медные монеты двух достоинств, различавшиеся размером, весом. Порядок упоминания двух терминов убеждает в том, что 'адли — название основного номинала, фалсов крупного размера (22—25 мм), которые выпускали в большом количестве. Мелкие же монеты Саманидов были кратными основного номинала, выпускали их (как всякие кратные) не столь регулярно, в меньшем количестве и называли пашиз. Караханидские фалсы с точки зрения масштаба цен еще не изучены, но сообщение Кубави не оставляет сомнений, что кроме основного номинала среди караханидских фалсов будут обнаружены монеты меньшего достоинства — пашиз.

Монетки в половину пашиз («ним пашиз») упоминает Бейхаки [124] под 431/1039-40 г. в контексте («переменчивый мир сей не стоит и половины пашиз»), который не оставляет сомнений, что речь идет о ничтожной монетке («полушке» — в образном переводе А. К. Арендса) [125].

Поскольку слово «'адли» использовалось в X—XII вв. в качестве названия основного медного номинала, это позволяет допустить, что в XV в. в монетных надписях «медная монета 'ад-

ли» и «[медная монета] ‘адли» слово это имеет такое же значение. Однако простая экстраполяция все же не является надежным доказательством, если не имеет какой-либо дополнительной опоры. Дополнительной опорой является использование термина «‘адли» в документальных источниках XV в. Однако только в одном из известных нам документов XV в. термин «‘адли» занимает такую позицию, которая заставляет считать его названием или определением конкретной монеты, во всех прочих его значение, наоборот, требует дополнительного истолкования [126].

Мы уже публиковали и рассматривали фразу из вакфной грамоты Ходжи Ахрара раби‘ II 894/1489 г., содержащую указания о денежных вознаграждениях и расходах: «Имаму и муаззину этой мечети ежедневно выдается по одному динару, [другому] муаззину — полдинара, каждому хафизу ежедневно по одному динару, а для освещения свечами ежедневно один ‘адли» [127]. О. Д. Чехович, в 1974 г. издавшая с блестящим источниковедческим и текстологическим анализом целую серию документов Ходжи Ахрара, этот фрагмент перевела несколько иначе (опираясь, очевидно, на более поздний список, конца XVIII в., в котором фигурируют один имам и один муаззин), внеся конъектуру (мы возьмем ее в квадратные скобки); согласно условию вакфодателя «имаму и муаззину этой мечети ежедневно выдавали: [имаму] — один динар, а муаззину — полдинара, и каждому чтецу Корана ежедневно по одному динару; а для возжигания свечей ежедневно по одной ‘адли» (в списке конца XVIII в.— по четыре ‘адли) [128]. Не вызывает сомнения, что фраза эта в обоих списках имеет дефекты, но при любом понимании в ней фигурируют динар, половина динара, ‘адли [129], иначе говоря, четко упоминаются два названия: динар и ‘адли. В Мавераннахре к этому времени (см. ниже) динаром назывался основной номинал в медном чекане. Это и дало основание предположить, что термин «‘адли» претерпел «инфляцию» и обозначал монету меньшего достоинства.

Протягивается ниточка от X—XII вв. к XV в.: использование термина «‘адли» в качестве названия или (см. ниже) определения медной монеты. Это, в свою очередь, уже обоснованно позволяет заключить, что в надписях медных монет с 817/1414-15 по 854/1450-51 г. и в надчекане термин «‘адли» фиксирует не просто добротность монет, но выступает в качестве их названия.

Возникает следующий вопрос. Если в X—XII вв. термин «‘адли» был названием основного номинала в медном чекане (кратные же имели отдельное название — пашиз), выполнял ли этот термин и в XV в. функцию столь же однозначную, и если да, то названием монеты какого достоинства он являлся?

Обратимся к самим монетам и их весу (см. гл. IV/1). В XVI в. оптимальный указный вес основного номинала в мед-

ном чекане равнялся 5,2 г. Но указный вес многократно изменялся, зафиксированный минимум — 2,8 г. Средний вес вокруг 4 г. всегда дает уверенность, что такие монеты — основной номинал. Однако средний вес выясняется надежно лишь на базе значительного количества однотипных монет. Вес отдельных экземпляров обычно плохой советчик для определения их достоинства, ибо в таких случаях не может быть уверенности, находится ли этот вес в пределах ремедиума для данного типа или являет случайное отклонение за пределы ремедиума. Все эти соображения особенно существенны для конца XV — первой четверти XVI в., когда масштаб цен в медном чекане был развит. Ситуация первой половины XV в. несколько иная. Все однотипные монеты 832/1428-29 г. (вне зависимости от их индивидуального веса) всех городов являются основным номиналом: это пореформенные монеты Улугбека (см. гл. V/1—2). Основным номиналом являются монеты всех городов до 854 г. х., тут тоже сомнений нет. Ранние из дореформенных монет Улугбека за 817—819 гг. х. известны в небольшом числе экземпляров. Однако реальный вес этих немногих монет, не позволяя выявить средний вес каждого типа, все же (с учетом их размеров и толщины) позволяет считать их именно основным номиналом.

Сюрприз преподносят монеты 823/1420 г., этот год представлен двумя типами. Монеты одного типа (тип 6 Самарканда, тип 2 Бухары) были чеканены на многих монетных дворах (Бухара, Карши, Самарканд, Термез, Хорезм, Шахрисябз, Шахрухийа), дошли в значительном числе экземпляров, показывающих большой диапазон весовых колебаний. Гистограмма веса дает вершину, т. е. средний вес на 4,4 г, но отклонения в обе стороны столь значительны, что мы вынуждены заключить: в то время точности веса не придавали такого значения, как позже, особенно с конца XV в. Тем не менее гистограмма не оставляет сомнений, что монеты этого типа — основной номинал. Есть еще один тип 823 г. х., представленный чеканом Самарканда (тип 7 Самарканда), но нам известен только один экземпляр этого типа. Вопрос о достоинстве монет этого, второго типа 823 г. х. на основании одного экземпляра не может быть решен уверенно. Вес (2,17 г) находится в крайних пределах весовых колебаний монет первого типа, но вместе с тем может рассматриваться и как половинка их среднего веса (4,4 г.). Относительно небольшие размеры (18 мм) говорят скорее в пользу того, что этот второй тип является не основным номиналом, а кратным, хотя среди монет и первого из двух типов встречаются маленькие экземпляры. Иначе говоря, надежное определение достоинства монеты по весу и размеру требует массового материала или хотя бы нескольких монет.

Эта единственная пока монетка небольшого размера и веса, отличающаяся типом от основной массы монет этого года (823 г. х.), но содержащая в своей надписи термин «'адлиййа»,

заставляет сформулировать два ниже следующих предположения.

Если дальнейшие находки покажут, что два типа монет Самарканда 823 г. х. со словом «'адлиййа» — хронологически последовательный чекан, когда один тип сменяется другим в рамках одного номинала — слово «'адлиййа» в свете изложенного выше предстает однозначным, т. е. названием монет основного номинала. Предположение о выпуске монет двух типов на протяжении одного года само по себе отнюдь не фантастично; конец XV — начало XVI в. оставили много примеров, когда за один год тип монет в рамках одного номинала изменялся даже несколько раз (особенно в Самарканде). Если же дальнейшие находки подтвердят в данном случае более основательное допущение, что рассмотренные два типа монет 823 г. х.— монеты двух разных достоинств, станет ясно, что термин «'адли» (как и большинство монетных терминов) применительно к медным монетам имел два значения, одно — общее и другое — частное: термином «'адли» могла быть названа любая медная монета (подобно термину «фулус»), вместе с тем он служил собственным названием (как в X—XII вв.) для монет одного определенного достоинства (в первой половине XV в.— основного номинала). Практически это означало следующее понятное современникам разграничение. Если называлась какая-то определенная сумма 'адли — современникам было понятно, что это сумма монет основного номинала. Если же подразумевались монеты иного достоинства — это нужно было оговорить. Предположение о двух (общем и частном) значениях термина «'адли» не праздное, о чем свидетельствуют аналогии. Приведем одну — значение термина «танга» в XVI в. Общее значение этого термина в государстве Шейбанидов — любая серебряная монета; частное значение — название основного номинала в серебряном чекане. Поэтому в юридических документах танга описывалась так, чтобы не могло быть разных толкований относительно ее достоинства: указывался ее вес, курс через медные монеты и т. д. В подавляющем большинстве юридических документов фигурирует основной номинал, но серебряные монеты — кратные (в две трети основного номинала и в два номинала) также названы танга [130]. В быту же и в письменных источниках иного рода термин «танга» без дополнительных характеристик воспринимался как основной номинал.

К термину «'адли» мы еще дважды вернемся в связи с терминами «динар» и «данги».

О термине «динар» написано много, но его конкретно-историческое значение в XV—XVI вв. в Мавераннахре и Хорасане оставалось невыясненным долгое время [131]. В. В. Бартольд знал, что в начале XVI в. динарами могли называться в Туркестане медные деньги. Об этом он писал в своей статье «Туман» [132] (посмертно изданной в четвертом томе «Энциклопедии исла-

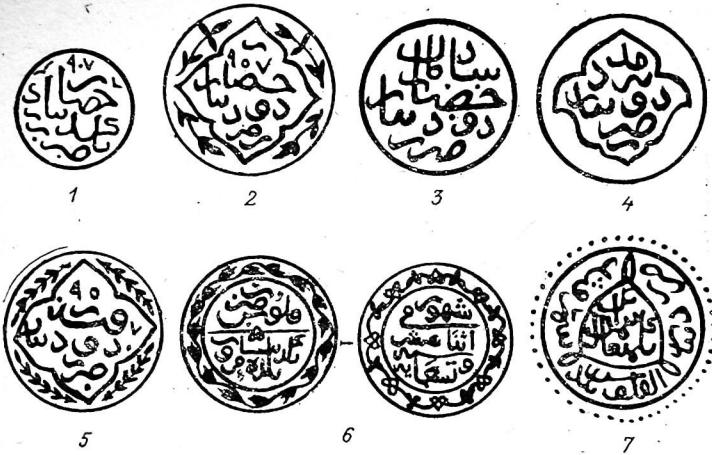


Рис. 2. Монеты с термином «динар» в надписях: 1, 2, 3— Хисар 907/1501-02 г.; 4— Термез 907/1501-02 г.; 5— Кундуз 907/1501-02 г.; 6— Мерв 912/1506-07 г.; 7— Самарканд 914/1508-09 г.

ма»), опираясь на два свидетельства: Бабура о расходах на войско в Хисаре и вакф-нама первой четверти XVI в. в пользу медресе Шейбани-хана в Самарканде. С тех пор накопился большой и разнообразный материал об этом термине как названии медной монеты в Мавераннахре XV—XVI вв.[133].

Ключ к пониманию и надежному осмыслению этого термина — прежде всего сами монеты, монетные надписи. Нам удалось обнаружить термин «динар» в надписях монет разных городов и за разные годы первого десятилетия XVI в. и в надчеканах этого же времени на медных монетах при изучении неопубликованных монет и кладов. Сравнение с публикациями показало, что некоторые из подобных монет с термином «динар» в надписях уже были изданы, но их публикаторы это самое важное слово монетных надписей не прочли. Впервые монеты с этим термином на основании небольшого числа неопубликованных экземпляров мы издали в 1950 г.[134], с тех пор накопился значительный материал.

Сейчас нам известны следующие монеты двух достоинств с термином «динар»: Хисар 907/1501-02 г. (один динар); Хисар, Кундуз, Термез 907/1501-02 г. и однотипные монеты этих трех городов без дат (два динара); Мерв 912/1506-07 г. (один динар); Самарканд 914/1508-09 г. (один динар). На монетах Мерва и Самарканда термин «динар» в надписях проставлен вместе с термином «фулус», в этих случаях особенно существенно

Таблица 1

Термин «динар» в монетных надписях

№ п/п (рис. 2)	Город, год хиджры	Надпись с термином «динар»
1	Хисар, 907	ضرب حصار يكدينار
2	Хисар, 907 и без даты	ضرب حصار دو دينار
3	Хисар, 907 и без даты	ضرب حصار شادمان دو دينار
4	Термез, 907 и без даты	ضرب ترمذ دو دينار
5	Кундуз, 907 и без даты	ضرب قندز دو دينار
6	Мерв, 912	ضرب بلده مرو يكدينار فلوس
7	Самарканд, 914	ضرب دينار الفلوس سمرقند

определить правильный порядок взаиморасположения этих двух слов. Одно чтение бесспорно — на монетах Самарканда 914 г. х.; надпись расположена вне картуша по кругу, термин «фулус» выступает в ней как определение термина «динар». Такое функциональное назначение термина «фулус» (а следовательно, и его местоположение в надписи — после слова «динар») подтверждают и многочисленные денежные описания в юридических документах (об этом см. ниже).

Мы не приводим в данной связи полного описания всех названных типов монет (тем более что часть их описана в гл. II/2—3: типы 2—4 Хисара и тип 20 Самарканда), достаточное представление дают графическая реконструкция их типов (рис. 2) и табл. 1, где сведены надписи с этим термином [135].

Сразу следует оговорить, что термин «динар» в перечисленных монетных надписях выступает как собственное наименование основного номинала: об этом свидетельствует соответствие монетных надписей и среднего веса самих монет, об этом же говорит тот факт, что в надписи подчеркнуто количество динаров, которые представляет соответствующая монета («один динар», «два динара»).

Надчекан на медных монетах содержит надпись «'Адил. Ним динар», т. е. «[Монета] правильная. Половина динара». Эта надпись также свидетельствует о том, что динар — название ос-

новного номинала, достоинство же надчеканенных монет — половина основного номинала. Надчеканы эти произведены в последнем десятилетии XV в. либо в первом десятилетии XVI в. (см. гл. III/5).

Термин «динар» в надписях медных монет и в надчеканах на медных же монетах — неопровержимый документ, свидетельствующий о том, что в Мавераннахре (Самарканд, Хисар) и в северном Хорасане (Мерв) его судьба уже была прочно связана с медью. Но эти «документы» охватывают слишком короткий отрезок времени, хотя и принадлежат двум династиям: Тимуридам и Шейбанидам. Каков же хронологический диапазон употребления в Мавераннахре этого термина для обозначения медных монет?

На этот вопрос отвечают другие документы — юридические (вакф-нама, купчии и пр.), более ранние и более поздние. Начнем с последних. В документах XVI—XVII вв. при Шейбанидах и Джанидах курс серебряных монет очень часто выражен через монеты медные, которые почти во всех случаях названы динарами (как правило, без дополнительных характеристик) [136]. Когда же в документах разные расчеты произведены медными монетами, т. е. последние фигурируют самостоятельно, они каким-либо образом описаны, чтобы в последующем не возникло споров и недоразумений. Например, в вакфной грамоте первой четверти XVI в. в пользу медресе Мухаммада Шейбани-хана лицам, связанным с объектом одарения, предусмотрены выплаты в динарах; динары эти подробнейшим образом описаны: сказано, что они медные (динар-и фулус), а их достоинство зафиксировано как через самые мелкие медные монетки (здесь названные фулусами: шесть штук на динар), так и через серебро (20 медных динаров = мискалу чистого серебра) [137]. Динары самостоятельно фигурируют в значительном числе разного рода документов конца XVI в. из сборника, представляющего собой переписанные и переплетенные в виде книги документы по решениям одного из самаркандских кази. Большинство документов составлено в 998/1589-90 и 999/1590-91 гг. Динары в них описаны следующим образом: دينار فلوس دانكى رايجة الوقت «динар медный данги, имеющий обращение в данное время» [138].

Итак, на протяжении XVI—XVII вв. термин «динар» выполнял функцию названия медной монеты — основного номинала. В юридических документах этого времени он использовался иногда и без дополнительных определений (но обычно в контексте, который не оставлял сомнений, что речь идет о монете медной), когда же сумма называлась непосредственно в динарах, считали нужным снова и снова, несмотря на большой «стаж», подчеркнуть с помощью термина «фулус», что этот динар — медный (о втором определении динара термином «данги» см. ниже).

Мы выше, в связи с термином «'адли», уже цитировали текст

Таблица 2

Описание динаров в документах XV в.

Публикация О. Д. Чехович *			Дата	Описание динаров
№ док.	стр.	стк.		
1	52	15	джумади II 859/1454	دينار عدلى رايج الوقت
2	57	11	раби‘ I 868/1463	»
3	61	30	869/1464-65	»
4	67	31—32	зу-л-хиджа 872/1468	دينار (...) عدلى فلوس سره رايج الوقت
4	67	38—39	то же	»
6	86	13	сафар 885/1480	دينار عدلى فلوس رايجة الوقت
7	92	29	джумади II 885/1480	دينار عدلى رايج الوقت
8	97	10	сафар 887/1482	دينار عدلى فلوس رايجة الوقت
8	99	9	джумади II 889/1484	»
9	103	19	рамазан 889/1484	»

* Самаркандские документы XV—XVI вв., док. № 1—4, 6—9.

из вакфной грамоты раби‘ II 894/1489 г. Ходжи Ахрара, в котором содержатся распоряжения вакфодателя относительно вознаграждения имаму, муаззину и хафизу, оно равняется целому динару или половине динара в день. Динар не описан, но мы в свое время сочли, что подразумевалась медная монета. Монеты серебряные в этом вакф-нама обозначены термином «танга». Можно добавить, что размеры вознаграждения близки тем, что названы в вакф-нама рамазана 868/1464 г. в пользу мавзолея Хавенд Султан-бика в Самарканде[139]. В вакфных грамотах XVI в. вознаграждения лицам тех же профессий в пересчете на ежедневную норму также выражаются в медных монетах (см. «Заключение»).

Сейчас благодаря публикации большой группы юридических документов XV в., осуществленной О. Д. Чехович, мы располагаем значительно более ранними упоминаниями и описаниями динаров, причем в документах подлинных. Последнее обстоятельство существенно, ибо сводит до минимума вероятность ошибок и пропусков в денежных описаниях. Представим их в виде табл. 2, что облегчит дальнейший анализ.

Описания довольно единообразны[140]. Во всех случаях указано, что динары — «имеющие хождение в данное время», и все они определены термином «'адли». В документах № 1—3, 7 за 1454, 1463, 1464—65 и 1480 гг. описания этим и ограничены: «динар 'адли, имеющий хождение в данное время». В таком описании на первый взгляд нет указания относительно металла монет. Зато все остальные описания содержат еще одно слово — «фулус», ясно указывающее на то, что динары 'адли являются медными. Если бы два типа описания (без термина «фулус» и с ним) разделял четкий хронологический рубеж, возможно, следовало бы обсудить вопрос: не является ли это свидетельством перемены значения термина «динар». Но этого рубежа нет. Два типа описаний явно сосуществуют, в чем особенно убеждает документ № 7 от 1480 г. Следовательно, выражение «динар 'адли» для современников было однозначным, это были медные монеты, можно было обходиться и без прямого определения металла монет с помощью термина «фулус». Возникает вопрос — почему: ведь термин «динар» сам по себе в XV в. широко еще употреблялся как название и серебряных монет (об этом ниже). Можно допустить, что описание динаров без термина «фулус» — просто небрежность. Опора такого допущения — та же вакфная грамота 1489 г. Ходжи Ахрара, в которой динары вовсе не описаны. Но эта опора не очень прочная, так как есть и большая разница. Мы выше отмечали ясно выраженное желание Ходжи Ахрара сохранить за собой право изменять собственные установления, поэтому некоторая внешняя неопределенность, нечеткость условий была удобна. Документы же № 1—3, 7 — это купчии, в которых небрежность при описании денег особенно неприемлема. Случайность здесь тоже исключена, ибо таких купчих — четыре (из восьми), и все — подлинники. Следует поэтому учесть совсем другую возможность: «укороченное» описание «динар 'адли» (без термина «фулус») все же содержало достаточную информацию, чтобы исключить всякие споры о металле монет.

И здесь мы снова возвращаемся к термину «'адли». Если бы он был употреблен в самом общем смысле, свидетельствовал лишь о «правильности» динара[141], динар остался бы в полном одиночестве, всякая информация о его металле отсутствовала бы. Но если термин «'адли» рассматривать как название медной монеты (см. выше) — эта информация появляется. Образуется цепочка характеристик: «[фулус] 'адли» — «фулус 'адли» (на

монетах) и «динар ʻадли» (в купчих). Привлекает внимание и следующее совпадение. Позднейшие пока монеты, в надписях которых есть термин «ʻадли», чеканены в 854/1450-51 г.; на монетах 861/1456-57 г. его уже нет. В купчей джумади II 859/1454 г. термином «ʻадли» определяется динар: термин «ʻадли», прочно в предшествующее время связанный с медью, является ясной для современников характеристикой. Представляется (об этом подробнее в гл. V/2), что именно к середине XV в. происходит «инфляция» и медных монет, и термина «ʻадли» как названия основного номинала. И в это же время появляется необходимость для обозначения основного номинала изыскать какие-то другие термины, ясные и нескомпрометированные. В надчеканах медных монет для этой цели используется очень точный термин «данги» (см. ниже), в рассматриваемых юридических документах (купчих) — «сплав» старого с новым — «динар ʻадли» и даже «динар ʻадли фулусовый». Правдоподобнее предположить, что термин «динар» в этой роли появился раньше (конкретных данных пока нет) и какое-то время использовался параллельно с термином «ʻадли», это подготовило последующую замену и «сплав» терминов.

Итак, термин «динар» в качестве названия основного номинала в медном чекане использовался в XV в. (несомненно — во второй половине XV в.) и в XVI в. (так же и в последующее время), в юридических документах безусловно требовал дополнительных характеристик, в качестве которых зафиксированы следующие: фулус, ʻадли, данги. Динар определялся одним из этих терминов или двумя сразу (вместе ʻадли и фулус или фулус и данги). Нам не встречались примеры, когда для характеристики динара одновременно и вместе использовались бы термины «ʻадли» и «данги». Само по себе это не аргумент в той мере, в какой «отсутствие» вообще не может быть аргументом. Однако в данном случае представляется возможным ниже рассмотреть некоторые соображения о том, что термины «данги» и «ʻадли» в качестве определителей динара были синонимичны.

Остается термин «динар» с еще одним эпитетом — «кебеки». Динар кебеки очень часто упоминается в разных письменных источниках, повествующих о событиях XV — начала XVI в. Долгое время считалось, что динар кебеки XV—XVI вв.— это крупная серебряная монета, получившая свое название от имени чагатаидского хана Кебека (1318—1326), начавшего их чеканку в Мавераннахре. В. В. Бартольд считал, что введенные Кебеком серебряные динары весили два золотника и впоследствии назывались его именем (вплоть до времени Тимура и Тимуридов). Из отдельных высказываний В. В. Бартольда видно, что до Тимуридов дожили, по его мнению, те самые монеты, которые отчеканил сам Кебек[142]. Когда В. В. Бартольд не писал о происхождении динаров кебеки, он все же подчеркивал, что при Тимуридах они были серебряными и весили два мискала[143],

исходя из этого веса, он и пересчитывал динары кебеки в рубли. Вместе с тем, как выше уже отмечалось, В. В. Бартольд знал и о медных динарах. Важно подчеркнуть, что В. В. Бартольд не ставил знака равенства между динарами — медными монетами и динарами кебеки.

М. Е. Массон, очевидно, был первым, кто динары кебеки счел медными монетами. В курсе лекций, которые мы прослушали в 1943 г. на кафедре археологии Средней Азии САГУ, М. Е. Массон, проанализировав монетные термины, встречающиеся в письменных источниках, заключил, что основной серебряный номинал назывался танга, четвертушка (многочисленные серебряные монетки весом в одну четвертую часть танга) называлась тангача, а динарами кебеки назывались медные монеты [144]. Вывод относительно динаров кебеки казался убедительным, ибо опирался не только на косвенные соображения, но и на такие факты, как несомненное приложение термина «динар» в известных тогда юридических документах начала и конца XVI в. именно к медным монетам. Вывод этот подкрепляли и новые данные, обнаруженные нами: многочисленные юридические документы (особенно вакф-нама 1489 г., т. е. уже и XV в.) и термин «динар» в надписях самих медных монет (особенно рубежа двух столетий).

Хондемир в «Хабиб ас-сиййар» коротко описал денежную реформу Шейбани-хана, провозглашенную сразу после взятия Герата в мухарраме 913/1507 г.: в этом описании фигурируют тангача и динары кебеки и указано, что до реформы одномискалная тангача равнялась шести динарам кебеки [145]. Динары кебеки этого описания мы сочли медными, а тангача (опираясь на вывод М. Е. Массона) — четвертушками основного серебряного номинала [146]. Оба отождествления хорошо вписывались в свидетельство Хондемира. Получалось, что одномискалная танга (основной серебряный номинал) равна четырем тангача по шесть медных динаров кебеки, т. е. 24 медным динарам, а это — в рамках нормальных отношений между серебряными и медными монетами (по документам XVI в. мискал серебра и серебряная одномискалная монета равнялись на разных отрезках времени 20—30 медным динарам).

Позже мы обнаружили и в 1965 г. опубликовали интереснейшее свидетельство, из которого следовало, что динаром кебеки называлась монета не медная, а серебряная, хотя и медная монета называлась динаром, только не кебеки. Свидетельство это содержится в руководстве для судей «Мухтар ал-ихтийар <...>» Ихтийара б. Гийас ад-Дина, завершенном в начале XVI в. В нем приведены образцы описания денег. Из этих образцов видно, что в Герате обращались разные по металлу динары: «динары кебеки» — серебряные монеты, три штуки которых по весу равны мискалу серебра; «динары гератские», 18 штук которых равнялись трем динарам кебеки [147]. Иначе го-

воря, ясное и недвусмысленное представление о металле динаров (во всяком случае до конца XV в.) давало либо подробное описание, либо эпитет, известный современникам. Эпитет «кебеки» означал, что динар — серебряный; эпитет «херави» («гератский»), что динар — медный. Тем не менее М. Е. Массон прошел мимо этого ясного указания источника и в статье 1972 г. специально посвященной динару кебеки, повторил и развил свои старые представления о динаре кебеки как исключительно медной монете именно при Тимуридах [148].

В упоминавшемся выше руководстве «Мухтар ал-ихтийар <...>» деньги при составлении актов рекомендуется описывать следующим образом (приводим два несколько различных и дополняющих друг друга образца из разных разделов руководства) [149].

بيك هزار دينارنقره سره مضروبه بضرب بلده هراة كه هر سه دينار از آن بوزن يكمثقال است بمثاقيل متداول بهراة و بهژده دينار هروى جارى است

«За одну тысячу хороших серебряных чеканных динаров из чекана города (области?) Герат, из которых каждые три динара по весу равны одному мискалу обычными в Герате мискалами и ходят за восемнадцать гератских динаров».

В другом разделе сначала описываются разные вещи и называется их цена в динарах без описания, затем рекомендуется такое описание:

عدلى جيّد رايج كبكى است كه هرسه دينار از آن يكمثقال نقره سره و در هراة بهژده دينار هروى جارى

«'адли превосходные, имеющие обращение, кебекские, из которых каждые три динара [равны] одному мискалу хорошего серебра и в Герате ходят за восемнадцать гератских динаров».

Два новых описания сообщила О. Д. Чехович, за что мы ей очень признательны. Одно извлечено ею из руководства по составлению документов «Джавами' ал-'алийат фи васаик ашшар'иат <...>», написанного Али б. Мухаммадом Али ал-Мухтари ал-Хоразми ал-Кубрави, кази Бухары на рубеже XV—XVI вв.[150]. Под 901/1496 г. приведен документ о продаже земли в селениях области Балх «за сумму в двадцать три тысячи динаров кебеки, из которых каждые три динара по весу [равны] одному мискалу хорошего серебра и в Герате ходят за восемнадцать динаров».

بمبلغ بيست و سه هزار دينار كبكى كه هر سه دينار از آن بوزن يكمثقال نقره سره است و در هراة رايج بهژده دينار

Второе описание денег О. Д. Чехович извлекла из вакфной грамоты 912/1506 г., составленной в Герате [151]:

مجموع نقده كه مذكور شد از عدلى رايج كبكى است كه هر شش دينار از آن بوزن يكمثقال نقره سره است و در هراة به سى و شش دينار هروى رايج

«Все наличные деньги, которые упомянуты — это 'адли, име-

ющие обращение, кебекские, из которых шесть динаров по весу [равны] одному мискалу хорошего серебра и в Герате ходят за тридцать шесть гератских динаров».

Сравнение приведенных описаний позволяет сделать следующие выводы:

1. Термины «динар» и «'адли» — синонимичные названия одних и тех же монет. Эпитет «кебеки», сопровождающий любой из этих двух терминов, свидетельствует о том, что речь идет о серебряных монетах. Иначе говоря, выражения «динар кебеки» и «'адли кебеки» — равнозначные и взаимозаменяемые.

2. Серебряная монета динар кебеки='адли кебеки равняется во всех описаниях шести медным гератским динарам.

3. При описании серебряного динара эпитет «кебеки» может быть и опущен, тогда динар прямо и в первую очередь назван серебряным (первое описание). Практически речь идет о том же динаре кебеки, поскольку и здесь оговорено равенство каждого серебряного динара шести гератским медным динарам.

4. Динарами кебеки названы серебряные монеты весом в одну треть мискала и в одну шестую мискала; при этом равенство с шестью медными динарами сохраняется.

5. Мискал серебра в одних случаях (в двух руководствах) приравнен к 18, в другом случае (вакф-нама) — к 36 медным динарам. Такая разница заставляет предположить, не является ли произвольным пример, приведенный в двух руководствах (мискал серебра=3 динарам кебеки=18 гератским динарам). Однако реальность такого равенства подтверждает совсем другой источник: в 910/1504-05 г. была куплена рукопись (о чем есть запись в самой рукописи) за 1000 динаров, тогда равных 55 тангача [152]. Указный вес серебряных тимуридских тангача в начале XVI в. равнялся мискалу, серебро считалось чистым. А это значит, что в 910/1504-05 г. один мискал хорошего серебра равнялся именно 18 медным динарам. Равенство, зафиксированное в вакф-нама, не требует подтверждения, оно должно было отражать реальность. И все же небезынтересно упомянуть, что Хондемир при описании денежной реформы Шейбани-хана, объявленной в Герате в начале 913/1507 г., подчеркнул, что тангача тогда равнялась шести динарам кебеки. Иначе говоря, оба столь разные свидетельства (мискал серебра=трем и шести динарам кебеки по весу=18 и 36 медным динарам) отражают реальность, которая требует специального анализа.

Мы не собираемся здесь всесторонне рассматривать сложный вопрос о динарах кебеки, это вне задач нашей работы именно потому, что динары кебеки действительно оказались не медными, а серебряными [153]. Однако в данной связи важно одно наблюдение: синонимичность терминов «динар» и «'адли». Выше мы обосновали это для медных монет, здесь — для серебряных. Оба термина в XV в. были взаимозаменяемыми, использовались для названия и серебряных и медных монет, конкрет-

Рис. 3. Монеты с термином «данги» в надписях: 1— Балх 917/1511-12 г.; 2, 3, 4— Герат 912/1506-07 г., 913/1507-08 г. и без даты

ное значение каждого требовало дополнительного определения. Для серебра это был эпитет «кебеки». Для меди использовались разные эпитеты. Наиболее употребительные в Мавераннахре уже рассматривались. В Хорасане кроме аналогичных эпитетов медные динары часто, видимо, определяли через название города, их выпустившего. Примеры «гератских динаров» в качестве понятного современникам названия медных монет уже приведены. При описании событий в Герате после завоевания города Шейбани-ханом упоминаются «тебризские динары», которых на серебряную тангача шло 30 штук[154]. Иначе говоря, существовали точные и известные современникам характеристики, позволявшие им без затруднений понимать монеты какого металла подразумевались под названиями, употреблявшимися в качестве названия монет разных металлов. Когда эти названия проставлялись в надписях самих монет, особой надобности в дополнительных характеристиках, определявших металл, уже не было. И все же на медных монетах иногда при словах «динар» и «'адли» появлялся термин «фулус».

Нам остается рассмотреть еще один термин — «данги». Он известен по монетным надписям, по надписям надчеканов, по денежным описаниям в юридических документах. Зафиксировано три варианта его употребления: изолированное (в надчеканах и в монетных надписях); в сочетании с термином «фулус» (в монетных надписях); в сочетании с терминами «фулус» и «динар» (в юридических документах).

Надчеканы с термином «данги» очень многочисленны и производились продолжительное время при Тимуридах. Надписи надчеканов такие: наименование монетного двора+слово «зарб»+термин «данги»; наименование монетного двора+термин «нимданги» (об этих надчеканах, месте и времени их производства см. в гл. III/4).

Термин «данги» есть на хорасанских монетах (рис. 3) Балха 916—917 гг. х., Герата 912—913 гг. х. и без года, Мерва 91. г. х.[155] (очевидно, 912 г. х.) и др. Монеты Балха 916—917 гг. х. (рис. 3/1), Герата (рис. 3/2, 4) 912 г. х. и без даты (на об. ст.— орнамент) показывают, что термин «данги» расположен после термина «фулус»: «фулус-и данги», т. е. «медная монета данги», где данги, следовательно, определяет достоинство медной монеты. На монетах Герата 913 г. х. термин «данги» стоит изолированно, слово «фулус» подразумевается (ср. выше термин «'адлиййа»). Иначе говоря, надписи хорасанских монет читаются так: «фулус-и данги» и «[фулус-и] данги».

Еще один вариант употребления термина «данги» выявлен по многочисленным юридическим документам конца XVI в. Здесь сосуществуют три термина — «динар», «фулус» и «данги», причем объектом определения является термин «динар». Типовое описание — «медный динар данги»: دینار فلوس دانکی.

Какое же место в монетной терминологии XV—XVI вв. занимал термин «данги»? Еще в 1821 г. Х. М. Френ поставил знак равенства: «данг» — это медные монеты при Шахрухе и его наследниках. С тех пор эта точка зрения не изменялась и вошла даже в справочники: например, Р. Фасмер считал, что при Тимуридах этот термин был именно названием медной монеты и встречался обычно в надчеканах XV в.[156]; об этом термине при Шейбанидах у него сведений нет. Если опираться на одни надчеканы XV в., в надписях которых термин «данги» стоит самостоятельно, действительно можно заключить, что это название монеты. Не противоречат такому заключению и надписи тех медных монет, в которых термин «данги» является определением термина «фулус» («фулус-и данги», т. е. «медная монета данги»), тем более что этот вариант повторяет один из вариантов с термином «'адли» («фулус-и 'адлиййа», т. е. «медная монета 'адли», где «'адли» — название этой медной монеты). Однако уже в этом случае привлекает внимание синхронность монетных надписей как с термином «данги», так и с термином «динар» — явным названием медных монет основного номинала: те и другие — на монетах начала XVI в. Если настаивать на том, что данги — именно название монеты, придется признать, что данги и динар дублировали друг друга (да и термин «'адли» еще не совсем был забыт, о чем свидетельствует надчекан «'адлиййа»).

надписи юридических документов, в которых термин «данги»

Зато не укладывается в такое заключение третий вариант —

является характеристикой выражения «динар-и фулус», что в целом дает надпись: «медный динар данги».

Прямой и основной смысл термина «данг» — это одна шестая часть любой другой величины. В этом прямом значении термин «данг» нашел постоянное употребление при определении веса, площади, длины. От этого термин «данг» не стал названием определенных единиц веса, площади и длины, он оставался единицей в системе деления на части: в источниках встречаются как данг мискала, так и данг манна, данг джариба и данг танаба и т. д. Термин «данги» (в форме относительного прилагательного) также мог означать одну шестую часть чего-либо, но, кроме того, и совокупность шести частей. Представляется, что это прямое значение хорошо объясняет появление и конкретный смысл термина «данги» применительно к медным монетам как в самих монетных надписях, так и в юридических документах: определение курса, достоинства основного медного номинала либо через сравнение с серебряными (одна шестая мелкой серебряной монеты или счетной единицы), либо через сравнение с другими медными же, но мелкими монетками (равенство шести мелким медным монеткам или счетным единицам).

В XVI в., после реформы Кучкунчи-хана, завершенной к 1525 г., основной серебряный номинал имел неизменный указный вес — мискал (4,8 г). В юридических документах курс серебряных монет обычно выражался через медные динары, т. е. через основной медный номинал. Курс этот изменялся: долгое время серебряная танга весом в мискал равнялась 20 медным динарам (с небольшими колебаниями вокруг этой цифры), потом (реформа Абдаллах-хана) она была приравнена к 30 медным динарам. Кроме основного серебряного номинала в XVI в. чеканились (но, очевидно, редко и в ограниченных количествах) и его кратные: из юридических документов нам известны двойные танга и две трети основного номинала. Возможно, чеканились и другие кратные основного серебряного номинала или хотя бы употреблялись другие счетные единицы. Но никогда на протяжении трех четвертей XVI в. зафиксированное документами отношение между основным серебряным номиналом и медным динаром не было таким, чтобы медный динар составлял одну шестую часть реальной кратной серебряной монетки или рациональной счетной единицы.

Кроме того, в Мавераннахре в XVI в. чеканили мелкие медные монетки (см. ниже: термин «пул»), шесть штук которых равнялись основному медному номиналу — медному динару. Можно поэтому предположить, что в Мавераннахре при Шейбанидах термин «данги» означал равенство основного медного номинала — динара и шести мелких медных монеток.

Естественно было бы заключить, что и в XV в. термин «данги» имел такое же значение, т. е. надчеканы XV в. с терми-

нами «данги» и «нимданги» выражали равенство надчеканенных монет соответственно шести и трем самым мелким медным монеткам или счетным единицам. Но самые ранние из известных нам мелких медных монеток были отчеканены в начале XVI в. Нам неизвестно, чеканили ли подобные монетки в Мавераннахре и Хорасане в XV в., были ли в употреблении тогда счетные единицы в одну шестую часть основного медного номинала. Из-за недостатка материалов этот вопрос остается открытым.

Вместе с тем для XV в. должна быть учтена и другая возможность: не означало ли в то время данги применительно к основному медному номиналу его равенство одной шестой части какой-либо из мелких серебряных монет, тем более что таковые в XV в. чеканили в достаточном количестве. Являются ли простыми совпадениями приведенные выше данные из письменных источников о равенстве серебряных динаров кебеки и шести медных гератских динаров? Последние по отношению к серебряным динарам кебеки вполне можно было бы назвать динарами данги.

Следует оговорить, что в восточной метрологии преобладала шестеричная система. Естественно, что, введя в чекан новый мелкий медный номинал, его достоинство определили именно в одну шестую часть основного медного номинала (медного динара). Поэтому теоретически «метаморфоза» со словом «данги» (обозначавшим достоинство основного медного номинала через равенство с серебром, а затем через равенство с другим более мелким медным же номиналом) не кажется невозможной, коль скоро основной медный номинал на разных отрезках времени действительно был в шестеричном отношении и к мелкой медной монетке. Но окончательно прояснить этот вопрос могут лишь новые материалы. Пока же относительно реального значения термина «данги» применительно к медным монетам XV в. может быть высказано два предположения. Но в любом случае слово это обозначало достоинство основного медного номинала XV в. (т. е. монет, именовавшихся сначала ʻадли, а потом преимущественно динар), выраженное определенным равенством с другими монетами.

Не будучи по происхождению и назначению названием основного медного номинала, термин «данги» вместе с тем давал ему столь надежную характеристику, что мог употребляться и самостоятельно, и после слова «фулус», т. е. функционально заменять название.

Привлекает внимание еще одна любопытная деталь. В цитированной выше вакфной грамоте 1489 г. Ходжи Ахрара размеры земельных участков определены точно, с указанием не только целого числа джарибов или танабов, но и их дробных долей — данговв, тассу и даже хабба [157]. В ряде случаев место данга заменено термином «ʻадли». Конкретные примеры: 8 танабов и 2,5 ʻадли [танаба], 33 джариба и 2,5 ʻадли [джариба]

и т. д.[158]. О. Д. Чехович правильно заключила, что данг и ʻадли в данном случае одно и то же[159], т. е. одна шестая часть основной единицы. В том же значении термин «данг» заменен термином «ʻадли» при определении в двух случаях невыделенных частей земли[160] (абсолютные размеры которой в таких случаях не было надобности указывать, так как описывались не границы этих частей, а общие границы земли). В одном случае это — 2,5 невыделенные ʻадли[161] (т. е. 2,5 невыделенные части из шести частей всей земли); в другом — невыделенные 3 ʻадли, тассу и хабба[162] (т. е. 3/6 части + 1/24 часть + + 1/96 часть = 53/96 невыделенных части).

Итак, термин «ʻадли» использован как синоним термина «данг» для обозначения одной шестой части целого. Выше термин «ʻадли» был рассмотрен как монетный. Взаимозависимость двух его функций несомненна. Представляется более правдоподобным функцию названия монет считать исходной, а функцию одной шестой части в системе деления целого — производной. Не решая вопрос о времени появлений этой производной функции (поскольку в качестве названия монет термин «ʻадли» в Мавераннахре известен уже в X в.), мы вместе с тем можем констатировать, что предпосылкой ее появления должно было быть долговременное и прочное равенство монет ʻадли одной шестой части каких-то других монет или счетных единиц. Возвращаясь с этих позиций к описаниям медных динаров в юридических документах второй половины XV в. как «динаров ʻадли» или «динаров ʻадли фулусовых», можно допустить, что здесь термин «ʻадли» выступал не как название монеты (это мы предположили выше), а в своей производной функции обозначения одной шестой части другой величины, т. е. в качестве синонима термина «данг». Это значило бы, что выражение «динар ʻадли» равнялось выражению «динар данги», т. е. было самой надежной аттестацией основного медного номинала. Представляется, что обретение термином «ʻадли» второй функции, т. е. использование его в качестве синонима термина «данг», привело к тому, что применительно к монетам обе его функции слились. Иначе говоря, в глазах современников слово «ʻадли», приложенное к монете, означало единство названия и достоинства (курса) на каком-то отрезке времени. Но инфляционные процессы требовали «размежевания». Поэтому при массовом надчеканивании во второй — третьей четвертях XV в. для выражения достоинства надчеканенной монеты предпочли термин «данги», основное и единственное значение которого (одна шестая часть или совокупность шести частей) не было подвержено переменам.

Можно по-новому теперь взглянуть и на упомянутые в вакфнама 1489 г. Ходжи Ахрара денежные выплаты и расходы в размере одного динара, половины динара и ʻадли. Мы в 1965 г. предположили, что ʻадли здесь — монета более мелкая, чем ди-

нар, возможно, самая мелкая — в одну шестую динара [163]. Сейчас, когда мы знаем второе значение термина «'адли» — синонима термина «данг», допустимо предположить, что 'адли здесь выполняет именно эту вторую свою функцию, действительно выражая размер расходов в одну шестую часть динара.

Рассмотренные материалы позволяют сделать следующие выводы о значении четырех терминов, тесно связанных друг с другом и многозначных.

1. Термин «фулус» не имел значения множественности. В Мавераннахре рассматриваемого времени он выполнял две функции: фулусом называли любую медную монету вне зависимости от ее достоинства; термином «фулус» пользовались для уточнения значения других монетных терминов, чтобы подчеркнуть, что речь идет о монетах медных. Хотя термин «фулус» не был названием основного номинала в медном чекане, в источниках иногда обозначали сумму денег в фулусах без всяких дополнительных определений их достоинства. В этих случаях современники считали, что речь идет об основном номинале. Однако такое психологическое восприятие было лишено доказательной силы. В контекстах, требующих точности, основной номинал называли фулусом при условии, что конкретное достоинство этих фулусов будет ясно выражено определяющими дополнительными терминами (например, «фулус-и данги» или «фулус-и 'адли»).

2. Термин «данги» в монетном деле использовался в полном соответствии со своим прямым значением: одна шестая часть любой величины или цельность, включающая шесть частей. Следовательно, термин «данги» применительно к медной монете означал, что такая медная монета либо равна одной шестой части другой монеты (или счетной единицы), либо равна шести более мелким медным монеткам (или счетным единицам). Иначе говоря, не будучи наименованием медной монеты, термин «данги» выражал ее достоинство через другие монеты (или счетные единицы). Факты и расчеты свидетельствуют о том, что термин «данги» выражал достоинство основного номинала в медном чекане. В XVI в. при Шейбанидах (после реформы Кучкунчи-хана, завершенной к 1525 г.) несомненно термин «данги» при основном номинале (т. е. при медном динаре) означал, что медный динар равнялся шести самым мелким медным монеткам, чекан которых для XVI в. известен. Для XV в. пока неясно, выражал ли термин «данги» достоинство медной монеты через мелкую серебряную или (как в XVI в.) через мелкую медную (или счетную единицу). Термин «данги» употреблялся и в качестве эпитета при других терминах (например, «фулус-и данги» или «динар-и данги»), и самостоятельно: в любом случае не возникало сомнений, что речь идет только об основном номинале, это была прочная аттестация. А прочная курсовая аттестация основного номинала с помощью термина

«данги» открыла возможность его самостоятельного употребления (не в качестве эпитета, а в качестве объекта), ибо всякий понимал, что речь, следовательно, идет об основном медном номинале (ср. в гл. III/4).

3. Термин «динар», взятый изолированно, в рассматриваемое время мог быть использован для обозначения монет любого металла. В торговле, в быту его связь с золотыми монетами уже давно была разорвана, и золотые монеты в Мавераннахре и Хорасане давно получили другие названия, но в литературе мог появиться и золотой динар. Что же касается серебра и меди, то это была реальность, и четкое представление о металле динаров давали лишь дополнительные характеристики. Динар мог быть прямо назван серебряным. Эпитет «кебеки» также превращал термин «динар» в название серебряной монеты. Серебряные динары кебеки типичны для Хорасана. Мы не располагаем надежными материалами для суждения о месте серебряных динаров кебеки в денежном хозяйстве Мавераннахра. В название медной монеты термин «динар» превращался с помощью других дополнительных терминов. Самым общим среди них был термин «фулус» — «динар-и фулус», и в Хорасане, и в Мавераннахре он был медной монетой, «медным динаром». Использовались и местные эпитеты, известные современникам. Например, медной монетой был динар «гератский» или динар «тебризский». Термин «динар» применительно к медной монете был названием основного номинала. Это его качество иногда дополнительно фиксировали описательно или терминами, выражавшими достоинство медного динара через другие монеты (или счетные единицы). Такими «фиксаторами» были термины «данги» и «'адли». Поэтому абсолютно прочными и надежными описаниями динара как основного номинала (в медном чекане) были следующие:

[а) «Медный динар 'адли»; б) «Медный динар данги»].

а) دينار عدلى فلوس (= دينار فلوس عدلى)

б) دينار فلوس دانكى (= دينار دانكى فلوس)

Вместе с тем нельзя не отметить, что в источниках термин «динар» мог появиться и без всяких характеристик, в Мавераннахре современники понимали под таким «неаттестованным» динаром медную монету — основной номинал.

4. Термин «'адли» в Мавераннахре был прочно связан с медью, в этом качестве мы проследили его в X—XII вв. и в XV в. На протяжении многих столетий он был названием основного номинала в медном чекане Мавераннахра[164]. Вместе с тем в рассматриваемое время он имел еще минимум два значения. Он был названием серебряной монеты, синонимом динара кебеки; к нему также прилагали этот эпитет — «кебеки». Динар кебеки='адли кебеки зафиксирован в Хорасане. Для Мавераннахра конкретными данными об 'адли кебеки как на-

звании серебряной монеты мы не располагаем. Из монетного названия произошло еще одно значение термина «'адли», синонимичное термину «данг» — одна шестая часть другой величины. Это производное значение, очевидно, появилось из прочного и долговременного равенства монеты 'адли одной шестой части другой монеты (или счетной единицы). В Мавераннахре термин «'адли» иногда употребляли вместо термина «данг» даже для обозначения одной шестой части земельной площади или конкретной меры. Поэтому во фразе «медный динар 'адли» термин «'адли» мог восприниматься и как старое название основного номинала, и как синоним термина «данг», определяющий достоинство основного номинала. В любом восприятии термин «'адли» при динаре убеждал в том, что динар — основной номинал. Случаи использования в Мавераннахре XV в. термина «'адли» в качестве монетного, но без всяких дополнительных характеристик, требует осторожного и внимательного изучения контекста для выяснения его подразумеваемого значения.

5. Старинный термин «'адли» в качестве названия основного номинала в медном чекане на протяжении первой половины XV в. был главным, именно его помещали в монетных подписях. Во второй половине XV — первой четверти XVI в. эту функцию преимущественно стал выполнять другой термин — «динар»; когда в надписях монет вновь понадобилось обозначить их название, проставили слово «динар». Середина XV в. была рубежом в жизни двух терминов как названий основного медного номинала. Но рубеж этот не был жестким. Победа термина «динар» не была абсолютной. Ясно, что термин «динар» в качестве названия основного медного номинала и синонима термина «'адли» употреблялся еще и в первой половине XV в., а термин «'адли» в том же значении продолжал жить во второй половине столетия. Двуликость термина «'адли» (синонима терминов «динар» и «данг») продлевала его жизнь, разнообразила использование и для нас усложнила выяснение конкретного значения в отдельных случаях. При этом нельзя забывать и третьего его значения как синонима серебряного динара кебеки: в этой ипостаси термин «'адли» зафиксирован вплоть до начала XVI в. в Хорасане.

Глава II

МОНЕТЫ: ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ, АТРИБУЦИЯ

1. Принципы классификации; методы атрибуции

Уже упоминалось (гл. I/1), что репертуар надписей медных монет Мавераннахра включает выпускные сведения (наименование монетного двора и дату), разного рода монетные терми-

ны, отдельные слова, сентенции и т. д. Вместе с тем есть монеты вовсе без надписей. Самая стабильная часть надписей — это наименование монетного двора, но есть монеты и без обозначения места выпуска. Второе место по стабильности в монетных надписях занимает дата выпуска, но монет без даты даже больше, чем без указания монетного двора. Надписи подавляющего большинства монет ограничены выпускными сведениями, т. е. по составу они одинаковы, хотя выпущены на разных монетных дворах и в разные годы. К этим наиболее стандартным надписям иногда добавлены разные термины и слова, сентенции и благопожелания. Возникает первый вопрос: какова цена всех различий в составе и содержании надписей, какое место эти различия должны занять в классификационной иерархии?

Существенный компонент для изучения и классификации медных монет — их композиционно-декоративное оформление (орнаменты, картуши, изображения животных и птиц, взаимозависимость этого декоративного оформления и надписей, взаиморасположение разных частей надписей на двух сторонах монетного кружка), т. е. не смысловые, а формальные признаки. Медные монеты рассматриваемого времени, как правило, имеют изящное и щедрое декоративное оформление. Довольно часто одна из сторон монетного кружка (а изредка и обе) целиком заняты орнаментом. Обычно это геометрическое плетение с элементами стилизованных растительных побегов и цветов, реже стилизованные растительные побеги и веточки составляют основу орнамента. Отмечены отдельные случаи изображения животных и птиц. Очень стабильным признаком оформления одной из сторон монетного кружка является картуш, обрамленный в подавляющем большинстве случаев орнаментом (геометрическим, стилизованным растительным или смешанным). Формы самих картушей различны — от простых геометрических (квадрат, прямоугольник, круг, треугольник) до сложных фигурных. Вместе с обрамляющим орнаментом картуш создает тот неповторимый облик, который позволяет легко, без чтения надписей, различать и «узнавать» монеты [165]. Картуш, кроме того, делил поле монеты на две части, что позволяло на две части разбивать и надпись этой стороны монетного кружка. Отсутствие в редких случаях картуша само по себе тоже является заметным внешним признаком для различения монет.

Лицевой стороной (л. ст.) монеты мы считаем ту, на которой обозначено наименование монетного двора (когда оно есть) [166]. Как правило, картуш и наименование монетного двора расположены на одной стороне, т. е. картуш — обычный признак лицевой стороны монетного кружка. Наименование монетного двора чаще всего размещено в самом картуше, реже — в круговой легенде за его пределами. Дата словами характерна для оборотной стороны (об. ст.) монетного кружка, изредка она

размещена на лицевой стороне. Дату словами иногда дублирует дата цифрами. Цифровые даты иногда проставлены на л. ст. вместе с наименованием монетного двора, иногда на об. ст. Различные термины (общие и частные названия монет; термины, фиксирующие достоинство или курс, а также вес; слова, подтверждающие «правильность» монет) являются важной содержательной частью надписей л. ст., иногда их значение особо подчеркнуто местоположением в картуше то вместе с наименованием монетного двора, то даже вынесением последнего за пределы картуша. Это далеко не исчерпывающая общая описательная характеристика формальных признаков показывает достаточно убедительно, сколь сложен и разнообразен этот материал для классификации. Возникает второй вопрос: какова цена различий композиционно-декоративного оформления монет, какое место эти различия должны занять в классификационной иерархии?

Всякая классификация — это логическая операция, преследующая цель выявления равнозначных признаков различия в изучаемых объектах. Критериев различия может быть обнаружено несколько, в этих случаях существенно установить относительное значение каждого критерия, т. е. разработать иерархию классификационных признаков. Части целого (изучаемых объектов) на каждом классификационном уровне получают одно наименование, сумма наименований, принятых для разных классификационных уровней,— это уже терминологическая иерархия, отражающая реальную иерархию классификационных признаков. Важнейшее условие классификации — это обнаружение таких критериев, которые отражают объективно существующую содержательную разницу классификационных единиц. Содержательность критериев может быть различной (это и есть основа классификационной иерархии), но содержательность должна присутствовать на основных уровнях всякой классификации.

В данном случае объектами классификации являются суммарно перечисленные выше смысловые (надписи) и формальные (композиционно-декоративные) компоненты, характерные для медных монет изучаемого времени. Рассмотрение признаков сходства и различия и оценка сравнительного значения этих признаков убедили в необходимости обозначить четыре ступени классификационной иерархии, которым присвоены следующие названия: разряды, группы, типы, варианты. При разработке этой классификационной иерархии, при отборе критериев автор опирался на свой уже проверенный практикой опыт классификации надчеканов (см. гл. III/1).

Надписи медных монет совершенно определенно делят их на две части по признаку наличия или отсутствия указания на достоинство или курс выпускаемой монеты. По аналогии с надчеканами (принципы классификации которых разработаны на-

Таблица 3

Классификация монет: возможные группы внутри первого разряда

Критерий	Группа			
	1	2	3	4
Монетный двор	+	+	—	—
Дата	+	—	+	—

ми еще в 1953 г., см. гл. III/1) эти две классификационные единицы получают название «разрядов». В первый разряд входят монеты, достоинство или курс которых из надписей монет (не говоря про монеты вовсе без надписей) не выясняется, о них населению сообщали другими способами. Поскольку указы, прямо уведомлявшие о достоинстве подобных монет, до нас не дошли, то исследовательская задача состоит в том, чтобы разработать методы выяснения этого вопроса на основании каких-либо косвенных показателей. Во второй разряд входят монеты, достоинство или курс которых зафиксирован прямо в монетных надписях. Сразу следует отметить, что фиксация на самих монетах их достоинства не столь уж частое явление в монетном деле XV — первой четверти XVI в. Изучение (см. «Часть вторую» настоящей монографии) показывает, что подобные надписи связаны с серьезными кризисами денежного обращения и с некоторыми денежными реформами.

Прочие монетные надписи включают, с одной стороны, такую содержательную часть, как выпускные сведения, с другой — сумму разных терминов, слов и коротких фраз, не имеющих такого значения для изучения денежного обращения, как выпускные сведения. Иначе говоря, две суммы надписей как исторический источник настолько неравнозначны, что их смысловая разница не может быть критерием «раздела» монет на одном классификационном уровне. К этому следует добавить, что термины, отдельные слова и короткие фразы пока не зафиксированы на монетах совершенно изолированно от выпускных сведений (особенно наименования монетного двора). Выведение их на один классификационный уровень с выпускными сведениями поэтому означало бы, что критерием классификации станет наличие или отсутствие этих надписей. Такая классификация монет возможна, но признак слишком второстепенный, чтобы его избрать критерием деления монет каждого из двух разрядов, т. е. на столь еще «высоком» уровне классификационной иерархии.

Наименование монетного двора и дата более содержательны,

можно было бы монеты каждого из двух разрядов разделить на группы по признакам наличия, отсутствия и разных сочетаний этих двух признаков. В качестве примера изобразим в виде табл. 3 деление монет первого разряда на группы по названным признакам. Получается четыре группы, и монеты таких четырех групп существуют. Недостаток этой классификации заключается в определенной неоднозначности двух признаков: наименования монетного двора и даты.

Заметно, что обозначению места чекана придавали большее значение, чем проставлению даты. В этом убеждают следующие наблюдения. Когда дата проставлялась цифрами на л. ст. (т. е. вместе с наименованием монетного двора), она не становилась обязательным компонентом надписи: на совершенно одинаковых монетах (т. е. при совпадении содержания и взаиморасположения остальных надписей и при одинаковом декоративном оформлении) дата цифрами то имеется, то отсутствует. Аналогичная картина с датой цифрами на об ст., вне зависимости от того, чем эта об. ст. заполнена (датой словами или изобразительным сюжетом). Когда дата словами проставлена на об. ст., она иногда заменяется орнаментом: и дата и орнамент на об. ст. существуют при одинаковой л. ст., причем такие монеты, как оказалось, выпускались одновременно. Довольно значительное число выпусков вообще не датировано, дат просто не было в монетных надписях. Монеты же без наименования монетного двора редки. Некоторые, как удалось установить, своим происхождением обязаны случайности и спешке при интенсивном выпуске: они чеканены двумя штампами об. ст. Пока выявлены лишь единичные выпуски, которые изначально задуманы без наименования монетного двора, для Мавераннахра это не правило, а редкое исключение.

Приведенные наблюдения показывают, что цена обозначения на монете монетного двора выше, чем цена обозначения даты. Поэтому предпочтительнее на нынешнем уровне накопления фактического материала ограничиться делением на две группы (по признаку наличия или отсутствия наименования монетного двора): группу первую — с наименованием монетного двора; группу вторую — без обозначения места чекана. Такое деление, кстати, хорошо сомкнется со следующими двумя классификационными уровнями — классификацией монет по типам и вариантам.

Тип — термин, широко употребляемый в нумизматической классификации. Однако единого понимания цены и значения этой классификационной единицы нет. Критерием типа считается часто незначительная разница в содержании надписей или в их размещении при прочих одинаковых признаках. Нам представляется, что тип монеты, как основная, стержневая классификационная единица в нумизматике, должен быть удобным инструментом исследования монет как исторического источника,

в первую очередь как источника изучения денежного обращения. В отборе с этих позиций конкретных критериев типа медных монет XV — первой четверти XVI в. полезным оказался опыт типологической классификации серебряных монет Шейбанидов XVI в. и Джанидов XVII—XVIII вв.[167]. Критерием типа серебряных монет XVI—XVIII вв. мы сочли не содержание надписей, а формы картушей — тот внешний признак, по которому население легко, без чтения надписей, могло отличать монеты «новые» от «старых», монеты разных проб и разных курсов. Отсюда, конечно, не следует (и это неоднократно подчеркивалось), что каждый тип-картуш — свидетель самостоятельной акции по изменению пробы или курса. Априорно можно допустить (и в ряде случаев это удалось доказать), что несколько близких картушей л. ст. и вовсе разных картушей об. ст. (при одинаковых или близких картушах л. ст.) все вместе оформляли одну акцию, населению же объявляли общую сумму признаков «новых» монет, по этим признакам оно легко отличало их от прочей массы — монет «старых». Но это уже субъективное объединение, это результат конкретного исследования, классификация же по определенным признакам должна быть проведена последовательно, т. е. должна быть объективной. Объективность классификации — необходимое условие дальнейшего использования ее как исследовательского материала. Таким образом, классификация серебряных монет XVI—XVIII вв. (критерий — сумма картушей л. ст. и об. ст.) является классификацией объективной, максимально формализованной, но не формальной. В целом она отражает особенности монетной политики, форм эксплуатации монетной регалии. Однако общее число выявленных пар картушей отнюдь не должно равняться общему числу акций; важно, что каждая акция отмечена изменением форм картушей (типов). Иначе говоря, для реконструкции «ткани» монетной политики типологическая классификация по формам картушей оказалась прочной «основой».

Опираясь на этот опыт и проверив возможность его использования применительно к медным монетам XV — первой четверти XVI в., мы пришли к убеждению, что критерием типа медных монет изучаемого времени следует признать ту сумму признаков, которые были названы формальными (комплекс композиционно-декоративного оформления двух сторон монетного кружка). У монет, однотипных по этим признакам, содержание надписей может различаться: такие различия внутри типа оценены как вариантные. Например, у однотипных монет, на **л. ст.** которых в квадратном картуше, обрамленном орнаментом, размещено наименование монетного двора, имеются следующие вариантные различия: наименование монетного двора — изолированно (вариант *а*); со словом «зарб» (вариант *б*); со словом «'адил» (вариант *в*); с датой цифрами (вариант *г*).

Исследование в гл. IV монетной политики и форм эксплуа-

тации монетной регалии показывает, что избранный критерий типа хорошо отражает особенности денежного хозяйства и открывает большие возможности для его понимания. Изучение многих сторон чекана и обращения медных монет на уровне именно типа оказалось особенно результативным. За неизменностью типов в течение нескольких лет стоит не подверженное переменам со стороны правительства обращение медных монет; монеты одинакового типа, выпущенные несколькими монетными дворами,— свидетели равного общегосударственного (иногда и шире) денежного обращения; разнотипность монет — удобная фиксация их разного достоинства, свидетельство курсовых перегруппировок или нарушения равного их обращения по всему государству. Повторим, что мы не ставим знака равенства между общим числом выявленных типов и общим числом правительственных мероприятий разного рода, фиксируемых типами. И добавим, что именно тип оказался тем уровнем, на котором изучение монет (например, их веса) привело к важным открытиям.

Обоснованный выше принцип классификации на уровне типов [168] мы применяли и раньше для публикации отдельных кладов медных монет или разработки отдельных вопросов. Однако не всегда этот принцип был проведен на уровне типологической классификации абсолютно последовательно, без отступлений. Сейчас, в следующих двух разделах главы, при описании типов медных монет Самарканда, Бухары, Хисара и Хутталяна кое-что удалось исправить и добиться достаточно полной объективности путем максимальной формализации на основе избранных критериев типа. Не все трудности удалось преодолеть, но небольшие частные отступления не спрятаны, а, наоборот, ясно оговорены.

В основе описания монет — их тип. Реализуя все ступени классификационной иерархии, следовало бы типы монет описывать отдельно по разрядам и группам (именно так в гл. III/2—5 описаны типы надчеканов). Но мы здесь описываем в силу ряда причин (среди которых не последней является недостаток места) не весь выявленный фонд типов медных монет Мавераннахра XV — первой четверти XVI в., а продукцию лишь четырех монетных дворов. Тем самым мы механически отсекаем отдельное и самостоятельное описание, например, второй группы первого разряда (типы монет без обозначения достоинства и без обозначения места чекана) [169]. Это подсказывает возможность сквозного типовариантного описания продукции четырех монетных дворов с общей аттестацией разрядов и групп к которым принадлежат описываемые типы. Таким образом, все ступени классификационной иерархии будут учтены и будут «работать» при использовании монет как исторического источника.

Номера типов обозначаются прописными арабскими цифра-

ми, а номера вариантов внутри типов — строчными курсивными буквами. Для конкретной нумерации типов первых групп обоих разрядов логично было бы опереться на основной принцип самой типологической классификации, т. е. всем однотипным монетам (вне зависимости от места выпуска) дать один типовой номер (именно так пронумерованы типы надчеканов первых групп обоих разрядов, т. е. с обозначением мест производства). Но такое решение при всей его логичности для монет практически очень неудобно уже сейчас, а впоследствии, по мере накопления новых типов, создаст уже и непреодолимые затруднения. Количество типов, представленных монетами разных монетных дворов, очень различно сейчас. Нам удалось выявить для Самарканда 47 типов, а для Бухары, Хисара и Хутталяна соответственно только 26, 14 и 7. Эта количественная разница сама по себе подсказывает, что общих для этих монетных дворов типов много меньше, чем разных. На самом деле их вообще мало. Для всех четырех монетных дворов (продукция которых здесь в центре внимания, а далее — основной источник исследования) нет пока вообще ни одного общего типа. Больше всего общих типов в чекане Самарканда — Бухары, больше, но не так уж много!

Если немногим общим типам дать первые номера, возникают три затруднения: во-первых, как, в каком порядке нумеровать разные парные сочетания общих типов (например, типы Бухара — Самарканд или Хисар — Хутталян); во-вторых, в каком порядке нумеровать разные типы отдельных городов; в-третьих, как нумеровать те общие для всех или нескольких монетных дворов типы, а также те отдельные для каждого монетного двора типы, которые еще появятся по мере накопления нового материала.

Основной фонд типов нами уже выявлен и большинство выявленных типов этого фонда реконструировано описательно и графически. Основным мы называем его потому, что из этих типов главным образом и состоят клады, происходящие с территории двух регионов Мавераннахра: из центрального Мавераннахра и из Хисара. Вместе с тем, как показал опыт работы с кладами, каждый новый клад кроме общего для всего этапа типового фонда может содержать один или несколько новых типов. Новые типы открывают и отдельные находки монет. Иначе говоря, можно не сомневаться, что типовой фонд медных монет XV — первой четверти XVI в. будет пополняться, поэтому заранее нужно предусмотреть включение новых типов в общую систему нумерации.

Поэтому мы избрали систему нумерации отдельно для каждого монетного двора. Практически мы нумеруем типы четырех монетных дворов — Самарканда, Бухары, Хисара и Хутталяна. По мере появления новых типов они будут получать следующие порядковые номера внутри каждого из этих монетных дворов.

Аналогичным образом можно начать и продолжать нумерацию типов любых других монетных дворов.

Во втором и третьем разделах этой главы описываются типы монет четырех названных выше монетных дворов. Выбор был обусловлен тем, что монеты Самарканда — Бухары, с одной стороны, и Хисара — Хутталяна — с другой, дают убедительный материал для изучения двух важнейших вопросов денежного обращения: общего и особенного, одинаковых процессов и явлений и локальных вариантов в их существе и темпах. Продукция других монетных дворов также привлекается как исторический источник, но выполняет объективно вспомогательную роль. Четыре основных монетных двора обеспечивают примерно равнозначное сравнение двух регионов. Накопление нового большого материала, безусловно, откроет возможность с аналогичных позиций и близкими методами проанализировать конкретное состояние монетного чекана и денежного обращения и в других регионах Среднего Востока в территориальных рамках государств Тимуридов и Шейбанидов.

* * *

Методы атрибуции монет частично совпадают с методами атрибуции надчеканов (см. гл. III/1), частично отличаются от них. В монетном деле основное условие (а для меди, по существу, и содержание) атрибуции — это определение места и времени выпуска монет. Последнее обычно сводится к чтению надписей, поскольку в надписях большинства монет содержатся и наименование монетного двора, и дата. Трудность прочтения определяют многие причины, но более всего — плохая сохранность монеты. В этом случае на помощь приходит типологическая классификация с последующей графической реконструкцией типа на основе нескольких однотипных экземпляров. Однако атрибуция монет плохой сохранности на основании лишь типовых (т. е. композиционно-декоративных) признаков требует большой осторожности. Однотипные монеты могли выпускать разные монетные дворы, поэтому типовые признаки сами по себе не дают права определять наименование монетного двора, если в рамках типа последнее не находит опоры во фрагментарно сохранившихся надписях. Следовательно, надежное определение места производства монет плохой сохранности возможно лишь в результате сравнительного анализа типовых признаков и сохранившихся фрагментов надписи — наименования монетного двора. Исключение составляют такие типы монет, относительно которых уверенно (на базе изучения многих кладов и музейных собраний) можно сказать, что они производились только на одном монетном дворе. В этом случае место производства монет плохой сохранности достаточно уверенно определяется на базе одних лишь типовых признаков.

Определение точной даты производства монеты, имевшей, но не сохранившей надписи с годом выпуска, еще сложнее. Монеты одного и того же типа часто чеканили в течение двух или нескольких лет, поэтому определение типа монеты плохой сохранности еще не дает точной даты, тип лишь ориентирует относительно времени ее производства. Равным образом нельзя два варианта одного типа (с датой и без даты) механически относить к одному году на основании датированного варианта. Цена подобных вариантных различий еще не ясна: два варианта могли выпускать параллельно, но один из вариантов (без даты) мог предшествовать второму (с датой) или принадлежать выпуску следующего года. Эти и другие трудности следует учитывать при рассмотрении монет плохой сохранности (имевших, но не сохранивших даты) или разновариантных типов (включающих варианты с датой и без даты). Есть и еще одно затруднение, возникающее нередко, когда сохранность монеты не позволяет ответить на вопрос: была ли эта монета датирована? Иначе говоря, в ряде случаев неясно значение отсутствия на монете даты (особенно цифрами): результат ли это того, что дата стерта (сбита, обрезана) или не была поставлена вообще. Это трудности индивидуального датирования отдельных экземпляров при условии, что время выпуска типа в целом все же известно по другим экземплярам.

Сложнее дело обстоит с типами, которые представлены небольшим числом экземпляров (иногда — даже одной-двумя монетами), не сохранивших полных дат. Для рассматриваемого времени в дате словами обязательно есть одно из двух слов сотен (восемьсот и девятьсот), а слова десятков и единиц могут быть, а могут и не быть. В надписи плохой сохранности иногда, например, сохранившийся фрагмент может быть определен как «девяносто» (тогда реконструкция даты — [8]9. г. х.) или как «девятьсот» (тогда реконструкция даты — 9.. г. х.). Подобного рода затруднений, проистекающих из невозможности реконструировать надпись с датой, довольно много. Определение дат в таких случаях требует осторожности и терпения: новые находки и клады рано или поздно откроют возможность достоверной реконструкции надписи и тем самым дадут точную дату.

Что касается определения места и даты выпуска монет, соответствующие надписи которых сохранились полностью на каждом экземпляре или убедительно реконструируются на основе нескольких однотипных, то здесь основная сложность — это обычное отсутствие диакритических знаков и некоторые особенности почерка. Наименование монетного двора, начертанное любым образом и без диакритических знаков, определяется легко, когда в качестве такового выступают крупные города или области Мавераннахра и Хорасана. Но медные монеты преподнесли ряд сюрпризов (впрочем, надчеканы более чем монеты). Определение сохранившейся даты, начертанной словами, за-

труднительно чаще всего в тех случаях, когда нужно определить слово единиц: «семь» или «девять».

Значительно сложнее определение времени и места выпуска монет, в надписях которых не обозначены либо монетный двор, либо дата, не говоря уже о тех монетах, которые вообще не содержат выпускных сведений. К счастью, число подобных типов не так уж велико.

Заслуживают особого внимания следующие методы датировки типов монет, в надписях которых год их выпуска не проставлялся.

1. *Монеты в составе кладов.* Это надежный метод, он подробно рассмотрен в гл. III/1, поскольку имеет решающее значение для датировки надчеканов, надчеканы же (в отличие от монет) почти всегда нуждаются в датировке с помощью косвенных методов, ибо даты в надчеканах — большая редкость. Наличие в составе клада монеты без даты позволяет определить верхнюю хронологическую границу ее чекана на основе этапной и индивидуальной датировки сложения и окончательного изъятия из обращения самого клада. Например, если сложение клада завершилось не позднее 907/1501-02 г., то это значит, что любая монета без даты в его составе чеканена не позднее 907/1501-02 г. Это позитивный вывод. Возможен, но требует учета многих факторов негативный вывод, опирающийся не на «наличие» в кладах, а на «отсутствие» в них изучаемого типа монет без даты. Если изучение многих и разноэтапных кладов позволяет сделать и позитивный и негативный выводы, монета без даты «зажимается снизу и сверху», т. е. получает этапную датировку, но без внутриэтапной конкретизации времени выпуска.

2. *Надчеканы на монетах.* Если надчеканы сами датированы (т. е. имеют индивидуально-типовую или этапно-типовую дату производства), наличие их на монетах без дат уточняет и конкретизирует верхнюю хронологическую границу выпуска таких монет.

3. *Внутритиповой средний вес монет без дат.* Установлено (см. гл. IV/1), что политика правительства в отношении веса медных монет развивалась. С конца XV в. безусловно для медных монет назначали весовой стандарт и определяли ремедиум. Поэтому изучение реального веса достаточно большого количества монет одного типа дает на графике (гистограмме) четкий внутритиповой средний вес при определенном (часто очень небольшом) ремедиуме. С конца XV в. и на протяжении первой четверти XVI в. весовой стандарт (как показало движение среднего веса) медного динара (основного номинала) многократно изменялся, время и размеры этих изменений удалось установить. Сравнение внутритипового среднего веса монет без дат с внутритиповым весом датированных монет — хороший метод датировки первых. Однако использование этого метода требует ос-

торожности, так как некоторые весовые стандарты вводились неоднократно. Необходимо учитывать при сравнении и достоинство монет, ибо средний вес основного номинала одного отрезка времени и средний вес кратного другого отрезка времени иногда очень близки. Иначе говоря, метод сравнения внутритипового среднего веса монет без дат со средним весом датированных монет нельзя использовать изолированно и считать базовым.

4. *Композиционно-декоративное оформление монет.* Уже отмечалось выше, что основными элементами декоративного оформления монет были следующие: картуши; геометрические, стилизованные растительные и смешанные орнаменты; изображения животных и птиц. Сравнение в этом плане монет без дат и датированных монет не всегда имеет самостоятельное значение, так как некоторые узоры повторялись многократно. Но в качестве вспомогательного, при условии одноэтапности сравниваемых монет (одноэтапности, установленной другими методами), этот метод оказывает полезные услуги.

Наиболее надежные результаты определения времени производства монет без дат дает, естественно, комплексное использование всех методов. Уже сейчас удалось датировать ряд описываемых ниже типов монет без дат, чеканенных в Самарканде, Бухаре, Хисаре и Хутталяне.

Определение *места выпуска* монет, на которых оно прямо не обозначено, в некоторых случаях может опираться на изучение композиционно-декоративного оформления (с учетом состава и топографии кладов). В резерве остается метод поштемпельного сравнения, если может быть предположено, что хотя бы одна сторона таких монет отчеканивалась штампами (например, с орнаментом), изготовленными для об. ст. монет с обозначением на их л. ст. места выпуска. При накоплении большего конкретного материала для определения не точного пункта, а лишь исторически сложившейся области, в которой были выпущены монеты без обозначения места чекана, применимы методы, уже проверенные с этой целью на надчеканах (см. гл. III/1). Впрочем, типов монет без обозначения места выпуска немного, некоторые предположительно (со знаком вопроса) уже определены. К сожалению, пока не определено место выпуска монет, на л. ст. которых — орнамент, а на об. ст.— дата: 896/1490-91 г. Дата существенна, так как для четвертого этапа она является одной из ранних, массовый чекан в Бухаре, Самарканде, Ташкенде зафиксирован с 897—898 гг. х.

В следующих разделах главы описаны типы монет четырех монетных дворов и приложена выполненная автором графическая реконструкция большинства типов. Следует сделать две оговорки: 1) ссылки на конкретные монеты, лежащие в основе описательной и графической реконструкций типов, ради экономии места приведены только в тех случаях, когда эти монеты в

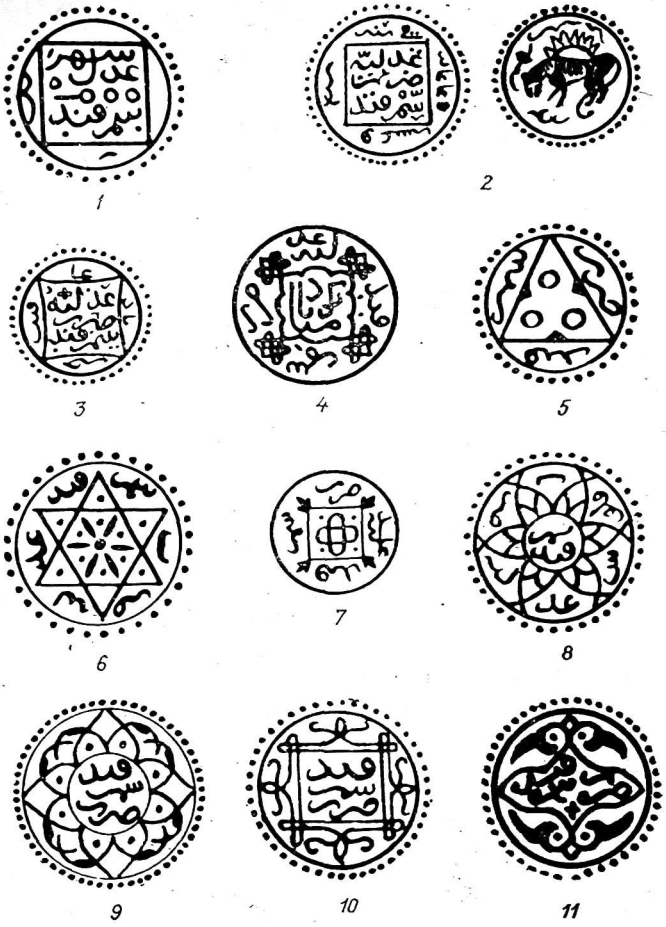


Рис. 4. Монеты Самарканда, типы 1—11

кладах единичны или вообще внекладовые; 2) поле обеих сторон монетного кружка всегда обрамлено ободками: чаще всего — линейным и точечным, реже — двухлинейным с точечным кругом между ними или просто однолинейным. При описании типов монет это каждый раз не оговаривается.

2. Типы медных монет Самарканда и Бухары

Из описываемых 47 типов монет Самарканда типы 1,9—19, 21—39, 43—47 относятся к первой группе первого разряда; типы 40—42 — ко второй группе первого разряда; типы 2—4,5(?), 6—8, 20 — к первой группе второго разряда.

Тип 1. Самарканд 812/1409-10 г. (рис. 4(1) [170].

Л. ст. В квадратном однолинейном картуше — рисунок (тамга?), выше и ниже которого надпись: عدل شهر سمرقند.

Об. ст. В квадратном однолинейном картуше дата словами.

Тип 2. Самарканд 817/1414-15 г. (рис. 4/2) [171].

Л. ст. В квадратном однолинейном картуше, читая сверху вниз,— «'адлиййа» и «Самарканд» عدليه ضرب سمرقند и мелкие украшения (различные у двух монет). В сегментах по сторонам картуша (начиная с верхнего и далее против часовой стрелки) дата словами.

Об. ст. В поле — изображение льва, за спиной которого — восходящее солнце. Свободные участки поля заполнены стилизованным растительным орнаментом.

Тип 3. Самарканд ша'бан 818/X—XI 1415 г. (рис. 4/3) [172].

Л. ст. В квадратном однолинейном (со слегка вогнутыми сторонами) картуше надпись (читая сверху вниз) «'адлиййа» и «Самарканд», как у типа 2, и мелкие украшения. В сегментах по сторонам картуша (начиная с верхнего и далее против часовой стрелки) надпись: عا / قبت / خير / باد.

Об. ст. В поле — дата словами с указанием месяца и года.

Тип 4. Самарканд 819/1416-17 г. (рис. 4/4) [173].

Л. ст. В фигурном картуше: مبارك باد. В сегментах по сторонам картуша (начиная с верхнего и далее против часовой стрелки) «'адлиййа» и «Самарканд», как у типа 2.

Об. ст. В поле дата словами. Перед словом «десять» и над ним — орнаменты в виде плетенок.

Тип 5. Самарканд 819/1416-17 г. (рис. 4/5) [174].

Л. ст. В треугольном картуше — три кружка. По сторонам картуша в сегментах: ضرب / سمر / قند.

Об ст. В треугольном картуше надпись не прочтена [175]. В сегментах по сторонам картуша — дата словами.

Тип 6. Самарканд 823/1420 г. (рис. 4/6) [176].

Л. ст. В центре — шестиконечная звезда, образованная пересечением двух треугольников: внутренний шестигранник заполнен орнаментом, в шести внешних треугольниках — точки. Вне шестиконечной звезды, в шести внешних отсеках — «'адлиййа» и «Самарканд», как у типа 2.

Об. ст. В поле — дата словами.

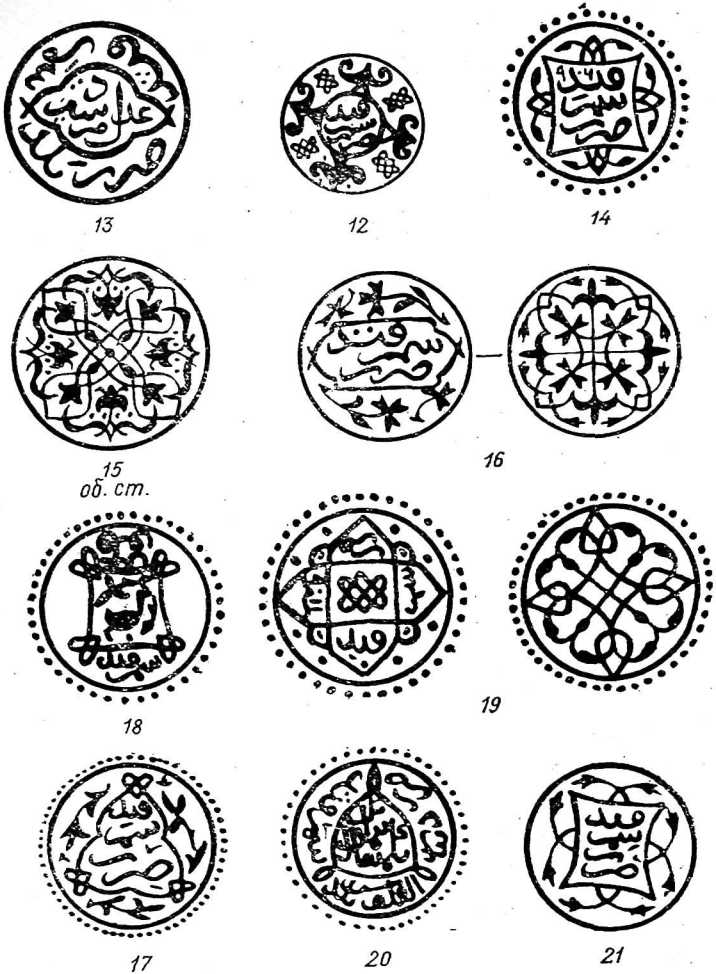


Рис. 5. Монеты Самарканда, типы 12—21

Тип 7. Самарканд 823/1420 г. (рис. 4/7) [177].

Л. ст. В маленьком квадратном однолинейном картуше орнамент в виде плетенки и четырех точек. В сегментах по сторонам картуша — «'адлиййа» и «Самарканд», как у типа 2.

Об. ст. В поле дата словами.

Тип 8. Самарканд 832/1428-29 и 854/1450-51 гг. (рис. 4/8) [178].

Л. ст. В круглом картуше (размеры картуша варьируют), обрамленном орнаментом,— «Самарканд». Кругом, в шести внешних отсеках картуша, надпись (основанием внутрь на монетах 832 г. х. и наружу — на монетах 854 г. х.): / عد / س / فلو / ب / ضر / ليه.

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 9. Самарканд 897/1491-92, 898/1492-93, 899/1493-94 гг. (рис. 4/9).

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, ضرب سمرقند.

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 10. Самарканд 899/1493-94, 900/1494-95, 901/1495-96 гг. (рис. 4/10).

Л. ст. В квадратном двухлинейном картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 9.

Об. ст. В поле — дата словами (вариант *а*), на монетах 900 г. х. дополнительно также цифрами (вариант *б*).

Тип 11. Самарканд 901/1495-96, 902/1496-97, 907/1501-02(?) гг. и без даты (рис. 4/11) [179].

Л. ст. В продолговатом фигурном картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 9: вариант *а* — дата цифрами, вариант *б* — без даты.

Об. ст. Орнамент.

Тип 12. Самарканд 904/1498-99 г. (рис. 5/12).

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 9.

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 13. Самарканд 906/1500-01 г. (рис. 5/13).

Л. ст. В продолговатом фигурном картуше عدل شيرمرد с диакритическими знаками или без них. Вокруг картуша ضرب بلد سمرقند .

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 14. Самарканд 906/1500-01 г. (рис. 5/14) [180].

Л. ст. В однолинейном четырехугольном (с вогнутыми сторонами) фигурном картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 9: вариант *а* — дата цифрами, вариант *б* — без даты.

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 15. Самарканд 904/1498-99 г. и без даты (рис. 5/15 об. ст.) [181].

Л. ст. В четырехлепестковом картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 9: вариант *а* — дата цифрами (ор-

наментальное обрамление картуша стерто); вариант *б* — без даты.

Об. ст. Орнамент (разный у двух вариантов).

Тип 16. Самарканд 906/1500-01, 907/1501-02 гг. и без даты (рис. 5/16) [182].

Л. ст. В прямоугольно-фигурном картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 9: вариант *а* — дата цифрами, вариант *б* — без даты.

Об. ст. Орнамент.

Тип 17. Самарканд 907/1501-02, 908/1502-03, 909/1503-04, 910/1504-05 гг. (рис. 5/17) [183].

Л. ст. В трехлепестковом картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 9.

Об. ст. В поле — дата словами (вариант *а*), на монетах 907 г. х. иногда вторично и цифрами (вариант *б*).

Тип 18. Самарканд 910/1504-05 г. (рис. 5/18).

Л. ст. В однолинейном четырехугольном (с вогнутыми сторонами) фигурном картуше — птица вправо (утка?), окруженная стилизованными веточками. По сторонам картуша в четырех сегментах надпись: ضرب / فلوس / بلده / سمرقند .

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 19. Самарканд 911/1505-06 г. (рис. 5/19) [184].

Л. ст. Фигурный картуш состоит из пяти частей; в центральном квадрате орнамент в виде плетенки, в четырех частях по сторонам квадрата надпись: ضرب / سمر / قند / سنه ٩١١ .

Об. ст. Орнамент.

Тип 20. Самарканд 914/1508-09 г. (рис. 5/20) [185].

Л. ст. В фигурном картуше надпись, означающая вес монеты: يكمثقال نيمدانك . В трех сегментах вокруг картуша ضرب دينار / الفلوس بلده / سمرقند .

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 21. Самарканд 915/1509-10 г. (рис. 5/21) [186].

Л. ст. В однолинейном четырехугольном (с вогнутыми сторонами) фигурном картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 9.

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 22. Самарканд 917/1511-12, 918/1512-13 гг. (рис. 6/22) [187].

Л. ст. В прямоугольном фигурном картуше — дата словами. В сегментах сверху и снизу надпись, как у типа 9.

Об. ст. Орнамент в виде стилизованных побегов внутри и вне пятиугольного фигурного картуша; иногда внутри картуша — летящая птица. У монет меньшего размера — другой орнамент.

Тип 23. Самарканд 91. г. х.[188].

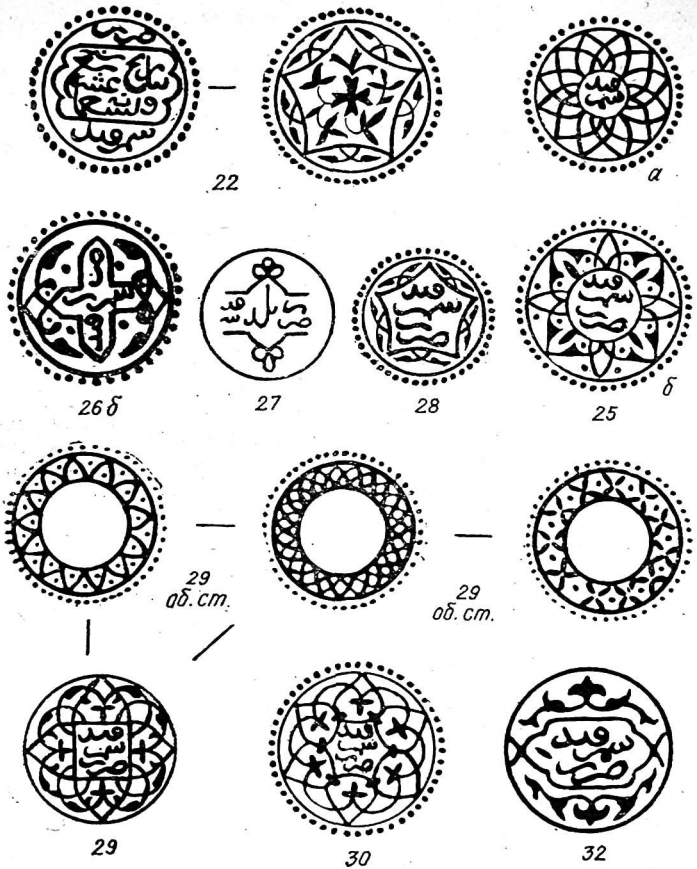


Рис. 6. Монеты Самарканда, типы 22—32

Л. ст. Как тип 22 (возможно, вместо картуша иногда просто две параллельные линии, делящие поле монеты на три части).

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 24. Самарканд 917/1511-12 г.

Л. ст. Видна только надпись, как у типа 9, и дата цифрами.

Об. ст. Изображение животного влево.

Тип 25. Самарканд 918/1512-13 г. (рис. 6/25 *а, б*).

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом,— «Самарканд» (вариант *а*) или надпись, как у типа 9 (вариант *б*).

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 26. Самарканд 918/1512-13 г. (рис. 6/26 *б*).

Л. ст. В фигурном крестообразном картуше, обрамленном орнаментом,— «Самарканд» (вариант *а*) или надпись, как у типа 9 (вариант *б*).

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 27. Самарканд 918/1512-13 г. (рис. 6/27).

Л. ст. В фигурном вытянутом по горизонтали картуше ضرب بلد سمرقند.

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 28. Самарканд 918/1512-13, 919/1513-14 гг. (рис. 6/28).

Л. ст. В пятиугольном фигурном картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 9.

Об. ст. В поле — дата словами (вариант *а*), на монетах 919 г. х. иногда вторично и цифрами (вариант *б*).

Тип 29. Самарканд 918/1512-13, 919/1513-14, 920/1514-15 гг. (рис. 6/29).

Л. ст. В квадратном картуше, обрамленном орнаментом (орнаменты разные), надпись, как у типа 9.

Об. ст. В поле — дата словами. На монетах 919—920 гг. х. вместо обычного ободка — разные орнаментальные ленты.

Тип 30. Самарканд 923/1517 г. (рис. 6/30) [189].

Л. ст. В шестиугольном фигурном картуше надпись, как у типа 9.

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 31. Самарканд 927/1520-21 г. (рис. 8/31) [190].

Л. ст. В трехлепестковом фигурном картуше надпись, как у типа 9.

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 32. Самарканд 923/1517, 930/1523-24, 931/1524-25 гг. (рис. 6/32) [191].

Л. ст. В прямоугольном фигурном картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 9.

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 33. Самарканд 930/1523-24 г. (рис. 7/33).

Л. ст. В круглом картуше без орнамента надпись, как у типа 9. Кругом картуша дата словами.

Об. ст. Орнамент.

Тип 34. Самарканд 930/1523-24 г.

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 9.

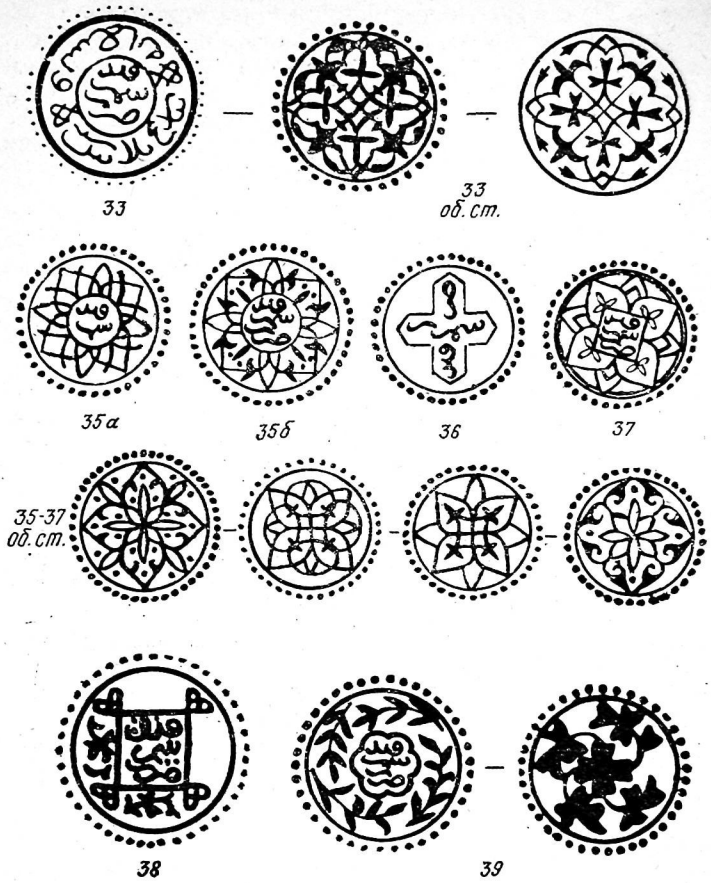


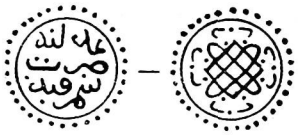
Рис. 7. Монеты Самарканда, типы 33—39

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 35. Самарканд без даты (рис. 7/35) [192].
Л. ст. Как тип 25 (оба варианта).
Об. ст. Орнамент.

Тип 36. Самарканд без даты (рис. 7/36).
Л. ст. Как тип 26 (вариант *б*).

31


43

44

45

47

Рис. 8. Монеты Самарканда, типы 31, 43—47

Об. ст. Орнамент.

Тип 37. Самарканд без даты (рис. 7/37).
Л. ст. Как тип 29.
Об. ст. Орнамент.

Тип 38. Самарканд без даты (рис. 7/38).
Л. ст. В большом квадратном картуше надпись, как у типа 9. В сегментах по сторонам картуша — стилизованные веточки.
Об. ст. Орнамент в виде стилизованных веточек вокруг маленького пятигранника.

Тип 39. Самарканд без даты (рис. 7/39) [193].
Л. ст. В шестилепестковом картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 9.
Об. ст. Орнамент.

Тип 40. [Самарканд] без даты [194].
Л. ст. Картуш, как у типа 22 (Самарканд 917—918 гг. х.), но внутри и вне — не надпись, а орнамент.
Об. ст. Пятиугольный картуш с орнаментом вокруг него, как у типа 22, внутри картуша — изображение летящей влево птицы, окруженной стилизованными веточками.

Тип 41. [Самарканд] без даты [195].
Л. ст. Орнамент.
Об. ст. Орнамент.

Тип 42. [Самарканд] 917/1511-12, 918/1512-13 гг.[196].
Л. ст. Орнамент.
Об. ст. Дата словами.

Тип 43. Самарканд без даты (рис. 8/43) [197].
Л. ст. В поле надпись, как у типа 2.
Об. ст. Орнамент.

Тип 44. Самарканд 811 или 821 г. х. (рис. 8/44 об. ст.) [198].
Л. ст. В поле дата словами (слово десятков обрезано), «Самарканд» и термин «ʿадил(?)».
Об. ст. В поле — изображение льва вправо и мелкие арабески.

Тип 45. Самарканд 813 или 823 г. х. (рис. 8/45 об. ст.) [199].
Л. ст. В вертикально прямоугольном картуше надпись, как у типа 9. По сторонам картуша в сегментах дата словами (слово десятков обрезано).
Об. ст. Орнамент.

Тип 46. Самарканд 894/1488-89 г.[200].
Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом,— «Самарканд». Кругом обрезано.
Об. ст. В центре поля — орнамент в виде плетенки. По сторонам фрагментарно сохранившаяся надпись — дата словами.

Тип 47. Самарканд 903/1497-98 г. (рис. 8/47) [201].
Л. ст. В фигурном горизонтально прямоугольном картуше надпись, как у типа 9. Дата словами — снизу (слово сотен) и сверху (слово единиц) после вводной формулы.
Об. ст. Орнамент, в центре которого — маленькая шестиугольная звезда (два пересекающихся треугольника).

* * *

Из описываемых 26 типов монет Бухары типы 4—22, 24—26 относятся к первой группе первого разряда, а типы 1—3, 23 — к первой группе второго разряда.

Тип 1. Бухара 818/1415-16 г.[202].
Л. ст. В квадратном однолинейном картуше надпись (читая сверху вниз): عدليه ضرب بخارا. В сегментах по сторонам картуша (начиная с верхнего и далее против часовой стрелки) / عا / قبت / خير / باد.
Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 2. Бухара 823/1420 г.[203].
Л. ст. В центре — шестиконечная звезда, образованная пересечением двух треугольников: внутренний шестигранник заполнен орнаментом, в шести внешних треугольниках точки. Вне шестиконечной звезды, в шести внешних отсеках, надпись: عد / ليه / ض / ب / بخا / را.

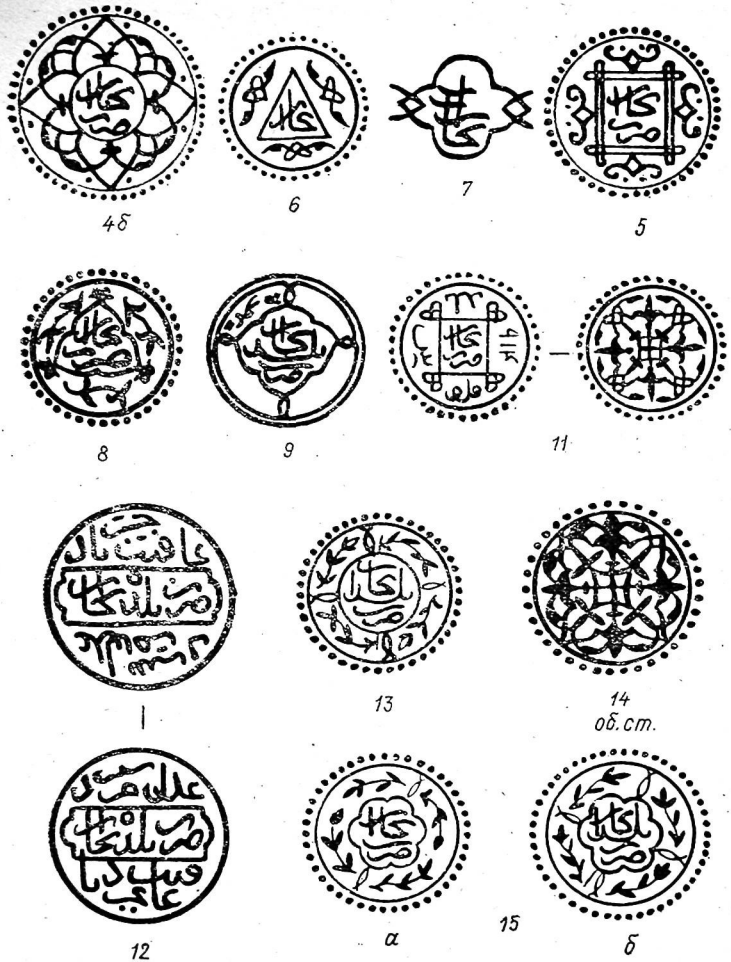


Рис. 9. Монеты Бухары, типы 4—15

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 3. Бухара 832/1428-29 г.[204].

Л. ст. В круглом картуше (размеры картуша варьируют),

обрамленном орнаментом,— «Бухара». Кругом, в шести внешних отсеках картуша, надпись: ب / ضر / لیه / عد / س / فلو .

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 4. Бухара 897/1491-92, 898/1492-93, 899/1493-94, 900/1494-95 гг. (рис. 9/4 *б*).

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, بخارا (вариант *а*) или ضرب بخارا (вариант *б*).

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 5. Бухара 897/1491-92(?), 899/1493-94, 900/1494-95, 901/1495-96, 910/1504-05 гг. (рис. 9/5) [205].

Л. ст. В квадратном двухлинейном картуше, обрамленном орнаментом, надписи: ضرب بخارا (вариант *а*), بخارا (вариант *б*), عدل بخارا (вариант *в*), ضرب بخارا سنه (вариант *г*).

Об. ст. В поле — дата словами. На монетах вариантов *а*—*б* дата 900 г. х. иногда повторена цифрами.

Тип 6. Бухара 900/1494-95 г. (рис. 9/6).

Л. ст. В треугольном картуше, обрамленном орнаментом, بخارا .

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 7. Бухара 907/1501-02 г. (рис. 9/7).

Л. ст. В фигурном картуше, обрамленном орнаментом (орнамент не реконструирован), ضرب بخارا .

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 8. Бухара 907/1501-02 г. (рис. 9/8) [206].

Л. ст. В трехлепестковом картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 7.

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 9. Бухара 91. г. х. (рис. 9/9).

Л. ст. В фигурном картуше, обрамленном орнаментом (орнамент полностью не реконструирован), ضرب بلد بخارا .

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 10. Бухара 913/1507-08 г., 91., 9.8 гг. х.

Л. ст. В квадратном однолинейном картуше надпись, как у типа 7. В сегментах по сторонам картуша дата цифрами и надпись فلو / س / بلد / سنه .

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 11. Бухара 911/1505-06, 912/1506-07, 914/1508-09 гг. (рис. 9/11) [207].

Л. ст. Как тип 10.

Об. ст. Орнамент.

Тип 12. Бухара 914/1508-09 г. (рис. 9/12) [208].

Л. ст. В горизонтально вытянутом прямоугольном фигурном картуше ضرب بلده بخارا . В сегментах вне картуша عدل شیرمرد

(сверху или внизу) и عاقبت خير باد (соответственно снизу или сверху).

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 13. Бухара 916/1510-11, 917/1511-12 гг. (рис. 9/13) [209].

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном стилизованными веточками, надпись, как у типа 9.

Об. ст. В поле — дата словами (вариант *а*), иногда повторно и цифрами (вариант *б*).

Тип 14. Бухара 917/1511-12, 918/1512-13 гг. (рис. 9/14 об. ст.) [210].

Л. ст. В поле — наименование монетного двора, как у типа 7 (вариант *а*) или как у типа 12 (вариант *б*), и дата словами. Вариант *в* — иногда дата повторена цифрами.

Об. ст. Орнамент.

Тип 15. Бухара 918/1512-13 г. (рис. 9/15).

Л. ст. В шестилепестковом картуше, обрамленном стилизованными веточками, надпись, как у типа 7 (вариант *а*) или как у типа 9 (вариант *б*).

Об. ст. Дата словами.

Тип 16. Бухара 918/1512-13, 919/1513-14 гг. (рис. 10/16).

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 6 (вариант *а*), иногда также дата цифрами (вариант *б*, 918 г. х.).

Об. ст. В поле — дата словами (вариант *а*), иногда на монетах 918 г. х.— повторно цифрами (вариант *б*).

Тип 17. Бухара 922/1516 г.[211].

Л. ст. В поле, обрамленном широкой орнаментальной полосой, ضرب بلده فاخره بخارا .

Об. ст. В поле, обрамленном широкой орнаментальной полосой, дата: вводная формула по-арабски, сама дата на персидско-таджикском языке.

Тип 18. Бухара 924/1518 г.

Л. ст. В вытянутом по горизонтали картуше надпись, как у типа 9. Кругом картуша легенда стерта.

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 19. Бухара 925/1519, 927/1520-21, 928/1521-22 гг. (рис. 10/23) [212].

Л. ст. В восьмилепестковом картуше, обрамленном орнаментом, наименование монетного двора, как в картуше у типа 12.

Об. ст. В шестиугольном фигурном картуше, обрамленном орнаментом, дата цифрами после вводной формулы.

Тип 20. Бухара 930/1523-24 г. (рис. 10/20) [213].

Л. ст. В прямоугольном фигурном картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 7.

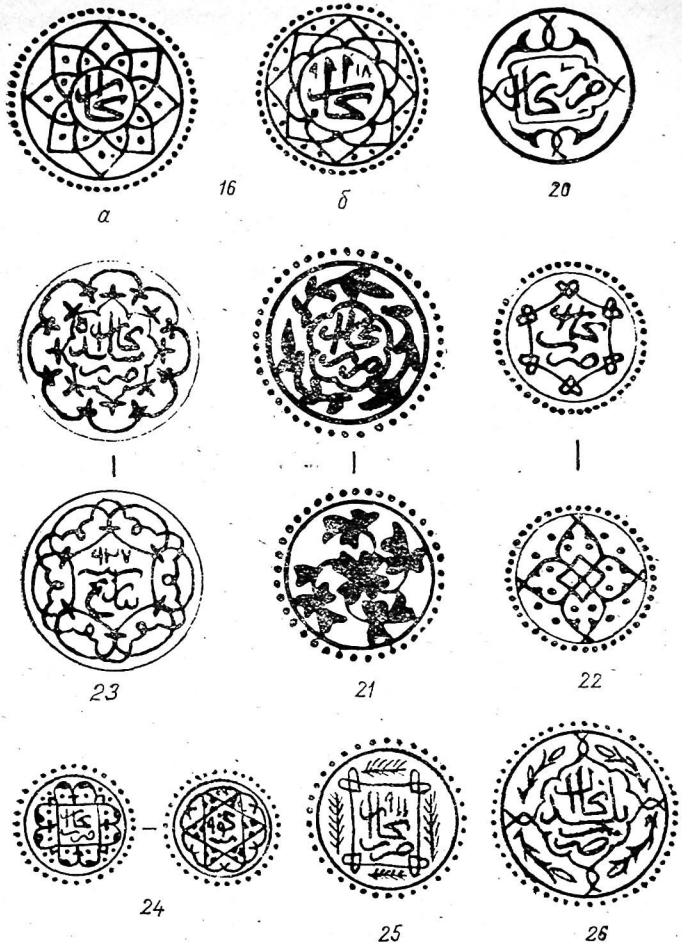


Рис. 10. Монеты Бухары, типы 16—26

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 21. Бухара без даты (рис. 10/21) [214].

Л. ст. В шестилепестковом картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 7.

Об. ст. Орнамент в виде стилизованных веточек.

Тип 22. Бухара без даты (рис. 10/22).

Л. ст. В шестиугольном фигурном картуше надпись, как у типа 7.

Об. ст. Орнамент.

Тип 23. Бухара 817/1414-15 г.[215].

Л. ст. В квадратном однолинейном картуше (читая сверху вниз) عدليه ضرب بخارا. В сегментах по сторонам картуша (начиная с верхнего и далее против часовой стрелки) — дата словами.

Об. ст. В поле — изображение льва влево, за его спиной — восходящее солнце.

Тип 24. Бухара 904/1498-99 г. (рис. 10/24) [216].

Л. ст. В однолинейном вертикально-прямоугольном картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 7.

Об. ст. Картуш в виде шестиконечной звезды, образованной пересечением двух треугольников, обрамлен орнаментом; во внутреннем шестиграннике картуша — дата цифрами после سنه.

Тип 25. Бухара 911/1505-06 г. (рис. 10/25) [217].

Л. ст. В однолинейном вертикально-прямоугольном картуше, обрамленном «елочными» веточками, надпись, как у типа 7, и дата цифрами.

Об. ст. Орнамент.

Тип 26. Бухара 920/1514-15 г. (рис. 10/26) [218].

Л. ст. В фигурном картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 9.

Об. ст. Дата двоякая: словами и цифрами.

3. Типы медных монет Хисара и Хутталяна

Из описываемых 14 типов монет Хисара типы 1,5—14 относятся к первой группе первого разряда, а типы 2—4 — к первой группе второго разряда. Из семи типов монет Хутталяна типы 1,2 (?), 4—7 относятся к первой группе первого разряда, а тип 3 — к первой группе второго разряда.

Тип 1. Хисар 906/1500-01 г. (рис. 11/1) [219].

Л. ст. В восьмиугольном фигурном картуше ضرب حصار.

Об. ст. Дата словами.

Тип 2. Хисар 907/1501-02 г. (рис. 11/2) [220].

Л. ст. В поле ضرب حصار يك ديناری ٩٠٧.

Об. ст. Орнамент.

Тип 3. Хисар 907/1501-02 г. и без даты (рис. 11/3) [221].

Рис. 11. Монеты Хисара, типы 1—9

Л. ст. В четырехлепестковом фигурном картуше, обрамленном веточками орнамента, ضرب حصار دو دينار ٩٠٧ (вариант *а*) или без даты цифрами (вариант *б*).

Об. ст. В поле — изображение джейрана (в разных позициях) среди веточек орнамента и سنه ٩٠٧ (вариант *а*) или без даты (вариант *б*).

Тип 4. Хисар 907/1501-02 г. и без даты (рис. 11/4) [222].
Л. ст. В поле ضرب حصار شادمان دو دينار.
Об. ст. Как у типа 3.

Тип 5. Хисар 908/1502-03 г. и без даты [223].
Л. ст. В поле надпись, как у типа 1.
Об. ст. В поле — маленький джейран среди веточек и дата цифрами (вариант *а*) или без нее (вариант *б*).

Тип 6. Хисар 912/1506-07 г. (рис. 11/6) [224].
Л. ст. В маленьком квадратном картуше, обрамленном орнаментом в виде плетенок, надпись, как у типа 1.
Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 7. Хисар 917/1511-12, 918/1512-13 гг. и без даты (рис. 12/7*а*, 7 об. ст.) [225].
Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 1, и дата цифрами (вариант *а*) или без даты (вариант *б*).
Об. ст. Орнамент (несколько видов).

Тип 8. Хисар 91. г. х, (рис. 11/8—9) [226].
Л. ст. В прямоугольном картуше, обрамленном орнаментом (двух видов), надпись, как у типа 1.
Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 9. Хисар без даты (рис. 11//9—8, 9 об. ст.) [227].
Л. ст. Как у типа 8.
Об. ст. Орнамент.

Тип 10. Хисар без даты [228].
Л. ст. В прямоугольном картуше, обрамленном орнаментом, ضرب حصار شادمان.
Об. ст. Орнамент.

Тип 11. Хисар без даты (рис. 12/11) [229].
Л. ст. Картуш в виде шестиконечной звезды (образованной пересечением равнобедренных треугольников) обрамлен орнаментом; во внутреннем слегка вытянутом по вертикали шестиграннике — надпись, как у типа 10.
Об. ст. Орнамент.

Тип 12. Хисар без даты (рис. 12/12) [230].
Л. ст. В трехлепестковом фигурном картуше, обрамленном орнаментом (двух видов), надпись, как у типа 1.
Об. ст. Орнамент.

Тип 13. Хисар без даты (рис. 12/13) [231].
Л. ст. В поле, ограниченном линейным ободком, ضرب بلد حصار شادمان (вариант *а*) или без эпитета «шадман» (вариант *б*).
Об. ст. Орнамент.

Тип 14. Хисар без даты (рис. 12/14 об. ст.) [232].

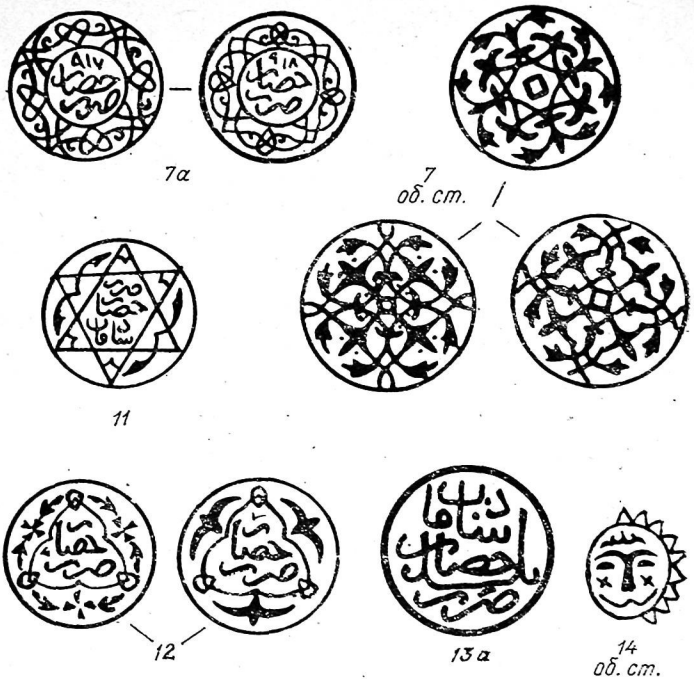


Рис. 12. Монеты Хисара, типы 7—14

Л. ст. В ромбическом картуше, обрамленном орнаментом, надпись, как у типа 1.

Об. ст. Изображение, очевидно, солнца в виде круглого человеческого лика, обрамленного зубцами.

Тип 1. Хутталян 822/1419 г. (рис. 13/1) [233].

Л. ст. Картуш в виде шестиконечной звезды, образованной пересечением двух равнобедренных треугольников, обрамлен орнаментом; во внутреннем слегка по вертикали вытянутом шестиграннике надпись ضرب ختلان .

Об. ст. В четырехлепестковом картуше, обрамленном орнаментом, дата словами.

Тип 2. Хутталян 832/1428-29 г. (рис. 13/2) [234].

Л. ст. В маленьком квадратном картуше, обрамленном орнаментом, слово «зарб»; в четырех сегментах между орнамен-

1 2 7

Рис. 13. Монеты Хутталяна, типы 1, 2, 7

тальным обрамлением надпись, от которой сохранилось только наименование монетного двора, расположенное в двух сегментах ختلا / ن.

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 3. Хутталян 852/1448-49 г.[235].

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, ختلان. Кругом, в шести отсеках картуша, надпись (основанием наружу): فلوس عدليه ضرب.

Об. ст. В поле — дата словами.

Тип 4. Хутталян без даты[236].

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, ضرب ختلان (вариант *а*), реже ضرب بلد ختلان (вариант *б*).

Об. ст. Орнамент.

Тип 5. Хутталян без даты[237].

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, ضرب ختلان.

Об. ст. Орнамент.

Тип 6. Хутталян без даты[238].

Л. ст. В поле надпись, как у типа 5.

Об. ст. Орнамент в виде колеса.

Тип 7. Хутталян без даты (рис. 13/7)[239].

Л. ст. В прямоугольном картуше, обрамленном «елочными» веточками орнамента, от надписи сохранилось только «Хутталян» (внизу), верхняя часть картуша стерта.

Об. ст. Орнамент.

Глава III

НАДЧЕКАНЫ: ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ, АТРИБУЦИЯ

1. Принципы классификации; методы атрибуции

Надчеканы, сделанные на медных монетах в Мавераннахре, состоят из следующих компонентов. Подавляющее их большинство содержит надписи. Общий репертуар надписей: наимено-

вание монетного двора (изолированно или после слова «зарб»= =«чекан», «монета»); слова и короткие фразы, обозначающие достоинство монеты (через собственное наименование, через курс, т. е. отношение к другим монетам или даже через вес); термины, в общей форме удостоверяющие, что надчеканенные монеты — правильные, добротные; даты цифрами. Но есть надчеканы и без всяких надписей — в виде различных орнаментов. Заметный компонент надчеканов — картуши, все надписи заключены в картуши разных конфигураций. Картуши есть простые (круг, квадрат, треугольник, прямоугольник, шестигранник), есть и фигурные, очень изящные. Соотношение «картуш — надпись» самое разнообразное; в картушах разных форм — совершенно одинаковые и совершенно разные надписи; в картушах одинаковых форм также и одинаковые и разные надписи.

Классификация надчеканов (как и всякая классификация, см. гл. II/1) должна быть формализованной, вместе с тем классификационные единицы — содержательными, отражающими объективно существующую разницу и иерархию различий. Исходя из этих соображений, мы еще в 1953 г. разработали принципы классификации надчеканов[240] и впоследствии придерживались их при публикации надчеканов в составе отдельных кладов медных монет. И оказалось, что классификация эта, отражая разные стороны монетной политики и денежного обращения в целом, является поэтому удобным инструментом их изучения.

Смысловой (надписи) и формальный (картуши, орнаменты) материалы надчеканов и монет настолько равнозначны, что объективно определили единство принципов классификации: одинаковую классификационную иерархию (четыре ступени) и одинаковую цену классификационных единиц на каждом уровне Поэтому здесь приведем лишь ее схему (подробнее в гл. II/1). Все надчеканы поделены на два разряда: разряд первый — не содержащие в надписи прямого указания на достоинство монеты; разряд второй — содержащие в надписи такое указание.

Конкретное назначение надчеканов первого разряда выясняется путем анализа косвенных данных и известий других источников. Конкретное назначение надчеканов второго разряда заложено в их надписях, трудность заключается только в том, чтобы правильно прочесть и истолковать эти надписи.

Следующая содержательная часть надписей — наименование монетного двора. Каждый разряд по этому признаку делится на две группы: первая группа первого и второго разрядов — надчеканы с указанием места их производства; вторая группа первого и второго разрядов — надчеканы без указания места их производства[241]. Разряды и группы — две верхние ступени классификационной иерархии, критериями различия здесь являются

наличие, отсутствие и разная содержательность отдельных частей надписей.

Группы делятся на типы; критерий типа внешне формален — это картуш. Форма картуша — заметный внешний признак, который позволяет легко определять надчеканы с типовой точки зрения. А легкость эта, простота различения, как оказалось (см. гл. IV/3), имела большое практическое значение.

Однотипные надчеканы производились то в одном пункте, то чаще в нескольких и даже во многих. Однотипность — признак единовременности. Это не априорное заключение, об этом свидетельствуют даты в однотипных надчеканах, даты однотипных монет и косвенные данные. Продолжительность производства однотипных надчеканов в разных пунктах могла быть и бывала различной, но это было одна акция. Разные типы — разные акции (конкретное значение каждой должно рассматриваться отдельно).

Тип — центральная классификационная единица, ибо именно тип (картуш) знаменовал собой те или иные перемены в обращении медных монет, он — доказательство и единственный (пока) дошедший «документ» декретирования соответствующих мероприятий. Поэтому правильное выделение типов в каждой группе надчеканов — условие верного представления о размахе каждого отдельного мероприятия и об общем количестве таких мероприятий.

Между тем точности таких представлений мешают следующие особенности надчеканов (более всего затрудняющие типологическую классификацию надчеканов самой «объемной», первой группы первого разряда).

Во-первых, простые картуши (например, квадрат) использовались не один раз. Формально все квадратные картуши внутри одной группы мы должны считать одним типом. Но индивидуальная датировка квадратных надчеканов первой группы первого разряда показала, что такие надчеканы были произведены несколько раз. Вместе с тем, разделив квадратные типы = картуши на три типа с отдельными типовыми номерами (типы 3, 13, 19), мы нарушили объективность типовой классификации, внесли в нее субъективный (исследовательский) элемент. В других случаях, наоборот, из-за отсутствия надежных данных для индивидуальной датировки мы сочли разными типами такие картуши, которые, возможно, являются одним типом и должны носить один типовой номер. Пример — шестигранные надчеканы: шестигранник чаще несколько вытянут, в других случаях — равносторонний. Сейчас они получили разные типовые номера (типы 4, 11), но не исключено в дальнейшем их объединение, если индивидуальная датировка покажет, что те и другие производились в одно время, а некоторая разница конфигурации — результат неточной (или легально допущенной и оговоренной) работы изготовителей штемпелей. Иначе говоря,

выделенные сейчас 19 типов надчеканов первой группы первого разряда (табл. 5) — отнюдь не 19 отдельных мероприятий, пока нельзя ставить знак равенства между числом выявленных типов и числом декретов о переменах. Но это дефект не принципов типологической классификации, а уровня возможностей уточнения классификации путем индивидуальной датировки каждого «претендента» на отдельный типовой номер.

Во-вторых, одинаковые по конфигурации картуши иногда имеют разную позицию (которая определяется расположением надписи внутри картуша). Является ли эта позиция картуша классификационным признаком? В тех случаях, когда разную позицию (с поворотом на 90° или 180°) имеют фигурные картуши, не вызывает сомнения, что перед нами один и тот же тип надчекана. Этот вывод опирается и на датированные надчеканы типа 14 первой группы первого разряда: тип 14 представлен фигурным трехлепестковым картушем в двух позициях (с поворотом на 180°), но в надписях — одинаковые даты цифрами. Иначе говоря, позиция картуша определялась удобством расположения в нем надписи и в данном случае самостоятельного классификационного значения не имела. Труднее с картушами простых форм особенно потому, что они употреблялись (см. выше) не единожды. Например, квадратный картуш и ромбический (позиция с поворотом на 90°) — один тип или два разных? Решить этот вопрос могла бы только надежная индивидуальная датировка, но таких данных пока нет, поэтому ромбическим и квадратным надчеканам мы присвоили разные типовые номера (табл. 5), не считая, однако, этот вопрос решенным.

Оговоренные трудности показывают, что конкретные результаты типологической внутригрупповой классификации (особенно внутри первой группы первого разряда), которые будут представлены в следующих разделах главы, автор отнюдь не считает окончательными. Здесь еще много сомнений, которые не скрыты, а подчеркнуты; потребуется дополнительная работа с новыми кладами, материал которых эти сомнения, безусловно, снимет и уточнит число типов надчеканов и индивидуальную датировку времени производства каждого.

Завершая характеристику принципов классификации и ее иерархии, отметим, что типы надчеканов мы иногда еще делим и на варианты. Однако варианты не имеют такого содержательного значения, как разряды, группы и типы. Варианты не меняют назначения и содержания типа. Например, признаки типов первой группы первого разряда: форма картуша при наличии в надписи наименования монетного двора. Но это наименование в надчеканах первой группы может быть поставлено изолированно, без других каких-либо слов или, наоборот, в сопровождении отдельных и разных слов (включая дату цифрами). Вот эта разница и сочтена вариантной (варианты при этом обозначены курсивными буквами).

* * *

Рассмотрим методы атрибуции надчеканов, сравнительное значение и надежность этих методов. Основная задача — определить место производства и дату каждого типа надчеканов, а также продолжительность однотипного надчеканивания. Монетный двор обозначался в надписях надчеканов первых групп первого и второго разрядов, определять места производства надчеканивания нужно, следовательно, для надчеканов вторых групп первого и второго разрядов. Это меньшая часть типов, что, однако, не облегчает задачу. Даты производства надчеканов, наоборот, общая задача, так как даты в надписях самих надчеканов нами зафиксированы пока только для трех типов. Даты эти важны не только сами по себе, но и как ключ для понимания по крайней мере трех моментов: возможной продолжительности однотипного надчеканивания; индекса количества однотипных надчеканов (при продолжительном или кратковременном надчеканивании) внутри кладов с учетом топографии последних; вариантов интервалов между монетными датами и временем производства надчеканивания.

Начнем с методов определения даты и продолжительности однотипного надчеканивания — это самая большая и трудоемкая часть атрибуции надчеканов. Сразу следует оговорить, что самостоятельное значение имеют и абсолютная датировка однотипных надчеканов, и относительная — разнотипных. Относительная датировка разнотипных надчеканов может быть производной из абсолютной датировки однотипных, и наоборот. Но та источниковедческая база, которой мы располагаем, иногда позволяет выяснить либо только относительную, либо только абсолютную дату. Лишь для части типов надчеканов удалось установить обе датировки и составить представление о продолжительности надчеканивания.

Рассмотрим разные источники и методы датировки надчеканов и попытаемся дать критическую оценку каждому методу, опираясь на свой многолетний опыт изучения надчеканов.

1. *Дата надчеканенной монеты.* В гл. II/1 было подчеркнуто, что основная часть типов монет характеризуется наличием даты, обозначенной чаще словами, реже — цифрами, иногда и словами и цифрами одновременно. Монетная дата — это нижний хронологический предел, раньше которого, как представляется на первый взгляд, надчекан не мог быть произведен. В большинстве случаев так оно и есть. Для однотипных надчеканов, которые накладывались на монеты в течение относительно короткого отрезка времени (например, в течение одного календарного года), поздняя из монетных дат безусловно может считаться нижней хронологической границей. При рассмотрении надчеканов, которые накладывались на монеты в течение продолжительного времени (не менее двух календарных

лет), уже требуется некоторая осторожность. Коррективы вносит надчекан типа 14 первой группы первого разряда (см. гл. III/2 и табл. 6). Производился он не менее четырех лет, о чем свидетельствуют даты в надписях надчеканов: от 898/1492-93 до 901/1495-96 г. Среди надчеканов типа 14 много и без дат. Поздняя дата надчеканенных монет — 900/1494-95 г. Если бы надчеканы типа 14 не имели самостоятельных дат, мы на основании поздней даты монеты (900/1494-95 г.) заключили бы, что 900 г. х. является нижней хронологической границей для надчеканов типа 14. Между тем самостоятельные даты надчеканов типа 14 показывают, что надчеканивание началось не после 900 г. х., а по крайней мере на два года раньше. Следовательно, при определении даты надчеканов, производившихся в течение продолжительного времени, позднюю дату надчеканенных монет нельзя механически считать нижней хронологической границей; в этих случаях требуется предварительная оценка самой монетной даты. К сказанному следует добавить, что монетная дата как источник выяснения нижней хронологической границы надчекана практически наименее значима в двух случаях: если монетная дата — серийная (например, 832 г. х., с этой датой монеты чеканили около трех десятилетий); если в монетном чекане был большой перерыв (например, после 861/1456-57 г. следующая известная дата мавераннахрских монет — 894/1488-89 г., а регулярный чекан начался лишь в 897—898 гг. х.).

Итак, даты монет даже для определения нижней хронологической границы производства надчеканов дают в одних случаях слишком примерные ориентиры, в других — требуют осторожности, учета продолжительности и «географии» однотипного надчеканивания. Для индивидуальной же датировки надчеканов монетные даты вообще не имеют самостоятельного значения, ибо без привлечения других данных и других методов нельзя определить хронологическое «расстояние» между известной в данный момент поздней датой надчеканенных монет и датой надчеканивания.

2. *Монетные дворы однотипных надчеканов на фоне общеисторической ситуации.* Этот метод имеет ранг вспомогательного и требует осторожности. Удельные владетели иногда проводили самостоятельную монетную политику. Мухаммад Шейбани-хан не за один год завоевал разные области государства Тимуридов. Например, однотипное надчеканивание в областях, часть которых была уже завоевана Мухаммадом Шейбани-ханом, другая — все еще находилась под властью Тимуридов, представляется маловероятным. Однако некоторые наблюдения убеждают в том, что экономические связи были сильнее политических преград. Поэтому метод сопоставления монетных дворов, производивших однотипное надчеканивание, с общеисторической ситуацией не имеет самостоятельного значения и не мо-

жет дать надежных результатов, если выводы не подкреплены другими данными[242].

3. *Совмещение на монете двух или нескольких разнотипных надчеканов; надчеканы перебитые.* Два или несколько разнотипных надчеканов на одной и той же монете — это одно из доказательств того, что разнотипность — признак отдельных мероприятий по надчеканиванию. Совмещение надчеканов на одной монете говорит также о разновременности их производства. Однако существует важный нюанс, который мы не учли в статье 1953 г.[243] и в отдельных кладовых публикациях: нельзя механически ставить знак равенства между индивидуальной и типовой разновременностью. Совмещение на одной монете разнотипных надчеканов безусловно свидетельствует об их индивидуальной разновременности, вопрос же о типовой разновременности каждый раз должен быть рассмотрен с привлечением других данных и методов. Наблюдение показало, что при безусловной индивидуальной разновременности двух разнотипных надчеканов, оказавшихся на одной монете, датировка их может оказаться одинаковой или близкой при условии достаточно продолжительного надчеканивания и разного регионального происхождения обоих типов. Иначе говоря, при достаточно продолжительном и параллельном (полностью или частично) самостоятельном надчеканивании в двух регионах двумя разными типами надчеканы обоих типов могут оказаться на одних монетах в силу интенсивной циркуляции последних. Если же типовая разновременность не вызывает сомнений (так в большинстве случаев), совмещение надчеканов разных типов на одной монете само по себе не дает материалов ни для абсолютной, ни для относительной датировки этих разновременных типов. Лишь одна ситуация, когда разнотипные надчеканы перебили друг друга, открывает возможность относительной датировки. Однако визуальное наблюдение за перебитыми надчеканами все же субъективно, здесь должны быть применены более точные методы, чтобы надежно определить ранние и поздние. Пока же метод наблюдения за перебитыми надчеканами мы не использовали как самостоятельный для выяснения относительной хронологии разнотипных надчеканов.

4. *Надчеканы в составе кладов.* Изучение надчеканов в составе кладов — очень надежный метод выяснения верхней хронологической границы (наличие надчеканов в кладах), а в большинстве случаев — и нижней хронологической границы (отсутствие надчеканов в кладах с учетом некоторых условий). Первое условие использования этого метода — установление времени сложения клада и его изъятия из обращения. Клады, как показало их изучение, должны иметь две даты (которые чаще всего совпадают): дату этапную (этап денежного обращения, на котором они сложились) и дату индивидуальную (время окончательного выпадения из обращения внутри этапа, т. е. рубеж

прекращения накопления). Клады сами являются хоть и не единственным, но одним из важнейших источников периодизации денежного обращения (см. «Заключение), а периодизация денежного обращения является хотя и не единственным, но одним из важнейших источников этапной и даже индивидуальной датировки кладов. Здесь существует четкая обратная связь.

Верхняя хронологическая граница надчекана — этапная и индивидуальная даты самых ранних кладов, в которых этот надчекан зарегистрирован. Для определения нижней хронологической границы существенно учесть топографию кладов и местоположение монетных дворов, произведших надчекан. Источник заключения — не «наличие», а «отсутствие» надчеканов в кладах. Этот источник становится надежным в том случае, если в кладах из данного региона или исторически сложившейся области нет местных надчеканов. Для надчеканов без наименования монетного двора фактор «отсутствия» становится источником датировки при условии, если предварительно выяснено место (область, регион) производства таких надчеканов. Отсутствие в кладах надчеканов из других регионов не является надежным источником для определения нижней хронологической границы.

Метод датировки надчеканов путем фиксации их «наличия» и «отсутствия» в разноэтапных кладах позволяет прочно определить этап, на котором надчекан был произведен, но не позволяет конкретизировать годы надчеканивания внутри этапа. Зато четкое определение этапной принадлежности надчекана делает более эффективными остальные методы датировки.

Что касается выяснения места производства надчеканов без наименования монетного двора (вторая группа первого и второго разрядов), то тут самые существенные результаты дает сопоставление топографии кладов с внутрикладовой статистикой. В качестве источника используются клады того этапа, к которому относится и сам изучаемый надчекан (контрольные функции выполняют клады других, более поздних этапов). Если в кладах одного этапа, но происходящих из разных регионов количество однотипных надчеканов без наименования монетного двора разнится очень значительно — это основание для определения места производства таких надчеканов: надчеканы принадлежат тому региону, в кладах которого их «много». Важно подчеркнуть, что определения «мало» и «много» должны быть документированы и обоснованы, чтобы исключить субъективность оценки и фактор случайности. Относительная разница количества однотипных надчеканов в кладах при небольшом абсолютном их числе — еще не источник для выводов. «Цена» абсолютного числа изучаемых надчеканов определяется сравнением с самыми многочисленными надчеканами того региона, из которого происходят клады, и контролируется сравнением с самыми многочисленными надчеканами из других регионов.

Эти и другие статистические проверки и оценки — непременное условие объективности выводов. Именно поэтому из многих надчеканов без наименования монетного двора прочную «прописку» получили лишь два. Привлечение большего числа кладов из разных мест откроет, конечно, новые возможности.

Нельзя не отметить, что метод сравнительного анализа внутрикладовой статистики и топографии кладов позволяет делать полезные негативные заключения: не открывая место производства надчеканов, он иногда дает возможность исключить какой-либо регион, сокращая этим территорию дальнейших поисков.

Определение продолжительности производства однотипного надчеканивания также базируется на сравнительном анализе внутрикладовых статистических материалов, причем в качестве модели привлекаются статистические данные относительно надчеканов, имеющих даты, т. е. документированное свидетельство о продолжительности производства.

Конкретное применение рассмотренных выше методов атрибуции надчеканов базируется на результатах изучения и статистической обработки многочисленных кладов третьего, четвертого, пятого и седьмого этапов (их перечень см. «Предисловие»). С контрольными целями привлечены также статистически не обработанные клады, а также разрозненные ныне внекладовые монеты (с надчеканами) из разных музеев СССР. Многим кладам, как это оговорено в «Предисловии», присвоены индивидуальные названия (преимущественно по месту находки).

2. Надчеканы первой группы первого разряда

В надчеканах первой группы первого разряда наименование монетного двора обозначено; задача, следовательно,— датировка типов надчеканов: абсолютная (индивидуальная и [или] поэтапная) и относительная (внутриэтапная). Основным источником являются семь статистически обработанных нами кладов, причем существенное значение имеет не уточненная дата отложения каждого клада в отдельности (тем более что для рассматриваемого времени такое уточнение может быть сделано на основе датировки надчеканов, а не наоборот), а этап сложения в соответствии с общей периодизацией денежного обращения. Семь кладов принадлежат трем этапам (табл. 4), хронологические рубежи этих этапов и являются существенным подспорьем для датировки надчеканов.

Прочтено наименование 27 монетных дворов, они и локализованы; три монетных двора не локализованы[244]. Из 27 монетных дворов 24 мавераннахрские, они учтены в сводной таблице надчеканов первой группы (табл. 5). Внемавераннахрские монетные дворы будут упомянуты в тексте.

Таблица 4

Периодизация кладов с надчеканами первой группы первого разряда

Этап	Хронология этапа	№ и названия кладов (см. «Предисловие»)	Место отложения (область)
7	От 917/1511-12 г. до второй половины второго десятилетия XVI в.	27. Нурекский 30. Самаркандский 31. Чилекский 32. Ташкентский	Хисар Самарканд » Ташкенд
5	От 906—907 до 914 г.х. (1500—1507)	21. Ангренский и «клады» II—V	Ташкенд
4	Последнее десятилетие XV в. (начало — несколько раньше)	13. Узбекон-тепинский 14. Душанбинский	Хисар »

В каждом кладе представлены надчеканы, произведенные на меньшем числе монетных дворов, причем некоторые монетные дворы являются общими для всех или большинства кладов, другие же, наоборот, открыты меньшим числом кладов (а то и одним). Соотношение «монетные дворы — клады» получило отражение в табл. 5. Клады, в составе которых есть надчеканы того или иного монетного двора, обозначены в соответствующей графе начальной буквой своего условного названия по месту находки. В табл. 5 включены и те внекладовые надчеканы, которые не были выявлены в составе названных кладов.

Существенная характеристика — количество надчеканов разных монетных дворов в составе кладов. Клады из трех исторически сложившихся областей (Самаркандской, Ташкендской, Хисарской) убедили в том, что наиболее интенсивно надчеканивание производили три монетных двора: Бухара, Самарканд и Хисар. Иногда все они производили однотипное надчеканивание, надчеканы такого типа мы будем называть «общегосударственными». Надчеканы других типов на всех трех монетных дворах не производились, в их надписях из этих монетных дворов можно прочесть названия одного или двух. Если в таких случаях исключается фактор случайности — надчеканы этих типов мы будем называть «региональными». Экономическое значение «общегосударственных» и «региональных» надчеканов рассмотрено в гл. IV/3.

В составе всех кладов выявлено 19 типов надчеканов первой группы (рис. 14). Всех 19 типов нет ни в одном кладе, над-

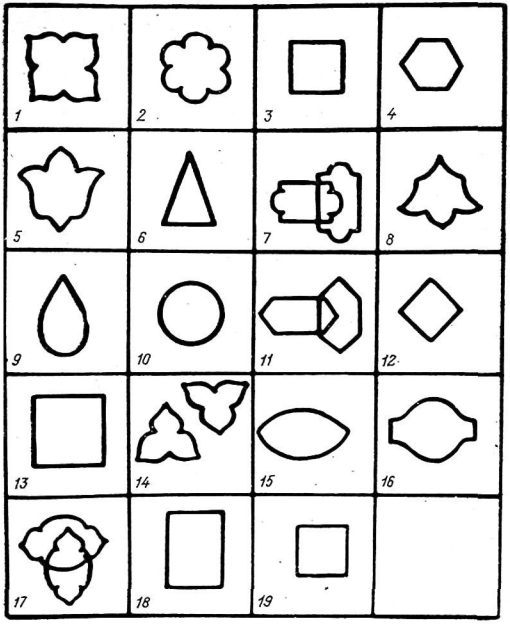


Рис. 14. Типы надчеканов первой группы первого разряда

чеканы некоторых кладов многотипны (например, в Нурекском кладе зафиксировано 15 типов), других — наоборот (например, в Душанбинском кладе — пять типов, в Узбекон-тепинском — шесть типов). Соотношение «типы — клады» также получило отражение в табл. 5.

Всем 19 типам надчеканов дана сплошная нумерация (однако порядковые номера не являются точным отражением относительной хронологии производства надчеканов), и номер каждого типа уже не меняется ни в тексте, ни в других таблицах.

Неизменный типовой номер у каждого из выявленных надчеканов нужен не только для нашего исследования, он будет удобным инструментом для обработки и публикации новых кладов медных монет XV—XVI в., для сравнения кладов по составу надчеканов и для изучения денежного обращения. При этом имеется в виду, что типы надчеканов первой группы, отсутствующие в табл. 5, по мере их обнаружения будут получать следующие порядковые номера.

Таблица 5

Мавераннахрские надчеканы первой группы первого разряда в шести кладах *

Место производства надчеканов	Тип надчеканов							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Ахсы	*				*			
Бухара			НС		НС ЧА	НС ЧА	А	
Вабкана			НС					
Вахш								
Замин			НС					
Карши	НС	НСЧ						
Кеш		НЧ						
Кабадиййан								
Куфин	*	НСЧ						
Куча-и Малик		*						
Миййанкал							СА	
Наванд								
Наубазар								
Парак							А	
Самарканд	НС	НСЧ		НС			А	
Ташкенд	*							
Термез					А			
Хисар			НС		НСЧ А		НСЧ А	Н
Хутталян								
Чаганиййан					НС			
Шаудар	НС	Н						
Шахрисябз								
Шахрухиййа								
Шираз		*						

* Условные обозначения: Н — Нурекский клад; С — Самаркандский клад; У — Узбекон-тепинский клад; * — не обнаруженные в шести кладах надче

(см. рис. 14)

9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
					ЧА					
					НЧ АДУ					
						АД				
					АУ					
	*									
						Д				
					А					
						ДУ				
						Д				
	НСЧ	С			НЧ АДУ					
				СЧА						
						АДУ		У		
НС	С	Н	А			НА ДУ	ЧА ДУ	АДУ	АДУ	У
						ДУ				
С		С	С			АДУ		Д		
					ЧАД					
				А						

Ч — Чилекский клад; А — Ангренский клад; Д — Душанбинский клад; каны.

Последняя классификационная единица — вариант: типы делятся на варианты. Обязательный и общий признак всех 19 типов — наличие наименования монетного двора (в отдельных случаях с присущим ему эпитетом, например, Хисар-и шадман). Критерием деления на варианты является разница других частей надписи надчеканов. В соответствии с этим критерием надписи 19 типов мавераннахрских надчеканов первой группы могут быть поделены на четыре варианта:

а — только наименование монетного двора;

б — наименование монетного двора после слова «зарб» (=«чекан», «монета»);

в — наименование монетного двора и слово «ʿадил» (=«[монета] правильная»);

г — наименование монетного двора, слово «ʿадил» и дата цифрами (полная или частичная).

Типы и варианты перекрещиваются различно. Тип обычно представлен одним или двумя вариантами, иногда тремя. Самые распространенные варианты надписей — это *б* и *в*.

Тип 1 (рис. 14/1) — четырехлепестковый картуш с заостренными уголками. Среди самаркандских надчеканов этого типа несколько имеют округлые уголки[245]. Надпись надчеканов — вариант *в*. Надчеканы типа 1 отсутствуют в кладах четвертого и пятого этапов, что является первым датирующим моментом. Они многочисленны в Самаркандском и Нурекском кладах седьмого этапа, но их нет в Чилекском кладе этого же этапа. В трех кладах седьмого этапа хорошо представлены надчеканы типа 2, причем в Самаркандском и Нурекском кладах надчеканы типов 1 и 2 особенно часты на одних и тех же монетах. Уже из одного этого следует, что надчеканы типа 1 сделаны не только после надчеканов типа 2, но и вообще на седьмом этапе являются позднейшими. Поздние монеты с надчеканами типа 1: в Нурекском кладе — Бухара 916—917 гг. х.; в Самаркандском кладе — Бухара 917—918 гг. х. Многочисленность этих надчеканов (даже в Нурекском кладе, для которого они территориально «чужие», 31 надчекан) позволяет допустить, что они производились продолжительное время, возможно не один год. Но 917 г. х. как начало отпадает, так как на монетах 917 г. х. есть более ранние надчеканы — типа 2. Правдоподобно допустить, что производство надчеканов типа 1 началось в 918 г. х. и продолжалось по крайней мере в 919 г. х. или еще дольше (ср. ниже, тип 14). Монетные дворы — Карши, Самарканд, Шаудар (по двум кладам), Ахсы (на внекладовой монете) и др.[246]. К типу 1, вероятно, следует относить внекладовые надчеканы Куфина и Ташкенда (картуш с округлыми уголками, но такой вид есть среди надчеканов Самарканда) [247].

Интенсивнее всего работал монетный двор Самарканда (46 надчеканов в Самаркандском кладе, 23 — в Нурекском). Несмотря на многочисленность зарегистрированных (в кладах

седьмого этапа и на отдельных монетах из числа разрозненных монетных находок) надчеканов типа 1, нет ни одного, сделанного в Бухаре или Хисаре. Это значит, что надчеканы типа 1 — не общегосударственное, а региональное мероприятие, ведущим центром которого был Самарканд.

Тип 2 (рис. 14/2) — шестилепестковый картуш с округленными уголками (у одного надчекана лепестки розетки заострены). Надписи надчеканов — варианты *а* и *в*. Надчеканы типа 2 отсутствуют в кладах четвертого и пятого этапов и многочисленны в кладах седьмого этапа. В отличие от надчеканов типа 1 они есть даже в Чилекском кладе (49 надчеканов). Поздняя дата надчеканенных монет — 917 г. х. Многочисленность этих надчеканов (в Нурекском кладе, для которого они «чужие»,— 39) свидетельствует о продолжительности их производства. Вместе с тем они предшествовали надчеканам типа 1. Ясно, что надчеканы типа 2 в 917 г. х. уже производились, надчеканивание продолжалось, вероятно, и часть 918 г. х. Монетные дворы — Карши, Кеш, Куфин, Куча-и Малик[248], Самарканд, Шаудар, Шираз (самаркандский)[249].

Интенсивнее всего работал монетный двор в Самарканде (36 надчеканов в Чилекском кладе, 46 — в Самаркандском, 20 — в Нурекском). Не зарегистрированы надчеканы типа 2 для Бухары и Хисара. Это позволяет надчеканы типа 2 считать не общегосударственным, а региональным мероприятием, ведущим центром которого был Самарканд. Создается впечатление, что надчекан типа 2 был более масштабным и продолжительным мероприятием, чем надчеканы типа 1 того же региона.

Тип 3 (рис. 14/3) — квадратный картуш. Надпись надчеканов — вариант *б*. Надчеканов типа 3 нет в кладах четвертого и пятого этапов, они характерны для седьмого этапа. Однако многочисленные в Нурекском, Самаркандском и Ташкентском кладах, они не выявлены в Чилекском кладе. Монетные дворы — Бухара, Вабкана, Замин и Хисар. Количественно преобладают надчеканы Бухары и Хисара. Следовательно, надчеканы типа 3 — региональное мероприятие, ведущие центры которого Бухара и Хисар. Из этого следует, что на седьмом этапе мы фиксируем уже три региональных мероприятия: два с центром в Самарканде (типы 1—2) и одно с центром в Бухаре — Хисаре (тип 3).

Поздние даты надчеканенных монет — 917 и 918 гг. х. Вместе с тем надчеканы типа 3 встречаются на одних и тех же монетах с надчеканами типов 1—2 (чаще сочетаются типы 2 и 3, реже типы 1 и 3, в единичных случаях все три типа на одной монете). Сочетание свидетельствует о хронологической последовательности производства надчеканов, но даты надчеканенных монет (у типов 1 и 3 поздние — 918 г. х., у типа 2—917 г. х.) не уточняют относительную хронологию: они одинаковы. Дли-

тельность производства надчеканов типа 3 (так же как типов 1—2), их отсутствие в раннем из кладов седьмого этапа (в котором много надчеканов типа 2, но нет надчеканов типов 1, 3), разное региональное происхождение типов 1—2 (Самарканд) и типа 3 (Бухара — Хисар) — все это позволяет заключить, что в целом надчеканы типа 3 синхронны надчеканам типов 1—2. Отдельные конкретные надчеканы типа 3 могли быть сделаны раньше и позже отдельных конкретных надчеканов типов 1—2, это зависело от направления циркуляции монет между разными регионами. Самаркандские надчеканы типов 1—2 в составе Самаркандского же клада по времени производства можно признать позднейшими (если клад целиком сложился в Самарканде), а это значит, что надчеканы типа 3 на одних монетах с самаркандскими надчеканами типов 1—2 в Самаркандском кладе правдоподобно считать сделанными раньше. Иначе говоря, эти конкретные монеты сначала получили надчекан типа 3, а потом в Самарканде — надчекан типа 2 или 1. Равным образом хисарские надчеканы типа 3 в составе Нурекского клада следует признать позднейшими, а это значит, что те несколько монет, на которых хисарские надчеканы типа 3 сочетаются с самаркандскими надчеканами типов 1—2, сначала были надчеканены в Самарканде (тип 1 или 2), а потом — в Хисаре (тип 3), т. е. здесь конкретные надчеканы типа 3 были произведены позже. Учет поздних дат надчеканенных монет (917—918 гг. х.) в свете всего сказанного позволяет наметить и абсолютные даты: производство надчеканов типа 3 началось либо несколько позже надчеканов типа 2 (возможно, в силу этого в Чилекском кладе много надчеканов типа 2, но еще нет надчеканов типа 3), либо даже одновременно, т. е. в 917 г. х. уже имело место и продолжалось в 918 г. х. или даже еще несколько позже[250]. Надчеканы типов 1—2 и типа 3, следовательно,— параллельные мероприятия в разных регионах.

Тип 4 (рис. 14/4) — картуш — маленький правильный шестигранник в двух позициях. Монетный двор — Самарканд. Надпись надчекана — вариант *в*. Поздняя дата надчеканенной монеты — 917 г. х., т. е. они относятся к седьмому этапу. Но уточнить их хронологическое место внутри этапа и по отношению к самаркандским же надчеканам типов 1—2 пока невозможно, так как они единичны и в Нурекском, и в Самаркандском кладах.

По формальным признакам нами в качестве отдельного типа (тип 11) выделены надчеканы, шестигранный картуш которых несколько вытянут то по горизонтали (Хисар), то по вертикали (Самарканд, Чаганиййан). Эти надчеканы также единичны, они обнаружены в кладах седьмого этапа и отсутствуют в кладах четвертого и пятого этапов, что как будто дает основание определить нижний хронологический рубеж (см. тип 11) их

производства. Если новый более обширный материал покажет, что надчеканы типа 11 произведены в 917 г. х. или позже, это даст основание нынешние типы 4 и 11 объединить в один тип, относящийся к седьмому этапу [251].

Тип 5 (рис. 14/5) — картуш фигурный, в единичных случаях перевернут на 180°. Надпись надчеканов — варианты *б* и *в*. Произведены надчеканы в Ахсы [252], Бухаре, Термезе, Хисаре и Чаганиййане. Самаркандских надчеканов подобного типа нет, следовательно, надчеканы типа 5 могут быть отнесены к числу региональных. Для датировки существенны следующие показатели. В кладах седьмого этапа эти надчеканы единичны, в кладах четвертого этапа, т. е. самых ранних из числа рассматриваемых (Душанбинском и Узбекон-тепинском), их вовсе нет. Зато они органически входят в состав Ангренского клада (пятый этап), в котором тип 5 — один из ведущих. Отсюда верхняя хронологическая граница — 913—914 гг. х. Бухарский надчекан этого типа в составе Самаркандского клада есть на монете Бухары 910 г. х.: это ориентир для нижней хронологической границы. Привлекает внимание одна статистическая деталь: в Ангренском кладе 76 надчеканов Бухары и фактически нет надчеканов из региона Хисара (даже в кладах седьмого этапа Самаркандском и Нурекском надчеканы Хисара и Чаганиййана представлены лучше). Если причина кроется в особенностях денежного обращения, это значит, что надчекан типа 5 производился незадолго до реформы 913—914 гг. х. Шейбани-хана; монеты с этими надчеканами еще не успели широко разойтись до того, как был упрятан Ангренский клад. Такая ситуация — источник уточнения датировки. Но не следует исключать и частные причины. Решить этот вопрос может состав надчеканов в кладах того же времени сложения, что и Ангренский [253], нужно ждать эти дополнительные материалы.

Тип 6 (рис. 14/6) — картуш несколько вытянутый вертикально-равнобедренный треугольник. Надпись — варианты *а* и *б*. Надчеканы произведены на двух монетных дворах (наименование одного прочесть не удалось, второй — Бухара), но количественно преобладают бухарские (и они же дают оба варианта надписей). В кладах седьмого этапа зафиксированы надчеканы Бухары, в Ангренском — обоих монетных дворов. Уточняют датировку Ангренский и Самаркандский клады. Три бухарских надчекана зафиксированы на трех монетах Бухары 910 г. х. На трех других монетах совершенно ясно видно, что бухарские надчеканы типа 6 перебиты бухарскими же надчеканами типа 5. Следовательно, надчеканы типа 6 были произведены после 910 г. х., но раньше надчеканов типа 5. А это, в свою очередь, говорит в пользу предположения о сравнительно позднем происхождении надчеканов типа 5, сделанных, возможно, незадолго до реформы Шейбани-хана.

Тип 7 (рис. 14/7) — картуш прямоугольный с фестончатым оформлением коротких сторон, имеет две позиции: вертикальную и горизонтальную. Надписи — варианты *б* и *в*. Надчеканы произведены в Бухаре, Миййанкале, Параке, Самарканде (горизонтальная позиция картуша) и в Хисаре (вертикальная), т. е. являются общегосударственными. В кладах седьмого этапа они немногочисленны и сохранили наименование одного либо двух монетных дворов, все монетные дворы представлены в Ангренском кладе. В последнем надчекан типа 7 — один из трех самых многочисленных (зафиксировано 56 надчеканов). Понятно, что в Ангренском кладе среди надчеканов типа 7 большое место занимают надчеканы Парака (12), но все же количественно преобладают самаркандские (34). Самая поздняя дата надчеканенных монет в Ангренском кладе — 901 г. х. Но некоторые из надчеканов Самарканда в надписи содержат дату цифрами: иногда цифру сотен (9); в одном случае три цифры (9, 0 и 1), расположенные в разных местах внутри картуша (что позволяет читать 901 или 910 г. х.); и еще в одном — четко подряд 910 г. х.

Тип 8 (рис. 14/8) — фигурный картуш. Надчекан произведен в Хисаре, поздняя дата надчеканенных монет — 90. г. х. В Нурекском кладе два таких надчекана, в остальных такие надчеканы вообще не выявлены. Привлекает внимание близость (но не тождественность) картуша этого надчекана (если его перевернуть на 180°) с картушем надчеканов типа 5. Выше уже отмечалось, что среди надчеканов типа 5 есть единичные с картушем, перевернутым на 180°, причем такие надчеканы сделаны именно в Хисаре. Уточнение датировки типа 8 на более широком материале позволит решить вопрос: действительно ли этот тип 8 — самостоятельный, или его нужно слить с типом 5.

Тип 9 (рис. 14/9) — картуш миндалевидный. Надпись надчеканов — варианты *б* и *в*. Надчеканов этого типа нет в кладах четвертого этапа (Душанбинском и Узбекон-тепинском), нет в Ангренском кладе пятого этапа, но один надчекан этого типа Сусенкова зафиксировала в Сукокском кладе («Предисловие», клад № 33). Нами этот тип надчеканов выявлен лишь в кладах седьмого этапа. Но даже в больших кладах эти надчеканы немногочисленны: в Нурекском — 3, в Самаркандском — 11. Произведены они, по нашим данным, в Балхе, Хисаре, Хутталяне и Чаганиййане. В единственном же надчекане Сукокского клада Сусенкова прочла «Самарканд». Отсутствие надчеканов Балха и Чаганиййана, особенно же Хисара и Хутталяна в Душанбинском и Узбекон-тепинском кладах, сложившихся на территории Хисара, убеждает в том, что надчеканы эти произведены после отложения этих кладов, т. е. после 907 г. х. Этот нижний хронологический рубеж пока и является единственным прочным основанием датировки надчеканов типа 9.

Тип 10 (рис. 14/10) — картуш круглый. Надпись — варианты *б, в, г.* Монетные дворы — Кеш, Самарканд, Хисар. В ранних кладах надчеканы типа 10 не зафиксированы, а в кладах седьмого этапа — единичны. В одном надчекане (Нурекский клад, наименование монетного двора стерто) дата цифрами — 906 г.х. В надчекане Самарканда (ГЭ № 31903) также дата, но не совсем ясна цифра единиц (907 г. х.?). Надчекан Кеша (ГЭ № 51026) частично сбит, видна цифра «2» (это скорее всего обычный «перевертыш» цифры «6»).

Тип 11 (рис. 14/11) — картуш маленький шестигранник, несколько вытянутый по горизонтали или по вертикали. Надчеканы произведены в Самарканде, Чаганиййане (картуш вытянут по вертикали) и в Хисаре (по горизонтали). Надписи надчеканов — вариант *б* (Хисар, Чаганиййан) и вариант *в* (Самарканд). В ранних кладах тип 11 не зарегистрирован. В кладах седьмого этапа надчеканы этого типа единичны. Для их самостоятельной датировки данных нет, так как надчеканенные монеты потерты. Отсутствие в ранних кладах также не является серьезным аргументом, так как и в поздних они единичны. Требуют проверки на более широком материале два соображения: не является ли тип 4 и тип 11 на самом деле одним типом; не разнотипны ли (т. е. не разновременны ли) надчеканы Самарканда (типы 4 и 11) и надчеканы Хисара — Чаганиййана (тип 11). Необходимость этой проверки оговорена при описании типа 4.

Тип 12 (рис. 14/12) — картуш ромбический, маленький. Монетные дворы — Хисар и Чаганиййан. Надпись — вариант *б* (Чаганиййан) и вариант *в* (Хисар). Единичные надчеканы выявлены в кладах пятого этапа (Ангренский — два надчекана Хисара) и седьмого (Самаркандский — один надчекан Чаганиййана, Нурекский — надчекан со стертым наименованием монетного двора). В кладах четвертого этапа, сложившихся на территории области Хисар (Душанбинский и Узбекон-тепинский), этих местных надчеканов нет. Возникает предположение, что надчеканы типа 12 были произведены после четвертого этапа, т. е. между 907—914 гг. х. Нельзя вовсе упустить из виду совсем другое решение. В Узбекон-тепинском кладе четвертого этапа есть один надчекан Хисара в маленьком квадратном картуше (тип 19). Не одноактное ли мероприятие надчеканы типов 12 и 19 (поворот картуша для удобства размещения надписей зарегистрирован неоднократно)?[254]. Если дальнейшие монетные находки и другие клады подтвердят последнее предположение, то это будет означать, что надчеканы типа 12 произведены не на пятом, а на четвертом этапе, т. е. не после, а до 907/1501-02 г.

Тип 13 (рис. 14/13) — картуш квадратный, большой. Надчеканы произведены в Ташкенде и Шахрухиййе, т. е. являются региональными. Надписи — вариант *б* (Шахрухиййа) и вари-

Таблица 6

Монетные дворы Мавераннахра и даты надчеканов типа 14 в кладах

Монетный двор	Год хиджры				Без даты
	898	899	900	901	
Ахсы					+
Бухара	+	+			+
Карши			+		+
Миййанкал					+
Самарканд	+	+	+	+	+
Шахрисябз			+	+	+

ант *в* (Ташкенд). Надчеканы зарегистрированы в кладах пятого этапа (в Ангренском — три надчекана Ташкенда и один — Шахрухиййи, в «кладе» III — надчекан Шахрухиййи) и седьмого (в Самаркандском — два надчекана Ташкенда, в Чилекском — три таких же) [255]. Отсутствие надчеканов типа 13 в кладах четвертого этапа не является надежным аргументом для их датировки, так как эти клады сложились в другом регионе (Хисар), между тем надчеканы малочисленны даже в Ангренском и Сукокском кладах, т. е. в области самого Ташкенда. Даты надчеканенных монет в составе кладов (899, 900 гг. х.) не дают возможности определить даже этап, на котором надчеканы произведены. В данном случае уточнение вносит внекладовая монета с надчеканом Ташкенда: она выпущена в 907 г. х.[256]. Надчеканы сделаны в регионе Ташкенд — Шахрухиййа, вероятно на пятом этапе (между 907—914 гг. х.).

Тип 14 (рис. 14/14) — фигурный трехлепестковый картуш (в единичных случаях два или три уголка округлены). Монетные дворы — Ахсы, Бухара, Карши, Миййанкал, Самарканд, Шахрисябз. За пределами Мавераннахра — такой же тип надчеканов (с двумя или тремя округленными уголками) производили в Балхе[257]. Трехлепестковый картуш надчеканов Шахрисябза повернут вершиной вниз, картуш всех остальных монетных дворов — вершиной вверх. Надписи надчеканов — вариант *б* (Хисар), вариант *в* (остальные города) и вариант *г*; последний особенно важен, так как содержит даты цифрами (табл. 6) от 898 до 901 г. х.[258].

Датированные надчеканы типа 14 — ключ к пониманию ряда важных вопросов организации монетного дела и денежного обращения. Сразу отметим существенный момент: даты показывают, что однотипное надчеканивание могло производиться в течение длительного времени. Существенно также, что даты в надчеканах и даты надчеканенных монет иногда совпадают. Надчеканы типа 14 целиком относятся к четвертому этапу, о чем свидетельствуют их даты; соответственно они многочислен-

ны в кладах четвертого этапа: в Душанбинском кладе из 679 надчеканенных монет на 95 экземплярах (14%) есть надчеканы типа 14, в Узбекон-тепинском кладе из 458 надчеканенных монет — на 44 (9,6%). Среди надчеканов первой группы первого разряда в этих кладах они самые многочисленные (соответственно 46,3 и 43,1%), их число превышает самые многочисленные местные надчеканы типа 15. Но их очень много и в более поздних кладах пятого этапа (в Ангренском они зарегистрированы на 183 монетах). Значительная часть монет с надчеканом типа 14 четвертого этапа на пятом этапе сохранилась благодаря следующим, более поздним надчеканам, но много и без таких поздних надчеканов. Есть надчеканы типа 14 и в кладах седьмого этапа, но уже в небольшом количестве. Например, в Нурекском кладе всего 15 таких надчеканов, в Чилекском — 8 и т. д. Привлекает внимание, что в количественном отношении на первом месте — Самарканд и Бухара, но и между этими двумя монетными дворами большая разница: Самарканд резко опережает Бухару, причем объективность и надежность этого наблюдения — топография кладовых находок самаркандских надчеканов значительно больше в кладах, найденных в разных областях. Вот примеры: Душанбинский клад — 54 Самарканд и 20 Бухара; Узбекон-тепинский — 29 Самарканд и 5 Бухара; Ангренский — 133 Самарканд и 15 Бухара; Сукокский клад — 68 Самарканд и 9 Бухара. Даже малочисленные надчеканы этого типа в кладах седьмого этапа сохраняют эту разницу.

Тип 15 (рис. 14/15) — картуш чечевицеобразный горизонтальный. Монетные дворы — Вахш, Кабадиййан, Наванд, Наубазар, Термез, Хисар, Хутталян, Чаганиййан и еще один, наименование которого сохранилось фрагментарно и пока не может быть реконструировано. Несмотря на большое число монетных дворов (минимум девять), надчеканы типа 15 безусловно региональные, так как все монетные дворы расположены на юге Таджикистана и Узбекистана. Надписи надчеканов — вариант *б* (Хутталян и нереконструированное наименование монетного двора) и вариант *в* (все остальные). Надчеканы типа 15 в поздних кладах (седьмого этапа) единичны или вовсе отсутствуют, немного их в Ангренском кладе пятого этапа (хотя в нем представлено несколько монетных дворов: Вахш, Термез, Хисар, Чаганиййан и др.). Зато многочисленны надчеканы типа 15 в двух кладах четвертого этапа: в Душанбинском — 66 (32,2%), в Узбекон-тепинском — 29 (28,4%). Клады найдены в той области, где произведены сами надчеканы типа 15, следовательно, сравнительное количество надчеканов разных монетных дворов в составе кладов с большей долей достоверности отражает сравнительную интенсивность и продолжительность их работы, чем это показал бы состав кладов из других областей. В свете сказанного привлекает внимание тот факт, что в двух кладах

нет бесспорного преобладания какого-либо одного монетного двора (как, например, Самарканд в типе 14) или нескольких над остальными. Разница абсолютных цифр[259] столь невелика, что свидетельствует о примерной равномерности работы почти всех названных монетных дворов на том отрезке времени, когда производилось надчеканивание типа 15,— вывод небесполезный для рассмотрения некоторых вопросов развития товарно-денежных отношений (см. гл. VI/3 и «Заключение»).

Состав кладов убеждает в том, что надчеканы типа 15 произведены на четвертом этапе, т. е. в последнем десятилетии XV в., до 907/1501-02 г., но уточнение времени надчеканивания внутри этапа затруднительно. Поздняя дата надчеканенных монет — 899/1493-94 г. На нескольких надчеканах этого типа в картуше слева виден значок, похожий на цифру «9», но двух других цифр нет. Весьма существенно, что надчеканы типов 14—15 очень редко встречаются на одной и той же монете. Вместе с тем на одной монете четко видно, что надчекан типа 15 перебил надчекан типа 14, т. е. тип 15 в данном случае позднее типа 14. Правдоподобным представляется, что в силу продолжительности производства надчеканов типа 14 (четыре года или больше) и типа 15 в рамках четвертого этапа они хронологически близки и на каком-то отрезке времени производились параллельно: первые на монетных дворах преимущественно центрального Мавераннахра, вторые — региона Хисар. Ситуация напоминает соотношение надчеканов типов 1—2 с типом 3.

Тип 16 (рис. 14/16) — фигурный картуш. Монетный двор — Хисар с его эпитетом «шадман», т. е. «Хисар-и шадман». Надпись — вариант *б*. Надчекан типа 16 относится к четвертому этапу (т. е. к последнему десятилетию XV в., не позднее 907/1501-02 г.), так как в относительно значительном для одного монетного двора количестве выявлен в обоих кладах четвертого этапа: в Душанбинском — 15, в Узбекон-тепинском — 5. В кладах пятого и седьмого этапов эти надчеканы единичны, и то не во всех. Поздняя дата надчеканенной монеты (898 г. х.) не дает оснований для уточнения времени производства надчекана внутри четвертого этапа.

Тип 17 (рис. 14/17) — фигурный картуш в двух позициях (горизонтальной и повернутой на 90°, т. е. вертикальной). Монетные дворы — Балх, Термез, Хисар, Чаганиййан и еще один, прочтение которого невозможно из-за фрагментарной сохранности. Надпись — вариант *в*. Надчеканы типа 17 — региональное мероприятие четвертого этапа. Они органически входят в состав кладов этого этапа: в Душанбинском — 20 (Хисар, Чаганиййан), в Узбекон-тепинском — 15 (Термез, Хисар). В кладах пятого и седьмого этапов надчеканы типа 17 единичны. Для уточнения времени их производства внутри четвертого этапа и хронологического соотношения с надчеканами типов 15 и 16 на-

Таблица 7

Поэтапная хронология надчеканов первой группы первого разряда

Этап	Хронология этапа	Типы надчеканов
7	От 917/1511-12 г. до второй половины второго десятилетия XVI в.	1, 2, 3, 4
5	От 906—907 до 914 г. х. (1500—1507)	5, 6, 7, 13
4	Последнее десятилетие XV в. (начало — несколько раньше)	10, 14, 15, 16, 17, 18, 19

дежной опоры пока нет. Поздняя дата надчеканенных монет — 899 г. х. Привлекает внимание, что надчекан Балха этого типа, отсутствующий в двух кладах четвертого этапа, зарегистрирован именно в поздних — Ангренском (пятого этапа), Нурекском и Самаркандском (седьмого этапа). Случайность это или закономерность — решить невозможно. Если более широкий материал будет свидетельствовать в пользу закономерности, то это позволит предположить, что надчеканы типа 17 сделаны ближе к концу четвертого этапа, в силу чего монеты с надчеканами Балха «перешли» рубеж Амударьи позже сложения двух рассмотренных кладов четвертого этапа. Пока же достоверна лишь общая этапная датировка: последнее десятилетие XV в., не позднее 907/1501-02 г.

Тип 18 (рис. 14/18) — прямоугольный (вытянутый по вертикали) картуш. Монетные дворы — Кундуз и Хисар с его эпитетом «шадман» (т. е. «Хисар-и шадман»). Надпись Хисара — вариант *б*, надпись Кундуза — «'Адил. Фулус-и Кундуз». Такие надчеканы есть в кладах пятого этапа, но там они единичны (например, в Ангренском, в «кладах» II—III). В кладах четвертого этапа зафиксирован только надчекан Хисара, зато в относительно представительном количестве: в Душанбинском — 9, в Узбекон-тепинском — 8. Поздняя дата надчеканенных монет — 899 г. х., что вместе с составом кладов позволяет отнести надчекан типа 18 к четвертому этапу и считать региональным мероприятием.

Тип 19 (рис. 14/19) — картуш квадратный, маленький. Монетный двор — Хисар. Надпись — вариант *в*. Зарегистрирован только на одной монете Узбекон-тепинского клада. Клад — четвертого этапа, следовательно, и надчекан сделан не позднее четвертого этапа. Заслуживает внимания сопоставление этого единичного надчекана Хисара с единичными же надчеканами Хисара и Чаганиййана типа 12 в маленьком ромбическом карту-

ше: не один ли это тип (при двух позициях одного и того же картуша, чему есть несколько аналогий — типы 7, 11, 14, 17)?

Разработанные нами методы сравнительного анализа комплекса косвенных данных для датировки надчеканов и конкретное применение этих методов для определения времени производства 19 типов надчеканов в составе нескольких кладов дали определенные, но не во всех случаях равнозначные результаты. Большинство типов удалось распределить по этапам (в соответствии с общей периодизацией обращения медных монет): 15 типов как будто надежно «улеглись» в три этапа — четвертый, пятый и седьмой (табл. 7).

Для некоторых из этих 15 типов удалось более или менее точно определить «индивидуальную» датировку внутри этапа и их относительную внутриэтапную хронологию. Вместе с тем датировка четырех типов (8, 9, 11, 12) и даже их поэтапное распределение не оказались возможными. Нельзя также считать решенным вопрос о статусе трех из этих четырех типов: действительно ли типы 8, 11, 12 отражают самостоятельные акты надчеканивания (т. е. имеют право на те отдельные типовые номера, которые им сейчас присвоены) или же это просто небольшие графические модификации (в очертаниях или позиции) других трех типов. Иначе говоря, требует дополнительного рассмотрения на более широком материале возможность таких равенств типов: 8=5, 11=4, 12=19.

3. Надчеканы второй группы первого разряда

Ко второй группе первого разряда относятся надчеканы без наименования монетного двора. Следовательно, ко всем трудностям датировки прибавляется еще одна: определение места их производства. Под местом производства в данном случае мы подразумеваем не конкретный пункт. Надчеканы первой группы показали, что наименованием монетного двора могли быть область, округ, туман, город, городок и даже селение. Такая конкретизация мест производства надчеканов второй группы стала бы возможной, очевидно, лишь в случае обнаружения остатков монетного двора с убедительными доказательствами производства на нем такого рода надчеканов. Косвенные методы локализации позволяют лишь одно (да и то пока не во всех случаях): определить исторически сложившуюся область, в которой (вне зависимости от конкретного пункта или пунктов) производился надчекан второй группы. Однако для изучения денежного обращения это дает весьма ценную информацию.

Вторая группа включает надчеканы с надписями (удостоверяющими правильность, добротность надчеканенных монет) и надчеканы без надписей (орнаменты). В рабочем порядке вторую группу имеет смысл разбить на две подгруппы, чтобы типы

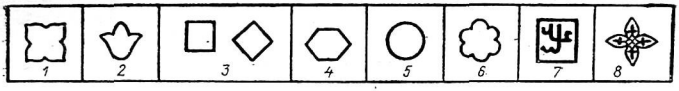


Рис. 15. Типы надчеканов второй группы первого разряда

нумеровать внутри подгрупп ради удобства включения в систему тех новых типов, которые еще будут обнаружены. Сейчас по материалам кладов в подгруппе с надписями выявлено пять типов, в подгруппе без надписей — четыре.

Тип 1 (рис. 15/1) — четырехлепестковый картуш с заостренными уголками. Надпись «Адил, ширмард» (обоснование чтения и интерпретация в гл. I/3). Этот надчекан не обнаружен в кладах четвертого этапа, в кладах седьмого этапа эти надчеканы не очень многочисленны: в Нурекском — семь, в Самаркандском — девять, в Чилекском — 10. Поздние монеты с этим надчеканом: Бухара 910 г. х. (Самаркандский клад), Герат 913 г. х. (Чилекский клад) [260], Бухара 914 г. х. (Нурекский клад). В Чилекском кладе надчеканена одна монета со стертыми выпускными сведениями, но по типу выясняется, что это монета Бухары, чеканенная в 914 г. х. в рамках реформы Мухаммада Шейбани-хана (по повышенному весовому стандарту). Если это не случайность, то рассматриваемый надчекан в некотором роде уже «ревизует» установления реформы Мухаммада Шейбани-хана. Привлекает внимание, что надчекан этот есть на монетах основного номинала (медного динара) и половинного номинала (полудинара), т. е. на каком-то этапе с помощью этого надчекана «подравняли» часть медных монет вне зависимости от их первоначального достоинства. Надчеканы, вероятно, относятся к шестому этапу.

Типы 2—6 (рис. 15/2—6) надпись, которую мы читаем как «Хуб»=«хороший», «добротный». Слово это — персидско-таджикский эквивалент постоянно встречающегося в надписях монет и надчеканов арабского «'адил». Все пять типов зафиксированы только для пятого этапа. В кладах четвертого этапа таких надчеканов нет, в кладах седьмого этапа они малочисленны (табл. 8; в таблице не учтены надчеканы «Хуб», форма картушей которых не восстановлена из-за потертости или перебитости). А это значит, что они произведены на пятом этапе между 907—914 гг. х. Два типа надчеканов имеют самостоятельные основания для уточнения времени их производства: даты надчеканенных монет (табл. 8). Надчеканы типа 5 в округлом картуше есть на монете 910 г. х. Один надчекан типа 2 в квадратном картуше в данном случае бесспорно наложен над надчеканом первой группы типа 7, а надчеканы типа 7 датированы: они производились в 910 г. х. (см. гл. III/2). Следова-

Таблица 8

Надчеканы с надписью «Хуб» в кладах

Тип надчекана	Всего надчеканов	Клад				
		Ангренский и «клады» II—V		Чилекский	Самаркандский	Нурекский
		число надчеканов	поздние даты монет, г.х.	число надчеканов	число надчеканов	число надчеканов
Рис. 15/2	17	13	904	1	1	2
» 15/3	93	89	902	1	1	2
» 15/4	11	11	900	—	—	—
» 15/5	3	3	910	—	—	—
» 15/6	4	4	898	—	—	—

тельно, надчеканы типа 3 (самые многочисленные) и типа 5 сделаны после 910 г. х.

Существенно обсудить вопрос о назначении разных форм картушей при одинаковых надписях. Возможны два объяснения. Надчеканы являются одной акцией, т. е. сделаны в одно или близкое время, но на разных монетных дворах. Разные формы картушей в этом случае выполняли бы контрольные функции (они заменяли бы наименования монетных дворов). Но можно допустить, что надчекан «Хуб» производился неоднократно на разных отрезках времени, так что разные формы картушей — результат именно разновременности.

Некоторые косвенные наблюдения говорят в пользу первого объяснения. Привлекает внимание, что разновременные типы надчеканов первой группы очень часто встречаются на одной монете: на одной ее стороне или на разных. Надчеканы «Хуб» достаточно многочисленны в Ангренском кладе и «кладах» II—V (насчитано 120 надчеканов с сохранившимися типовыми признаками, вообще же еще больше). При разновременности следовало бы ожидать, что на одних монетах много раз будут зафиксированы вместе надчеканы «Хуб» в разных картушах. Практически же этого нет. Зато с различными другими надчеканами сочетаний много.

Любопытны аналогии, возникающие при статистическом сравнении надчеканов «Хуб» с надчеканами первой группы. Прежде всего, общее количество надчеканов «Хуб» в Ангренском кладе и «кладах» II—V показывает, что они идут в одном ряду с самыми обильными надчеканами первой группы (вроде типов 1—3, 14, 15). Вместе с тем из табл. 8 видно, что разнотипные надчеканы «Хуб» количественно очень неравнозначны: много надчеканов лишь в квадратно-ромбическом картуше (тип 3). Такая количественная неравнозначность перекликается с теми надчеканами первой группы (общегосударственными и региональными), которые в кладах многочисленны, производились продолжительное время в нескольких пунктах и ведущими

центрами которых были Самарканд и (или) Бухара. Особенно наглядную аналогию дают надчеканы типа 14, так как они с датами (898—901 г. х.), не оставляющими сомнения в продолжительности надчеканивания. Во всех кладах среди многочисленных надчеканов типа 14 явно, подчас решающим образом, преобладают самаркандские. Например, в Ангренском кладе на 133 надчекана Самарканда приходится всего 15 Бухары, восемь Шахрисябза, пять Карши и т. д. Такая же картина по региональным надчеканам типов 1—3: в типах 1—2 преобладают самаркандские надчеканы (даже в составе кладов, сложившихся за пределами региона, когда фактор случайности получает большее значение), а в типе 3 — бухарские.

Итак, надчеканы «Хуб» калькируют ситуацию рассмотренных типов надчеканов первой группы. Это позволяет предположить, что надчеканы «Хуб» произведены в нескольких пунктах, из которых один является ведущим. Продолжая аналогию (так как клад найден в долине р. Ангрен), можно было бы допустить, что ведущим центром надчекана «Хуб» был Самарканд, а само надчеканивание производилось продолжительное время. Это значило бы, что квадратно-ромбический надчекан (тип 3) — производство Самарканда, а остальные — каких-то других пунктов.

Однако предположение это обретет силу вывода лишь в том случае, если появятся дополнительные доказательства, среди которых бесспорным следует считать уточнение времени производства надчеканов «Хуб» типов 2, 4, 6. Если окажется, что эти три типа сделаны не просто после 907 г. х. (что известно сейчас), а после 910 г. х. (как надчеканы типов 3,5), то вопрос можно будет считать решенным. Производство пяти типов надчеканов между 910—914 гг. х. (с учетом продолжительности надчеканивания типа 3) сняло бы предположение об их хронологической последовательности как пяти отдельных акций.

Что касается места производства, то при любом решении вопроса уверенно можно говорить о том, что надчекан «Хуб» в квадратно-ромбическом картуше (тип 3) относится к мероприятиям центрального Мавераннахра.

Тип 7 (рис. 15/7) — надпись «'Адлиййа» в большом квадратном картуше. Надчеканы эти в известных нам кладах немногочисленны: в Душанбинском — на трех монетах, в Узбекон-тепинском — на двух. Все пять монет плохой сохранности, на одной видна дата — 832 г. х. Надчекан «'Адл» или «'Адлиййа» в квадратном картуше на трех монетах (а на четвертой, возможно, в миндалевидном) упоминает М. Е. Массон в составе клада из г. Ош («Предисловие», клад № 12). Публикатор подчеркивает, что выполнены они примитивно, получились фрагментарно[261]. Вероятно, этим и объясняется неуверенность в чтении надписи — «'Адл» или «'Адлиййа». Но сама допускаемая публи-

катором возможность чтения «'Адлиййа» находит опору в надчеканах Душанбинского и Узбекон-тепинского кладов и позволяет считать, что во всех трех кладах речь идет об одном типе надчеканов [262]. Само слово «'адлиййа» — это «'адл» в форме относительного прилагательного «'адли», которое поставлено в женском роде после в данном случае отсутствующего, но подразумеваемого слова «фулус» (подробнее в гл. I/2): «[фулус-и] 'адлиййа». Сам термин «'адли» в Мавераннахре XV в. (см. гл. I/2) имел несколько значений. Его использовали как собственное наименование основного медного номинала (в этом значении он — синоним «динара медного») и как синоним термина «данг» в значении одной шестой части любой другой величины. Из второго значения, вероятно, родилась возможность использования термина «'адли» для обозначения самой мелкой медной монеты (или счетной единицы) — шестой части основного медного номинала. Определение конкретного значения этого термина в разбираемом надчекане преждевременно.

Место производства этих надчеканов пока не может быть выяснено, так как они единичны в кладах, происходящих из разных регионов: как из Хисара, так и из Ферганы. Это, между прочим, существенно затрудняет и их датировку.

Для датировки этого типа надчеканов имеются следующие данные. Наличие в Душанбинском и Узбекон-тепинском кладах четвертого этапа дает верхнюю хронологическую границу — рубеж XV—XVI вв. (не позднее 907 г. х.). Но в данном случае мы не можем производство этих надчеканов механически отнести к последнему десятилетию XV в., так как неизвестно ни место их производства, ни масштаб мероприятия (общегосударственное, региональное, узколокальное). Поэтому на основании состава кладов четвертого этапа с одинаковым правом можно предполагать, что надчеканы «'Адлиййа» сделаны либо на протяжении четвертого этапа, либо раньше (т. е. на третьем этапе). Поэтому датировку не уточняет и тот факт, что в составе Ошского клада М. Е. Массон эти надчеканы зафиксировал на монетах Кашгара 858 г. х.: кашгарские монеты этого года могли попасть под надчекан «'Адлиййа» и на третьем и на четвертом этапе. Существенный корректив вносит состав кладов третьего этапа: ни в одном из них надчекан «'Адлиййа» нами не обнаружен. Это может быть объяснено двояко: либо эти надчеканы произведены все же именно на четвертом этапе, либо раньше, но тогда в таком изолированном месте, что в процессе обращения эти надчеканенные монеты еще не влились органически в монетную массу тех регионов, из которых происходят изученные нами клады третьего этапа.

В данном случае источником относительной датировки стало взаиморасположение («взаимоперебитость») надчеканов «'Адлиййа» и орнаментальных надчеканов типа 1 (в виде четырехлепесткового цветка). Этот метод мы не считаем самым

Таблица 9

Орнаментальные надчеканы в кладах

Этап	Клад	Число надчеканов			
		тип 1	тип 2	тип 3	тип 4
7	Нурекский	6	1	1	—
7	Самаркандский	1	—	—	—
7	Чилекский	1	2	—	1
5	Ангренский и «клады» II—V	21	11	—	24
4	Душанбинский	160	1	—	—
4	Узбекон-тепинский	111	—	—	—

надежным, ибо при визуальном определении он все же субъективен. Но соотношение надчеканов «'Адлиййа» и орнаментальных надчеканов типа 1 как будто сомнений не вызывает: не на одной, а на нескольких монетах четырехлепестковый цветок оказался под надчеканом «'Адлиййа», был перебит им. А это значит, что надчекан «'Адлиййа» сделан позднее орнаментального надчекана типа 1. Между тем последний (см. ниже) мы относим к началу четвертого этапа в регионе Хисара. Итак, если наше субъективное наблюдение о «взаимоперебитости» рассматриваемых надчеканов будет подтверждено аналогичными наблюдениями других специалистов, это будет означать, что в неизвестном нам месте надчекан «'Адлиййа» либо завершил третий этап, либо начал четвертый [263].

Надчеканы орнаментальной подгруппы второй группы (т. е. без всяких надписей) представлены в кладах несколькими типами. Реконструировать удалось четыре типа: 1 — в виде четырехлепесткового цветка (рис. 15/8); 2 — орнамент, скомпонованный в шестилепестковую розетку; 3 — орнамент, скомпонованный в круг; 4 — фигурный картуш, заполненный орнаментом. Несколько орнаментальных надчеканов сохранилось так плохо, что нельзя установить, принадлежат ли они одному из четырех названных типов или являются остатками других, еще не реконструированных.

Орнаментальные надчеканы есть в кладах четвертого, пятого и седьмого этапов. В кладах седьмого этапа их немного, пятого этапа — несколько больше, но особенно много их в кладах четвертого этапа (табл. 9).

Тип 1 (четырехлепестковый цветок; см. рис. 15/8). Сопоставление количества надчеканов и топографии кладов в данном случае открывает возможность определить этап и место производства орнаментального надчекана типа 1. В Душанбинском кладе на 160 орнаментальных надчеканов типа 1 приходится следующее число надчеканов первой группы (с наименованием

монетного двора): типа 14—95, типа 15—66, типа 16—15, типа 17—20, типа 18—9. Местных надчеканов первой группы (Вахш, Кабадиййан, Наванд, Наубазар, Термез, Хисар, Хутталян, Чаганиййан) всех типов вместе — всего 91; в Узбекон-тепинском кладе на 111 орнаментальных надчеканов типа 1 приходится: типа 14 — 44, типа 15 — 29, типа 16 — 5, типа 17 — 15, типа 18 — 8, типа 19 — 1. Местных надчеканов первой группы (Наванд, Термез, Хисар, Хутталян, Чаганиййан) — всего 52.

Эта сравнительная статистика позволяет сделать следующие выводы: орнаментальный надчекан типа 1 произведен на четвертом этапе в Хисарском уделе (в одном или нескольких пунктах), надчеканивание осуществлялось продолжительное время (скорее всего несколько лет). Этот надчекан — одно из самых масштабных мероприятий подобного рода в Хисарском уделе! Нельзя не подчеркнуть, что место и значение этого надчекана подтверждают и другие клады четвертого этапа, происходящие из этих же мест. Они статистически не обработаны, но при общем разборе оказалось, что и в них количественно орнаментальный надчекан типа 1 решающим образом преобладает над всеми местными и неместными надчеканами первой группы[264]. Пять кладов с этими общими признаками исключают фактор случайности.

Представляется возможность определить место надчекана типа 1 внутри четвертого этапа. В составе Душанбинского и Узбекон-тепинского кладов многочисленные надчеканы этого типа оказались на совершенно стертых монетах, на большом числе монет с датой 832 г. х., на монете Кашгара 858 г. х. и на нескольких монетах Урду 861 г. х.; не замечены эти надчеканы на весьма многочисленных монетах 898—901 гг. х. (всего 189 в двух кладах). Между тем надчеканы первой группы четвертого этапа (типы 14—18) часто встречаются на монетах этой хронологической группы (898—901 гг. х.). Особенно существенно, что на монетах с датами 898—899 гг. х. часто встречаются местные для Хисарского удела надчеканы типов 15—18 первой группы. Эта явная разница в составе монет, надчеканенных на протяжении четвертого этапа внутри Хисарского удела местным орнаментальным надчеканом типа 1 (четырехлепестковый цветок) и местными же надчеканами первой группы (типы 15—18), свидетельствует о том, что орнаментальный надчекан — раньше надчеканов первой группы (типы 15—18). Явно, что к моменту производства в Хисарском уделе орнаментального надчекана типа 1 группа монет 898—901 гг. х. (чекана преимущественно Бухары и Самарканда) еще не вошла в состав монетной массы региона или еще не подлежала надчеканиванию. В любом случае это наблюдение дает основание заключить, что орнаментальный надчекан типа 1 в Хисарском уделе стоит у начала четвертого этапа. Вывод подтверждают и визуальные наблюдения за взаиморасположением надчеканов на

монетных кружках. Орнаментальный надчекан типа 1 перебит на нескольких монетах следующими надчеканами первой группы: самаркандским надчеканом типа 14 с датой 899 г. х.; местными надчеканами типов 15 и 17[265].

Общее заключение об орнаментальном надчекане типа 1 можно сформулировать следующим образом: надчекан произведен в Хисаре или в нескольких пунктах большого Хисарского удела, надчеканивание продолжалось длительное время (скорее всего несколько лет), мероприятие относится к началу четвертого этапа денежного обращения, в хронологических рамках этого этапа предшествует местным надчеканам первой группы (типов 15—18).

Тип 2 (орнамент, скомпонованный в шестилепестковую розетку). Он относится к четвертому этапу, но произведен за пределами региона Хисара. Для выяснения места производства необходимы статистические материалы кладов четвертого этапа, происходящих из разных регионов, мы же для этого этапа располагаем кладами только из Хисарского. Что касается индивидуальной датировки орнаментального надчекана типа 2 внутри четвертого этапа, то отметим следующее: в отличие от типа 1 орнаментальные надчеканы типа 2 есть на монетах 898, 899, 900 гг. х. в составе Ангренского клада пятого этапа. В Чилекском и в Нурекском кладах поздняя дата надчеканенных монет — 90. г. х. Удалось заметить, что орнаментальный надчекан типа 2 перебит надчеканом второй группы второго разряда с надписью «'Адил, йак мири» (см. ниже), который, в свою очередь, был сделан в конце четвертого или скорее в первой половине пятого этапа (безусловно — не позднее 910 г. х.).

Типы 3—4. Надчекан типа 4 (фигурный картуш) зафиксирован на монетах 898—901 гг. х. в кладах пятого этапа (т. е. 901 г. х.— ориентир для нижней хронологической границы). Но этап неясен: либо надчекан типа 4 сделан на пятом этапе (поэтому отсутствует в кладах четвертого этапа), либо раньше, но надчеканенные монеты не попали в монетную массу Хисарского региона и соответственно в Душанбинский и Узбекон-тепинский клады. Если состав кладов сам по себе надежно не датирует орнаментальный надчекан типа 4, зато он не оставляет сомнений в одном: надчекан этого типа не имеет отношения к мероприятиям Хисарского региона. Происхождение надчекана типа 3 (орнамент, скомпонованный в круг), зафиксированного на одной монете Нурекского клада, неясно, но к Хисарскому региону он тоже не имеет отношения.

Итак, относительно областного (регионального) происхождения четырех типов орнаментальных надчеканов сейчас достоверны два вывода: 1) надчекан типа 1 произведен в Хисарском регионе; 2) надчеканы типов 2—4 произведены в н е Хисарского региона. Относительно времени производства этих надчека-

нов на основе состава и топографии кладов также можно сделать два вывода: 1) надчеканы типов 1—2 произведены на четвертом этапе; 2) поэтапная датировка надчеканов типов 3—4 неясна.

При настоящем состоянии источниковедческой базы четкое представление мы имеем только относительно орнаментального надчекана типа 1. Остальные три типа должны быть изучены на базе сравнительного анализа состава, топографии и статистики кладов четвертого и пятого этапов из других регионов; пока неясно даже, синхронны ли (при условии длительного производства) типы 2—4 или «пересеклись» хронологически частично, являются ли самостоятельными и не связанными друг с другом региональными мероприятиями или, наоборот, произведены последовательно друг за другом в одном регионе.

4. Надчеканы первой группы второго разряда

Надчеканы первой группы второго разряда отличаются от надчеканов первой группы первого разряда наличием термина, определяющего их курс и достоинство (признак разряда). Общее у них — наименование монетного двора (признак группы), снимающее необходимость выяснять место производства. Датировка же надчеканов первых групп обоих разрядов одинаково сложна.

Выявлено три типа надчеканов первой группы второго разряда, в надписях которых термин «данги» или «нимданги» (=«половина данги»). Термин «данги» в надчеканах на медных монетах XV в. фиксировал их курс, приравненный к одной шестой части мелкой серебряной монетки. Термин «нимданги» означал, что надчеканенная монета приравнена к половине монеты данги, т. е. к двенадцатой части мелкой серебряной монетки (подробнее в гл. I/2).

Тип 1 — картуш — шестигранник двух размеров. В большом шестиграннике — термин «данги» (тип 1/*а*), в маленьком — «нимданги» (тип I/*в*). Рассмотрим их отдельно.

В Мавераннахре надчеканы в большом шестиграннике содержат три слова: «зарб» («чекан», «монета») + «данги» + наименование монетного двора (Самарканд, Бухара). Этот вариант надписи мы обозначили литерой «*а*». За пределами Мавераннахра, в Балхе, производили надчекан в таком же картуше, только к трем словам в надписи прибавлена еще и дата цифрами после «санат»: 859 г. х.[266]. Этот вариант надписи обозначен литерой «*б*». Для датировки надчеканов Бухары и Самарканда существенны два показателя. Относительно большое количество этих надчеканов в кладах (преобладают самаркандские) свидетельствует о продолжительности надчеканивания (в Самарканде безусловно). Поздние даты надчеканенных монет

(861/1457-58 г.) в данном случае, т. е. при продолжительном надчеканивании, являются лишь ориентиром, их механически нельзя рассматривать как нижнюю хронологическую границу (см. гл. III/1). Состав кладов в этом случае «не работает», так как многочисленные монеты с надчеканами этого типа 1/*а* обращались очень долго.

Итак, о надчеканах Мавераннахра типа 1/*а*, рассматриваемых изолированно, можно было бы сказать с равным основанием, что их производство начали незадолго до 861/1457-58 г. или в любое время после 861 г. х. (между этим годом и последним десятилетием XV в.). Является ли надчекан Балха одной акцией с надчеканами Мавераннахра или здесь случайное тождество типа, группы и разряда? Политическая ситуация не решающий аргумент (см. гл. III/1). Кроме того, Балх вместе с Мавераннахром не раз участвовал в общих акциях однотипного надчеканивания: сравни, например, типы 9 и 17 (возможно, и 14) первой группы первого разряда (табл. 5). Если бы в Балхе, Бухаре и Самарканде произвели общую акцию надчеканивания, это означало бы, что надчеканы типа 1/*а*—1/*б* начали накладывать в 859/1454-55 г. и продолжали до 861/1457-58 г. или еще позже, причем дольше всего в Самарканде. Параллелизм (и выпуск монет Урду 861 г. х., и надчеканивание в основном монет серии 832/1428-29 г., но также и части монет Урду 861 г. х.) сам по себе не является решающим контраргументом, так как имеет аналогии (монеты 897—901 гг. х. и надчекан типа 14 первой группы первого разряда, см. гл. VI/1). Осторожнее все же вопрос абсолютной датировки надчеканов Бухары и Самарканда типа 1/*а* не считать решенным.

Надчеканы типа 1 в маленьком шестигранике содержат надпись (термин «нимданги» и наименование монетного двора), обозначенную литерой «*в*». Монетный двор — Самарканд[267]. Надчеканены монеты 823/1420 г., но эта дата не является серьезным ориентиром для датировки надчеканов типа 1/*в*. Монеты 823/1420 г. в результате обмена в процессе реформы Улугбека (начатой в 832/1428-29 г.) в большом количестве скопились на монетных дворах и были постепенно и в разное время реализованы как путем перечеканки (передела в серийные монеты Бухары не в 832/1428-29 г., а позже, на втором этапе реформы), так и путем по крайней мере двух самостоятельных акций надчеканивания (рассматриваемый тип 1/*в* и тип 3, см. ниже). В качестве рабочей гипотезы следует иметь в виду возможность одновременного однотипного надчеканивания, чтобы дать рынку сразу монеты двух достоинств: данги и нимданги. Но доказательств в пользу этой гипотезы пока нет, можно лишь снять некоторые контраргументы. Так, одинаковая форма картушей (шестигранник) при разных их размерах воплощает ту же идею, которая лежит в основе однотипных монет разного достоинства. В Андижанском кладе нет надчеканов типа 1/*а* (данги),

Таблица 10

Количество надчеканов типов 1/*а* и 2 первой группы второго разряда (в кладах третьего и четвертого этапов)

№ клада (см. «Предисловие»)	Этап	Тип 1/*а* — шестигранник			Тип 2 — квадрат										
		Бухара	Самарканд	стерто	Андижан	Бухара	Карши	Самарканд	Ташкент	Термез	Урду	Хисар	Хуттальян	Шахрухийа	стерто
3	**3**	—	—	—	**5**	9	8	35	—	2	—	7	—	6	32
10	**3**	—	—	—	—	—	—	**3**	—	—	—	—	—	—	**2**
8	3	—	—	—	3	2	1	8	—	—	—	5	—	1	13
7	3	—	—	—	1	10	2	31	1	—	—	5	—	1	—
4	3	—	6	9	1	2	2	6	—	—	—	—	—	—	5
14	4	5	37	55	16	39	7	106	—	6	—	22	1	9	110
13	4	—	35	39	6	31	13	66	—	8	1	16	—	4	77

но есть надчеканы типа 1/*в* (нимданги), что, однако, не свидетельствует об их разновременности, ибо Андижанский клад подобран из монет, выполнявших функцию кратных основного номинала (в том числе или исключительно — половинного достоинства) [268]. Нельзя вместе с тем забывать, что одни и те же картуши использовались не один раз, чему лучшее доказательство — квадратный картуш: среди надчеканов первой группы первого разряда в квадратном картуше были выявлены три самостоятельные акции. В общем, вопрос о том, были ли надчеканы-шестигранники 1/*а* и 1/*в* с терминами «данги» и «нимданги» общей акцией или двумя разновременными независимыми мероприятиями, остается открытым.

Тип 2 — картуш — относительно большой квадрат. Надпись как у типа 1/*а*. Монетные дворы — Андиган, Бухара, Карши, Самарканд, Ташкенд [269], Термез, Урду, Хисар, Хутталян, Шахрухиййа. Это масштабное общегосударственное мероприятие, отличающееся от надчеканов типа 1/*а* и количеством монетных дворов, и еще большей продолжительностью (сравнительное количество в составе кладов см. табл. 10). Но и здесь интенсивнее и дольше всех работал монетный двор Самарканда.

Долгое время неясной была относительная датировка надчеканов типа 1/*а* и типа 2: оба с термином «данги», оба постоянно встречаются на одних и тех же монетах (что говорит о хронологической последовательности). Какой же из них ранний? Визуальное наблюдение монет, на которых эти надчеканы поставлены близко и частично или полностью перебили друг друга, мы не считали раньше (и не считаем теперь) надежным источником относительной хронологии, если нет никаких других данных. Поэтому мы оговаривали, что порядок размещения надчеканов этих типов в таблицах отнюдь не отражает их относительную хронологию, которая неясна [270]. Но постепенное накопление материала открыло возможность выяснения относительной датировки. Во-первых, сейчас известно уже значительное количество монет Урду 861/1456-57 г. с надчеканами типа 1/*а* (шестигранник), но нет ни одной монеты Урду 861/1456-57 г. с надчеканом типа 2 (квадрат). Отсутствие — плохой советчик, в силу чего это наблюдение, взятое изолированно, отнюдь не дает права на вывод, еще нельзя уверенно исключить фактор случайности. Во-вторых, клады третьего этапа по составу надчеканов не оказались одинаковыми. Есть клады только с надчеканами типа 2 (см. табл. 10), есть — с надчеканами типа 1/*а* — 2 вместе. И это наблюдение, взятое изолированно, не база для вывода, и здесь не исключен фактор случайности. Однако два наблюдения, взятые вместе, позволяют очитать, что надчеканы типа 2 являются более ранними, чем надчеканы типа 1/*а* [271].

Тип 3 — картуш чечевицеобразный. Надпись — термин «нимданги» («половина данги») и наименование монетного двора

(Андиган, Бухара, Карши, Самарканд, Термез, Шахрухиййа). В ГЭ хранится большое количество монет с надчеканами типа 3 (нами учтено 30 экземпляров) [272]. Девять экземпляров учтены в ГИМ. Есть внекладовые монеты с надчеканами типа 3 и в других собраниях [273]. Много их в Андижанском кладе (см. «Предисловие», клад № 11). В других кладах (когда их основу составляют одинарный или двойной номиналы), естественно, такие надчеканы единичны [274].

Очень существенно, что все (кроме одного) учтенные надчеканы типа 3 (а их много!) оказались на монетах 823/1420 г. Но один надчекан сделан на пореформенной монете Улугбека 832/1428-29 г.[275]. Большое число монетных дворов (при количественном превосходстве надчеканов Самарканда) сближает надчеканы типа 3 («нимданги») с надчеканами типа 2 («данги»). Не произведены ли надчеканы обоих типов одновременно, чтобы дать рынку монеты двух достоинств? Представляется, что в этом случае под масштабный надчекан типа 3 попало бы больше монет 832 г. х. Кроме того, острой нужды в специальных «половинках» во время надчекана типа 2 не было, так как функции кратных выполняли не запрещенные ради этого монеты без надчеканов типа 2 (см. гл. V/2). Поэтому заслуживает обсуждения еще одна возможность: не является ли надчекан типа 3 более ранним мероприятием, частью реформы Улугбека (гл. V/1). Ведь огромная масса пореформенных монет с серийной датой (832/1428-29 г.), несмотря на неоднократное снижение веса,— монеты одного достоинства, основной номинал! Выпуск же монет хотя бы двух достоинств имел глубокую традицию, был «программой минимум». Назначение реформы Улугбека — обеспечить оптимальные и стабильные условия для розничной торговли — позволяет допустить, что кроме основного номинала рынку должна была быть дана медная монета более мелкого достоинства. Эту задачу мог решить надчекан типа 3, и тогда было бы понятно то, что масса надчеканенных монет — монеты почти исключительно предреформенные, т. е. 823 г. х. Это значило бы, что на первом этапе реформы, когда работало еще много монетных дворов, они выпускали пореформенные монеты, обменивали их на запрещенные предреформенные (подробнее см. гл. V/1—2) и затем возвращали их рынку в качестве половинок основного номинала с помощью надчеканов «нимданги» типа 3. Казна при этом ничего не теряла бы, так как на первом этапе вес пореформенных монет основного номинала был сильно повышен, так что предреформенные монетки 823 г. х. и по весу более соответствовали половинкам; надчеканить их было выгоднее, чем выпускать заново монеты половинного достоинства.

Подведем итоги рассмотрения вопросов относительной и абсолютной датировки надчеканов первой группы второго разряда. Из двух типов надчеканов с термином «данги» (тип 1/*а* и

Рис. 16. Типы надчеканов второй группы второго разряда

тип 2) более ранним был тип 2; из двух типов надчеканов с термином «нимданги» (тип 1/*в* и тип 3) более ранним был тип 3. Надчеканы типа 3 были либо составной частью реформы Улугбека, либо одной акцией с надчеканами типа 2. Надчеканы типа 1/*в*, возможно, были произведены вместе с надчеканами типа 1/*а*, но не исключено и другое время. Надчеканы типа 1/*а* производились либо в 859—861 гг. х. и еще дольше (если они — одна акция с надчеканами Балха 859 г. х. типа 1/*б*), либо позднее (между 861/1457-58 г. и последним десятилетием XV в.). Надчеканы типов 1/*а* и 2 (данги) и типа 1/*в* (нимданги) безусловно относятся к третьему этапу. Этап надчекана типа 3 (нимданги) пока неясен: второй или третий?

5. Надчеканы второй группы второго разряда

У надчеканов второй группы в надписях нет наименования монетного двора, следовательно, здесь вновь возникают обе трудности: определение и времени и места их производства.

Тип 1 (рис. 16/1) — в большом квадратном картуше надпись عدل نيم دیناری «'Адил, ним динари», т. е. «[Монета] правильная, полудинаровая». Динаром во время производства этих надчеканов называлась медная монета — основной номинал. Надчекан, следовательно, давал рынку кратную монету, достоинством равную половине основного номинала. Надчекан этот обнаружен в Ангренском кладе и в «кладе» II. Количество невелико — всего четыре. Поздняя дата надчеканенной монеты — 900/1494-95 г. Наличный материал не позволяет определить ни этап, к которому относятся эти надчеканы (четвертый? пятый?), ни место их производства.

Тип 2 (рис. 16/2) — в фигурном картуше надпись без диакритических знаков, которую мы читаем как «'Адил, йак мири» عدل یك میری = «[Монета] правильная, [достоинством] в одно мири». Таких надчеканов нет в Душанбинском и Узбекон-тепинском кладах четвертого этапа, из чего следует, что в Хисарском регионе на четвертом этапе они не производились. В кладах седьмого этапа (в Нурекском, Самаркандском, Чилекском) эти надчеканы есть, но они единичны. Зато в Ангренском кладе и «кладах» II—III зарегистрировано 82 надчекана типа 2,

т. е. это один из ведущих надчеканов в названных кладах. Ясно, что надчекан типа 2 произведен в одной или нескольких областях центрального Мавераннахра, причем надчеканивание было достаточно продолжительным мероприятием.

Надчеканенные монеты в массе сохранили даты 897—902 гг. х., поздняя дата — именно 902/1496-97 г. Но масштабность мероприятия не позволяет механически заключить, что началось оно после 902 г. х., теоретически здесь возможно и перекрещивание. Верхняя дата надежнее: один надчекан типа 2 очень четко перебит надчеканом типа 7 первой группы первого разряда (гл. III/2), надчеканы же типа 7 производились в 910/1504-05 г. во многих пунктах, в том числе, что особенно важно, в Бухаре, Миййанкале, Самарканде и Параке. Следовательно, надчекан «'Адил, йак мири» в одной или нескольких областях центрального Мавераннахра был завершен не позднее 910/1504-05 г.

Два хронологических ориентира не облегчают поэтапную датировку. Отсутствие надчеканов типа 2 в Душанбинском и Узбекон-тепинском кладах само по себе не исключает для типа 2 четвертый этап: сделанные вне Хисарского региона, например, ближе к концу четвертого этапа, они именно поэтому могли и не попасть в Душанбинский и Узбекон-тепинский клады. Однако большое количество надчеканов типа 2 в кладах пятого этапа более правдоподобным делает их отнесение именно к пятому этапу. Это значило бы, что надчекан «'Адил, йак мири» произведен в одной или нескольких областях центрального Мавераннахра между 907—910 гг. х., т. е. относится к мероприятиям Мухаммада Шейбани-хана, уже окончательно овладевшего столичным Самаркандом, но еще не завоевавшего Хисар (см. гл. VI). Между прочим в 907/1501-02 г. в Самарканде и Бухаре начался выпуск медных динаров одинакового нового типа (тип 17 Самарканда, тип 8 Бухары); в Самарканде выпуск этого типа продолжался до 910 г. х. Правдоподобно было бы допустить, что надчеканом «'Адил, йак мири» Мухаммад Шейбани-хан дал рынку в добавление к новому динару монету кратного достоинства (скорее всего полуторный динар, см. ниже). Однако пока это не доказано, безошибочным можно считать только такой вывод: надчекан типа 2 произведен в конце четвертой или скорее в первой половине пятого этапа, не позднее 910/1504-05 г.

Сам термин «мири» был известен нумизматам и историкам в рамках XIX — начала XX в., но его происхождение не было ясно. В то время этим термином назывались (согласно свидетельству разных источников) монеты и счетные единицы достоинством в четверть серебряной танга или реже — в четверть золотой тилла. Оказалось, что термин этот восходит к концу XIV в. и связан с Тимуром. Согласно свидетельству Клавихо, в Самарканде мелкую серебряную монетку, равную одной чет-

верти большой (т. е. танга), называли мири. В основе названия, безусловно, лежит скромный титул Тимура — «эмир». Следовательно, с конца XIV в. по XIX — начало XX в. титул Тимура выполнял роль монетного термина, причем исходное значение сохранялось (обозначение монеты, равной четверти другой), хотя происхождение к XIX в. было забыто[276]. Теперь мы получаем промежуточное звено: надчекан. Нет оснований сомневаться в том, что в конце XV — начале XVI в. этот термин имел то же значение, что раньше при Тимуре и позже в XIX в. Следовательно, медные монеты с надчеканом «одно мири» по своему достоинству должны были равняться четверти какой-то другой монеты. Возможны два предположения: мири=четверти мелкой серебряной монеты (или счетной единицы) либо четверти медного динара — основного номинала. Первое кажется более правдоподобным. На рубеже XV—XVI вв. на рынках было еще много мелких серебряных монет, выражение через них курса медных монет было бы естественным. Если медные монеты данги в это время еще означали одну шестую часть мелкой серебряной монетки, а медные монеты мири — одну четвертую их часть, то надчекан со словами «одно мири» создавал полуторный динар (монеты такого достоинства известны), т. е. работал на повышение курса, что отвечало обычной при феодализме монетной политике. Если же мири означало четверть медного динара — это значит, что правительство, наоборот, резко, в 4 раза понизило покупную способность надчеканенных монет, так как — судя по их весу — до надчекана они функционировали как основной медный номинал[277]. Вопрос нельзя считать окончательно решенным.

Типы 3—5 (рис. 16/3—5) — надчеканы в трех разных картушах с одинаковой надписью (без диакритических знаков), которую мы читаем как عدل دو غلی и истолковываем следующим образом: «[Монета] правильная, в две цены» или «[Монета] правильная, удороженная в два раза». Следовательно, эти надчеканы, как и предыдущие, призваны были изменить достоинство надчеканенной монеты, в данном случае — повысить их покупную способность в 2 раза.

Надчеканы типа 3 (в шестилепестковой розетке) явно относятся ко времени Душанбинского и Узбекон-тепинского кладов (т. е. к четвертому этапу) и произведены до 907/1501-02 г. В нескольких случаях они перебили орнаментальные надчеканы типа 1 (четырехлепестковый цветок) и вообще часто с ними сочетаются на одних и тех же монетах. Надчеканы эти (подобно орнаментальным четырехлепестковым) в названных кладах — самые многочисленные (132 и 107 надчеканов)[278]. Это позволило нам заключить, что они сделаны в Хисаре или в нескольких пунктах Хисарского региона и производились в течение достаточно продолжительного времени. Два других типа (кар-

Таблица 11

Количество надчеканов трех типов с надписью «[Монета] правильная, в две цены»

Этап	Клад	Количество надчеканов		
		тип 3 (рис. 16/3)	тип 4 (рис. 16/4)	тип 5 (рис. 16/5)
7	Нурекский	—	2	—
7	Самаркандский	—	—	1
7	Чилекский	—	—	—
5	Ангренский	9	1	—
4	Душанбинский	132	—	—
4	Узбекон-тепинский	107	—	—

туши чечевицеобразный и ромбический) не представлены в Душанбинском и Узбекон-тепинском кладах, безусловно связаны с монетным делом каких-то других областей (см. табл. 11). Они оказались в составе кладов пятого и седьмого этапов, но во всех — единичны. Пока определение места и этапа производства надчеканов типов 4—5 просто невозможно. Для индивидуальной датировки существенно, что надчеканы типа 4 (чечевицеобразный картуш) оказались на монетах 899/1493-94 г. (Ангренский клад) и 901/1495-96 г. (Нурекский клад). Следовательно, надчеканы типа 4 сделаны не ранее этих лет, т. е. не ранее четвертого этапа. Для датировки надчеканов типа 5 (ромбический картуш) мы вовсе не располагаем никакими данными. Впрочем, не исключено, что картуши чечевицеобразный и ромбический — лишь две модификации надчеканов одного типа.

Общий вывод о надчеканах с надписью «[Монета] правильная, в две цены» может быть сформулирован следующим образом. Надчеканы типа 3 произведены в Хисарском регионе, типов 4—5, безусловно, вне этого региона. Надчеканы типа 3 относятся к началу четвертого этапа и в этом отношении сопоставимы с надчеканом в виде четырехлепесткового цветка, но произведены после них, в силу чего часто оказываются вместе на одних и тех же монетах. Оба мероприятия в Хисарском регионе — надчекан в виде четырехлепесткового цветка, а позже надчекан с надписью «[Монета] правильная, в две цены» — были долговременными. Привлекает внимание, что поздняя дата монет с надчеканами типа 3 «[Монета] правильная, в две цены» — 861/1456-57 г. Эти надчеканы (как и четырехлепестковый цветок) пока не зафиксированы на многочисленных монетах 898—901 гг. х.

Тип 6 — в фигурном картуше надпись عدل يك مثقال «[Моне-

та] правильная, один мискал». Впервые этот надчекан был выделен нами лишь в 1971 г. при обработке Чилекского клада. Надпись не сразу поддалась прочтению, форма фигурного картуша (широко использованная для надчеканов первой группы первого разряда) подсказывала, что в надписи должно быть наименование монетного двора. Нужно сказать, что подобный «психологический настрой» равным образом затруднял прочтение и других надписей надчеканов без наименования монетного двора, которые рассмотрены выше.

Надчекан зафиксирован на 20 монетах Чилекского клада. Надпись иногда сбита другими надчеканами или стерта, в других случаях сохранилась фрагментарно. Сопоставление фрагментов дало возможность полностью реконструировать надчекан, а затем и прочесть надпись. После этого стали понятны надчеканы на нескольких внекладовых монетах. Ясно, что опубликованный в виде прорисовки и не прочитанный А. К. Марковым надчекан на одной монете[279] — это наш надчекан «'Адил, йак мискал». Он же (причем хорошей сохранности) оказался на монете МИУз (инв. № 20/126), на монете из частной коллекции А. Д. Быкова (Ленинград), на монете из Пенджикента (раскопки 1965 г., цитадель) и т. д. Этот надчекан есть и в Самаркандском, и в Нурекском кладах[280]. Шесть неопубликованных монет с таким надчеканом учтены нами и в ГЭ[281]. Для определения времени производства надчеканов «'Адил, йак мискал» есть следующие ориентиры. Одна монета в Чилекском кладе с этим надчеканом выпущена в Самарканде в 906/1500-01 г. Сам Чилекский клад, судя по поздним датам монет (915—916 гг. х.) и наиболее поздним надчеканам (тип 2 первой группы первого разряда), отложен не позднее начала 918/1512-13 г.

Не был ли надчекан «'Адил, йак мискал» составной частью реформы Мухаммада Шейбани-хана (см. гл. VI/4)? Выпустив серебряные монеты (со своим именем) весом в мискал и полданга мискала (5,2 г), Шейбани-хан по этой же весовой норме указал чеканить и медные динары (и на самаркандских динарах 914/1508-09 г. вес обозначен в монетных надписях, это именно мискал и полданга мискала). Вместе с тем Шейбани-хан не запретил дальнейшее обращение серебряных дореформенных тимуридских монет, указав считать их одномискальными и соответственно определив их курс. Было бы логично, если бы Шейбани-хан приказал дореформенные медные монеты (а они были самого различного веса, ибо их вес не раз изменялся) соответственно дореформенным серебряным считать одномискальными, но не все медные монеты, а те, которые будут надчеканены с надписью «один мискал». Это лишь рабочая гипотеза, предварительно необходимо уточнить, сузить хронологические границы производства самих надчеканов.

Представляется, что надчеканы произведены в центральном Мавераннахре. Если бы рабочая гипотеза о том, что они явля-

ются составной частью реформы Шейбани-хана, подтвердилась, то можно было бы предположить, что надчеканы с обозначением веса произведены там же, где и медные монеты с обозначением веса, т. е. в Самарканде. Тогда в пользу этого вывода заговорили бы и цифры. Сохранившаяся часть Чилекского клада, в составе которого нами выявлены эти надчеканы,— 140 монет. Из них надчеканено 98, и на 20 — надчеканы с обозначением веса, что довольно внушительно при учете места находки самого клада [282].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Глава IV

МОНЕТНАЯ ПОЛИТИКА И ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ МОНЕТНОЙ РЕГАЛИИ

1. Политика в отношении веса медных монет

Монеты Самарканда 914/1508-09 г. (тип 20, см. гл. II/2) с необычными для медных фалсов надписями давно привлекли внимание крупнейших специалистов. Мы подробно останавливаемся на истории их изучения, так как именно они — ключ к пониманию развития и становления политики в отношении веса медных монет. Одна такая монета в 1826 г. была опубликована Х. М. Френом. Он считал ее чрезвычайно редкой. Надпись в картуше на л. ст. Х. М. Френ не прочел, ограничившись прорисовкой. Прорисовка неверна (правильны лишь отдельные буквосочетания), так что никто другой по ней надпись также не смог бы прочесть. Кругом картуша Х. М. Френ прочел четыре фрагмента надписи, поставив знак вопроса (табл. 12/1), а на об. ст. обнаружил дату словами — 914 г. х. Знаменитый нумизмат не сообщил свои соображения о месте чекана этой монеты[283]. Этот экземпляр со ссылкой на Х. М. Френа переопубликовал В. В. Вельяминов-Зернов, просто повторив и прорисовку непонятных слов (так он их аттестовал) в картуше л. ст., и прочтенные Х. М. Френом фрагменты круговой надписи на л. ст. и даты на об. ст. О месте производства монеты также ничего не сказано[284]. Первым место чекана таких монет (Самарканд) определил В. Г. Тизенгаузен в 1880 г. Он опубликовал прорисовку л. ст., полное чтение надписей и частичное их осмысление (табл. 12/3). Надпись в картуше л. ст. В. Г. Тизенгаузен понял как обозначение достоинства (что неверно): «полуданек одного мискала», сопоставив с надписью на хорезмийских монетах — «половина фулуса»[285]. А. К. Марков в 1896 г. в каталоге монет ГЭ привел выпускные сведения «Беладе Самарканд, 914 г.» и надпись в картуше л. ст.[286]. Одну монету Самарканда 914 г. х. из клада, найденного в 1929 г., опубликовал в 1933 г. М. Е. Массон. Надпись в картуше л. ст.

Таблица 12

Варианты чтения надписей л. ст. динаров Самарканда 914/1508-09 г.

№ п/п	Год публикации	В картуше		Вокруг картуша				
		2	1	5	4	3	2	1
1	1826			قند		فلوس	د	ضرب
2	1859			قند		فلوس	د	ضرب
3	1880	يكمثقال	نيمدانك	سمرقند	بلده	الفلوس	هذا	ضرب
4	1896	يكمثقال	نيمدانك					
5	1933	يكمثقال	نيمدانك	سمر(قند)	بلد			ضرب
6	1954	نيمدانك	يكمثقال	سمرقند	بلد	الفلوس	دينار	ضرب

он прочел так же, как А. К. Марков. Очевидно, по краям этот экземпляр был стерт или обрезан, так как из круговой надписи л. ст. М. Е. Массон привел только три слова (табл. 12/5), в надписи же об. ст. неверно прочел вводную формулу к дате словами[287]. В двух музеях[288] нам удалось обнаружить три неопубликованные монеты Самарканда 914 г. х. такого же типа. Эти монеты позволили полностью восстановить надписи и выполнить графическую реконструкцию типа обеих сторон. Наше чтение (табл. 12/6), реконструкции и комментарий опубликованы в 1954 г.[289].

Начнем с круговой надписи л. ст. Она состоит из пяти слов (в табл. 12 слова пронумерованы), полностью ее прочел только В. Г. Тизенгаузен. Первое слово не вызывает сомнения, зато второе требует пересмотра. В. Г. Тизенгаузен читал его как «хаза» («этот»), но Х. М. Френ на месте второго слова видел букву «дал» в изолированной позиции, что не укладывается в чтение В. Г. Тизенгаузена. На одной из наших трех неопубликованных монет также была хорошо видна буква «дал» в изолированной позиции, причем непосредственно после первого слова. На двух других неопубликованных монетах кроме буквы «дал» непосредственно после первого слова видны были еще две буквы — «алиф» и «ра». На прорисовке, опубликованной В. Г. Тизенгаузеном, также четко видны «алиф» и «ра», и

даже первая буква после первого слова у него прорисована так, что похожа не на «хайхавваз», а именно на «дал». Иначе говоря, предложенное В. Г. Тизенгаузеном слово «хаза» («этот») — не столько чтение, сколько догадка, подсказанная, вероятно, стандартными круговыми надписями лицевых сторон куфических монет: «Чеканен этот фалс <...>» или «Чеканен этот дирхем <...>» и т. д.

Итак, фрагментарное чтение Х. М. Френа, прорисовка В. Г. Тизенгаузена и три неопубликованные монеты, изученные нами в натуре, не оставили никаких сомнений в том, что второе слово состояло из нескольких букв, из числа которых три были точно известны — «дал», «алиф» и «ра», причем в таком взаиморасположении: «д<...>ар». Это позволило нам в 1954 г. второе слово реконструировать как «динар». Две отсутствующие буквы («йа» и «нун»), судя по местоположению трех сохранившихся, должны были находиться в нижней части надписи, а эта часть монетного кружка чаще всего либо стерта, либо обрезана. Реконструкцию второго слова как «динар» подтверждало следующее косвенное соображение: термин «динар» уже был прочтен нами на ряде других медных монет (Хисара, Термеза, Кундуза 907/1501-02 г. и Мерва 912/1506-07 г.), поэтому появление его еще на одной — на монете Самарканда 914/1508-09 г. само по себе не вызывало недоумения. Сразу оговорим, что после 1954 г. мы в разное время получили возможность изучить более трех десятков таких монет Самарканда 914/1508-09 г. и предложенная в 1954 г. реконструкция второго слова круговой надписи л. ст. полностью подтвердилась: на многих монетах слово «динар» сохранилось полностью. Целиком эта круговая надпись самаркандских монет в нашем чтении (табл. 12/6) обозначала достоинство монеты («динар фулусовый»=«динар медный»; слово «фулус» здесь выступило в роли эпитета, определителя при слове «динар», а отнюдь не в качестве названия монеты) и место ее чекана.

В картуше л. ст. монет Самарканда 914 г. х. В. Г. Тизенгаузен, А. К. Марков и М. Е. Массон составные части надписи прочли правильно (табл. 12/3—5: «нимданг йак мискал»). Читали они эту надпись от середины вверх, а потом возвращались вниз. Стоило только прочесть ее подряд снизу вверх и тем самым поменять местами две ее части («йак мискал ним данг»), как загадочная надпись становилась ясной. Эту простую операцию мы и проделали в 1954 г., в результате чего оказалось, что в картуше л. ст. обозначен вес монеты, равный одному мискалу и половине данга мискала. Данг — одна шестая часть любой другой величины, в том числе одна шестая часть мискала. Это значит, что медный динар Самарканда 914 г. х. весил 1 мискал + $(\frac{1}{6}:2)$ мискала, т. е. $\frac{13}{12}$ мискала.

Есть две возможности подтвердить предложенное нами чте-

ние и истолкование надписи как фиксации веса динаров Самарканда 914 г. х. Первая — весовая сторона реформы чекана и обращения серебряных монет, объявленной Мухаммадом Шейбани-ханом и мухарраме 913/1507 г. в Герате сразу после взятия этого города (подробнее в гл. VI/3). Мухаммад Шейбани-хан вместо позднетимуридских одномискалных серебряных танга приказал чеканить от своего имени танга весом в один мискал и половину данга мискала. Иначе говоря, для серебряных танга с 913 г. х. был назначен новый весовой стандарт в $^{13}/_{12}$ мискала. Назначение в следующем, 914/1508-09 г. такого же весового стандарта и для медных монет предстает как вторая часть последовательной реформы: одинаковый вес серебряных и медных монет — удобное условие для фиксации курса. Второе доказательство — вес медных монет, названный в вакфной грамоте раби' I 942/1535 г. в пользу медресе Газиййан в Бухаре[290]. По условию вакфодателя мутевалли должен был ежегодно выдавать мударрису 500 танга. Эти танга описаны следующим образом: تنکه عرفی‌که هر تنکه‌از آن عبارت است از چهیـل عدد فلس از فلوس یکمثقال و دو نخودی رایج الوقت بخارا «Танга известные, каждая танга состоит из сорока штук фалсов из числа фулусов весом в один мискал и два нухуда, обращающиеся в настоящее время в Бухаре». Нухуд — единица веса, равная $^{1}/_{24}$ части мискала, отсюда 2 нухуда равны $^{1}/_{12}$ части мискала или половине данга мискала. Следовательно, медные монеты, обращавшиеся в 942 г. х. в Бухаре, весили 13/12 мискала: столько же, сколько медные монеты в Самарканде в 914 г. х.

Три сообщения о весе монет, подкрепляя друг друга, свидетельствуют о том, что весовой стандарт в 13/12 мискала не был случайным, это была устойчивая традиционная норма, к которой неоднократно возвращались[291].

Фиксация на самой медной монете ее веса позволяет сделать важный, принципиальный для изучения политики правительства в отношении веса меди вывод: для медных монет в 914 г. х. был назначен точный весовой стандарт. Вакфная грамота 942 г. х. показывает такое же отношение к весу медных монет: вес их точен и определенен, они чеканены на основе весового стандарта. Следовательно, для двух отрезков времени, для 914/1508-09 и 942/1535-36 гг., мы можем утверждать, что чекан медных монет осуществлялся на основе указного веса, с заданным ремедиумом и с соответствующей юстировкой — такой была политика в отношении веса медных монет.

Пересчет весового стандарта, выраженного восточными единицами веса, в граммы возможен двумя путями. Один путь — простой расчет, если известен размер соответствующих восточных единиц; другой путь — изучение веса самих монет. В данном случае перед нами открыты оба пути. Торгово-денежный

мискал XVI в., как нам удалось установить[292], равнялся 4,8 г. Отсюда легко вычислить весовой стандарт медных динаров Самарканда 914 г. х.: 1 мискал (4,8 г) + $^1/_2$ данга (0,4 г) = 5,2 г. Вес медных монет до и после 914 г. х. неоднократно изменялся, поэтому для выяснения среднего веса монет Самарканда 914 г. х. нужно изучать реальный вес самих этих монет. В 1954 г. мы не имели возможности рассмотреть средний вес монет и ремедиум в их чекане, так как из небольшого числа известных тогда экземпляров этого типа взвешен был только один, его вес — 5,05 г (монета ГИМ). Сейчас мы располагаем реальным весом 34 монет Самарканда 914 г. х.[293], это позволяет составить гистограмму (рис. 17). Монеты весят в пределах 4,8—5,4 г, расположены на графике компактно, образуют весовой «треугольник» с обозначенной вершиной: наибольшее число монет (11 экз.) весят 5,1 г, так что именно этот вес можно было бы признать средним. Однако привлекает внимание, что число монет, вес которых выше 5,1 г (13 экз.), превышает число монет, вес которых ниже 5,1 г (10 экз.), хотя все они были в обращении и потерты, так что следовало бы ожидать обратного соотношения — увеличения числа монет, весящих меньше среднего веса. Поэтому правильнее признать средним весом 5,1—5,2 г (=5,15). Этот средний вес весьма отвечает вычисленному выше весовому стандарту в 5,2 г.

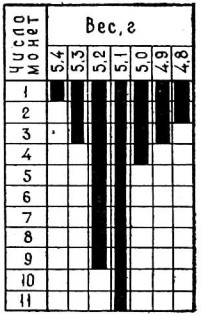


Рис. 17. Вес динаров Самарканда 914/1508-09 г. (тип 20)

Для изучения политики в отношении веса медных монет существенно выяснить ремедиум. Монеты Самарканда 914 г. х., безусловно, чеканенные по указному весу (названному в монетной надписи), являются для этого важнейшим источником, ремедиум в чекане этих монет можно рассматривать как эталонный, т. е. как инструмент выявления других типов монет, чеканенных на основе весового стандарта. В соответствии с аксиомой — две величины, порознь равные третьей, равны между собой — мы имеем основание допустить следующее: типы монет, ремедиум веса которых равен или близок ремедиуму веса монет Самарканда 914 г. х., чеканены на основе весового стандарта с соответствующей юстировкой.

При изучении веса графическим методом мы исходим из следующих общих соображений. Если монеты отчеканены по указному весу при определенном ремедиуме, но не попали в обращение, график их веса должен иметь вид равнобедренного «треугольника», вершина которого — указный вес, а основание — ремедиум. В этом случае средний и указный вес совпадают. В каждой партии монет некоторое количество экземпля-

ров может оказаться за пределами ремедиума, совершенно «оторванных» от основного весового «треугольника» или примыкающих к нему (результат плохой юстировки или злоупотреблений). Определение «водораздела» между ремедиумом (основанием «треугольника») и случайными весовыми отклонениями возможно лишь при большом количестве монет, когда четко выделяется весовой «треугольник», образованный их основной массой, а разброс за пределы ремедиума представлен небольшим числом монет.

Если отчеканенные монеты попали в обращение и в разной степени потерты, график их веса уже не имеет столь правильной формы; происходит общее или частичное смещение в сторону меньших цифр, вес какого-то количества монет должен со стороны меньших цифр оказаться за пределами ремедиума. Иначе говоря, график обращавшихся монет лишен исходной четкости: вершина весового «треугольника», фиксирующая средний вес, уже смещена в сторону меньших цифр и не совпадает с указным весом; основание весового «треугольника» расширено за счет меньших цифр и не равняется ремедиуму. Если монеты обращались долго и все потерты значительно, при общем смещении графика в сторону меньших цифр (т. е. при увеличении размеров основания со стороны меньших цифр), со стороны больших цифр, наоборот, может произойти сокращение основания весового «треугольника». Поэтому судить о ремедиуме по графику потертых монет невозможно, если нет каких-либо дополнительных данных. Такой график подобен одному уравнению с тремя неизвестными: неизвестна разница между указным и средним весом, т. е. средняя норма потертости; неизвестно происхождение самого большого реального веса на графике (свидетель ли он случайного отклонения за пределы ремедиума, равен ли верхнему пределу ремедиума, смещен ли в сторону меньших цифр); неизвестен размер расширения основания весового «треугольника» за пределы ремедиума в сторону меньших цифр. Третье неизвестное может быть отброшено, если известны два первых и даже одно из двух первых. Именно такой случай представляют собой медные динары Самарканда 914 г. х.; так как мы знаем их указный вес (мискал и половина данга мискала, т. е. 5,2 г), следовательно, можем узнать и среднюю норму потертости.

Средняя норма потертости этих монет Самарканда очень невелика, если при весовом стандарте в 5,2 г средний вес на графике равен 5,1—5,2 г (т. е. 5,15 г). При такой малой средней норме потертости (0,05 г!) смещение в сторону меньших цифр также очень небольшое, весовой «треугольник» еще близок равнобедренному. Наибольший реальный вес отстоит от среднего на 0,25 г, а от указного — на 0,2 г. Можно предположить, что размер весовых отклонений от указного веса примерно и составлял около 0,2 г в сторону больших и меньших цифр,

т. е. монетный двор выпускал законно монеты, реальный вес которых колебался в пределах 5,0—5,4 г. Для медных монет — это высокая точность (в чем особенно убеждает ремедиум в чекане серебряных средневековых монет Мавераннахра, предназначенных для штучного обращения). Выявленный ремедиум в чекане монет Самарканда 914 г. х. является эталоном, с помощью которого можно оценивать значение размеров весовых колебаний других монет. Впредь этот ремедиум мы и будем называть «эталонным».

Юстировка монет, как свидетельствуют источники, осуществлялась двояко: путем взвешивания и на глаз[294]. Можно предполагать, что юстировку медных монет производили именно на глаз, техника же их чекана открывала для этого удобную возможность на одном из технических этапов изготовления монетного кружка.

Техника чеканки медных монет не была предметом специального исследования. Но некоторые важнейшие в данной связи операции легко реконструировать путем сравнения с серебряными джанидскими монетами XVII—XVIII вв., техника чеканки которых изучена с определенной полнотой[295]. Монетные кружки для чеканки серебряных джанидских монет изготовлялись следующим образом. После приведения металла в указанную пробу из него вытягивали прут круглого сечения. От этого прута отрубали небольшие бруски-цилиндрики. Эти цилиндрики затем расплющивали. Если цилиндрик расплющивали со стороны сечения и аккуратно, то получался монетный кружок округлой формы. Если при расплющивании был перекос, то форма монетного кружка становилась подчетырехугольной с заметными двумя и даже четырьмя уголками. Если, наконец, цилиндрик расплющивался по длине, то монетный кружок получался овальным и подпрямоугольным также с весьма заметными уголками. Толщина монетного кружка при неудачном расплющивании иногда не получалась одинаковой по всей площади.

Все эти признаки подготовки монетного кружка из прута путем расплющивания отрубленных цилиндриков легко обнаружить при осмотре медных монет XV — первой четверти XVI в. Из этого можно заключить, что вес будущих медных монет приводили в указную норму и контролировали в процессе разрубания прута на одинаковые цилиндрики. Это очень упрощало контроль и выбраковку, ибо достаточно было проверять длину отрубаемых цилиндриков, необходимая же длина устанавливалась в зависимости от указного веса. Можно думать, что готовую продукцию поэтому уже не контролировали: отсюда монеты с двойными сдвинутыми штампами; монеты, отчеканенные не «законной парой» штампов, а «сборной», по одному штампу от двух разных пар; другие технические недостатки отчеканенных монет.

Итак, чеканка монет по указному весу технически не была трудной, ибо юстировка наиболее удобным и легким способом осуществлялась, вероятно, во время одной из промежуточных операций, осуществлялась «на глаз», выбраковка обходилась дешевле, ибо производилась до чеканки монет: дешевле было в переплав пустить неудачно отрубленные цилиндрики, чем полностью отчеканенные и обработанные монеты.

Рассмотренные выше материалы позволяют сделать следующие выводы. Вес медного динара, в 914 г. х. зафиксированный в надписях монет Самарканда с точностью до полуданга и в 942 г. х. в вакфной грамоте с точностью до нухуда, оказался одинаковым. Фиксация веса — неоспоримое свидетельство такой политики, когда чеканка медных монет осуществлялась на основе назначенного весового стандарта. Приведение монет в указный вес, судя по техническим особенностям их чеканки, осуществлялось на одном из промежуточных этапов изготовления монетного кружка, такой способ облегчал юстировку «на глаз» и удешевлял выбраковку заготовок, не соответствующих указному весу. График (рис. 17) веса монет Самарканда 914 г. х., уже бывших в обращении, показал, что средняя норма их потертости невелика и средний вес ниже указного всего на 0,05 г. Весовой «треугольник» очень поэтому компактен, лишь немного сдвинут в сторону меньших цифр. Значение трех величин (указного веса, среднего веса, средней нормы потертости), характеризующих монеты Самарканда 914 г. х., позволяет легко на графике определить и четвертую — ремедиум в чекане этих монет: от 5,0 до 5,4 г, по 0,2 г (т. е. по нухуду) в обе стороны от указного веса[296]. Выше мы уже говорили, что этот ремедиум будем считать эталоном при изучении веса других медных монет.

Возникает вопрос: всегда ли на протяжении XV — первой четверти XVI в. политика правительства в отношении веса монет была одинаковой?

Рассмотрим отдельные разновременные типы монет с точки зрения принципов, которыми руководствовалось правительство в отношении их веса. И оперировать во всех случаях мы сможем только реальным весом самих монет, ибо динары Самарканда 914 г. х.— это единственный тип, в надписях которого вес (весовой стандарт) обозначен.

Ранние монеты XV в., которые могут быть изучены графическим методом,— это монеты 823/1420 г. Нами обработан один маленький клад (41 экз.), целиком состоящий из монет 823/1420 г. На графике веса[297] видно, что компактного весового «треугольника» нет. Правдоподобно заключить, что монеты 823/1420 г. чеканили эл-марко при расчетном среднем весе в 4,4 г: назначено было общее число монет, которые следовало отчеканить из слитка меди определенного веса, что предполагало некий средний вес каждой монеты (мы его будем назы-

вать «расчетным средним весом»), но юстировка не производилась. При рассмотренной выше технике чеканки от медного прута отрубали цилиндрики, но не было задачи, чтобы они имели строго одинаковую длину: цилиндрики-заготовки то более короткие, то более длинные не выбраковывали. Иначе говоря, к операции отрубания цилиндриков-заготовок относились не так тщательно, как при чеканке на базе весового стандарта, юстировка же вообще не производилась. В результате заготовка монетных кружков упрощалась и убыстрялась, зато и график веса обретал такой расплывчатый вид. Даже если допустить, что монеты 823/1420 г. чеканили все же по указному весу, но его один раз изменили (понизили или повысили), это не объясняет сравнительно большого числа монет за пределами двух возможных ремедиумов двух весовых стандартов. Первое толкование предпочтительнее.

Монет с датой 832/1428-29 г., наоборот, чрезвычайно много. Удалось установить (см. гл. V/1—2), что сначала, после оглашения денежной реформы Улугбека, новые монеты с датой 832/1428-29 г. чеканили и обменивали на старые на многих монетных дворах, причем вес этих новых монет был высоким — в среднем в 1,5—2 раза выше и реального, и расчетного среднего веса дореформенных монет 823/1420 г. На втором этапе реформы выпуск монет был централизован в Бухаре. Монеты Бухары 832/1428-29 г. крайне многочисленны, это серия, которую без изменения даты выпускали много лет эл-марко, неоднократно уменьшая расчетный средний вес (см. гл. V/1).

Монет Урду 861/1456-57 г. не очень много, все же график их веса в составе Душанбинского и Узбекон-тепинского кладов[298] и отдельные монеты из других кладов дают некоторые основания для заключения. Крайние весовые показатели — от 2,9 до 6,5 г. Основная масса монет расположена в более узких весовых пределах — от 3,9 до 5,3 г, но такой разброс (около 1,5 г) велик, особенно по сравнению с эталонным ремедиумом монет Самарканда 914 г. х. График не имеет вида «треугольника», вершина которого фиксировала бы средний вес. Правдоподобнее допустить, что это чекан эл-марко (дополненный, возможно, и перечеканкой старых монет).

После 861 г. х. наступает длительный перерыв, превышающий три десятилетия, когда в центральном Мавераннахре регулярного выпуска медных монет вообще не было, чекан же с 897/1491-92 и особенно с 898/1492-93 г. стал очень обильным[299]. Совершенно отчетливо на всех графиках видно, что принцип чекана на этом этапе был один — на основе весового стандарта и определенного, оговоренного ремедиума. В качестве примера приведем вес монет Самарканда двух разных типов и за два разных года (по материалам Ангренского клада).

Весовой график монет Самарканда типа 9 за 898/1492-93 г. (составленный на основе 47 экземпляров) имеет вид компакт-

ного «треугольника», сдвинутого в сторону меньших цифр (рис. 18/1). Вершина весового «треугольника» приходится на 5,0—5,1 г (средний вес — 5,05 г), основная масса монет (80,85%) весит в пределах 5,2—4,9 г. Это значит, что реальный вес основной массы монет отклоняется от среднего веса на 0,15—0,20 г в обе стороны, а такие отклонения находятся в рамках ремедиума — эталона монет Самарканда 914 г. х.

Весовой стандарт монет Самарканда типа 9 за 898 г. х. неизвестен. Ясно, что он был выше среднего веса в 5,0—5,1 г. Следовательно, он был выше одного мискала (4,8 г) и одного нухуда (0,2 г), т. е. выше 5,0 г. Можно определить указный вес этих монет путем сравнения средней нормы потертости на основе средней продолжительности обращения монет Самарканда 914/1508-09 г. (тип 20) и 898/1492-93 г. (тип 9). Взятые для графика монеты 898 г. х.— из Ангренского клада, который был окончательно упрятан не позднее 914 г. х. Средняя продолжительность их обращения — около 16 лет. Монеты 914 г. х., использованные для графика веса (рис. 17), происходят из нескольких кладов, окончательно сложившихся в 919 г. х., а один даже раньше — в 917 г. х. Это значит, что монеты 914 г. х., оказавшиеся в этих кладах, обращались в среднем всего 4—6 лет. Если учесть столь большую разницу (примерно в 3 раза) средней продолжительности обращения монет 898 и 914 гг. х., следует предположить, что и средняя норма их потертости различалась в 3 раза. Средняя норма потертости монет 914 г. х. выяснена выше — это 0,05 г, значит средняя норма потертости монет 898 г. х.— примерно 0,15 г. Сложение среднего веса монет 898 г. х. (5,0—5,1 или 5,15 г) и средней нормы их потертости (0,15 г) дает указный вес — 5,2 г, а это — мискал и полданга мискала (два нухуда). Такой весовой стандарт хорошо вписывается в график веса монет Самарканда 898 г. х. (рис. 18/1). Монеты весом 5,3—5,4 г на этом графике оказываются в рамках ремедиума при весовом стандарте в 5,2 г; монеты весом 4,9—4,7 г (возможно, до 4,3 г) — свидетели нормального движения в сторону меньших цифр за пределы ремедиума при столь длительном обращении.

Сразу нужно сделать существенный для дальнейшего вывод: весовой стандарт в мискал и полданга мискала (или в мискал и два нухуда), ранее засвидетельствованный для 914 и 942 гг. х., теперь получает еще одну хронологическую; причем более раннюю опору — 898 г. х. Ясно также, что именно этот весовой стандарт в чекане медных монет обладал традиционной прочностью, он был надежным и правильным с позиций общественной психологии, к нему возвращались после разных весовых перемен.

Весовой график монет Самарканда типа 10 за 900/1494-95 г. (рис. 18/2), составленный на основе 34 монет Ангренского клада, представляет собой «треугольник» с абсолютно четкой вер-

шиной — 4,9 г. Этот средний вес значительно ниже среднего веса (5,05 г) уже рассмотренных монет типа 9 за 898 г. х. Ясно, что произошло изменение весового стандарта (подробнее см. в гл. VI/1). Новый весовой стандарт был выше мискала (4,8 г.), но ниже весового стандарта в мискал и два нухуда монет 898 г. х. Можно предположить, что в 900/1494-95 г. весовой стандарт равнялся мискалу (4,8 г.) и одному нухуду (0,2 г), т. е. 5,0 г. В этом случае средняя норма потертости составила бы всего 0,1 г, снижение же весового стандарта равнялось бы нухуду, а основная масса монет (82,4%) оказалась расположенной в пределах эталонного ремедиума (по 0,2 г в обе стороны от весового стандарта).

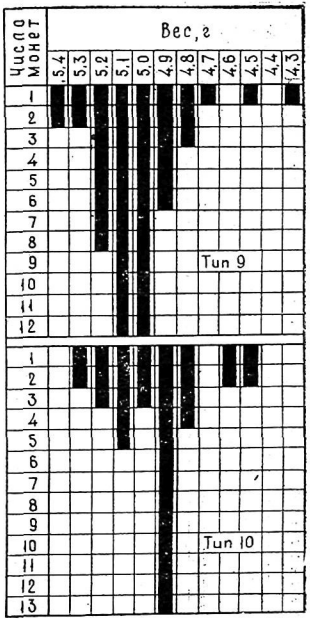


Рис. 18. Вес монет Самарканда 898/1492-93 г. (тип 9) и 900/1494-95 г. (тип 10)

Очень убедительный материал для понимания политики правительства в отношении веса монет дает чекан центрального Мавераннахра за 917—919 гг. х. Подробно он рассмотрен в гл. VII/1, здесь же приведем два примера. За 917—919 гг. х. вес основного номинала — медного динара — изменялся. В Самарканде изменение произведено было в 918 г. х., вес монет после этой перемены показан на рис. 19. Это динары Самарканда за 918/1512-13 и 919/1513-14 гг. в составе Самаркандского клада. График составлен на основе 271 монеты, такое количество исключает всякую случайность при оценке материала. Даже общий весовой разброс (1,1 г: от 3,3 до 2,2 г) не кажется значительным. Но существенно, что основная масса этих монет (84,1%) весит в пределах 2,9—2,7 г, средний вес отчетливо виден на отметке 2,8 г. Монеты, чеканенные во второй части 918 и в 919 гг. х., обращались совсем недолго, ибо Самаркандский клад вскоре и был упрятан. Возникает вопрос, не совпадают ли в данном случае средний вес и весовой стандарт. Ведь если у монет Самарканда 914 г. х. средняя норма потертости 0,05 г (при обращении в течение 4—6 лет), то монеты 918—919 гг. х. обращались еще меньшее время, всего 1—2 года. Можно допустить, что средняя потертость монет Самарканда

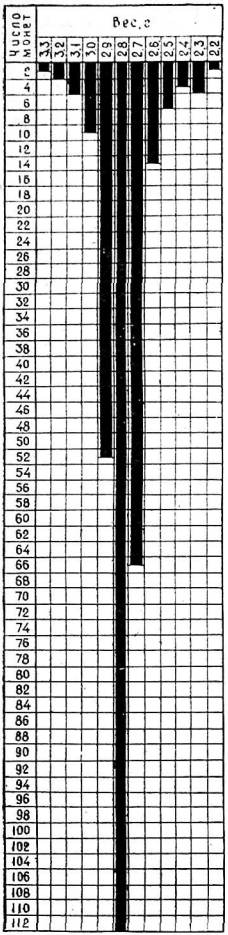


Рис. 19.
Вес монет
Самарканда
918/1512-13 и
919/1513-14 гг.
(Самаркандский клад)

918—919 гг. х. выразилась лишь в «силуэте» весового «треугольника», когда по сторонам среднего веса в 2,8 г — разное число монет: меньшего веса (2,7 г) — 65, а большего веса (2,9 г) — 51. Если средний вес этих монет в 2,8 г равен весу указному, то в восточных единицах веса этот стандарт равен 3,5 дангам мискала (или половине мискала и двум нухудам). Другой рациональный весовой стандарт не отвечает графику на рис. 19.

Нет никаких сомнений относительно принципа чекана этих монет: они чеканены на основе весового стандарта. Но вопрос о ремедиуме интересен. График позволяет предположить, что ремедиум здесь был даже меньше эталонного ремедиума монет Самарканда 914 г. х., всего по 0,1 г (по половине нухуда) в обе стороны от среднего веса; в этих пределах расположилось 84,1% монет. При больших абсолютных цифрах весовые отклонения за пределы ремедиума (около 15,9%) выглядят случайными. Однако они окажутся еще более случайными, если за основу все же принять эталонный ремедиум (по 0,2 г в обе стороны): в пределах такого ремедиума (от 3,0 до 2,6 г) расположилось 92,3% монет. Остается заключить, что при чеканке этих монет юстировка была чрезвычайно тщательной.

Приведенных примеров достаточно, чтобы представить политику в отношении веса медных монет на протяжении XV — первой четверти XVI в. Техника изготовления монетных кружков включала четыре операции: подготовка (путем отвешивания холодного металла или отливки в известную форму расплавленного) исходного количества меди (бронзы), удобного для изготовления прута определенной толщины круглого сечения; изготовление этого прута; разрубание прута на заготовки-цилиндрики; расплющивание

цилиндриков в монетные кружки, пригодные для чеканки. При такой технике довольно легко было делать монеты одинакового или близкого веса, для этого нужно было определить и установить длину отрубаемого цилиндрика. Именно на этом этапе проще всего было контролировать правильность веса.

Иначе говоря, чекан эл-марко и чекан на основе весового стандарта в рамках этой техники соприкасались; в обоих случаях нужно было определить количество и длину цилиндриков-заготовок, на которые разрубался прут известного общего веса, толщины и сечения. Разница заключалась только в одном: в юстировке как самостоятельной операции. Если юстировка снималась, то снималась и выбраковка неудачно отрубленных цилиндриков, которые были больше или меньше контрольного размера. Если юстировка была, то выбраковка производилась и неудачные заготовки отправлялись в переплавку. Но и тут, в результате отдельных случайностей или злоупотреблений, некоторое количество цилиндриков-заготовок нестандартного размера могло быть пропущено для следующей операции — расплющивания. Если монеты чеканили на основе весового стандарта, то неизбежно должны были назначать ремедиум. При чекане эл-марко ремедиум не назначался и юстировка не производилась. Тем не менее, если построить два графика монет (на основе большого их числа), еще не бывших в обращении и отчеканенных на основе двух названных разных принципов,— оба графика могут иметь вид равнобедренных «треугольников» (с возможными случайными отклонениями небольшого числа монет за пределы основной массы). Можно лишь предполагать, что основания этих двух «треугольников» будут иметь разные размеры, а вершины не окажутся одинаково четкими.

У монет, чеканенных по весовому стандарту, «треугольник» непременно равнобедренный; его основание — это ремедиум, вершина треугольника — весовой стандарт, указный вес; а отклонения за пределы ремедиума составляют небольшой процент от общей массы монет. У монет, чеканенных эл-марко, основание «треугольника» будет шире (поскольку специальная юстировка и выбраковка отсутствуют), график может иметь вид равнобедренного «треугольника» или трапециевидного массива (это зависит от искусства мастера, производящего разрубку проволоки без проверки отрубленных цилиндриков-заготовок), средний вес графически может не выделиться четко.

Ясно, что даже в искусственных условиях изучения еще не обращавшихся монет путь от графика их веса к выводу о том, на какой основе они чеканены, не всегда прост. Некоторые графики (особенно при небольшом количестве монет) могут оказаться трудными для уверенного заключения: отражают ли они чекан по указному весу или чекан эл-марко.

Трудности изучения весовых графиков возрастают, если от

искусственных условий перейти к реальным. Реальные условия — это изучение монет, уже бывших в обращении. Потертость сдвигает реальный вес всех или части монет в сторону меньших цифр, меняя размер основания и превращая весовой «треугольник» в разносторонний. Сильная потертость может так видоизменить график (особенно при относительно небольшом числе монет), что средний вес графически уже не будет обозначен. Поэтому при недостаточно большом числе монет, но немалой их потертости по одному лишь графику нельзя ответить на первый и основной вопрос: чеканены ли такие монеты эл-марко или на основе весового стандарта. Вопрос этот для монет ряда годов и типов мы и оставили открытым. Для других на него удалось ответить.

Ключ решения этого вопроса во всех конкретных случаях — монеты Самарканда 914/1508-09 г. с надписью, в которой указан их вес. Эта надпись и свидетельство вакфной грамоты 942 г.х. имеют принципиальное значение: они убеждают в том, что чекан медных монет на основе весового стандарта был, значит назначали ремедиум, проводили и юстировку. Они убеждают в том, что чекан медных монет на основе указного веса не был единственным, т. е. случайным эпизодом.

Медные монеты Самарканда 914 г. х. позволяют ввести еще два понятия, которые получают методическое значение.

1. *Эталонный ремедиум.* Это реальный ремедиум монет, бесспорно чеканенных по указному весу, т. е. монет Самарканда 914 г. х. Безусловно, ремедиум в чекане монет могли и изменять, но эталонный ремедиум — прочный ориентир. Если ремедиум других медных монет равен эталонному или меньше его — это бесспорное доказательство чекана по указному весу. Если ремедиум других монет шире эталонного, это требует конкретного анализа для определения принципа чекана (эл-марко или весовой стандарт), и не всегда такой анализ может дать доказательный результат.

2. *Средняя норма потертости.* Методическое значение это понятие имеет только для монет, чеканенных на основе весового стандарта. Средняя норма потертости — это разница между указным весом и средним весом монет и возможность в некоторых условиях выяснить указный вес по среднему. Монеты Самарканда 914 г. х. в кладах, отложенных в 917—919 гг. х. или в близкое этим датам время, в среднем обращались пять лет. Средняя норма их потертости легко выясняется, так как из надписи известен указный вес (5,2 г), а из графика — средний вес (5,2—5,1, т. е. 5,15 г). Следовательно, средняя норма их потертости за пять лет обращения — 0,05 г. Это тоже своего рода эталонная средняя норма потертости медных динаров XV — первой четверти XVI в. Ее методическое значение подтвердили монеты Самарканда типа 9 за 898 г. х., чеканенные, как оказалось, по тому же весовому стандарту в мискал и полданга

мискала (5,2 г). Поскольку они обращались в среднем около 16 лет (т. е. в три раза дольше монет Самарканда 914 г. х.), можно было бы априорно допустить, что средняя норма их потертости равнялась 0,15 г. Весовой график полностью отвечает этому предположению (см. выше) [300].

Рассмотрение нескольких графиков веса разновременных монет позволяет допустить, что в Мавераннахре политика в отношении веса медных монет за XV — первую четверть XVI в. претерпела серьезное развитие. Ранние выпуски XV столетия (если судить по монетам 823/1420 г., серии 832/1428-29 г., а также по монетам Урду 861/1456-57 г.) чеканены не на основе твердого весового стандарта с ремедиумом, близким или равным эталонному. Начало регулярного после большого перерыва чекана медных динаров ознаменовалось победой нового принципа: чеканом медных монет на основе указного веса и определенного ремедиума, с юстировкой как самостоятельной операцией. Победа нового принципа не была случайной, ибо одними из важнейших причин хоть и предотвращенного, но уже начинавшегося кризиса денежного обращения были именно разновесность монет Бухарской серии 832/1428-29 г. и отрицательная реакция на эту разновесность общественного сознания (см. гл. V/2). Между тем мелкотоварное производство развивалось, торговля товарами широкого потребления расширялась (см. «Заключение»), значение медных монет как основного средства обращения в этой сфере торговли росло. Становление и укрепление новой политики по отношению к весу медных монет было в этих условиях трезвой реакцией на прошлый опыт. На протяжении последнего десятилетия XV — первой четверти XVI в. еще появятся выпуски монет, которые вызовут сомнения (см. в гл. VI—VII) относительно принципов весовой стороны их чекана. Но вероятные исключения лишь подтверждают правило: на этом отрезке времени пусть не единственным, но ведущим принципом чекана медных монет стал принцип чекана на основе указного веса со всеми сопутствующими назначениями (ремедиум) и операциями (юстировка).

2. Политика в отношении масштаба цен

В гл. I/2 рассмотрен вопрос о названии основного номинала: назывался он сначала «ʻадли», потом «динаром», какое-то время оба термина в этом значении сосуществовали. Полный курс основного номинала передавался термином «данги», а параллельно, очевидно, также термином «ʻадли», который употреблялся и как синоним «данги». Металл «ʻадли» и «динаров» (когда речь шла о монетах медных, так как оба эти термина в то же время использовали для обозначения и серебряных монет) подчеркивали чаще всего термином «фулус», который не был

названием основного номинала, но его могли использовать и в этой функции. Тогда современники понимали, что речь идет об основном номинале. Однако это было лишь восприятие, не имевшее доказательства. Поэтому в тех случаях, когда всякое сомнение должно было быть исключено, «фулус» аттестовали другими терминами, ясно выражавшими значение основного номинала. В предыдущем разделе на примерах монет основного номинала была рассмотрена политика в отношении их веса. Сравнение монетной надписи динаров Самарканда 914/1508-09 г. с реальным и средним весом этих монет дало ключ к изучению графиков веса других монет и привело к заключению, что политика в отношении веса монет основного номинала не была однозначной, практиковался чекан эл-марко и на основе весового стандарта с общей тенденцией развития все более ответственного отношения к весу медных монет, что привело к преобладанию принципа чекана монет основного номинала на основе указного веса.

Показано, что самым традиционным весовым стандартом, на основе которого выпускали основной номинал, был весовой стандарт в мискал и полданга мискала (=мискал и два нухуда), т. е. 5,2 г. Он зафиксирован неоднократно. Вместе с тем вес основного номинала не оставался неизменным: его понижали и повышали. Движение веса медных 'адли и динаров прослежено для разных отрезков времени путем изучения среднего веса графическим методом (в гл. V/1, VI, VII). Здесь важно подчеркнуть соотношение веса и типов монет. Оказалось следующее: изменение веса монет основного номинала в одних случаях производилось открыто, на базе параллельного изменения и типа этих монет; в других — замаскированно, «внутри» одного и того же типа.

Возникает существенный для характеристики уровня развития денежной торговли ряд вопросов: в какой степени был развит масштаб цен в медном чекане; чеканили ли медные монеты одного или нескольких достоинств, и если нескольких, то каких именно; какими были критерии различения монет разных достоинств, т. е. как их различали современники; какие методы откроют возможность ответить на эти вопросы? Другая группа вопросов касается надчеканивания и иных способов дать рынку кратные основного номинала: в какой форме и в каких случаях трудоемкая и дорогая чеканка специальных монет — кратных основного номинала заменялась более дешевыми способами ради той же цели?

А. *Монеты достоинством в два динара и критерии их различения.* Оказалось, что ключ к изучению масштаба цен — это монеты Хисара, Термеза и Кундуза 907/1501-02 г. и без даты с изображением на об. ст. джейрана. Публиковали подобные монеты с таким приметным изображением на об. ст. неоднократно, но самая важная часть надписи на л. ст. не была

прочтена и даже не упоминалась. Мы прочли ее, работая с неопубликованными монетами ГИМ и МИУз, чеканенными в Хисаре и Кундузе с датой цифрами (907 г. х.) или без нее. В 1950 г. мы опубликовали эти монеты, графические реконструкции их типов и чтение в надписи на их л. ст. двух слов, обозначающих достоинство: «ду динар» («два динара») [301]. Итак, перед нами оказались кратные динара, монеты двойного достоинства. Тогда же был обнаружен, частично графически реконструирован и опубликован единственный экземпляр одинарного динара Хисара 907 г. х., на л. ст. которого также было обозначено словами его достоинство: «йак динари» («[монета] однодинаровая»). Несколько позже (1953 г.) нами был опубликован клад (Шаартузский), который состоял преимущественно из двойных динаров Хисара и Кундуза, но в его составе оказались двойные динары еще одного монетного двора — Термеза. Картуш на л. ст. монет Термеза несколько отличается от четырехлепесткового картуша монет Кундуза и части монет Хисара, он — фигурный и более изящный. Но надпись в этом картуше такая же — наименование монетного двора (Термез) и обозначение двойного достоинства («два динара») [302]. Еще в одном кладе (Кафыр-калинском), который мы опубликовали в 1979 г., наряду с многочисленными двойными динарами Хисара, Кундуза и Термеза оказалось восемь экземпляров одинарных динаров [303].

Итак, на монетах, чеканенных в Хисаре, Кундузе и Термезе с датой цифрами (907 г. х.) и без нее, обозначено двойное достоинство («два динара»), а на других монетах Хисара того же времени — надпись, свидетельствующая о том, что это — основной номинал («один динар»). Разницу между двойными и одинарными динарами этого региона можно рассматривать как индикатор для выявления двойных динаров среди массы монет, отчеканенных в этом и в других регионах в разное время. Какие же признаки различия прежде всего бросаются в глаза? Во-первых, это размер монет, т. е. их толщина и «диаметры»: двойные динары с джейраном — крупные толстые монеты, а одинарные динары — небольшие и значительно более тонкие; во-вторых, это вес монет. Вес одинарных динаров Хисара 907 г. х. нельзя изучить графическим методом, так как их слишком мало. Но конкретный вес восьми экземпляров (4,70; 4,70; 4,60; 4,50; 4,30; 4,03; 3,95 г) дает некоторый материал для сравнения с весом двойных динаров. Двойных динаров Хисара, Кундуза и Термеза очень много. График их веса, составленный отдельно по двум кладам (см. гл. VI/2; рис. 29), прежде всего заставляет заключить, что это чекан эл-марко. График веса двойных динаров в Кафыр-калинском кладе (рис. 29/2) даже не образует весового «треугольника», диапазон весовых колебаний (если отбросить единичные случайные отклонения) основной массы монет — 7,8—9,6 г. Монеты сгруппированы в два отдельных массива (8,7—9,6 и 8,4—7,8 г), намекающих на изменение

расчетного среднего веса в рамках чеканки эл-марко. График двойных динаров в Шаартузском кладе иного вида (рис. 29/1): если отбросить единичные случайные отклонения в очень широком диапазоне (7—13 г), окажется, что основная масса монет образует весовой «треугольник» с вершиной на 9,6—9,7 г[304]. Более половины монет весят 9,3—9,9 г (в среднем 9,6 г). Основание весового «треугольника» велико: от условно-среднего веса (9,6—9,7 г) в сторону больших цифр (до 11,0 г) половина основания «треугольника» составляет 1,3—1,4 г, т. е. все основание равно примерно 2,7 г, что невозможно при чекане на основе весового стандарта, цифра эта для ремедиума слишком велика. В первом разделе данной главы было показано, что эталонный ремедиум при чеканке медных монет на основе весового стандарта равен отклонению от указного веса в обе стороны по 0,2 г.

Итак, двойные динары Хисара, Кундуза и Термеза чеканены эл-марко, расчетный средний их вес был близок 9,6—9,7 г, потом, очевидно, снижался (т. е. число монет, изготовляемых из того же количества металла, увеличивали), но все же оставался высоким (порядка 9,2—9,3 г, потом, возможно, еще несколько меньше). Половина расчетного среднего веса в 9,6—9,7 г (=4,80—4,85 г) или в 9,2—9,3 г (=4,60—4,65 г) вполне соответствует приведенному выше конкретному весу восьми одинарных динаров. Следовательно, вес являлся для современников и является для нас действительно важным критерием различения одинарных и двойных динаров даже в условиях, когда монеты чеканены эл-марко.

Предварительный вывод можно сформулировать следующим образом: средний вес двойных динаров должен быть в 2 раза выше среднего веса одинарных динаров. При чеканке эл-марко этот вывод остается в силе с поправкой на то, что расчетный средний вес на графике выделен отнюдь не всегда подавляющим числом монет, а то и вовсе не выделен. При большом диапазоне изначальных весовых колебаний и движении графика в сторону меньших цифр (отражение потертости в процессе обращения) даже самые маловесные конкретные двойные динары (7,0—7,5 г) раза в полтора тяжелее самых тяжеловесных конкретных одинарных динаров (4,7 г). Иначе говоря, разница веса была настолько основательной, ей придавали столь большое значение, что даже при чекане эл-марко подразумевалось, что это будет основным критерием различения монет двух достоинств.

Остается еще и тип. Двойные динары Хисара показывают два типа — 3 и 4 (см. гл. II/3), они различаются лицевой стороной (тип 3 — картуш, тип 4 — без картуша), но их объединяет изображение на об. ст.— джейран (стоящий, бегущий или скачущий среди веточек). Одинарный динар Хисара (тип 2) на л. ст. также не имеет картуша, но на об. ст. у него не изобра-

жение джейрана, а просто орнамент. Следовательно, тип — тоже критерий различения одинарных и двойных динаров.

Монеты Хисара, Кундуза и Термеза с датой (907 г. х.) и без нее — пока единственные, достоинство которых в два динара прямо и недвусмысленно зафиксировано в их надписях. Но эти монеты дали нам в руки метод выделения двойных динаров среди массы разнотипных монет — изучение веса. Средний вес (при чекане на основе весового стандарта) или расчетный средний вес (при чекане эл-марко) должен быть точно или примерно в 2 раза выше среднего или расчетного среднего веса одинарных динаров того же времени.

Именно этим методом в чекане Бухары, Самарканда, Хисара и Хутталяна нам удалось выявить значительное число типов монет, являющихся двойными динарами. Так, двойными динарами оказались монеты Хисара типа 7 с датами (917—918 гг. х.) и без дат; они чеканены на основе указного веса, который в 918 г. х. был понижен. По двум весовым стандартам чеканены двойные динары Хутталяна (типы 4—5) того же времени. Двойными динарами являются монеты того же региона, чеканенные без наименования монетного двора. Двойные динары региона Хисара этого этапа рассмотрены конкретно в гл. VII/2. В гл. VII/1 рассмотрены двойные динары Бухары и Самарканда. В чекане Бухары за 917—919 гг. х. выявлены двойные динары двух типов (14 и 16), в чекане Самарканда за это же время — двойные динары четырех типов (22, 28, 29 и 40). Изучение веса этих двойных динаров и сравнение со средним весом одинарных динаров позволили внести коррективы и уточнения в аттестацию критериев, на которые опирались современники для различения одинарных и двойных динаров. Оказалось, что тип не был таким важным и обязательным критерием, как вес и размеры (толщина и «диаметры»). Зафиксированы примеры, когда одинарные и двойные динары были однотипными (например, типы 22, 28, 29 Самарканда), т. е. различались только весом и размерами. И этого в практической жизни, следовательно, было достаточно. Стало ясно также, что при назначении весового стандарта для двойных динаров допускались отступления от жесткой двойной нормы: средний вес двойных динаров не обязательно был точно в 2 раза выше среднего веса соответствующих одинарных динаров. Иногда средний вес двойных динаров бывал несколько ниже или выше теоретического двойного размера.

Б. *Монеты самого малого достоинства = одной шестой части основного номинала.* В 1952 г. в Ташкенте при земляных работах на глубине 0,5—1 м был обнаружен клад из 29 мелких медных монеток[305]. Они плохой сохранности, на большинстве не видно ни надписей, ни рисунков. На некоторых просматриваются следы орнаментов главным образом в виде решетчатых плетенок. На одном экземпляре сохранилась часть квадратного картуша со стертой надписью внутри. И лишь на одной мо-

нете надпись удалось прочесть полностью. Надпись эта — второй ключ к изучению масштаба цен.

На л. ст. этой монеты обозначено ее достоинство. В поле, обрамленном линейным ободком, надпись из трех слов: ضرب يك پل «монета однопуловая», «монета [достоинством] в один пул». На об. ст. в поле — дата арабскими словами, от нее сохранилось слово сотен и слово десятков: 91. г. х. Надпись об. ст. частично стерта; возможно, было и слово единиц. Поэтому выпуск этого экземпляра следует отнести ко времени между 910/1504-05 и 919/1513-14 гг.

Термином «пул» могли, очевидно, назвать монеты любого металла, в этом случае термин имел общий смысл — деньги. Именно в таком общем смысле употребил его Хафиз Таныш в «Абдаллах-нама» при описании ревизии 'Абдаллах-ханом II монетного двора в Бухаре на предмет проверки чистоты золота при чеканке золотых монет: «Приказал ['Абдаллах-хан], чтобы золото („зар") очищали от примесей и, чеканя деньги („пул") в один мискал, в основании отбросили манеру подделывать [монеты]. А сам, отправившись, потребовал пробирщиков и в своем присутствии, собрав в тигель [и расплавив] их золото („зар"), заставил определить пробу. И хотя в пробе золота („зар") не выявилось разницы более чем в два нухуда», он примерно наказал виновных [306].

Нам известно два примера, когда термином «пул» в письменных источниках была названа медная монета. Дженкинсон, живший в Бухаре в 1558—1559 гг., отметил, что медная монета там называется пулом [307]. У него речь идет не об основном медном номинале (медном динаре), а о кратной в одну шестую часть основного номинала. Этот вывод основан на том равенстве между серебряной монетой и медным пулом, которое Дженкинсон зафиксировал: одна (и единственная) серебряная монета в Бухаре равна 120 пулам. Поскольку серебряная монета сочтена единственной, ясно, что подразумевается основной серебряный номинал — танга, указный вес которой равнялся одному мискалу. В середине XVI в. танга весом в мискал равнялась 20 медным динарам, следовательно, названный Дженкинсоном пул составлял именно одну шестую часть основного медного номинала.

В купчей от 16 шавваля 998/1590 г. также фигурирует пул; ясно, что речь идет о медных монетах. Продан был двор за «65 танга ханских, серебряных, хороших, чистых, чеканенных в один мискал, новых, тридцатидинаровых, обращающихся [в настоящее время] <...>, и одну горсть черных пулов» [308]. Что подразумевается здесь под «черными пулами»? Основной медной номинал при описании серебряной танга назван динаром (танга = 30 динарам), можно поэтому предположить, что «черные пулы» — это какие-то другие медные монеты. В этом же убеж-

дает еще одно упоминание горсти медных монет. Согласно купчей от 21 зу-л хидджа 998/1590 г. был продан двор за «90 танга ханских, серебряных, хороших, чистых, чеканенных в один мискал, новых, тридцатидинаровых, обращающихся в настоящее время, и одну горсть фулусов данги, обращающихся в настоящее время»[309]. Выражение «фулус-и данги» означает, что речь идет о полнокурсном основном номинале — медном динаре. Термин «данги» был самой надежной аттестацией медного динара (см. гл. I/2), он выражал полный курс «нового» динара. Когда же речь шла о горсти медных динаров, прибегали к выражениям, которые четко передавали достоинство основного номинала и исключали всякое инотолкование. Выражением же «черный пул», следовательно, определяли не основной медный номинал, а медную монету иного достоинства. Эпитет «черный» (к которому мы ниже еще вернемся) намекает на то, что медная эта монетка была незначительной. Можно допустить и проверить это допущение: не появился ли эпитет «черный» из-за внешнего вида пулов.

Итак, термин «пул» применительно к медным монетам зафиксирован в трех источниках: в монетной надписи (910/1504-05—919/1513-14 гг.), у Антония Дженкинсона (1558—1559 гг.) и в купчей (1590 г.). Во всех трех случаях термин «пул» выступает как название определенной медной монеты: на самой монете 91. г. х.— «один пул», у Дженкинсона — медная монета в $^1/_{120}$ часть серебряной танга (т. е. одна шестая часть основного медного номинала — медного динара), в купчей — горсть монеток — «черных пулов». Однако конкретное достоинство медного пула четко зафиксировано лишь у Дженкинсона. Зато оно не выглядит случайным, ибо медные монетки в одну шестую часть основного медного номинала известны и для первой четверти XVI в., правда, в этом последнем случае медные монетки не названы пулами. В вакф-нама Михр-Султан-ханум, составленной в первой четверти XVI в. в пользу двух самаркандских медресе Мухаммада Шейбани-хана, многократно упоминаются медные динары, которым затем дано подробнейшее описание. Среди характеристик оговорено, что динары эти равны шести другим медным монетам — фулусам[310]. Слово «фулус» не было их собственным названием, оно могло употребляться применительно к медным монетам любого достоинства (см. гл. I/2). Но в данной связи важно, что речь идет о монетке, составляющей одну шестую часть основного номинала — медного динара, т. е. о той самой, которую назвал и Дженкинсон.

Составление вакфной грамоты и отложение клада мелких монеток хронологически близки. Получается такое уравнение: пулы Дженкинсона равны фулусам вакф-нама, те и другие равны одной шестой части медного динара. Медная монетка клада, по времени близкая вакф-нама, а по надписи («однопуловая»)

соответствующая аттестации Дженкинсона, должна была бы также равняться одной шестой части медного динара. Остается проверить это предположение.

Выше было показано, что монеты двойного достоинства (двойные динары) отличались от основного номинала иногда (но не обязательно) типом, обязательно — размерами и средним весом: средний вес двойных динаров в 2 раза (с некоторым уменьшением или увеличением против теоретической нормы, но иногда и точно) больше среднего веса основного номинала — динара. Исходя из этой закономерности, следует допустить, что средний вес маленьких однопуловых монеток клада примерно в 6 раз меньше среднего веса основного медного номинала — медного динара.

График веса монеток клада[311] заставляет думать, что они чеканены эл-марко. Диапазон весовых колебаний чуть превышает 1,0 г (от 0,4 до 1,5 г). Основная масса монеток (25 из 27) весит в пределах 0,4—1,2 г и располагается компактной группой. Расчетный средний вес этих 25 монеток равен 0,8 г $\left(\frac{0,4+1,2}{2}=0,8\text{ г}\right)$. Среднее арифметическое (а при чекане эл-марко среднее арифметическое заслуживает рассмотрения) всех 27 монет также равняется 0,8 г. Следовательно, именно эту цифру нужно сравнивать со средним весом основного номинала — динара. Вес последнего не оставался неизменным. Самым прочным и традиционным был вес в мискал и два нухуда, т. е. в 5,2 г. Таким был весовой стандарт в чекане 898/1492-93 г. и части 899/1493-94 г., потом его начали понижать. Весовой стандарт в три приема был понижен; самый низкий средний вес перед реформой Мухаммада Шейбани-хана равнялся 4,6 г. В 914/1508-09 г. Мухаммад Шейбани-хан на завершающем этапе своей реформы снова вернулся к весовому стандарту в 5,2 г. Итак, если в качестве контрольных цифр взять вес динара в 4,6—5,2 г, то одна шестая часть будет равна 0,76—0,86 г. Две эти цифры как нельзя лучше отражают расчетный средний вес монеток Ташкентского клада — 0,8 г. Следовательно, однопуловые монетки клада действительно составляли одну шестую часть основного медного номинала — динара, подобно фулусам вакфнама и пулу Дженкинсона.

До обнаружения в 1952 г. изучаемого клада идентификация упомянутых в письменных источниках самых мелких медных монеток в одну шестую часть медного динара с какими-либо конкретными монетными кружками была невозможна, ибо отсутствовала всякая опора даже для предположений. Сравнительный анализ надписи на одной из монеток клада, расчетного среднего веса всех медных монеток клада и приведенных выше сведений других письменных источников дает реальный критерий для выделения среди разнообразных медных монет XV—XVI вв. монеток, именуемых пулами и равных одной ше-

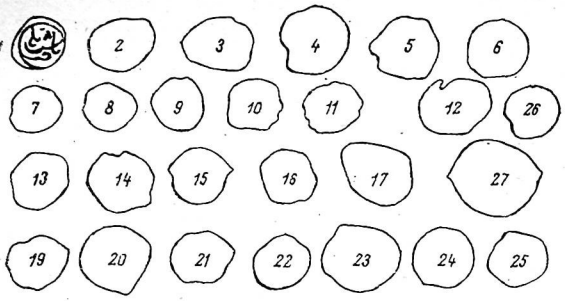


Рис. 20. Форма пулов первой четверти XVI в.
(клад из Ташкента)

стой части медного динара. Таким критерием является их вес (что уже рассмотрено), их размеры, техника чекана и внешний облик. На рис. 20 видно, что монетки эти не имели не только правильной круглой, но даже вообще округлой формы. Они очень небрежно чеканены. Монетные «кружки» в среднем тонкие, но разнятся не только между собой: почти каждая монетка с одной стороны толще, с другой — тоньше. Монетки, как правило, имеют неровные, иногда даже рваные края; у некоторых с одной стороны сохранились специфические утолщения совершенно определенной формы, это получается при чеканке из проволоки. Эпитет «черные» при слове «пул» в документе конца XVI в., вероятно, навеян небрежным видом этих маленьких монеток — пулов. Небрежность же чекана не случайна. Производство монет более или менее правильной формы с надписями и рисунками на обеих сторонах было сложным, многочастным и дорогим. Изготовление монеток на определенную сумму было тем дороже, чем меньше было достоинство монет. Из истории монетного дела средневековой Европы известны конфликты в связи с нежеланием монетчиков изготовлять мелкие монетки[312]. Но был один способ, к которому и прибегали в Мавераннахре: технически упростить изготовление пулов, сделать его более дешевым, чем чекан монет высокого достоинства. Отсюда разная и неправильная форма, неровные и даже рваные края, неодинаковая часто толщина разных участков монетного кружка.

Мы пока не знаем, когда начался чекан монеток достоинством в одну шестую часть основного медного номинала. Ранние достоверные сведения относятся к началу XVI в. К середине XVI в. эти монетки заняли столь прочные позиции, что Дженкинсон в Бухаре не видел сам и не был осведомлен информаторами о других медных монетах, хотя практически медные дина-

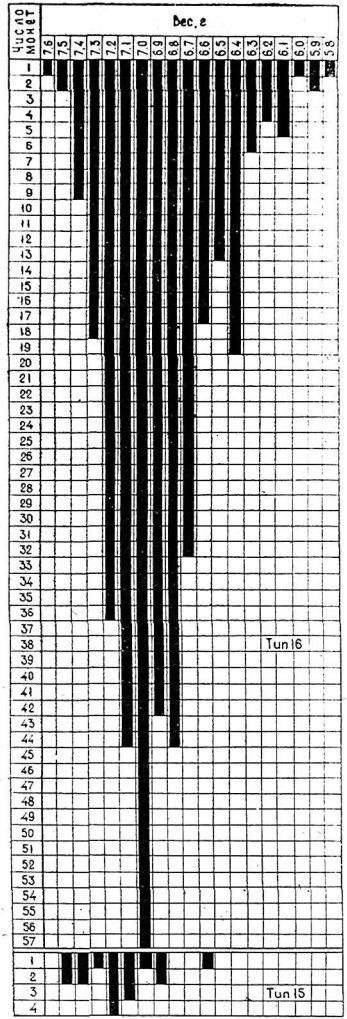


Рис. 21. Вес полуторных динаров Самарканда типа 15 (904/1498-99 г. и без даты) и типа 16 (906/1500-01 г. и без даты)

ры на протяжении XVI в. все же выпускали, правда, не столь регулярно и обильно, как в XV — первой четверти XVI в. Однако косвенные соображения позволяют предположить, что монетки или счетные единицы в одну шестую часть динаров в XV в. уже появились. Рассмотренные в гл. I/2 различные значения термина «'адли» показали, что в одном из своих значений он являлся синонимом термина «данг» и в качестве такового использовался для обозначения одной шестой части любой другой величины. Мы предположили, что оговоренные в вакф-нама 1489 г. Ходжи Ахрара расходы на освещение в монетах 'адли подразумевали монетки в одну шестую часть упоминаемого в этом же документе динара. Представляется достоверным, что здесь оба значения термина «'адли» (синоним «данг» и название монеты) слились и этот «сплав» действительно обозначал одну шестую часть медного динара. Если это предположение будет подтверждено новыми данными, то окажется возможным уверенно заключить, что мелкая монетка или счетная единица в одну шестую часть основного медного номинала появилась не позднее последней четверти XV в.

В. *Другие кратные основного номинала.* Метод изучения веса для выяснения достоинства монет позволяет выявить еще несколько кратных основного номинала. Есть два «претендента» на достоинство в полтора динара: монеты Са-

марканда типа 15 (904/1498-99 г. и без даты) и типа 16 (906/1500-01, 907/1501-02 гг. и без даты). Тип 15 представлен двумя монетами 904 г. х. (одна — в Шаартузском кладе, в=7,50; другая в кладе ГЭ-АМ, в=7,20 г) и 14 экземпляров без дат (клад ГЭ-АМ). График веса (рис. 21/2) столь небольшого числа монет не имеет вида «треугольника», но не оставляет сомнений в том, что средний или расчетный средний вес можно приравнять к 7,1—7,2 г. Монеты типа 16 очень многочисленны, вес монет с датами и без дат одинаков. Для графика (рис. 21/1) мы взяли 373 монеты клада ГЭ-АМ, которые выстроились в четкий «треугольник» с вершиной на отметке 7,0 г. График не оставляет сомнений в том, что монеты типа 16 чеканены на основе указного веса, который был несколько выше среднего (но в данном случае мы не можем определить среднюю норму потертости и весовой стандарт, так как неясна средняя продолжительность обращения монет этого клада). Итак, если монеты типов 15—16 считать полуторными динарами и оперировать их средним весом, то можно вычислить средний вес динаров 904—907 гг. х., он должен равняться 4,8—4,7 г. Нам известны динары 904 г. х., они того же типа 15, что и полуторные динары, их реальный вес (в составе Ангренского клада) — в пределах именно 4,7—4,8 г. Различать однотипные одинарные и полуторные динары было легко по толщине и размерам. Известные нам динары Самарканда 906 г. х. (типы 13—14) и 907 г. х. (тип 17) в типовом отношении отличаются от полуторных динаров этих лет (тип 16), весят же в точном соответствии с вычисленной нормой. Стоит добавить, что полуторные динары типа 16 вместе с Самаркандом выпускали Кеш и Карши.

В Самарканде в 903—904 гг. х. были выпущены монеты еще двух достоинств. Самаркандские монеты 904/1498-99 г. типа 12 составляют основу Клада кратных динара («Предисловие», клад № 18). На графике (рис. 22, верх) очищенных монет этого клада (55 экз.) видно, что их средний вес равен 2,7 г[313], а чеканены они на основе указного веса при эталонном ремедиуме. Так как динар в 904 г. х. весил 4,7—4,8 г, оценка среднего веса 2,7 г монет типа 12 не проста: это либо половинные динары (с завышением весового стандарта на 0,3—0,4 г против потребного), либо монеты в две трети динара (с занижением весового стандарта на 0,4—0,5 г против потребного). Второе предположение кажется более правдоподобным. Превышение веса было бы понятно, если бы выпуск монет типа 12 базировался на перечеканке разных «старых» монет: дешевизна и простота перечеканки компенсировали излишки металла. Но монеты типа 12 чеканены из металла (или переплавленных «старых» монет), чеканены по указному весу, эталонному ремедиуму, с юстировкой: при дороговизне самого этого процесса производства назначать завышенный весовой стандарт было бы просто нелепо, некоторая же его заниженность при стабильности индивидуально-

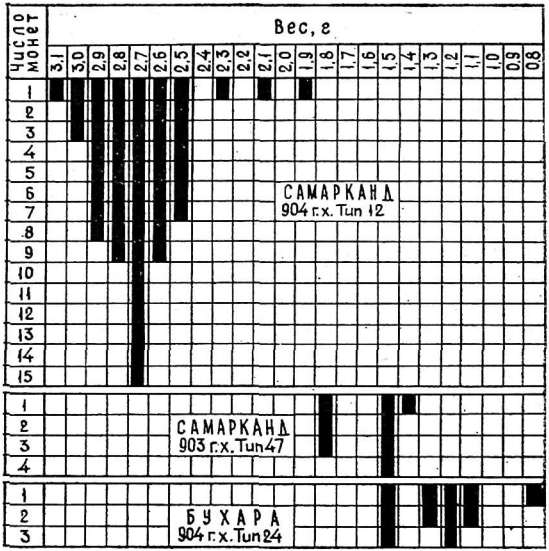


Рис. 22. Вес меньших кратных динара

го веса монет не могла затруднить их прием и обращение в соответствии с объявленным достоинством. Однако вопрос о достоинстве монет типа 12 убедительно может быть решен правильным пониманием продолжительности чекана монет типа 11, часть которых имела даты цифрами: достоверные — 901—902 гг. х., под вопросом — 907 г. х. Большинство монет этого типа весят 3,0—3,2 г, т. е. они точно имеют достоинство в две трети основного номинала. Если тип 11 был сменен типом 12, они безусловно представляют одно достоинство (со снижением весового стандарта в 904 г. х.). Если же выпуск монет типа 11 продолжался до 907 г. х., это будет означать, что монеты типа 12 являются половинками основного номинала.

В 903/1497-98 г. в Самарканде выпустили монетки (тип 47) и еще меньшего достоинства. Их средний или расчетный средний вес не может быть выяснен из-за малого числа экземпляров, но реальный вес восьми монет (рис. 22, середина) в пределах 1,4—1,8 г позволяет заключить, что достоинство этих монеток равно трети основного номинала. В пользу такого заключения говорят и размеры, сразу и заметно отличающие их (даже без типовых признаков) от монет основного номинала и от

монет достоинством в две трети (половину?) основного номинала: они меньше (размеры 17—18, 17—19, 18—19 мм) и значительно тоньше.

Итак, рынок Самарканда в 903—907 гг. х. был обеспечен медными монетами минимум четырех или пяти достоинств. И не исключено обнаружение еще одного-двух: например, двойных динаров и (или) монеток в одну шестую часть основного номинала.

В Бухаре также выпускали меньшие кратные основного номинала. Так, еще в 1950 г. среди монет Бухары мы выделили три типа (здесь это тип 6 за 900/1494-95 г., тип 5 за 910/1504-05 г. и тип 11 за 912/1506-07 и 914/1508-09 гг.), которые сочли половинными динарами на основании индивидуального веса во всех случаях небольшого числа монет[314]. Аналогичны в весовом отношении монеты типа 10 с датами 9.8, 913, 91.гг.х. Типы 10 и 11 не сменили друг друга, их выпускали параллельно; об этом свидетельствуют их «перекрещивающиеся» даты и одинаковое оформление л. ст. (при разных об. ст. тип 10 — дата словами, тип 11 — орнамент). Накопление большего числа монет этих четырех типов и построение весовых графиков могут уточнить достоинство части или всех этих типов, но уже сейчас ясно, что перед нами половинки и (или) монеты в две трети динара. С точки зрения масштаба цен более интересны монетки Бухары типа 24 за 904/1496-97 г. Их вес (рис. 22, внизу) очень мал (в пределах 0,9—1,5 г), в целом он ниже, чем у монет Самарканда типа 47, достоинство же последних — треть основного номинала. Не являются ли монетки Бухары типа 24 четвертушками? Достоинство в четверть основного номинала — не искусственно, для четвертушек в XV—XVI вв. был даже специальный термин — «мири». Монетки тонкие, их размеры от 17—18 до 18—20 мм. Впрочем, лишь накопление материала позволит надежно решить вопрос, четвертушки ли монетки Бухары типа 24 или, как самаркандские, составляют треть динара.

Г. *Монеты надчеканенные и «старые» в качестве кратных основного номинала.* Изложенный выше материал показывает, что правительство стремилось обеспечить рынок медными монетами разного достоинства. Одним из способов достижения этой цели была специальная чеканка монет, заранее предназначенных выполнять функции кратных основного номинала. Уже сейчас установлен факт выпуска монет достоинством в два, полтора и в половину динара, в две трети и в одну треть динара, в одну шестую динара и, возможно, в четверть динара. Но это был трудоемкий и дорогой способ. Поэтому правительство ту же самую цель достигало еще двумя более простыми и менее дорогими способами. Оно давало рынку кратные основного номинала с помощью надчеканов (надчеканы второго разряда), а иногда декретировало использование „старых" монет (ранее бывших основным номиналом) в качестве кратных.

Из надчеканов функцию превращения ранее отчеканенных монет в кратные основного номинала безусловно выполняли следующие (см. гл. III/4—5). Надчеканы типов 1/*в* и 3 первой группы второго разряда (в надписи которых — наименование монетного двора и термины «нимданги»=«половина данги») давали рынку монеты достоинством в половину основного номинала[315]. Такую же функцию выполняли надчеканы второй группы второго разряда с надписью «'Адил; ним динари»=«[Монета] правильная, полудинаровая». Надчекан типа 2 второй группы второго разряда с надписью «'Адил; йак мири» окончательно не истолкован. Надпись означает: «[Монета] правильная; [достоинство] — одно мири». Термин «мири» — это одна четвертая часть другой величины. Если подразумевалась четверть мелкой серебряной монетки или счетной единицы, надчекан давал рынку монету достоинством в полтора динара — основного номинала. Если подразумевалась четверть основного медного номинала, значит правительство давало рынку монету малого достоинства, собственно в полтора пула. Мы высказали некоторые соображения в пользу первого варианта (см. гл. III/5). Но в данной связи важно не конкретное значение, а еще один пример производства кратных основного номинала с помощью надчеканов. Надчекан типа 3 второй группы второго разряда имеет надпись «[Монета] правильная; две цены». Этот надчекан увеличивал достоинство монеты в 2 раза. Надчекан типа 4 второй группы второго разряда в надписи не содержит прямого указания на достоинство монеты, в надписи надчекана назван вес: «[Монета] правильная, [весом в] один мискал» — это косвенное удостоверение достоинства — того достоинства, которое было традиционным для одномискалных монет.

Анализ состава кладов, монетной политики правительства и конкретной ситуации убедил в том, что правительство иногда не запрещало медные монеты, объявленные «старыми», а разрешало их дальнейшее обращение по более низкому курсу, в качестве малых кратных основного медного номинала. Хороший пример — ситуация в регионе Хисара в 917—919 гг. х. В эти годы основным номиналом там был двойной динар, именно двойные динары в эти годы выпускали в большом количестве Хисар и Хуттал‍ян. Функцию одинарных динаров выполняли самые различные монеты, если на них был надчекан типа 3 первой группы первого разряда. Этот надчекан типа 3 (квадратный картуш) произведен был на ряде монетных дворов «экономического союза» Бухара — Хисар, все монеты с этим надчеканом в регионе Хисара считались «новыми», их достоинство соответствовало динару данги. А функции еще более мелких кратных выполняли другие монеты (иногородние, „старые" местные, с разными надчеканами и без них), — те, на которых не было надчекана типа 3 (квадратный картуш) первой группы первого разряда.

3. Формы эксплуатации монетной регалии

При выпуске медных монет казна получала большой доход, составлявший разницу между стоимостью самих монет (металл и работа) и их нарицательной номинальной стоимостью. Но этот доход не был безграничен, как и не мог быть безграничным выпуск самих медных монет.

Общее количество средств обращения, необходимое для нормальной торговли, отнюдь не может быть произвольным, оно зависит от трех факторов. «Эти три фактора: движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег могут изменяться в различных направлениях и в различных пропорциях; поэтому подлежащая реализации сумма цен, а следовательно, и обусловленная ею масса средств обращения могут также претерпевать многочисленные комбинации». Однако «вариации различных факторов могут взаимно компенсировать друг друга таким образом, что, несмотря на их постоянную изменчивость, общая сумма товарных цен, подлежащих реализации, остается постоянной, а потому остается постоянной и обращающаяся масса денег. Поэтому, особенно при рассмотрении сравнительно продолжительных периодов, масса денег, обращающихся в каждой данной стране, обнаруживает гораздо более постоянный средний уровень и гораздо менее значительные отклонения от этого среднего уровня, чем можно было бы ожидать с первого взгляда; исключение составляют периоды сильных потрясений, которые вызываются промышленными и торговыми кризисами, реже изменениями в стоимости самих денег»[316].

Итак, в нормальных условиях, при некоторых возможных частных отливах и приливах, общее количество необходимых средств обращения было довольно постоянным. В рассматриваемое время оно складывалось главным образом из серебряных и медных монет; золотые монеты, выпускавшиеся нерегулярно и в относительно небольшом количестве, существенной роли в реальном товарообороте не играли; их функции средства обращения и платежа в XV—XVI в. были наименее развитыми[317]. Сделки, оформлявшиеся купчими, совершались главным образом на серебро. Серебряные монеты XV — первой четверти XVI в. были высокопробными. Считалось, что проба тимуридских серебряных танга была «дах дахи»=«десяти-десятой», так они определены в актовых источниках[318]. Это значит, что такие монеты рассматривались как чисто серебряные, без всяких примесей. Высокопробными были и шейбанидские серебряные монеты XVI в. Чекан тех и других, за редким исключением, был свободным. Чекан же медных монет свободным быть не мог.

Серебряные и медные монеты имели свои сферы обращения. Здесь важно подчеркнуть (подробнее см. «Заключение»), что медные монеты в XV—XVI вв. не были разменными в собственном смысле слова, не были «привеском» при серебряных

монетах. Они имели свою собственную сферу обращения, которая была весьма обширной. Косвенные данные показывают, что при уровне цен того времени дневной прожиточный минимум горожан низко- и даже среднеоплачиваемых профессий, стипендии студентов и т. д. выражались несколькими именно медными монетами. Розничная торговля была в сфере обращения именно медных монет. И не случайно А. Дженкинсон утверждал, что медные монеты «<...> чаще, чем серебро, служат для платежей»[319]. Медные монеты играли большую роль и в межобластной торговле. Их циркуляция между областями и регионами Мавераннахра, вызванная то интересами торговли, то фискальной политикой удельных владетелей, была и интенсивной и массовой.

Между серебряными и медными монетами правительство устанавливало определенное отношение; оно оставалось неизменным, пока рыночные колебания были небольшими и эпизодическими. Если рыночное отношение между серебряными и медными монетами прочно отличалось от официального, то правительство меняло официальный курс серебра и меди, и такие примеры зафиксированы.

Сфера обращения медных монет и подвижный курс между серебром и медью априорно позволяют заключить, что любые потрясения или просто отрицательные явления в обращении монет одного из этих двух металлов не оставались без последствий для другого. Но взаимозависимость и результаты были весьма различными. Здесь мы рассматриваем только одну сторону — количественную. Увеличение количества высокопробных монет сверх потребного для сферы серебряного обращения не оказывало отрицательного влияния, поскольку излишки высокопробного серебра отливали в резервуар сокровища, откуда извлекались по мере надобности. Казна была заинтересована в максимальном притоке частного металла, так как доход от свободной чеканки высокопробных монет складывался из узаконенных отчислений. Увеличение же количества медных монет сверх потребного для сферы медного обращения всегда оказывало отрицательное влияние на денежную торговлю. Уменьшение покупной способности медных монет — это прямой результат; недооценка серебра в меди по официальному курсу, отрыв рыночного курса от официального, тезаврация серебра — это следствие. Иначе говоря, значительное увеличение количества медных монет сверх нужного могло стать и становилось причиной кризисов денежного обращения. Следовательно, политика правительства в отношении количества выпускаемых монет из серебра и меди должна была быть различной. Казна была заинтересована в неограниченном чекане высокопробных монет из серебра и вынуждена была ограничивать количество медных монет, обращающихся на рынке.

Ограничивалась ли казна доходами, которые давал свобод-

ный чекан высокопробных серебряных монет и количественно ограниченный чекан монет медных? Априорно можно утверждать, что изыскивались дополнительные способы увеличить эти доходы. Если они сообразовались с объективными закономерностями, то это давало позитивный результат, если же не считались с объективными закономерностями,— то отрицательный.

Обратимся к конкретному материалу. Серьезным подспорьем для изучения организации обращения медных монет и способов увеличения доходов казны от их чекана и обращения являются серебряные монеты XVI в. Актовые источники этого столетия позволили совершенно достоверно представить основной прием увеличения доходов от серебряного чекана и обращения. Уже отмечалось, что чекан серебряных монет был свободным и объективные закономерности обращения высокопробных монет не требовали ограничения их выпуска. Но ограниченными были возможности привлечения частного металла на монетный двор, особенно в условиях политических неурядиц и междоусобиц. Дополнительным источником дохода стало деление всех серебряных монет на две группы: «новых» и «старых» танга, они так и назывались — «новыми» и «старыми». «Старые» и «новые» танга имели одинаковый вес, одинаковую пробу, но разный курс. В актовых источниках курс любых танга выражался чаще всего через медные динары; курс «старых» танга иногда фиксировали их отношением к танга «новым». Оказалось, что *на протяжении всего столетия «старые» танга по покупной способности* составляли лишь девять десятых частей «новых» танга. Если «новые» танга равнялись 30 медным динарам, то «старые» в это же время — 27 медным динарам. Перевод «новых» монет в разряд «старых» и был дополнительным источником дохода, к которому шейбанидские владетели (до Абдаллах-хана II) прибегали очень часто. Практическим же критерием различения «новых» и «старых» монет был их тип (конкретно — форма картуша). Собственно, каждому нужно было знать и узнавать тип «новых» монет, ибо все остальные разнотипные были «старыми» [320].

Рассмотрим медные монеты и надчеканы на них. Классификация позволила выявить в чекане разных городов много монетных типов (принципы классификации и описание конкретных типов четырех монетных дворов см. в гл. II). Продолжительность чекана типов столь различна, что смена типов не может быть списана за счет технических причин, т. е. необходимости заменять изношенные штампы новыми. Приведем несколько примеров. Бухара с 832/1428-29 г. многие годы выпускала однотипные монеты, даже дата словами на об. ст. оставалась неизменной — 832 г. х. За время производства этой серии штампы заменялись многократно, но серийный тип оставался неизменным. С другой стороны, тип монет иногда менялся так часто

(по нескольку раз в год), как это вообще не могло быть вызвано изнашиваемостью самих штампов и даже, наоборот, заставляло отставлять еще пригодные штампы и вместо них изготовлять новые именно ради изменения типа. Например, в Самарканде только за 918/1512-13 г. было отчеканено 13 типов динаров (не считая кратных). Даже если учесть, что есть типы «сборные», а некоторые «пары» типов чеканили одновременно, все равно окажется, что за один год типы динаров сменили пять раз. Такая частая смена типов не диктовалась технической необходимостью, не говоря уже о том, что замена старых изношенных штампов новыми сама по себе не требовала изменения типа — новый штамп мог повторить старый тип (как это и было в серии 832 г. х.). Есть ряд «промежуточных» примеров. Тип 4 Бухары выпускали с 897/1491-92 по 900/1494-95 г.; штампы за это время менялись, ежегодно для об. ст. монет изготовлялись новые штампы с новыми датами, штампы же л. ст. повторяли один и тот же тип. А вот в 900/1494-95 г. в Бухаре выпустили динары типа 5; для об. ст. использованы были и старые и новые штампы с датами — 897, 899—901 гг. х. Такая перемена типа также не имеет ничего общего с техническими причинами. В Самарканде в 906/1500-01 г. были выпущены два типа (13 и 14) динаров (не считая кратных), один тип был сменен другим «внутри» 906 г. х. А вот с 907/1501-02 по 910/1404-05 г. в Самарканде неизменно выпускался один и тот же тип динара (17). В Бухаре в 924/1518 г. выпустили один тип (18), а вот сменивший его тип 19 чеканили неизменно с 925/1519 по 928/1521-22 г.

Итак, с одной стороны, наблюдаются случаи длительного чекана одних типов, переживавших смены износившихся штампов, а с другой — слишком частая смена типов, опережавшая износ штампов. Приведенных примеров достаточно, чтобы заключить: смена штампов, обусловленная технической необходимостью, и изменение монетных типов в чекане каждого монетного двора — явления не равнозначные и вообще никак одно от другого не зависящие. Изменения типов были обусловлены совсем другими причинами. Естественно напрашивается вывод, что причины эти — фискальные. Изменение типа предстает как признак, на основе которого население отличало монеты «новые», полнокурсные от всех остальных предшествующих выпусков. Иначе говоря, способ извлечения дополнительных доходов от чекана и обращения медных монет был калькой способа, применявшегося к серебру (по данным актовых источников).

Единство способа извлечения дополнительных доходов от чекана и обращения серебра и меди — это перегруппировка монет, когда «новыми», т. е. полнокурсными, объявлялись монеты нового типа, а те, что недавно были «новыми», попадали в разряд «старых». Но на этом единство кончалось, ибо судьба «старых» серебряных и «старых» медных монет не была одинаковой.

«Старые» серебряные монеты не запрещали, они были даже более прочной валютой, так как уже потеряли десятую часть своей покупной способности и им уже нечего было «терять». Если «старые» монеты припрятывали, то именно потому, что имело смысл поскорее избавиться от «новых», до очередной перегруппировки. Что же касается медных монет, то при перегруппировках обращение «старых» иногда вообще запрещали, обменивая на монетных дворах в определенной пропорции. Изъятие «старых» медных монет освобождало место для «новых» в условиях необходимости сохранить примерное соответствие между реальным и потребным количеством средств обращения.

Именно к такой форме эксплуатации монетной регалии прибегали в Иране в XVII в., о чем очень определенно и подробно сообщил Адам Олеарий. Его известие относится к 30-м годам XVII в.: «Вообще относительно медной монеты у персиян делается так, что каждый большой город имеет у них свою особенную монету, которая нигде и не ходит, как только там, где она отчеканена, и при этом не далее, как на один год, так что знаки на этих монетах ежегодно переменяются. Знаки эти или изображения бывают иногда олень, коза, сатир, рыба, змея и тому подобное, в наше время на касбеках (kasbeki) в Шамахе было изображение фавна или молодого дьявола, в Кашане изображение петуха, в Испагани — льва и в Килане — рыбы. С наступлением нового года, совпадающего по нашему календарю с февралем, старые касбеки воспрещаются, стоят уже по два старых за один новый и поэтому должны поступать снова на монетный двор, где они только раскаляются и клеймятся новым знаком»[321].

Я. Я. Стрейс, в начале 70-х годов XVII в. побывавший в Иране (причем его описание находится в большой зависимости от описания Олеария), также отмечает, что «медные монеты ежегодно меняются, что приносит большую выгоду»[322].

В данной связи из этого интересного описания важен факт смены изображений на медных монетах и утверждение, что ежегодно только новые монеты с новым изображением считались «ходячими», а монеты предшествующего года получали половинный курс и подлежали обмену. Естественно, население ежегодно от этого теряло очень много, а правительство получало соответствующие доходы[323].

Полный курс медных монет (основного номинала) в Мавераннахре XV—XVI вв. определялся термином «данги» (см. гл. I/2). Иногда в качестве синонима употреблялся термин «'адли» (одно из его значений). В документах при наиболее полном описании медных монет основного номинала оговорено, что они и «обращающиеся в настоящее время», и «данги». При рассмотрении конкретного значения термина «данги» в качестве характеристики медных монет мы показали, что термин этот аттестовал только основной медный номинал, в XVI в. означал

равенство этого основного медного номинала шести самым мелким медным монеткам (иногда называемым «пулами» или «черными пулами»). И в XV в. термин «данги» аттестовал курс основного медного номинала (пока не решен окончательно вопрос — как именно: через равенство с мелкой серебряной монеткой (или счетной единицей) или как в XVI в.— через мелкую медь). Итак, монетой данги мог быть только основной медный номинал и только в ту пору, когда он был «обращающимся в данное время», т. е. последнего выпуска, последнего типа. Монеты предшествующего выпуска тем самым переставали быть монетами данги и часто подлежали обмену на «новые». Дополнительным доказательством того, что в Мавераннахре XV—XVI вв. (как и в Иране XVII в.) «старые» монеты действительно подлежали обмену на «новые», являются многочисленные экземпляры со следами орнаментов и надписей, не забитых при перечеканке. Возвращение рынку монет путем технически более простого и в целом более дешевого перечеканивания ясно свидетельствует о запретах одних монет и замещении их другими. Подобная форма увеличения доходов от чекана и обращения меди — ясное доказательство того, что средневековые экономисты эмпирически постигли объективную закономерность: медные монеты нельзя выпускать в произвольном количестве, нельзя их число просто увеличивать и увеличивать, а нужно заменять одни другими.

«Уровень, ниже которого масса обращающихся монет никогда не падает, определяется в каждой стране эмпирически»[324]. Опытом же, конечно, определялся максимально допустимый без нарушения денежного обращения их количественный выпуск. Но так как количество необходимых медных монет в нормальных условиях оставалось примерно одинаковым — простой дополнительный чекан, будучи малочисленным, приносил бы незначительные доходы. Иначе говоря, для новых значительных выпусков меди нужно было одновременно освобождать место, запрещая предшествующие выпуски и обменивая их в определенной пропорции. Мы не знаем эту норму обмена конкретно в Мавераннахре. Иногда обмен удавался в значительной степени, иногда население предпочитало припрятать запрещенные монеты: возможно, нормы обмена бывали разными.

Весьма существенная особенность рассмотренной формы эксплуатации монетной регалии в части медных монет заключается в том, что при выпуске монет нового типа, получавшего курс данги, «старые» не всегда запрещали и обменивали, иногда их дальнейшее обращение разрешалось, но уже не в качестве основного номинала, а в качестве каких-либо меньших кратных основного номинала. Это также приносило выгоду, причем двояким путем: во-первых, от того, что дорогостоящий процесс специальной чеканки меньших кратных основного номинала снимался; во-вторых, «старые» монеты, пониженные в ранге,

все же «освобождали место» для основного номинала нового типа. Факт использования «старых» монет в качестве кратных основного номинала установлен на основе анализа состава кладов.

Надчеканы были технически более легким и простым, а экономически самым дешевым способом достигать той же цели, что выпуск новых типов медных монет основного номинала и его кратных [325]. Значительная часть надчеканов второго разряда предназначена была дать рынку кратные основного номинала (см. гл. IV/2). Часть надчеканов второго разряда производилась с целью вернуть основному номиналу его традиционный курс (данги), упавший в силу тех или иных причин (лучший пример — надчеканы в квадратном картуше с термином «данги» в надписях, наложенные на монеты 'адли 832 г. х., являвшиеся основным номиналом,— см. гл. V/2). Ту же цель — вернуть доверие к монетам, его утерявшим, преследовали с помощью надчеканов, удостоверявших добротность надчеканенных монет (например, надчеканы со словом «хуб» — «хорошая [монета]»). Но основная масса надчеканов — надчеканы первой группы первого разряда — чаще всего заменяла выпуск «новых» монет основного номинала. Надчекан так же легко делил все монеты на две группы (с надчеканом и без надчекана), как и типовые признаки при производстве «новых» монет. Основная масса надчеканов была просто другой и более легкой формой достижения той же цели, что и чекан монет новых типов,— цели запрета и обмена или снижения курса (превращения в мелкие кратные) монет без надчеканов и заполнения освобождавшегося места полнокурсными (данги) монетами с надчеканом. Это не только логическая параллель, это следует как из состава кладов, так и из мест производства надчеканов. Надчеканы иногда производили в небольших городках, в сельских пригородах больших городов, т. е. в таких пунктах, в которых монеты на протяжении XV—XVI вв. не выпускали или выпускали эпизодически. Следовательно, для надчеканивания открывались временные монетные дворы, технических сложностей это не представляло из-за простоты надчеканивания. Многие монетные дворы, включая специальные временные,— убедительное свидетельство того, что надчеканивание в этих случаях было связано с обменом монет, и принимались действенные меры такой обмен облегчить, приблизить «обменные пункты» к владельцам монет во всех исторически сложившихся областях. Но анализ состава кладов показал и другое: надчеканивание не всегда предусматривало полное изъятие из обращения монет без надчеканов, последние иногда оставались в обращении в качестве меньших кратных надчеканенных монет.

Иначе говоря, форма эксплуатации монетной регалии в части медных монет сложилась с учетом эмпирического понимания объективных закономерностей обращения монет не из валютных

металлов. Одно из основных условий их нормального обращения — сохранение определенного количественного уровня, постигаемого опытом. Сочетание этой задачи с противоположной — увеличением доходов казны от чекана и обращения меди — породило основную форму эксплуатации монетной регалии: не произвольное увеличение количества меди, а периодическую полную или частичную замену одних масс монет другими. Практическим критерием различения «новых» полнокурсных монет был либо новый тип самих монет, либо новый тип надчеканов. Судьба монет старого типа или монет без надчекана бывала разной: иногда их запрещали и обменивали (но часть выпадала в клады из-за невыгодности обмена), иногда их оставляли в обращении по низкому курсу, в качестве меньших кратных основного номинала. Конкретные примеры подобного рода перегруппировок на базе выпуска «новых» монет или надчеканивания здесь не приводятся, так как они подробно рассмотрены в гл. V—VII.

Следует, однако, оговорить, что эмпирическое понимание необходимости поддерживать определенный количественный уровень в сфере обращения медных монет, закрепленное описанной формой эксплуатации монетной регалии, отнюдь не всегда избавляло от потрясений и кризисов денежного обращения. В гл. V—VII рассмотрены инфляционные явления и серьезные кризисы денежного обращения, основной или одной из причин которых было именно забвение этой закономерности, выражавшееся в чрезмерном перенасыщении рынка медной монетой сверх потребного количества и (или) слишком частыми перегруппировками монет в рассмотренных выше формах.

Комплексный признак инфляции — увеличение суммы товарных цен и повышение уровня монетной массы при обесценении денежной единицы. Первопричина образования такой ситуации может быть на стороне денег (излишний прирост) или товара (подорожание всех или части). В XV—XVI вв. в сфере обращения медных монет первопричина выявленных инфляций была на стороне денег. В этом убеждает как форма эксплуатации монетной регалии, так и содержание, направленность мероприятий и реформ по ликвидации кризисных явлений. В двух случаях некоторые косвенные данные позволили заключить, что первопричина инфляций была если не целиком, то хотя бы частично на стороне товара (см. гл. VI/2 и VII/3).

Характеристика форм эксплуатации монетной регалии в части медных монет не была бы полной, если не учесть еще одну форму. Дело в том, что обращение медных монет иногда было общегосударственным, монеты беспрепятственно пересекали границы уделов и владений и везде ходили по одному курсу, вне зависимости от места выпуска. Внешним выражением и условием такой организации обращения была однотипность монет или однотипность надчеканов. Самый яркий пример — реформа

Улугбека, одной из основных задач которой была именно такая организация внутригосударственного обращения медных монет. На других отрезках времени в типах монет и надчеканов мы видим отражение то удельной самостоятельности, то равного общегосударственного обращения, то даже образования своего рода «экономических союзов», ведущими центрами которых чаще всего были Бухара и Самарканд. В последнем варианте часть владений и уделов следовала за Бухарой (это выражалось в выпуске однотипных монет или в однотипных надчеканах), другая часть — за Самаркандом, между двумя «союзами» равного обращения монет не было. Самостоятельная монетная политика отдельных крупных удельных владетелей и образование «экономических союзов» были источником дополнительных доходов, ибо полнокурсное обращение в этих случаях получали только свои монеты или монеты со своими надчеканами. Конкретные примеры как равного общегосударственного обращения медных монет (и перегруппировок в общегосударственном масштабе), так и самостоятельной монетной политики удельных владетелей, приводившей к разрушению общегосударственных норм, проанализированы в гл. V—VII.

Глава V

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА УЛУГБЕКА

1. Содержание денежной реформы Улугбека

О денежной реформе Улугбека в известных сейчас письменных источниках как будто нет никаких упоминаний. Поэтому и в востоковедной литературе она не только не была описана, но даже сам факт ее осуществления остался неизвестен историкам Средней Азии и Востока [326]. Лишь изучение медных монет раскрыло эту новую страницу экономической жизни Средней Азии XV в., страницу, небезынтересную также и с точки зрения характеристики Улугбека как государственного деятеля.

Источником исследования являются 17 кладов, которые либо целиком состоят из анонимных медных монет Улугбека, либо включают и более поздние монеты при том, однако, условии, что и в таких кладах монеты Улугбека количественно преобладают. Сам факт декретирования реформы, ее содержание и этапы осуществления, особенности пореформенного обращения— все это обнаружилось и было понято в результате обработки кладов методом сравнения их состава и топографии. Состав кладов включает многие показатели, в данном случае существенными оказались некоторые статистические и типовесовые материалы. Не все использованные клады изучены всесторонне.

Таблица 13

Распределение 17 кладов по этапам и регионам

Этап	№ кладов (см. «Предисловие»)	
	центральный Мавераннахр	Хисар
4	—	13, 14, 15, 16, 17
3	5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12	2, 3, 4
2	—	—
1	—	1

Таблица 14

Статистико-хронологический состав десяти кладов

Этап	№ кладов (см. «Предисловие»)	Год хиджры														
		786	823	832	852	854	857	858	860	861	863	898	899	89.	900	901
4	13	1	—	541	4	—	—	1	—	10	—	30	19	17	11	1
	14	—	1	529	1	3	—	—	—	17	—	42	20	27	20	—
3	3	—	—	207	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
	4	—	—	36	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
	7	—	—	181	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	8	—	—	72	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
	9	—	—	252	—	1	—	—	—	1?	—	—	—	—	—	—
	10	—	—	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	12	—	3	57?	2	—	36	46	6	2	1	—	—	—	—	—
1	1	—	41	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Исходным источником для анализа реформы и пореформенного обращения являются клады, обработанные статистически. Прочие клады выполнили важную контрольную функцию, помогая отсеять случайное и надежнее обосновать закономерное.

Существенно подчеркнуть, что из 17 кладов Мавераннахра восемь найдены в регионе центрального Мавераннахра, а девять — в регионе Хисара (табл. 13; номера кладов здесь и далее как в «Предисловии»), внутри же каждого региона — в разных исторически сложившихся областях. Такая топография создает уверенность, что частное не будет принято за общее, а общее можно надежно обосновать.

Клады четко делятся на три группы по составу монет и надчеканов. Эти группы хронологические, у каждой — четкий верхний хронологический рубеж. Внутри группы клады могут различаться деталями, они подобны разным рукописям и редакциям одного и того же произведения. Хронологическая груп-

па кладов — это единство их общего и их индивидуального, это и есть этап денежного обращения. Клады, образовавшиеся на одном этапе и окончательно выпавшие из обращения в одинаковых или сходных условиях, в силу одинаковых или сходных причин, неизбежно близки по своему составу. Привлеченные клады явились источником этого заключения. Наибольшей индивидуальностью отличается клад № 12 из г. Ош. Но даже и его особая индивидуальность не заслоняет и не стирает черты общего.

Статистико-хронологический состав десяти обработанных кладов показан в табл. 14.

Монеты 823 г. х. составляют клад № 1, в остальных кладах их или вовсе нет, или они единичны. Монеты же 832 г. х.— основа остальных девяти кладов, несмотря на их разные размеры, индивидуальность состава и разное время сложения. Даже в Ошском кладе (№ 12), который наиболее территориально-специфичен, число монет 832 г. х. превышает число монет за любой другой год.

В литературе не раз высказывалась мысль о серийности чекана то всех медных монет XV в.[327], то группы монет с датой 832 г. х.[328]. Уверенно говорить о серийном выпуске позволяют не все монеты XV в. и даже не все монеты с датой 832 г. х., а только бухарские монеты 832/1428-29 г. Дело в том, что эти монеты Бухары в количественном отношении занимают совершенно особое место среди весьма обильной продукции XV в. Они составляют основную массу монет в самых разновременных кладах. В 832/1428-29 г. медные монеты выпускались и во многих других городах, но их продукция в количественном отношении не идет ни в какое сравнение с бухарскими монетами этого года. Прочную базу для такого вывода дает табл. 15. В некоторых кладах — только бухарские монеты 832 г. х.; в других — бухарские монеты преобладают в десятки и сотни раз (в зависимости от общих размеров клада). Впечатляет и общий итог по девяти кладам № 2—10: из 1768 монет, сохранивших наименование шести монетных дворов, на долю Бухары приходится 1712 монет (около 97%), на долю остальных пяти — всего 56 (около 3%).

В других кладах, которые нам приходилось просматривать (без статистической их обработки, почему точные цифры не могут быть приведены), количественное преобладание бухарских монет 832 г. х. тоже всегда бросалось в глаза. Эти же монеты чаще всего попадаются на территории Мавераннахра в виде отдельных находок. К тому же продукция самого бухарского монетного двора за другие годы (предшествующие и последующие) также не идет ни в какое сравнение с количеством бухарских монет 832 г. х. Не вызывает поэтому никаких сомнений вывод о том, что бухарские монеты с датой 832/1428-29 г. практически выпускались не только в этом году, но и в после-

Таблица 15

Внутрикладовое распределение монет 832/1428-29 г. по монетным дворам

Этап	Клад		Монетный двор					
	№ (см. «Предисловие»)	общее число монет	Андиган	Бухара	Карши	Самарканд	Термез	Шахрухийа
4	13	827	—	496	4	4	4	3
	14	1040	3	470	2	5	5	4
3	3	225	2	172	—	4	2	1
	4	37	1	21	1	—	1	1
	7	185	1	178	1	—	1	—
	8	74	—	58	—	—	1	—
	9	291	—	246	2	1	—	2
	10	14	—	14	—	—	—	—
	12	251	—	57?	—	—	—	—
Всего			7	1712	10	14	14	11

дующие годы, однако без всякого изменения надписей. Иначе говоря, именно количественное преобладание бухарских монет 832 г. х. над всеми прочими убеждает в многолетности, серийности чекана этих монет. С точки зрения организации выпуска монет с датой 832/1428-29 г. это значит, что всю эмиссию следует разбить на два этапа: на одном этапе (непродолжительном) чекан был децентрализованным, на другом (продолжительном) — централизованным. Какой же была хронологическая последовательность двух этапов?

Для ответа на этот вопрос очень существенно, что тип монет 832/1428-29 г. самым коренным образом отличается от типа монет предшествующей эмиссии, т. е. 823/1420 г. (рис. 23). Последние были выпущены на многих монетных дворах (в Бухаре, Карши, Самарканде, Термезе, Шахрисябзе, Шахрухийе), но тип их вне зависимости от места выпуска был одинаковым (рис. 23/1). Зачем в 832/1428-29 г. понадобилось коренным образом изменить тип монет? Введение нового типа медных монет (подробнее в гл. IV/3) означало, что монеты только этого нового типа являлись полнокурсными, монеты же предшествующего типа либо подлежали изъятию из обращения, либо разрешались в качестве меньших кратных основного номинала.

Какой конкретно была судьба монет 823/1420 г.? Три группы фактов свидетельствуют о том, что введение монет типа 832/1428-29 г. сопровождалось запретом и обменом предшествующего выпуска — монет 823/1420 г. Во-первых, состав кладов. В кладах с большим числом монет 832 г. х. вовсе нет монет 823 г. х. или они единичны. Во-вторых, перечеканенные монеты

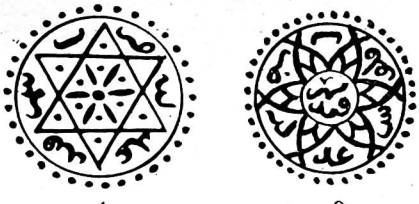


Рис. 23. Типы монет Самарканда: 1—823/1420 г.; 2—832/1428-29 г.

823 г. х. Особенно интересны монеты этого года, перечеканенные штампами монет 832 г. х.,— свидетельство того, что выпуск вторых сопровождался изъятием первых и частично базировался на прямом их перечеканивании. Такие перечеканенные монеты есть во многих кладах третьего и четвертого этапов, а также и в более поздних. В-третьих, надчеканенные монеты 823 г. х. Именно монеты 823 г. х. дважды стали основной базой снабжения рынка медными монетами половинного достоинства с помощью надчеканов типов 3 и 1/*в* первой группы второго разряда (см. гл. III/4). Эти надчеканы содержат наименование монетного двора и термин «нимданги» («половина данги»). Почти все известные нам надчеканы этого типа были именно на монетах 823/1420 г. А это значит, что монеты 823 г. х. были изъяты из обращения и оказались на монетных дворах, где и были надчеканены для «новой жизни».

Итак, введение нового типа монет 832/1428-29 г. сопровождалось изъятием и обменом «старых» монет 823/1420 г. на эти «новые». Для эффективного проведения подобных мероприятий весьма существенна была организация обмена монет, т. е. число монетных дворов, на которых этот обмен мог быть произведен. Централизация обмена в одном пункте создает огромные трудности. Рассредоточение и организация такого обмена хотя бы в крупных и средних городах — необходимое условие радикального осуществления такого мероприятия. Изучение аналогичных акций конца XV — начала XVI в. показало, что для эффективного, быстрого и повсеместного обмена запрещаемых монет государство организовывало даже временные монетные дворы.

Приведем два примера. На территории большого феодального владения Хосроу-шаха с центром в Хисаре в XV в. функционировал обычно один монетный двор самого Хисара, изредка к нему присоединялись монетные дворы двух-трех других крупных и средних городов этого владения. Но иногда, ради эффективного обмена запрещенных монет на «новые», в строй вступали многие явно временные, специально организованные монет-

ные дворы. Особенно в этом смысле интересен обмен, произведенный в конце XV в. на основе надчеканивания «старых» монет. Надчекан имеет вид чечевицеобразного картуша, внутри которого надпись с наименованием монетного двора. Они были произведены минимум на девяти монетных дворах одновременно. Не менее интересен другой пример, относящийся к концу XV — началу XVI в. и к территории центрального Мавераннахра. Этот пример показывает, что иногда правительство временные монетные дворы организовывало даже в туманах и сельских местностях около таких больших городов, как Бухара, Самарканд и Ташкенд (подробнее см. гл. IV и «Заключение»).

Два эти примера не оставляют никаких сомнений в том, что децентрализованный чекан монет 832 г. х. предшествовал централизации. Сначала ради удобств повсеместного и эффективного обмена монеты 832 г. х. чеканили и обменивали на многих монетных дворах. В какой-то момент, когда это мероприятие было завершено, дальнейший выпуск монет того же типа был централизован в Бухаре.

Вес монет 832/1428-29 г. показывает большую амплитуду колебаний (нами зафиксирован в пределах от 1,8 до 8,6 г). Обстоятельство это уже отмечалось в литературе, но не получило достаточного объяснения [329]. Можно ли допустить, что вес монет 832 г. х. с самого начала не был определен правительством или что правительство допускало единовременный и параллельный выпуск монет, разница веса которых могла достигать почти 7 г?

Статистические данные, как выше было показано, убедили в том, что продолжительным, т. е. серийным, был чекан только Бухары (вторая часть реформы), остальные монетные дворы выпускали монеты того же типа и с той же датой непродолжительное время. Из этого следует, что вес монет Бухары и прочих городов нужно изучать отдельно. Общее количество монет 832 г. х. особенно велико в кладах № 13—14 (Узбекон-тепинском и Душанбинском), что открыло возможность учесть ряд моментов. Среди монет Бухары 832 г. х. большое количество экземпляров с надписями, выполненными плохим почерком или даже несколько условно. Возможно, чеканка таких монет явилась следствием спешки при изготовлении штампов. Но не исключено, что это — продукция фальшивомонетчиков. Второе допущение требует сопоставить вес таких монет с весом «нормальных» монет Бухары 832 г. х. Это сделано на базе клада № 14 (Душанбинского), причем отобраны те и другие монеты без всяких надчеканов. Этот график наглядно показал, что в весовом отношении обе группы монет Бухары 832 г. х. составляют единое целое [330]. На четвертом этапе многие монеты 832 г. х. были надчеканены, причем при надчеканивании производился, как показало изучение, определенный отбор по признаку веса среди разновесной продукции 832 г. х. Поэтому в гистограмму

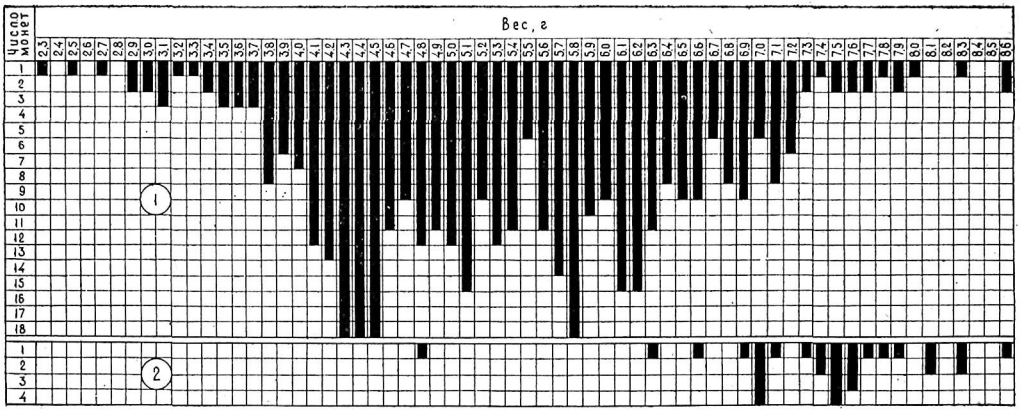


Рис. 24. Вес монет 832/1428-29 г.: 1— монеты Бухары; 2— монеты других городов

на рис. 24 надчеканенные монеты не включены, так как это могло исказить картину первоначального количественного соотношения монет разного веса. Не включены в этот график и те бухарские монеты 832 г. х., которые, как уже упоминалось, могли быть продукцией фальшивомонетчиков (хотя в весовом отношении они не выделяются из общей массы монет с датой 832 г. х.). В результате для рис. 24/1 веса Бухарской серии 832 г. х. отобрано 411 монет, сохранивших наименование монетного двора, дату (все хорошим почерком) и не имеющих надчеканов. Монеты расположились в пределах 2,3—8,6 г, но не образовали единого «треугольника» с общей вершиной, как это бывает с монетами, чеканенными по одному весовому стандарту.

Монеты 832/1428-29 г., выпущенные на других монетных дворах (Андиган, Карши, Самарканд, Термез, Шахрухиййа), не показывают такой большой амплитуды весовых колебаний, как монеты бухарские. Их вес соответствует самым высоковесным монетам Бухары (рис. 24/2). Но и они не образовали единого весового «треугольника» с четкой вершиной (=среднему весу) и малым основанием (=эталонному ремедиуму) [331].

Выше было показано, что первому этапу соответствовал децентрализованный чекан монет. Теперь к этому следует добавить, что на первом этапе во всех городах (включая Бухару) выпускали самые высоковесные монеты. Вместе с тем ясно, что на первом этапе для монет 832/1428-29 г. не были назначены весовой стандарт и эталонный ремедиум, не предусматривалась и юстировка: в 832/1428-29 г. был установлен лишь расчетный средний вес, однако он был настолько высоким, что даже широкие колебания реального веса монет первого этапа при чекане эл-марко создавали полную уверенность: вес «новых» монет с датой 832/1428-29 г. много (в 1,5—2 раза!) выше веса «старых» монет с датой 823/1420 г. Дело в том, что «старые» монеты 823/1420 г. были также, очевидно, чеканены эл-марко, но гистограмма показывает, что их расчетный средний вес был равен всего 4,4 г (вероятно, =5,5 дангам мискала при мискале в 4,8 г).

На гистограмме веса монет Бухары 832/1428-29 г. (рис. 24/1) видно, что основная их масса весит меньше, чем децентрализованная эмиссия первого этапа. Однако уменьшение веса на втором этапе реформы в рамках централизованного серийного чекана Бухары не было одноактным. Выделяется, например, весовая «вершина» на 4,3—4,5 г, соответствующая расчетному среднему весу (4,4 г) «старых» изъятых монет 823/1420 г. Это, вероятно, общий результат как весовой традиции, так и упомянутого выше факта перечеканки монет 823/1420 г. штампами бухарской серии 832/1428-29 г. Существенно, что расчетный средний вес в 4,3—4,5 г. для второго этапа реформы — самый малый, но не единственный. На графике видно, что основная

масса серийных монет Бухары второго этапа в весовом отношении «расположена» между наименьшим расчетным средним весом (4,3—4,5 г) и весом монет (наибольшим) первого этапа реформы. Это позволяет заключить, что на втором этапе вес серийных монет Бухары снижали неоднократно, а в результате накопилась весьма разновесная монетная продукция одного достоинства — основной номинал. Такая монетная политика — неоднократное снижение веса в рамках однотипного серийного чекана и без изменения достоинства монет — делала практически просто ненужным чекан на основе весового стандарта и эталонного ремедиума, усложнявших и удорожавших процесс производства монет. Естественно, напрашивается вывод, что серию второго этапа чеканили эл-марко, уменьшив в несколько раз расчетный средний вес, причем самый малый равнялся 4,4 г.

Возвращаясь к первому этапу (децентрализованного чекана), напомним, что в 832/1428-29 г. «новые» монеты начали выпускать эл-марко на основе высокого расчетного среднего веса, который в 1,5—2 раза превышал расчетный средний вес изымаемых монет 823/1420 г. Зачем же начало реформы было ознаменовано таким основательным повышением веса монет? Ведь это должно было снизить доходы казны от обмена! Могут быть высказаны два предположения. Не исключено, что введение «новых» монет 832 г. х. более высокого веса сопровождалось каким-то изменением устанавливаемого государством равенства между серебряными и медными монетами. Возможно и другое. Монеты 823/1420 г. были по каким-то причинам дискредитированы, их покупная способность понизилась; законное и рыночное отношение между серебряными и медными монетами разошлись. Иначе говоря, в обращении монет наметились кризисные явления, для ликвидации которых и для поднятия доверия к медным монетам правительство решило, с одной стороны, изъять дискредитированные монеты, а с другой — вес «новых» монет поднять. Возможно, наблюдались оба явления. Но одно ясно: повышение веса было психологическим «аргументом» в задаче урегулирования и улучшения обращения медных монет.

Привлекает внимание еще одна важная деталь. Запрет одних монет и замена их другими преследовали, как правило, фискальные цели. Назначаемая правительством норма обмена «старых» монет на «новые» была выгодна казне, но приносила потери населению. Владельцы монет, изымаемых из обращения, часто не обменивали их, а припрятывали «до лучших времен». Рубежи, когда происходило массовое выпадение кладов определенного и типологически одинакового состава, рисуются совершенно четко и отмечают конец одного и начало следующего этапа денежного обращения (см. «Заключение»). Толчком к выпадению часто бывали денежные реформы, если одна из их статей предполагала замену предреформенных монет «новыми», причем по невыгодной для населения норме. Поэтому можно было ожи-

дать, что реформа Улугбека, начатая в 832/1428-29 г. с чекана монет нового типа, запрета и обмена «старых» монет на эти «новые», приведет к массовому выпадению предреформенных монет в клады. Между тем пока известен только один клад предреформенных монет, да и то небольшого размера. Если бы этот факт стоял изолированно, было бы неосторожно на него полагаться, ибо количество кладовых находок могут определять и случайности обнаружения, и закономерности денежного обращения. Но сейчас накопился дополнительный и разнохарактерный материал, позволяющий утверждать, что клады предреформенных монет в значительном количестве и не будут обнаружены, а единственный пока клад предреформенных монет 823/1420 г.— это накопление, которое не было обменяно на «новые», предреформенные монеты 832/1428-29 г. в силу каких-то частных причин[332].

Прежде всего отметим следующее. 36 кладов медных монет XV — начала XVI в. нами изучены с такой степенью подробности, которая позволила определить этап их сложения, причины и время их окончательного выпадения из обращения. В разных музеях, кроме того, нами бегло осмотрено еще более 10 кладов. Такого рода беглый осмотр не дает полного представления о составе этих кладов и этапе их формирования (поэтому в монографии они и не фигурируют в качестве источника), но все они, безусловно, не относятся к числу отложенных в связи с реформой Улугбека. Следовательно, статистика такая: из 46 кладов только один состоит из дореформенных монет 823/1420 г. Такое соотношение уже очень весомо, оно весьма снижает значение фактора случайности. Это само по себе не дает права на безусловный вывод, но позволяет высказать предположение: не установил ли Улугбек такие оптимальные для населения нормы обмена «старых» предреформенных монет на «новые», при которых население не несло убытков от обмена или убыток был столь незначителен, что выгоднее представлялось монеты обменять, а не упрятать?

Предположение, сделанное на основании одного лишь сравнительного количества кладов, превращается в вывод, если оно подкреплено следующими уже упоминавшимися наблюдениями и фактами. Во-первых, предреформенные монеты были перечеканены после реформы, однако не сразу. Сначала на нескольких монетных дворах выпускали более высоковесные монеты, выпускали, следовательно, не на базе простого перечеканивания «старых» монет, а из правительственного металла. Лишь на втором этапе, т. е. после завершения обмена и централизации чекана в Бухаре, когда вес пореформенных монет начали снижать, накопившиеся в результате обмена предреформенные монеты были утилизованы путем перечеканки. Во-вторых, часть предреформенных монет была возвращена рынку в качестве половинок основного номинала, что четко и было обозначено в

надписях надчеканов: «нимданги» («половина данги»). В-третьих, реформа учла общественную психологию, обосновав назначенную норму обмена значительным (в 1,5—2 раза) повышением веса «новых» монет по сравнению с предреформенными выпусками. Поскольку и предреформенные и пореформенные монеты имели достоинство основного номинала (и назывались одинаково — 'адли), более высокий вес пореформенных 'адли психологически облегчал и обосновывал обмен не один к одному, а некое большее число предреформенных на меньшее число пореформенных.

Однако благоприятные для населения условия обмена медных монет не следует оценивать как акт идеального бескорыстия или щедрой благотворительности со стороны Улугбека (и идеализации его денежной реформы и его личности со стороны автора). Это решение скорее следует оценивать как очень разумный и трезвый учет перспектив, позволявших поступиться малой и близкой выгодой. Ибо казна в конечном счете не осталась без прибыли, причем очень большой и поступающей постоянно. После обмена монет и централизации чекана один монетный двор (Бухара) должен был насытить средствами обращения весь Мавераннахр, все его области и города. И эта задача была выполнена. Для характеристики объема пореформенной продукции (а соответственно и доходов от чекана) существенно, что именно она стала основным средством обращения на протяжении более шести десятилетий: заменивший ее новый обильный чекан начался лишь в последнем десятилетии XV в., а эпизодические выпуски 852/1448-49, 854/1450-51 и 861/1456-57 гг. не повлияли заметным образом на уровень монетной массы, образованный Бухарской серией 832/1428-29 г. В этой же связи важно подчеркнуть, что XV век был временем интенсивного (а затем и максимального за всю историю средневековой Средней Азии) развития мелкотоварного производства в той сфере торговли, которую обслуживали именно медные монеты (об этом специально в «Заключении»). Существенно, что медные монеты выполняли функцию средства обращения не только в розничной внутригородской торговле, но и в торговле города с сельской округой, в межобластной торговле, причем циркуляция монет была быстрой и интенсивной. Большой и растущий объем торговли в сфере обращения медных монет требовал большого их числа, регулярного и интенсивного их чекана, что было постоянным источником больших доходов, поскольку вся разница между номиналом и реальной стоимостью (металл плюс работа) медных монет поступала только в казну Улугбека.

Для характеристики содержания денежной реформы Улугбека существенно осветить еще два вопроса: причины централизации чекана медных монет в Бухаре, а не в столичном Самарканде; 2) масштаб цен в медном чекане при Улугбеке.

На первый вопрос удовлетворительно отвечает организация

чекана в Мавераннахре серебряных монет при Улугбеке. Известно, что при жизни своего отца, Шахруха, серебряные монеты Улугбек чеканил от его имени; лишь после смерти отца (в 850/1447 г.) Улугбек чеканил серебро от своего собственного имени. Чекан серебра был свободным (открытым), о чем ясно говорит проба серебряных монет с именем Шахруха: современники считали танга Шахруха чеканенными из абсолютно чистого серебра (пробы «дах дахи», т. е. «десяти-десятой»[333]). Доходы от чекана серебряных монет были значительными, но нормированными: это были определенные и узаконенные отчисления у владельцев металла. Таким образом, правительство было, конечно, заинтересовано в чекане серебряных монет с экономической точки зрения. Но политическое значение чекана серебра было особенно большим, так как имя главы династии на медных монетах уже не проставлялось. Естественно, что чекан серебра от имени Шахруха регулярно производился Улугбеком в Самарканде, поскольку столицей Улугбека был именно Самарканд. До денежной реформы Улугбека, в условиях децентрализованного чекана, самаркандский монетный двор выпускал и медные монеты. Но важнейшей статьей денежной реформы Улугбека была, как оказалось, централизация чекана меди, а это предполагало расширение и интенсификацию работы какого-то из монетных дворов. Очевидно, показалось затруднительным совместить чекан серебра и предстоящий чрезвычайно обильный чекан меди на одном и том же монетном дворе. Мысль специализировать один из монетных дворов на выпуске меди была очень разумной. Но выпуск серебряных монет с именем государя, конечно же, должен был оставаться за столичным Самаркандом. Так чекан меди был сосредоточен в Бухаре.

Для освещения второго вопроса пока не удалось найти надежного источника. При развитой торговле в сфере обращения меди совершенно недостаточно медных монет одного достоинства. В конце XV — начале XVI в. мы обнаруживаем медные монеты минимум семи достоинств (см. гл. IV/1—2). Денежная реформа Улугбека отвечала процессу развития товарно-денежных отношений и сама способствовала их развитию. Она была объективно своевременна и субъективно предназначена создать самые благоприятные условия для торговли в сфере обращения именно медных монет. Поэтому трудно допустить, что такая реформа предусмотрела выпуск медных монет только одного номинала, основного, и не добавила к нему (сразу или по прошествии некоторого времени) монеты хотя бы еще одного достоинства, кратные основного номинала. Но таких кратных пока не обнаружено. Правда, и чеканили кратные в меньшем количестве, чем монеты основного номинала. И выявлены такие случаи, когда кратные упомянуты в письменных источниках, а в натуре неизвестны. Можно поэтому допустить, что кратные основного номинала в пореформенном чекане Улугбека были, но пока не

обнаружены. Такому допущению мешает верить обильный чекан меди при Улугбеке.

Остаются надчеканы в чечевицеобразном картуше с надписью, содержащей наименование монетного двора и термин «нимданги» («половина данги»). Последний фиксирует достоинство в половину полнокурсного основного номинала. Надчеканы эти производились на многих монетных дворах (в Андигане, Бухаре, Карши, Самарканде, Термезе, Шахрухиййе), но данных для их датировки нет. Это надчекан типа 3 первой группы второго разряда, мы уже рассмотрели два варианта его возможной датировки (подробнее см. гл. III/4). Надчеканы типа 3 хорошо сопоставляются с надчеканами типа 2 (в квадратном картуше — наименование монетного двора и термин «данги»). Соблазнительно допустить, что они производились одновременно и дали рынку монеты двух достоинств. Но это значило бы, что к реформе Улугбека они отношения не имеют. Допустимо, но ничем не доказано, что надчеканы типа 3 с термином «нимданги» были частью реформы Улугбека: монеты основного номинала повышенного веса были отчеканены заново, а «старые» предреформенные монетки малого по сравнению с новыми веса в процессе обмена были возвращены рынку в виде кратных половинного достоинства с помощью чечевицеобразного надчекана типа 3, в надписи которого это половинное достоинство и отмечено. Монетные дворы, выпускавшие пореформенные (на первом этапе) монеты 832/1428-29 г. и делавшие чечевицеобразный надчекан с термином «нимданги»,— одни и те же.

В настоящее время, пока нет ни пореформенных монет, которые можно было бы считать кратными основного номинала, ни надежных данных для датировки чечевицеобразных надчеканов с термином «нимданги», вопрос о масштабе цен в медном пореформенном чекане Улугбека остается открытым.

Итак, сравнительный анализ типовесового и статистического состава кладов и их топографии открыл как сам факт проведения Улугбеком денежной реформы, так и ее содержание. Реформа преобразовала чекан и обращение анонимных медных монет, была проведена с большой осторожностью, в два этапа (оба эти этапа соответствуют второму этапу по общей периодизации денежного обращения), и слагалась из следующих мероприятий и компонентов.

1. Реформа была декретирована в 832/1428-29 г., определила тип «новых» монет, чекан которых в этом году и начался. Типовые признаки: на л. ст. всегда круглый картуш, обрамленный всегда одинаковым орнаментом, с одинаковой же надписью, содержащей название монеты («Медная монета ‘адли») вокруг и наименование монетного двора внутри картуша; на об. ст.— дата словами, всегда одинаковая — 832 г. х.— при одинаковом же взаиморасположении слов.

2. Реформа была проведена в два этапа; на первом этапе

предусматривался обмен «старых», дореформенных монет на «новые», на втором — дальнейшее обращение дореформенных монет было, очевидно, запрещено, контроль не был затруднительным, так как тип «новых», пореформенных монет отличался от всех типов дореформенных.

3. На первом этапе для удобства обмена «старых» монет на «новые» выпуск «новых» производился на нескольких монетных дворах, в крупных и средних городах или областях (таких, как Андиган, Бухара, Карши, Самарканд, Термез, Шахрухиййа).

4. «Новые» монеты, выпущенные на первом этапе названными выше монетными дворами, имели высокий вес — в среднем в 1,5—2 раза больше предреформенных монет 823/1420 г. Поскольку те и другие были основным номиналом (и одинаково назывались термином «ʻадли»), повышение веса предназначено было создать и укрепить доверие к «новым» монетам.

5. Мы не знаем норму обмена «старых» монет на «новые», но можем утверждать, что обмен прошел успешно: не было обычного в таких случаях массового выпадения в клады монет, подлежавших обмену; в казне действительно скопилось большое количество дореформенных монет, которые позже были реализованы (путем перечеканивания и надчеканивания). Успех был обеспечен и учетом общественной психологии (высокий вес «новых» монет) и, очевидно, нормой обмена.

6. Успех обмена «старых» монет на «новые» свидетельствует о том, что авторы реформы не стремились к единовременной и одноактной выгоде от самого обмена и замены одних монет другими. Если казна на первом этапе и получила доход от этой операции, то значительно меньший, чем при подобных операциях получали при условии обмена по нормам, разорительным для населения. Задачей первого этапа реформы было, как об этом свидетельствуют рассмотренные выше косвенные данные, укрепление и денежного обращения (на базе «новых» высоковесных однотипных монет), и уверенности населения в стабильности новой ситуации.

7. На втором этапе, после завершения обмена «старых» монет на «новые», чекан «новых» был централизован в Бухаре. Выбор Бухары вместо столичного Самарканда был продиктован, очевидно, практическими преимуществами специализации двух монетных дворов (Самарканда — на регулярном чекане серебра, Бухары — меди) в условиях, когда одному монетному двору трудно было бы справиться с двумя нагрузками, учитывая объем централизованного выпуска меди для всего Мавераннахра.

8. Продолжительный по времени и количественно чрезвычайно обильный выпуск монет Бухарской серии (на втором этапе) был отмечен только одной переменой: постепенным снижением расчетного среднего веса (самый малый — 4,4 г) серийных монет в рамках чекана эл-марко.

* * *

Сфера обращения медных монет (см. «Заключение») — розничная торговля товарами и продуктами широкого потребления. Производство и торговля такими продуктами и товарами в XV в. неуклонно росли и, наконец, достигли максимального за всю историю средневекового Мавераннахра уровня развития. Медные монеты могли быть и практически были источником больших доходов для казны, неумеренная эксплуатация монетной регалии в части медных монет часто приводила к серьезным кризисам денежного обращения (см. гл. IV, VI, VII). Денежная же реформа Улугбека по своему назначению должна была дать рынку единую, неизменную и прочную медную монету, обращение которой было избавлено от всяких перемен и не знало территориальных преград. Следовательно, реформа Улугбека прежде всего отвечала интересам рядового населения города и деревни, что было особенно существенно в условиях интенсивного развития мелкотоварного производства и все более широкого вовлечения городского и части сельского населения в товарно-денежные отношения именно на этом уровне.

Нам представляется, что денежная реформа Улугбека была не изолированным мероприятием, а важным звеном его внутренней политики. Объем работы не позволяет специально остановиться на этом вопросе, мы предполагаем посвятить ему специальную статью, ограничимся тезисом (который мы уже пытались обосновать в докладе на «Бартольдовских чтениях» 1974 г.[334]): ядро внутренней политики Улугбека составляли три взаимосвязанных мероприятия — снижение земельной ренты[335], «рвение» в сборе тамги и денежная реформа. Снижение земельной ренты не только было наступлением на экономические интересы класса феодалов, но и сокращало доходы казны. Зато денежная реформа и торгово-ремесленный налог тамга доходы казны весьма увеличивали. Было бы обычно, если бы внутренняя политика феодального государя сочетала интересы казны и класса феодалов за счет народа. Здесь же была сделана попытка то косвенно (денежная реформа), то прямо (снижение земельной ренты) уменьшить феодальный гнет, но не за счет казны. Такая внутренняя политика не отвечала экономическим интересам разных групп класса феодалов. Причина гибели Улугбека не поражение в междоусобной борьбе, не образ жизни, вызывавший недовольство части духовенства, и не другие частности, называемые источниками. Основная, глубинная причина убийства Улугбека — его внутренняя политика, необходимость устранить его как правителя, не отражавшего и не защищавшего экономические интересы своего класса.

Перечисленный нами комплекс мероприятий, образующий цельную внутреннюю политику Улугбека[336], О. Д. Чехович интересно сопоставила с внутренней политикой сарбадаров. По ее

словам, «экономическую основу сарбадарского государства составляли доходы от торговли (тамга), поэтому сарбадары смогли уменьшить налог на земледельцев до $^1/_3$ урожая». О. Д. Чехович подчеркнула еще два важных обстоятельства. Во-первых, идеи сарбадаров были живы и в XV в. и влияли на представления передовых людей. Во-вторых, воспитателем Улугбека в детстве был поэт Хамза б. 'Али Малик Туси, которому тогда было 16—17 лет, его же отец был видным сарбадаром. Поэтому заслуживает большого внимания вывод О. Д. Чехович: «<...> сравнение некоторых черт внутренней политики Улугбека и хорасанских сарбадаров наводит на мысль об определенном сходстве, может быть, даже влиянии популярных в то время идей сарбадарского движения» [337].

2. Обращение медных монет после завершения реформы Улугбека

Ранние из известных после реформы Улугбека монет, выпущенных не в Бухаре,— монеты Хутталяна 852/1448-49 г., их чекан был осуществлен еще при жизни Улугбека. Монеты Самарканда и Шахрухиййи 854/1450-51 г. и Урду 861/1456-57 г. появились уже после его гибели. Монеты Самарканда, Хутталяна и Шахрухиййи полностью повторили тип и вариант монет 832/1428-29 г. Монеты Урду 861/1456-57 г.— того же типа, но имеют вариантное отличие: у них нет надписи вокруг картуша л. ст. Любопытно, что и среди монет Бухарской серии 832/1428-29 г. удалось обнаружить экземпляры такого же варианта, т. е. без круговой надписи на л. ст.

Появление монет четырех названных монетных дворов нарушило одну статью реформы Улугбека: централизованный чекан. Но их появление не нарушило основной статьи реформы — равного общегосударственного обращения однотипных монет. К этому следует добавить, что продукция четырех монетных дворов оказалась количественно столь же относительно незначительной по сравнению с Бухарской серией, сколь относительно незначительной была разногородняя продукция 832 г. х. на первом этапе реформы Улугбека, т. е. до начала Бухарской серии. Вот цифры по девяти кладам («Предисловие», клады № 3, 4, 7—10, 12—14). Из 1768 монет с датой 832/1428-29 г. на долю Бухары приходится 1712. На 1712 монет Бухары в этих же кладах — девять монет Хутталяна 852 г. х., шесть — Самарканда и Шахрухиййи 854 г. х. и 34 монеты Урду 861 г. х. Это, безусловно, были эпизодические выпуски, вызванные особыми обстоятельствами. Например, чекан Самарканда и Шахрухиййи 854/1450-51 г. был произведен мирзой 'Абдаллахом из-за крайней нужды в деньгах в связи с междоусобицами. Отношения с Бухарой у него были напряженными, поэтому медные монеты

были быстро отчеканены в столичном Самарканде и в городе-крепости Шахрухиййа, которая была опорным пунктом при движении войск на север [338].

Состав кладов дает ясное представление о продолжительности обращения Бухарской серии монет 832/1428-29 г., но мы не можем пока точно определить продолжительность ее выпуска. Если опираться на одни только монеты, правдоподобно было бы заключить, что чекан в Бухаре осуществляли по крайней мере до 861 г. х. (коль скоро выпуск монет Урду 861 г. х. лишь повторил тип Бухарской серии), но нельзя было бы исключить и еще более продолжительную эмиссию. Некоторую ясность вносят надчеканы типа 2 первой группы второго разряда. Они пока не открывают точной даты завершения Бухарской серии, но показывают рубеж в рамках относительной хронологии. Надчеканом типа 2 начинается третий этап, отмеченный двукратной перестройкой пореформенного денежного обращения в Мавераннахре.

Речь идет в первую очередь о надчеканах двух типов (2 и 1/*а*) с термином «данги» (о нем подробно см. гл. I/2). Термин этот в надчекане свидетельствует о том, что именно надчеканенные монеты являются полнокурсным основным номиналом, который равен одной шестой части мелкой серебряной монетки или счетной единицы. Надчеканы типа 2 не имеют абсолютной даты, но имеют относительную: они были наложены раньше надчеканов типа 1/*а* (об этом см. гл. II/4). Основным объектом надчеканивания стала Бухарская серия 832 г. х., монеты которой были чеканены как основной номинал, назывались «медными монетами ʻадли», каковое название и было проставлено в монетных надписях. Поэтому появление термина «данги» в надчеканах на монетах (которые сами по себе имели это самое достоинство данги) требует разъяснения. Априорно могут быть высказаны два предположения. Если бы надчекан с термином «данги» был произведен в условиях нормального обращения монет ʻадли, то он работал бы на понижение достоинства монет ʻадли без надчекана. Если же надчекан был произведен в условиях инфляции, то он работал бы на повышение достоинства монет с надчеканом, на возвращение им с помощью надчекана утерянного курса данги.

Надчеканы типа 2 были произведены на многих монетных дворах, следовательно, предполагался и происходил повсеместный обмен ненадчеканенных монет на монеты с надчеканом. Монетные дворы Термеза, Хисара и Хутталяна обеспечили обмен в регионе Хисара; монетные дворы Бухары, Самарканда, а также Карши и другие — в регионе центрального Мавераннахра. Это было очень масштабное и общегосударственное мероприятие. Кроме того (как показывает статистический материал), и очень продолжительное мероприятие: надчеканивание производилось несколько лет (особенно долго и интенсивно в Самар-

канде). Не исключено, что надчекан типа 2 — самое продолжительное мероприятие среди подобных последующего времени. Вместе с тем в обращении остались на законном основании монеты того же типа 832 г. х. и без надчеканов типа 2. Ясно, что однотипные монеты с надчеканами и без них имели разный курс и разное достоинство. Курс надчеканенных монет был объявлен надписью с термином «данги». Курс таких же монет, но без этих надчеканов нам неизвестен, но ясно, что он был ниже курса данги — монет с надчеканами.

Если бы это масштабное, длительное и повсеместное надчеканивание было чисто фискальным мероприятием, проведенным в условиях нормального обращения пореформенных монет ‘адли по курсу данги, то произошло бы массовое выпадение ненадчеканенных монет в клады. Такие фискальные мероприятия позже стали обычным явлением. Здесь выгода проистекала от заниженной нормы обмена «старых» монет на монеты с надчеканами (вне зависимости от того, запрещались ли «старые» монеты вообще или их обращение по заниженному курсу в дальнейшем разрешалось). Клады с четким хронологическим «верхом» — свидетели чрезвычайно невыгодных населению норм обмена, когда предпочитали монеты не обменивать, а припрятать.

В настоящее вре́мя мы не располагаем ни одним кладом, который состоял бы из пореформенных монет с датой 832 г. х., но без надчеканов типа 2. Случайность это или закономерность? Нами учтены десять кладов с надчеканами типа 2 или вместе типов 2 и 1/*а*, один клад — с надчеканами «нимданги» (типы 1/*в* и 3) этого же этапа и ни одного — без надчеканов. В сопоставлении с термином «данги» надчеканов это выглядит закономерностью и позволяет реконструировать ситуацию следующим образом.

В рамках централизованного серийного чекана Бухары (вторая часть реформы) средний расчетный вес монет неоднократно снижался. В результате в обращении накопились самые разновесные монеты (от 1,8 до 8,6 г). Разница в весе двух монет определялась не десятыми долями, а несколькими граммами. Между тем все они назывались ‘адли и имели одинаковое достоинство основного номинала! Небольшое замаскированное однотипностью снижение веса медных монет в условиях нормального их общего количества, безусловно, не отразилось бы на денежном обращении. Но та весовая картина, которую рисует Бухарская серия 832 г. х., заставляет сомневаться в стабильности обращения медных монет. В какой-то момент должна была сработать общественная психология: трудно верить, что небольшая и тонкая монетка весом в 2—3 г и большая толстая монета весом в 6—8 г — нечто единое, а единство это прочное. Кто начал отбор (покупатели ли избавлялись от легковесных, продавцы ли требовали тяжелых монет) — мы не узнаем, да это и не важно: стоило ему где-то начаться — и срабатывала цепная ре-

акция. Начала падать покупная способность легковесных или всех монет, которые по-прежнему назывались 'адли, но на рынке курс их был уже не данги, а более низкий. Нельзя не вспомнить и следующее. При производстве надчеканов типа 2 никакого весового отбора не производили, хотя разновесность самих монет была одной из основных причин инфляции. Возможно, этого не поняли или понадеялись на психологический эффект такой еще новой формы воздействия, как надчеканивание с указанием в надписи курса надчеканенных монет. При производстве надчеканов типа 1/*а* (см. ниже) уже прибегли к некоторому весовому отбору при надчеканивании. А с последнего десятилетия XV в. весу медных монет стали придавать очень большое значение. Как правило, монеты чеканили уже на основе весового стандарта и эталонного ремедиума (десятые грамма; см. гл. IV/1). Психологическое значение веса медных монет особенно выпукло показывает надчекан с указанием веса в надписи («йак мискал»=«один мискал»). Во всех этих переменах чувствуется отголосок тех потрясений, которые связаны были с весовым разнобоем монет Бухарской серии 832 г. х.

Надчекан типа 2 был плотиной, которая должна была приостановить инфляцию. Надчекан типа 2 вернул рынку часть дискредитированных монет, утверждая термином «данги» то обстоятельство, что они являются полнокурсным основным номиналом. Правительство разрешило дальнейшее обращение монет без надчеканов по тому (или близкому) курсу, до которого они упали, и обменивало ненадчеканенные монеты по норме, близкой к их инфляционному курсу. Поэтому монеты охотно и долго обменивали (о чем говорит сравнительная статистика), поэтому же они и не выпали в отдельные клады. Этим же мероприятием достигнута была и еще одна цель: общее сокращение монетной массы. Физическое количество монет не уменьшилось, но значительная их часть (монеты без надчеканов) превратилась в меньшую кратную основного номинала (монет с квадратным надчеканом — типа 2), тем самым уменьшив общую сумму медных денег.

Перемены, произведенные надчеканом типа 2, позволяют сделать еще два заключения. Во-первых, назначение мероприятий не оставляет сомнений в том, что дальнейший выпуск монет Бухарской серии был прекращен; во-вторых, причиной инфляции следует признать не только чрезмерную разновесность Бухарской серии, но и ее общий объем, превысивший потребность, необходимый уровень монетной массы. Прекращение выпуска новых монет и сокращение наличной монетной массы с помощью надчекана типа 2 объективно способствовали нормализации обращения. Перед нами комплекс продуманных мероприятий в духе реформы Улугбека: казна за несколько лет получила значительные доходы, население понесло минимальные потери (потери были раньше, в процессе развития инфляции), ситуация

была нормализована. Поэтому особенно обидно, что мы не знаем, в каком году положено было начало этих перемен.

Второе и более позднее мероприятие — надчекан типа 1/*а* рядом признаков отличается от рассмотренного выше. Во-первых, надчекан типа 1/*а* был менее масштабным как по продолжительности, так и по общей массе надчеканенных монет. Конечно, надчекан типа 1/*а* также производился не один год (масса надчеканенных монет идет в одном ряду с многолетними надчеканами, например, типа 14 первой группы первого разряда). Но по сравнению с типом 2 это все же было менее объемно. Во-вторых, в Мавераннахре пока зарегистрировано только два монетных двора, производивших надчекан типа 1/*а*, причем оба — в центральном Мавераннахре (Самарканд и Бухара). В-третьих, для надчеканивания среди разновесной монетной продукции производился не очень строгий, но все же заметный подбор маловесной (основная масса монет с надчеканом типа 1/*а* весит в пределах 3—5 г, тяготея к 4 г). В-четвертых, надчекан типа 1/*а* привел к выпадению кладов. Таковы факты.

Надчеканы типа 1/*а* есть на монетах Урду 861 г. х., на монетах с датой 832 г. х. без надчеканов типа 2 и с датой 832 г. х. вместе с надчеканами типа 2. Из этого следует, что действие надчекана типа 2 было прекращено надчеканом типа 1/*а*. Отныне критерием курсового различения медных монет стал шестигранный надчекан типа 1/*а*: монеты с этим надчеканом стали полнокурсным (термин «данги») основным номиналом, все прочие монеты без этого надчекана — меньшим кратным. Относительное весовое единообразие (хотя и на низком весовом уровне) монет с надчеканом типа 1/*а* на фоне по-прежнему совершенно разновесной остальной массы монет призвано было, очевидно, снять недоверие, вызываемое большой разновесностью монет одного достоинства, создать психологическое ощущение весовой стабильности, т. е. облегчить принятие новой перемены.

Не совсем ясно, был ли надчекан типа 1/*а* общегосударственным или региональным мероприятием. Судя по тому, что клады в связи с этим надчеканом выпали и в регионе центрального Мавераннахра, и в регионе Хисара, надчекан типа 1/*а* произвел перегруппировку монет во всем Мавераннахре, хотя произведен только в центральном Мавераннахре (дольше — в Самарканде). Следовательно, осуществляли этот надчекан не так, чтобы во всем Мавераннахре можно было удобно обменять монеты (ср. надчекан типа 2). Поэтому кажется более правдоподобным, что в основном надчекан типа 1/*а* был сделан на монетах, скопившихся в казне и поступавших в нее разными каналами. Упомянутое выше выпадение кладов монет без надчеканов типа 1/*а* свидетельствует о том, что назначенное для них достоинство было много ниже того, по которому они ходили раньше, т. е. до надчекана типа 1/*а*. Монеты могли легально

обращаться, но при этом владельцы несли большие потери на их новом низком курсе.

Привлекает внимание, что надчекан типа 1/*а* сократил монетную массу куда значительнее, чем до того надчекан типа 2: во-первых, меньшее число монет было надчеканено, т. е. получило ранг основного номинала, а соответственно большая (и значительно большая!) их часть была превращена в кратные; во-вторых, часть монет вообще выпала из обращения. Этому факту мы не можем дать однозначной оценки в контексте остальных. Надчекан типа 1/*а* мог быть обычным фискальным мероприятием, проведенным в условиях стабильного обращения меди, ради интересов казны и для этого целиком работающим на понижение достоинства монет без этих надчеканов. Снижение уровня монетной массы в этом случае было объективным результатом, а дальние последствия могли быть различными (в зависимости от объективного же соотношения этого нового уровня и суммы товарных цен). Если же снижение уровня монетной массы предусматривалось специально как одна из задач надчекана типа 1/*а*, это означало бы, что либо предшествующий надчекан типа 2 не справился полностью со своей задачей ликвидировать инфляцию, либо инфляционный процесс начался вторично в силу взаимодействия тех же причин. Иначе говоря, надчекан типа 1/*а* проведен был не в условиях стабильного обращения медных монет, а в условиях начавшейся или продолжающейся инфляции. В этом варианте мероприятие с надчеканом типа 1/*а* работало бы частично на повышение курса основного номинала (возвращение ему курса данги), но частично и на принудительное дальнейшее понижение курса монет, оставшихся без этого надчекана, причем понижение ниже того уровня, на который их опустила инфляция [339].

Мы не знаем времени наложения надчеканов типа 1/*в* с надписью «нимданги» («половина данги») и их отношения к надчекану типа 1/*а* с надписью «данги». Если бы эти однотипные надчеканы были произведены вместе и сразу дали рынку новые целые и половинные монеты, можно было бы предположить, что многочисленные монеты без этих надчеканов получили достоинство еще меньшего кратного. Это подтвердило бы вывод об очень невыгодном населению снижении курса ненадчеканенных монет, в связи с чем и началось их выпадение в клады.

Равным образом пока неизвестна дата декретирования надчекана 1/*а* (в гл. III/4 мы рассмотрели два варианта датировки). Если надчекан Балха типа 1/*б* с термином «данги» был одной акцией с надчеканами Самарканда и Бухары типа 1/*а*, это позволяло бы заключить, что мероприятие началось в 859/1454-55 г. (или в очень близкое время) и продолжалось до 861/1456-57 г. (или несколько дольше), не на всех трех монетных дворах производилось все годы, но дольше всех в Самарканде. Если же надчекан Балха — самостоятельное мероприя-

тие, то для надчеканов Самарканда — Бухары мы пока можем обозначить лишь самые широкие хронологические рамки: от 861/1456-57 г. (или даже с несколько более раннего времени) и до последнего десятилетия XV в., когда началась замена монетной массы путем обильного выпуска монет нового типа.

Возвращаясь к характеристике пореформенного обращения меди, можно резюмировать. Двухчастная реформа Улугбека создала самые благоприятные условия для торговли в сфере обращения медных монет: отвечая ее потребностям, она сама стимулировала ее развитие. Пореформенное обращение монет с датой 832 г. х. (включая всю серию Бухары) мы делим на два этапа. Один этап (второй по общей периодизации) характеризовался равным общегосударственным обращением монет. Стабильность денежного обращения к концу этапа была нарушена: начавшееся перенасыщение рынка монетной массой (в результате очень интенсивного чекана Бухарской серии) и ее чрезвычайная разновесность (в результате неоднократного изменения среднего расчетного веса монет этой серии) привели к развитию кризисных явлений, которые стали заметны. Другой этап (третий по общей периодизации) начинается с мероприятия (надчекан типа 2), ликвидировавшего этот кризис полностью или на время. Состав и физические размеры монетной массы сначала не претерпели заметных изменений: нормализация денежного обращения была проведена в духе реформы Улугбека, т. е. без серьезных потерь для населения и соответственно без массового выпадения значительной части монет в клады. Надчеканы типа 2 (квадратные), произведенные во многих городах (что является необходимым условием эффективного обмена монет) в течение длительного времени (достаточного для обмена и надчеканивания большого числа монет), разделили всю огромную наличную массу монет, претерпевших некоторую инфляцию, на две части: 1) монеты с надчеканами, курс которых был поднят до уровня основного номинала (о чем свидетельствует термин «данги»); 2) монеты без надчеканов, курс которых был оставлен точно или примерно на том уровне, до которого они упали в результате инфляции. Весь урон, который понесло население, был уроном от инфляции, а не от обмена и надчеканивания, что было важным психологическим условием успеха всего мероприятия в целом. Происшедшее в результате всего некоторое понижение уровня монетной массы и полное прекращение чекана серийных монет были гарантией стабильности денежного обращения. Стабильность эта впоследствии была нарушена, новая ситуация связана с надчеканом типа 1/*а*.

Глава VI

МЕДНЫЕ МОНЕТЫ В ПОСЛЕДНЕМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XV — ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XVI в.

1. Центральный Мавераннахр в последнем десятилетии XV в. и мероприятия Мухаммада Шейбани-хана с 907/1501-02 г.

Основным источником изучения монетной политики и состояния обращения медных монет в последнем десятилетии XV — начале XVI в. (до 914/1508-09 г.) являются монеты Самарканда и Бухары (а также некоторых других городов региона) и надчеканы, произведенные в Самарканде и Бухаре (и однотипные с ними надчеканы других пунктов) в этот отрезок времени. Наиболее ценный материал дал Ангренский клад: он целиком относится к рассматриваемому времени, сложился в изучаемом регионе и был изъят из обращения не позднее 914/1508-09 г. Душанбинский и Узбекон-тепинский клады сложились в другом регионе и значительно раньше (не позднее 906/1500-01 или 907/1501-02 г.), но в их составе довольно много монет и надчеканов Самарканда и Бухары последнего десятилетия XV в. Привлечены материалы и других кладов, а также внекладовые монеты музеев.

А. Денежное обращение с 897/1491-92 по 901/1495-96 г. С 897/1491-92 г.[340] в Бухаре и Самарканде монеты выпускали ежегодно до 901/1495-96 г., причем за эти пять лет — двух параллельных типов: типы 4—5 Бухары и типы 9—10 Самарканда. Общая в Самарканде и Бухаре монетная политика в части типов и их смены на этом отрезке времени вполне отвечает политической ситуации. Самарканд был столицей мавераннахрской части государства Тимуридов и удельным владением номинального уже главы династии. До середины шавваля 899/1494 г. Самарканд и Бухара находились в руках Султан-Ахмад-мирзы. После его смерти в Самарканд призвали его брата Султан-Махмуд-мирзу, который в Бухару направил своего сына Байсункар-мирзу. Султан-Махмуд-мирза умер в раби‘ II 900/1495 г., Самарканд и Бухара объединились под властью Байсункар-мирзы. Лишь после подавленного мятежа тарханов против Байсункара в рамазане 901/1496 г. Бухару захватил его младший брат Султан-‘Али-мирза, и между братьями началась война, в которой Байсункар потерпел поражение. Вот тут-то на Самарканд позарились трое и с трех сторон осадили город: Бабур (прибывший из Андиджана), Султан-Мас‘уд-мирза (из Хисара) и сам Султан-‘Али-мирза (из Бухары). Осада продолжалась до зимы, т. е. снята была уже в 902/1496-97 г.[341].

Априорно можно предположить, что в каждом городе один

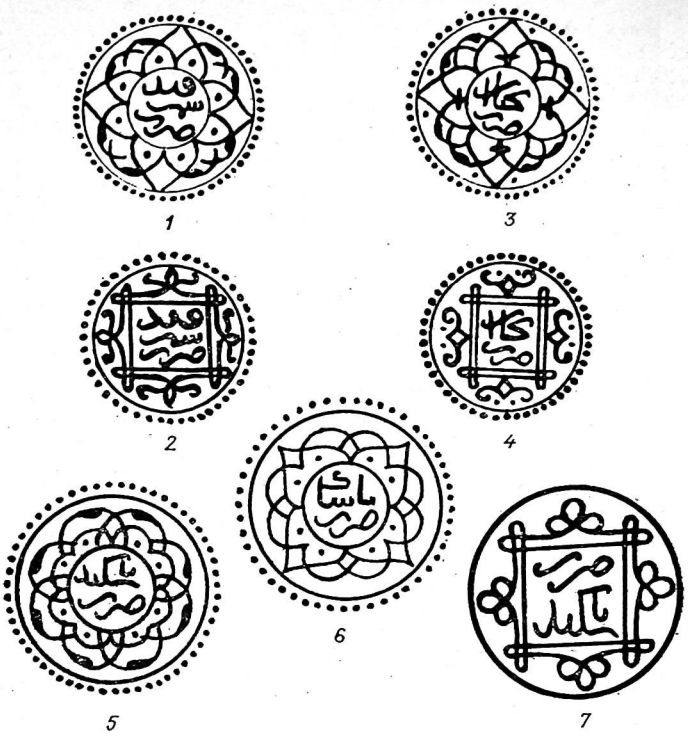


Рис. 25. Однотипные монеты Самарканда, Бухары и Ташкенда

тип монет был сменен другим, а одинаковые типы в двух городах выпускались одновременно. Некоторое осложнение на первый взгляд вносят даты (особенно Бухары). В чекане Самарканда монеты типа 9 (рис. 25/1) имеют даты 897—899 гг. х., а типа 10 (рис. 25/2) — 899—901 гг. х. Отсюда можно заключить, что смена типов произошла в 899/1493-94 г. В литературе упоминаются монеты Самарканда нашего типа 10, но с датой — 897 г. х.[342]. Правдоподобно, что при переходе к типу 10 в Самарканде еще использовали старые штампы об. ст. типа 9 с датой 897 г. х. В чекане Бухары монеты типа 4 (рис. 25/3) имеют даты 897—900 гг. х., а типа 5 (рис. 25/4) — 897, 899—901 гг. х. Ясно, что здесь смена типов произошла не в 899 г. х., а в 900/1494-95 г., тогда понятно, что даты 897 и 899 гг. х. в

типе 5 получили вторичное употребление. Если названные даты без пропусков, это позволяет на первый взгляд заключить, что смена одинаковых типов в двух городах произошла не в одно время: в Самарканде — во второй части 899 г. х., а в Бухаре — во второй части 900 г. х. Однако такой разрыв при типовом единстве и в рамках описанной политической ситуации кажется сомнительным. Стоит обнаружить хоть одну монету Самарканда типа 9 с датой 900 г. х., как будет доказано более правдоподобное предположение: смена типов монет в Бухаре и Самарканде была произведена в одно время, во второй части 900 г. х. Тогда можно было бы даже предположить, что типовую перемену в обоих городах произвел Байсункар-мирза после того, как оба города оказались в его руках (после смерти отца в четвертом месяце 900 г. х.) и оставались у него на протяжении трех четвертей 901 г. х. Вот этим двум отрезкам времени в 900—901 гг. х. и соответствовал бы поздний из двух типов (тип 10 Самарканда и тип 5 Бухары). При этом, однако, объем монетной продукции, выпускаемой двумя городами, не был одинаковым. Статистика по всем кладам убеждает в том, что чекан Самарканда был намного интенсивнее.

Существенная характеристика денежного рынка этого времени — наличие монет, в эти же годы выпущенных другими монетными дворами региона. И не менее существенно, что в типовом отношении продукция других монетных дворов чаще всего примыкает к Бухаре и Самарканду.

В чекане Ташкенда повторили оба типа монет Бухары — Самарканда. Монеты Ташкенда раннего типа (соответствующие типу 9 Самарканда и типу 4 Бухары, см. рис. 25/1, 3) демонстрируют несколько видов орнамента вокруг круглого картуша на л. ст. (рис. 25/5, 6). Даты словами на об. ст. этих монет написаны различно, есть ошибки (например, пропуск слова сотен). Безусловно читаются 898—899 гг. х.[343], под вопросом — 897 г. х.[344]. На этих монетах наименование монетного двора написано правильно: Шаш и Ташкенд. Есть такие же с типовой точки зрения монеты 899 и 90. гг. х., у которых наименование монетного двора, по нашему мнению, также Ташкенд (рис. 25/6), но написано оно с ошибкой (нет двух последних букв, т. е. «нун» и «дал»: получается «Ташк») [345]. Ошибки в монетных надписях Ташкенда этого времени часты, иногда происходят от неумелого размещения.

Другой тип монет Ташкенда[346], соответствующий типу 10 Самарканда и типу 5 Бухары (рис. 25/2, 4), также содержит ошибку в надписи об. ст., где размещена дата словами. Почерк не очень умелый, обозначены только два слова даты: слово сотен (восемьсот) и второе, более похожее на слово десятков (тогда это девяносто), но на отдельных экземплярах напоминающее и слово единиц (тогда это девять). Второе слово для обоих чтений написано плохо, как бы не доведено до конца. Иногда

слово сотен также начертано очень схематично, имеет вид трех фрагментов, лишь количеством напоминающих три буквосочетания слова «восемьсот». Поскольку тип л. ст. повторяет те типы Бухары и Самарканда, которые имеют даты 900—901 гг. х., а из более ранних — 897 и 899 гг. х., в прочтении даты монет Ташкенда следует исходить из этих хронологических рубежей. Представляется, что в дате вовсе опущено слово единиц, а слово десятков начертано не лучшим образом. Следовательно, нужно читать «89.» и реконструировать в рамках 897—899 гг. х. (опираясь на соответствующие даты монет Бухары — Самарканда). На л. ст. наименование монетного двора начертано правильно (рис. 25/7).

Ранний тип Самарканда (тип 9) и Бухары (тип 4) повторили кроме Ташкенда еще некоторые города (например, Андиджан и Карши) [347], а поздний тип Самарканда (тип 10) и Бухары (тип 5) — кроме Ташкенда еще и Кеш [348].

Таким образом, для центрального Мавераннахра первой половины последнего десятилетия XV в. характерно равное обращение однотипных монет в ряде исторически сложившихся областей, основанное на однотипном выпуске монет в нескольких пунктах. Смена типа за это время тоже была общим явлением. Между тем центральный Мавераннахр был в это время поделен на уделы, и некоторые удельные владетели были полностью самостоятельными, никак не подчинялись Самарканду, разве что претендовали на владение этой столицей. Покажем это на примере Андиджана и Ташкенда.

Самыми крупными городами Ферганы в это время были, согласно свидетельству Бабура, Андиджан и Ахсы. В ту пору, когда Самаркандом владел уже упоминавшийся тимурид Султан-Ахмад-мирза, его младший брат 'Омар-шейх владел Ферганой, его столицей в Фергане был город Ахсы. Умер он, по свидетельству того же Бабура, 4 рамазана 899/1494 г., а Фергана досталась самому Бабуру, который столицей сделал главный город области — Андиджан. Монеты Андиджана 899 и 89. гг. х. чеканены либо при 'Омар-шейхе, либо скорее при Бабуре. Оба владетеля никак не подчинялись Самарканду. Следовательно, однотипный с Самаркандом чекан в Андиджане был вызван экономическими интересами, которые оказались сильнее политической независимости.

Еще красноречивее пример с Ташкендом. В последние годы жизни 'Омар-шейха Ташкенд, ранее принадлежавший ему, отошел к моголам. По свидетельству Бабура, 'Омар-шейх сам отдал Ташкенд Йунус-хану моголистанскому. Моголы активно участвовали в распрях Тимуридов, но никак им не подчинялись. Даже наоборот, отдельные представители Тимуридов обращались к моголистанским ханам за помощью и содействием. Следовательно, в данном случае особенно выпукло выступают экономические причины того, что в типовом отношении монеты

Ташкенда обоих типов за 897(?), 898, 899, 89. и 900 гг. х. следовали за монетами Самарканда.

При изучении веса монет 897—901 гг. х. существенно учесть, что какая-то часть выпуска базировалась на простом перечеканивании монет серии 832/1428-29 г. Эти серийные монеты накаляли и отчеканивали новыми штампами, что было более дешевым и быстрым способом, чем чекан из металла. Но в процессе перечекана на монетах оставались фрагменты надписей или орнаментов от монет 832/1428-29 г., такие монеты со следами перечекана в кладах не редки.

Серия 832/1428-29 г. очень разновесна, поэтому возникает вопрос, перечеканивали ли любые монеты этой серии или производили весовой отбор. Массу монет 897—901 гг. х. практически нельзя четко разбить на две группы: изготовленных путем перечеканивания и изготовленных заново, т. е. из металла. Поэтому ответ на поставленный вопрос может быть получен в результате изучения веса всех монет. Большое их количество позволяет изучать вес графическим методом. Сложность заключается в том, что при чекане монет нового типа использовали старые штампы со старыми датами. Это позволяет предположить, что и «внутри» одного и того же типа наряду с датами нового года могли использовать штампы со старыми датами. Очевидно, новые штампы с новыми датами изготовлялись в недостаточном количестве, поэтому в дело шли лучшие из сохранившихся старых штампов об. ст. В такой ситуации изучение веса по годам (датам) может на графике дать искаженную картину, ибо монеты, практически выпущенные, например, в 899 г. х., но отчеканенные штампами 898 или 897 г. х., попадут в график не 899, а 898 или 897 г. х. Это затруднение становится существенным, если «внутри» типа, выпускавшегося несколько лет, было произведено изменение монетной стопы.

Для графиков использованы монеты без надчеканов Ангренского клада. Сравнение веса монет Самарканда типа 9 (за 898 г. х.) и типа 10 (за 900 г. х.) позволило сделать следующие выводы (подробнее в гл. IV/1 и рис. 18). Во-первых, они чеканены не эл-марко, а на основе весового стандарта. Здесь следует добавить, что при перечеканке старых монет в 898 и 900 гг. х. в Самарканде, следовательно, и их по весу подбирали под соответствующий весовой стандарт. Во-вторых, в 898 и в 900 гг. х. весовые стандарты были различными, поскольку различен на графике средний вес за эти два года (5,0—5,1 г в 898 г. х.; 4,9 г в 900 г. х.). В-третьих, учет средней нормы потертости позволил реконструировать весовой стандарт и монет 898 г. х. (это наиболее традиционный и прочный вес в мискал и половину данга мискала, т. е. 5,2 г) и монет 900 г. х. (это мискал и нухуд, т. е. 5,0 г). Когда же в Самарканде произошло изменение весового стандарта? Существен вес монет 899 г. х.: в чекане Самарканда этот год представлен двумя типами (ти-

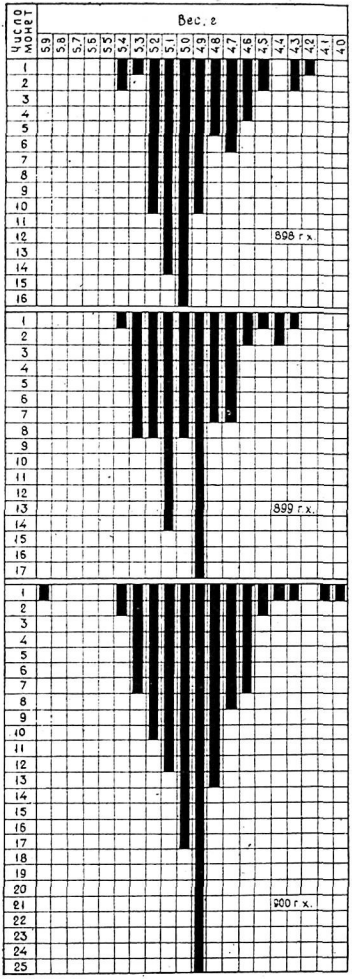


Рис. 26. Вес динаров Бухары и Самарканда 898/1492-93, 899/1493-94 и 900/1494-95 гг.

пами 9—10). Логичнее было бы предположить, что весовой стандарт изменили при переходе к новому типу (типу 10), в Самарканде часто (см. гл. VII) одновременно меняли и тип и вес. Но отдельный график монет типа 9 за 899 г. х. создает впечатление, что изменение веса в этом году произошло замаскированно, «внутри» типа 9. Кроме того, выше уже было высказано предположение, что реально чекан монет типа 10 начался не в 899 г. х., а в 900 г. х. (899 г. х.— свидетельство использования старых штампов об. ст. типа 9).

Монет Бухары типа 4 недостаточно для самостоятельного их изучения по годам, создается все же впечатление, что монеты Бухары типа 4 в среднем весили в 897—899 гг. х. меньше однотипных монет Самарканда, однако наблюдение это должно быть проверено на большем материале. Зато монеты Бухары типа 5 за 900 г. х. дают такой же средний вес (4,9 г), как и однотипные монеты этого года Самарканда типа 10.

Очень характерную картину рисует сводный график веса монет Бухары и Самарканда за 898—900 гг. х. (вне зависимости от типов). Возможно, он стирает какие-то нюансы (о них предположительно выше), зато четко рисует общее, главную линию движения веса (рис. 26): средний вес за 898 г. х.— 5,0—5,1 г; средний вес за 900 г. х.— 4,9 г; график веса монет 899 г. х. имеет тот типичный вид, который получается при изменении веса «внутри» года. Сводный график показывает естественное движение веса в сторону меньших цифр, как свидетельство потертости в процессе обращения. Если учесть это обстоятельство, то амплитуда колебания веса основной массы монет окажется в рамках «эталонного ремедиума» (по 0,2 г в обе стороны от весового стандарта) или незначительно расширит их. Следовательно, выпуск монет Бухары и Самарканда 898—900 гг. х. действительно осуществлялся на основе весового стандарта (частично путем весовой подборки под этот стандарт монет из серии 832/1428-29 г.). Монеты Бухары и Самарканда 897—901 гг. х., средний вес которых несколько выше мискала, по достоинству являются динарами — основным медным номиналом.

К этому же пятилетию относится надчекан типа 14 первой группы первого разряда (картуш трехлепестковый). Надчеканы эти очень многочисленны в Душанбинском, Узбекон-тепинском, Ангренском и других кладах, сложившихся не позднее 914/1508-09 г.; небольшое количество этих надчеканов зарегистрировано и в поздних кладах, сложившихся после 919/1513-14 г. (об этом типе надчеканов см. гл. III/2, табл. 5—6). Особенность этих надчеканов — даты цифрами в надписях, хотя даты проставлялись и не всегда. Сейчас нам удалось зарегистрировать в надписях надчеканов типа 14 наименования следующих монетных дворов Мавераннахра и следующие даты: Бухара (898—899 гг. х. и без даты), Карши (900 г. х. и без даты), Миййанкал (без даты), Самарканд (898—901 гг. х. и без

даты), Шахрисябз (900—901 гг. х. и без даты)[349]. Количественно во всех кладах преобладают надчеканы Самарканда, на втором месте — Бухары. Из внемаверанахрских надчеканов, вероятно, типу 14 принадлежат надчеканы Балха.

Надчеканы этого типа есть на старых монетах (832, 861 гг. х.), но в основном они наложены на монеты разных городов, выпущенных в эти же годы: в 897—899 гг. х. и даже в 900-м. Внимательный просмотр надчеканенных монет показал, что массовому надчеканиванию подвергся ранний тип этого отрезка времени, т. е. ранние однотипные динары Бухары (тип 4), Самарканда (тип 9) и других городов. Однако очень существенно, что надчеканы типа 14 есть на монетах и более позднего типа, т. е. на монетах типа 5 Бухары, типа 10 Самарканда, хотя и в сравнительно небольшом числе. Все это крайне затрудняет определение назначения надчеканов типа 14.

Если бы на них не было дат, проще и правдоподобнее всего было бы предположить, что их наложили на монеты 897—900 гг. х. типов 4—5 Бухары, типов 9—10 Самарканда и прочие однотипные монеты через какое-то время после того, как их чекан прекратился. Это была бы обычная перегруппировка, когда динары 897—901 гг. х. названных типов с надчеканами типа 14 имели бы полный курс данги, а эти же монеты без надчеканов — курс более низкий, т. е. были бы понижены в ранге до уровня какого-то кратного динаров.

Но надчеканы типа 14 имеют даты, и эти даты показывают, что выпуск монет и их надчеканивание производилось одновременно и параллельно: зафиксировано много случаев, когда у монеты и надчекана даже одна и та же дата, т. е. год выпуска и год надчеканивания совпали. Возникает ряд вопросов. Например, зачем было продолжать выпуск того самого типа монет, которые уже начали надчеканивать? Зачем было менять тип монет, если монеты нового типа немедленно также начали надчеканивать? Почему хронология выпуска двух типов монет (897—901 гг. х.) совпадает с хронологией надчеканов (898—901 гг. х.)? Вместо убедительных и доказанных ответов на эти вопросы мы можем предложить пока лишь следующую гипотезу.

Монеты Бухары типов 4—5, Самарканда типов 9—10 и другие, однотипные с ними, являются динарами. Не превращали ли с помощью надчеканов типа 14 одинарные по весу динары в монеты более крупного достоинства? Иначе говоря, не выпускали ли одновременно монеты двух достоинств: динары (без надчеканов) и монеты более высокого достоинства, объявленного и известного населению (те же динары, но с надчеканами). Предположение не абсурдное, ибо находит некоторую опору в надчеканах второго разряда. В надчеканах второго разряда прямо указывалось новое достоинство надчеканенной монеты, причем весовой подбор, как правило, не производился, так что вес монет мало отвечал их новому достоинству. С другой стороны,

при специальном выпуске одинарных и двойных динаров (см. гл. IV/2) в более позднее время у них часто был общий тип, правда, они различались размерами и пропорционально кратным средним весом. Иначе говоря, кратные основного номинала давали рынку не одним каким-либо способом. Для крупных кратных мы сейчас назвали два: надчекан с обозначением достоинства (в этом случае вес отходил на второй план) и специальный выпуск (в этом случае тип отходил на второй план). Не рисует ли нам ситуация 897—901 гг. х. третий способ снабжения рынка монетами двух достоинств одновременно? Два затруднения снимаются легко. Почему в 897—901 гг. х. не могли организовать параллельный выпуск монет двух достоинств? Вероятно, хотели удешевить производство путем экономии металла. О необходимости экономить металл говорит выявленное нами снижение в 899 г. х. весового стандарта динаров [350]. Почему не обозначили в надписях надчеканов типа 14 увеличенное достоинство надчеканенных монет? Достоинство монет в надписях монет и надчеканов вообще обозначали редко, обычно население о всех установлениях и переменах осведомляли другими способами.

Предложенная в качестве гипотезы интерпретация чекана монет и параллельного надчеканивания части выпуска имеет то достоинство, что избавляет от недоумения по поводу отсутствия в 897—901 гг. х. столь необходимых рынку крупных кратных основного номинала. Гипотезу эту важно рассмотреть в контексте еще одного надчекана этого же отрезка времени. Однако нам этот надчекан известен в единственном экземпляре плохой сохранности: квадратный картуш, дата цифрами (899 г. х.) и термин «данги» или «ду данги» («два данги»); нижняя строка не вышла (см. примеч. 271).

В Бухаре (тип 21), в Самарканде (тип 39) и в Карши были выпущены однотипные монеты без даты: на их об. ст.— орнамент, а на л. ст.— наименование монетного двора в шестилепестковом картуше, обрамленном орнаментом. Монет Самарканда этого типа намного больше, чем Бухары и тем более Карши. Проверка веса монет Самарканда и Бухары показала, что их средний вес одинаков. На сводном графике веса монет трех монетных дворов видно, что весовой «треугольник» сдвинут в сторону меньших цифр, а средний вес равен 4,9—5,0 г. Следовательно, в весовом отношении эти монеты близки динарам 898—901 гг. х.

Для их датировки существенны надчеканы и состав кладов. Надчеканы, зафиксированные на монетах этого типа, различны и разновременны. Для датировки имеют значение лишь ранние из них и сами надежно датированные. Такими являются надчекан в круглом картуше с датой цифрами — 906 г. х. (тип 10 первой группы первого разряда) и надчекан в трехлепестковом картуше (тип 14 первой группы первого разряда). Послед-

ний не имел или не сохранил даты, но вообще время производства надчеканов типа 14 — 898—901 гг. х. (судя по датам), не исключено, что это надчеканивание продолжалось и дольше. Два эти надчекана позволяют предположить, что монеты без дат чеканены до 906 г. х. и, вероятно, сменили рассмотренные выше динары 897—901 гг. х. Динары эти в массовом порядке были надчеканены в годы своего выпуска надчеканами типа 14, что уже рассмотрено. На монетах же без даты пока зафиксирован только один такой надчекан, что свидетельствует скорее всего о случайности этой акции. Но эта случайность заставляет рассмотреть не одну, а две возможные датировки монет Бухары, Самарканда и Карши. Можно допустить, что они чеканены раньше динаров 897—901 гг. х. После перехода к монетам 897—901 гг. х. и начала наложения надчеканов типа 14 они получили какой-то статус, при котором не подлежали надчеканиванию. Можно допустить, что они чеканены, наоборот, после 901 г. х., сменили собой динары 897—901 гг. х., а вместе с началом выпуска было прекращено производство надчеканов типа 14. Состав кладов заставляет склониться ко второму предположению.

Дело в том, что однотипных недатированных монет Бухары (тип 21), Самарканда (тип 39) и Карши особенно много в Ангренском кладе, есть они в поздних кладах (Самаркандском, Чилекском, Нурекском) в небольшом количестве, но их совсем нет в таких ранних кладах, как Душанбинский и Узбекон-тепинский. В двух последних кладах много динаров 897—901 гг. х., динары эти являются поздними монетами в этих кладах. Позднее их — только надчеканы. Отсутствие в таких кладах рассматриваемых недатированных монет Бухары (тип 21), Самарканда (тип 39) и Карши исключает чекан последних до 897 г. х. и убедительно свидетельствует в пользу того, что они сменили динары 898—901 гг. х. Они не успели попасть в регион Хисара к тому времени, когда были отложены два названных выше клада. В этих кладах нет и датированных монет центрального Мавераннахра, выпущенных после 901 г. х.

Однотипные монеты без даты были полнокурсными динарами данги в Самарканде и Бухаре, возможно, на протяжении разного времени. В Самарканде серьезные перемены произошли уже в 904/1498-99 г. (см. ниже), а в 906/1500-01 г. в Самарканде же эти монеты получили «вторую жизнь» уже с помощью надчеканов. Но до этого монетная политика Самарканда и Бухары на базе однотипных динаров без дат была общей, хотя это были годы междоусобиц, так что Бухара и Самарканд иногда оказывались в руках враждебных друг другу членов династии, иногда же объединялись в одно владение. Например, в последней трети 901/1496 г. и до первых месяцев 903/1497 г. Самаркандом и Бухарой владели враждовавшие между собой братья: первым — Байсункар-мирза, вторым —

Султан-Али-мирза. За это время Самарканд выдержал семимесячную осаду Бабура, после чего Байсункар-мирза в конце раби‘ I 903/1497 г. покинул свое разоренное владение, и город на 100 дней достался Бабуру. Очень любопытно свидетельство Бабура о торговле в его лагере еще в ту пору, когда он уже подчинил себе почти всю область Самарканда и лишь сама столица оставалась у Байсункар-мирзы. Когда он становился лагерем в каком-либо месте, приходило столько торговцев, что лагерь превращался в базар. Когда он стоял близ Самарканда, «из Самарканда приходило столько горожан и торговцев, что стан превращался в город. Все, чего только ни ищут в городах, можно было найти в стане»[351]. Так во время междоусобиц соседствовали грабеж и торговля.

Область Самарканда была настолько опустошена, что «добыча воинов иссякла». С самого города тоже нечего было взять, «город был до того разорен, что жители нуждались в семенах и денежных ссудах. Как получить оттуда что-нибудь? По этим причинам воины терпели большие лишения, а мы ничего не могли им доставить»[352]. Значительная часть войска Бабура разбежалась, а тут пришло известие, что его Андиджан в опасности. И Бабур оставил Самарканд в раджабе 903/1498 г. Только после этого Самарканд и Бухара вновь оказались в одних руках — у Султан-‘Али-мирзы. Но это было формальное объединение, Бухарой и Самаркандом управляли всесильные тарханы, а Султан-‘Али-мирзе выдавали лишь небольшое содержание из доходов Самарканда.

Для характеристики уровня развития на рассматриваемом отрезке времени денежной торговли и места медных монет разного достоинства в денежном обращении существенно следующее. Зафиксирован специальный выпуск меньших кратных динара, разнотипных в двух городах. В Бухаре в 900/1494-95 г. чеканили монетки в две трети или в половину динара (тип 6). В Самарканде в 901/1495-96 и в 902/1496-97 гг. (а возможно, и еще дольше) чеканили монетки в две трети динара, а в 903/1497-98 г.— еще более мелкие монетки в одну треть динара (типы 11, 47). Правдоподобно, что в чекане Бухары и Самарканда изучаемого отрезка времени выявлены не все типы кратных основного номинала, но пока политика в отношении меньших кратных динара в двух этих городах предстает различной и самостоятельной, политика же в отношении основного номинала (представленного для 897—903 гг. х. тремя типами) — одинаковой. За этим просматривается разное отношение к медным монетам разного достоинства: представляется, что функция средства обращения в межобластной торговле возлагалась на основной номинал, меньшие же его кратные рассматривались как средство внутригородской и внутриобластной торговли, поэтому-то они могли быть разнотипными даже в пору общей монетной политики.

Б. Денежное обращение с 904/1498-99 по 907/1501-02 г. Итак, за предшествующий отрезок времени особенно пострадала область Самарканда, на территории которой почти все время находились, переходили с места на место, подолгу стояли войска разных претендентов на стольный град. Сам Самарканд его владетели покидали, в частности, и из-за невозможности прокормить войско в осажденном городе. Априорно можно заключить, что такая ситуация не осталась без последствий для обращения медных монет. Факты вполне соответствуют этому заключению.

В 904/1498-99 г. произошли две серьезные перемены. Самарканд получил новые средства обращения в сфере медных монет, причем сразу минимум трех достоинств: динар (тип 15), полуторный динар (тоже тип 15) и меньшую кратную — монетку в две трети (или половину?) динара (тип 12). Если продолжался выпуск монеток типа 11 без дат, тогда циркулировали с 904 г. х. монеты четырех достоинств: тип 15 — динар и полтора динара, тип 11 — две трети динара, тип 12 — половина динара. Столь продуманное мероприятие в условиях совершенного разорения Самарканда и его области — свидетельство того, что обращение медных монет переживало кризисное состояние, которое требовало кардинального вмешательства. Это и было сделано заменой дискредитированных монет новыми с учетом потребностей рынка в развитом масштабе цен.

В Бухаре в том же, 904 г. х. выпустили мелкие монетки (тип 24) в четверть (или треть?) динара, но это не источник характеристики межобластного обращения. Важно, что новый выпуск самих динаров в Бухаре зафиксирован только с 907/1501-02 г. (типы 7—8). Возможно, ситуация в Бухаре была более стабильной, чем в Самарканде, и Бухарский рынок продолжали удовлетворительно обслуживать те динары, которые в Самарканде были заменены. Так или иначе, но с 904/1498-99 г. Бухара и Самарканд были лишены общих и одинаковых средств обращения. Вторая перемена — это и есть разрушение общих норм межобластного обращения медных монет. Ташкенд вышел из «общего рынка» с Бухарой и Самаркандом еще раньше: не позднее 902 г. х. там начался выпуск динаров, тип которых отличен от типов самаркандских и бухарских динаров[353]. Самостоятельную монетную политику проводили в Ташкенде и путем надчеканивания[354].

Из дальнейших событий в связи с монетным чеканом важны следующие. К концу 905/1500 г. после трехдневной осады Бухару сдали Мухаммаду Шейбани-хану. Вскоре он взял ее вторично, предал грабежу, наложил огромную контрибуцию и т. д. В 906 г. х. Шейбани-хану без боя сдали Самарканд, но поздней осенью того же, 905/1500 г. Самарканд захватил Бабур. В шаввале 906/1501 г. в сражении Бабур потерпел поражение от Шейбани-хана и заперся в Самарканде. За время

осады (три-четыре месяца) в Самарканде наступил страшный голод, привоза продуктов совсем не было. В начале 907/1501 г. Шейбани-хан вторично и окончательно получил Самарканд[355].

Но даже в этих условиях крайнего разорения города, которое должно было отразиться и на ценах, и на торговле в целом, правители пытались извлекать доходы из монетного дела. Эксплуатация монетной регалии в Самарканде особенно интенсифицировалась к концу изучаемого отрезка времени. Так, для 906/1500-01 г. известны два новых типа динаров (типы 13—14), сменившие сначала динары типа 15, а потом — друг друга; новые полуторные динары (тип 16), сменившие полуторные динары типа 15; надчеканы типа 10 (906 г. х. и без даты) первой группы первого разряда. За этот год Самарканд был в руках Султан-'Али-мирзы, Мухаммада Шейбани-хана и Бабура, все они нуждались в деньгах.

В. Денежное обращение с 907/1501-02 г. Ситуация изменилась после того, как Мухаммад Шейбани-хан окончательно в 907 г. х. взял Самарканд. Вступление на столичный престол он ознаменовал чеканом новых серебряных и медных монет. Серебряные монеты были отчеканены от его имени (известна танга Самарканда 907 г. х., хранится в ГЭ), медные остались анонимными. Экономическое значение этой акции подчеркнуто было тем, что для серебра и меди был назначен один весовой стандарт — мискал. Еще более важно, что медные динары, выпущенные в Самарканде (тип 17) и в Бухаре (тип 8), были однотипными (рис. 5/17 и 9/8). В Самарканде этот новый тип динара выпускали ежегодно до 910/1504-05 г. включительно (изменялась только дата на об. ст.). Следовательно, чекан Самарканда 907—910 гг. х. (тип 17) преследовал цель пополнения средств обращения без фискальных перемен в их положении. Доход давал сам ежегодный выпуск монет, для которых было «освобождено место» путем соответствующего изменения статуса предшествующих выпусков динаров. В чекане Бухары для этого типа (тип 8) нам известна только одна дата (907 г. х.), но другие типы динаров в пределах 907—910 гг. х. неизвестны. Возможно, в Бухаре монеты типа 8 с неизменной датой (907 г. х.) выпускались как серия, т. е. несколько лет. Так или иначе, но в 907 г. х. заложены были основы равного между Бухарой и Самаркандом (и между другими городами в пределах этой части центрального Мавераннахра) обращения однотипных медных монет.

Новые нормы общегосударственного обращения меди распространились и на другой регион — Хисар. Об этом свидетельствуют динары Хисара типа 12 (рис. 12/12). Монеты этого типа без даты (на об. ст. орнамент), но их л. ст. повторяет характерный тип 8 Бухары и тип 17 Самарканда. Возможно, в Хисаре монеты типа 12 были отчеканены уже после завоевания города Шейбанидами в 910 г. х. (подробнее см. гл. VI/2). Но это

лишь значило бы, что в 910 г. х. равное обращение однотипных динаров в завоеванной Шейбанидами части Мавераннахра еще не было нарушено.

Рынки Самарканда и Бухары нуждались в кратных основного номинала и уже привыкли к развитому масштабу цен. Положительное мероприятие, в 907 г. х. вернувшее межобластной торговле Самарканда — Бухары равное обращение однотипных динаров, должно было определить и кратные — общие для обоих городов — областей и (или) отдельные для каждого внутреннего рынка. Функции каких-то кратных безусловно выполняли старые динары, не изъятые из обращения. К этому же отрезку времени как будто относится и надчекан «'Адил; йак мири» = «[Монета] правильная; [достоинство] — одно мири». Мы уже рассмотрели два возможных значения этой надписи (гл. III/5): она определяла достоинство надчеканенной монеты либо в полтора динара, либо в четверть динара. В любом случае этот надчекан давал рынкам центрального Мавераннахра общую кратную основного номинала, а надпись на персидско-таджикском языке играла «убеждающую» роль, так как могла быть понята местным населением.

Неясно с выпуском и обращением специальных монет — **кратных основного номинала.** Основная масса полуторных динаров Самарканда типа 16 — без дат, на многих — дата 906 г. х., а на одном экземпляре нами обнаружена дата 907 г. х. Выпускали ли полуторные динары типа 16 в 907 г. х. до преобразований Шейбани-хана или еще и после них чекан продолжался и полуторные динары типа 16 сохранили свои позиции? Для Бухары зафиксирован чекан меньших кратных типа 5 с датой 910 г. х. Неясно, когда в Бухаре начался выпуск «пары» типов 10—11 (это монетки в половину или две трети динара). В их надписях кроме полных и точных дат цифрами на л. ст. (912, 913, 914 гг. х.) есть еще дата 9.8, т. е. скорее 908 г. х., но на об. ст.— словами. Происхождение этой даты пока (до обнаружения аналогичной на л. ст.) не может быть объяснено уверенно: фиксирует ли она начало выпуска этих кратных, является ли результатом использования старого штампа об. ст.? Нельзя, правда, не отметить, что в чекане Бухары монеты 908 г. х. (штамп об. ст. которых мог быть использован вторично) пока не выявлены.

Общий признак рассматриваемого отрезка времени — некоторая стабильность на базе равного обращения в завоеванной части Мавераннахра однотипного динара. Но эта стабильность не оказалась продолжительной.

Г. Денежное обращение после 910/1504-05 г. Серьезные перемены в обращении меди начались с 910/1504-05 г. Основной задачей стало извлечение доходов из монетного дела. Свидетели этой неумеренной эксплуатации монетной регалии — многочисленные и разнообразные надчеканы, произведенные между

910/1504-05 и 914/1508-09 гг. После 910 г. х. производился выпуск новых динаров и кратных основного номинала (например, типы 18—19 в Самарканде за 910—911 гг. х.; полудинары типов 10—11 в Бухаре за 912—914 гг. х.). Но основной приметой времени стали надчеканы.

Не все выявленные в составе кладов типы надчеканов датированы. Но даже из датированных минимум четыре разных типа относятся к этому отрезку времени. Из них три типа принадлежат первой группе первого разряда (гл. III/2, табл. 5). Ранним среди них является, очевидно, тип 7, некоторые надчеканы этого типа имеют точную дату — 910 г. х. К этому времени Шейбаниды уже завоевали регион Хисара. Надчекан типа 7 был общегосударственным мероприятием, надчеканивание производили как в регионе центрального Мавераннахра (Бухара, Самарканд, Миййанкал, Парак), так и в регионе Хисара (Хисар). Надо думать, что с этого времени только монеты с надчеканом типа 7 являлись полнокурсными (данги) динарами, все же монеты без надчеканов типа 7 (в том числе и недавний выпуск 907—910 гг. х., однотипный в Бухаре и Самарканде) либо получали статус меньших кратных основного номинала, либо запрещались и подлежали обмену.

Следующий надчекан для Самарканда неизвестен, ведущим его центром является Бухара: надчекан типа 6 произведен в двух пунктах (один из них — Бухара), он, вероятно, местного характера. Надчекан типа 5 произведен позже надчеканов типа 6 и 7 и во многих пунктах: в Ахсы, Бухаре, Термезе, Хисаре, Чаганиййане. Это было мероприятие, одновременно проведенное в регионе Хисара и в Бухарской области, и в Фергане.

К этому же времени и к центральному Мавераннахру относится один из типов надчеканов второй группы первого разряда — тип 2; картуш — квадрат или ромб с надписью «хуб», удостоверяющей, что надчеканенная монета — «хорошая» (гл. III/3, табл. 8). Попытка убедить население таким способом (да еще и на местном, персидско-таджикском языке) в том, что к медным монетам нужно относиться с доверием,— сигнал тревоги. Это ясное свидетельство того, что монетам перестали доверять.

Четыре (как минимум) следующих друг за другом надчекана, из которых один — слово «хуб», не оставляют сомнения в сложности создавшейся ситуации. Мы не можем ее реконструировать, но заключение о возникших затруднениях в сфере обращения медных монет не будет преувеличением. Столь частые перегруппировки с помощью надчеканов, столь частые изменения статуса медных монет не могли остаться без последствий. В этом убеждает и реформа, проведенная Мухаммадом Шейбани-ханом в 913—914 гг. х. (о ней см. гл. VI/3). Вероятно, фискальные мероприятия после 910/1504-05 г. создали кризисную ситуацию в обращении медных монет на территории центрального Мавераннахра.

2. Денежное обращение в регионе Хисара и реформа Хосроу-шаха в 906/1500-01 и 907/1501-02 гг.

Изучение монетной политики и денежного обращения в регионе Хисара обеспечено обработанными нами восемью кладами, найденными в разных пунктах региона [356]. Клады эти четко делятся на две группы. Пять кладов характеризуют денежное хозяйство последнего десятилетия XV в., сравнительное изучение их состава приводит к выводу о кризисе здесь денежного обращения к концу столетия как результате в первую очередь неумеренной эксплуатации монетной регалии. Три клада открывают денежную реформу, проведенную в регионе Хисара Хосроу-шахом на рубеже двух столетий. Выявленные особенности чекана, надчеканивания и обращения медных монет убеждают в том, что монетная политика в регионе была самостоятельной и независимой от центрального Мавераннахра и столичного Самарканда.

Хисар был одним из крупнейших уделов Тимуридов, потом — Шейбанидов. В рассматриваемое время удельным владетелем всего региона Хисара был сначала Султан-Махмуд-мирза, брат сидевшего в столичном Самарканде Султан-Ахмад-мирзы. Именно при нем возвысился Хосроу-шах, постепенно ставший фактическим правителем удела. После смерти в шаввале 899/1494 г. Султан-Ахмад-мирзы беки призвали из Хисара в Самарканд Султан-Махмуд-мирзу, который отдал Хисар своему сыну, Султан-Мас'уд-мирзе. Сам Хосроу-шах сидел в Кундузе, куда к нему в раби' I 903/1497 г. пришел бежавший из Самарканда Байсункар-мирза, брат Султан-Махмуд-мирзы. Хосроу-шах воспользовался этим и вместе с Байсункар-мирзой захватил сначала Чаганиййан, а потом и Хисар — столицу удела. Посадив в стольном Хисаре Байсункар-мирзу, Хосроу-шах ослепил бежавшего в Хорасан, а потом вернувшегося Султан-Мас'уд-мирзу. В мухарраме 905/1499 г. Хосроу-шах убил Байсункар-мирзу, вызвав его к себе в Кундуз под предлогом похода на Балх. Он настолько усилился, что беки и нукеры покидали службу у тимуридских царевичей и переходили к нему. Своим родичам и близким он сам раздавал во владение отдельные области внутри региона Хисара. Лишь Мухаммад Шейбани-хан в 910/1504-05 г. отнял Хисар и Кундуз у Хосроу-шаха. По словам Бабура, Хосроу-шах, услышав о движении Мухаммада Шейбани-хана на Хисар, сам бежал из Кундуза и попросился на службу к нему, Бабуру. Существенно, что уже в середине раби' I 910 г. х. (т. е. в конце августа 1504 г.) Хосроу-шах прибыл к Бабуру. По словам последнего, раньше он был настолько самовластен, что «из всех отличий царской власти только хутбы не читал от своего имени», и подвластны ему были все земли, когда-то принадлежавшие Султан-Махмуд-мирзе [357]. По словам Хондемира, под его властью находились Кундуз, Баглан,

Таблица 16

Восемь монетных дворов в Душанбинском и Узбекон-тепинском кладах

Монетный двор	Год хиджры	Всего монет	
		Душанбе	Узбекон-тепе
Андиган	832	3	—
Балх	—	—	4
Карши	832	2	4
Кашгар	858	—	1
Ташкенд	899	1	—
Термез	832	5	4
Урду	861	17	10
»	стерт	2	1
Шахрухиййа	832	4	3
»	854	2	—
Всего		36	27
% к общему числу монет в кладах		3,46	3,26

Термез, Хисар, Кабадиййан, Хутталян, Бадахшан[358]. Такая ситуация в регионе Хисара позволяет нам различные финансовые мероприятия внутри региона, самостоятельную монетную политику связывать с именем фактического правителя, т. е. Хосроушаха.

А. Состав монетной массы в последнем десятилетии XV в. Пять кладов — надежный источник для характеристики состава монетной массы в регионе Хисара последнего десятилетия XV в. Они надежный источник еще и потому, что чрезвычайно близки друг другу как по составу монет, так и по составу надчеканов. Каждый клад имеет «индивидуальное лицо» лишь за счет отдельных и единичных монет и надчеканов. Это особенно наглядно демонстрируют статистически обработанные клады — Душанбинский и Узбекон-тепинский (см. табл. 16—18)[359]. Большое сходство состава монет в двух кладах убеждает в том, что состав этот типовой, т. е. позволяет судить о составе монетной массы в регионе Хисара ко времени сложения кладов.

Важным признаком изучаемого отрезка времени, т. е. последнего десятилетия XV в., является местный выпуск монеты Хисара типа 10. Они без даты, но время их производства определяется комплексом косвенных признаков: последнее десятилетие XV в. Наличие на одной монете надчекана с датой (899 г. х.) уточняет датировку — чекан монет Хисара типа 10 начался не позже 899 г. х.

Таблица 17

Типостатистический состав монет Бухары, Самарканда, Хисара, Хутталяна в Душанбинском и Узбекон-тепинском кладах

Монетный двор	Тип (см. гл. II/2—3)	Год хиджры	Всего монет	
			Душанбе	Узбекон-тепе
Бухара	3	832	470	496
	4	898	9	9
	4—5	899	9	11
	4—5	89.	12	6
	5	900	6	5
	5	901	—	1
	3—5	стерт	146	74
Самарканд	Тимур	786	—	1
	8	832	5	4
	8	854	1	—
	9	898	28	16
	9—10	899	10	7
	9—10	89.	8	3
	10	900	14	6
	—	стерт	3	—
Хисар	10	Без года	36	37
	11	»	1	1
Хутталян	3	852	1	3
Всего			759	680
% к общему числу монет в кладах			72,98	82,22

Количество в двух кладах монет Бухары и Самарканда 898—901 гг. х. близко количеству монет Хисара типа 10 (табл. 19). Следовательно, три монетных двора — Хисар, Бухара и Самарканд — в последнем десятилетии XV в. насыщали рынки региона Хисара новой монетной продукцией (изготовленной в это же время) примерно в одинаковых количествах. Монеты Бухары и Самарканда 898—901 гг. х.— это одинарные динары двух параллельных типов (тип 4 Бухары=типу 9 Самарканда, тип 5 Бухары=типу 10 Самарканда). Эти динары Бухары и Самарканда чеканены на основе весового стандарта при эталонном ремедиуме, в чем убеждают графики их веса (см. гл. VI/1). Средний вес на графиках показал, что весовой стандарт был изменен, понижен во второй части 899 г. х.: ранний средний вес (898 — часть 899 гг. х.) равен 5,0—5,1 г (реконструктивный весовой стандарт — 5,2 г); поздний средний вес (часть 899—901 гг. х.) — 4,9 г (реконструктивный весовой

Таблица 18

Хронологический состав Душанбинского (Д) и Узбекон-тепинского (У) кладов

Клад	Год хиджры												Всего
	786	823	832	852	854	858	861	898	899	89.	900	901	
Д	—	1	529	1	3	—	17	42	21	27	20	—	661
У	1	—	541	4	—	1	10	30	19	17	11	1	635

Таблица 19

Сравнительное количество монет Хисара типа 10 и монет 898—901 гг.х. в составе Душанбинского (Д) и Узбекон-тепинского (У) кладов

Клад	Количество монет, год хиджры				Всего
	Хисар, тип 10	Самарканд 898—900	Бухара 898—901	898—899	
Д	36	60	36	14	146
У	37	32	32	14	115

стандарт — 5,0 г). Динары Хисара типа 10 по весу близки поздней весовой группе динаров Бухары и Самарканда, что и позволило определить их достоинство. Но нет уверенности, что динары Хисара типа 10 чеканены по тому же весовому стандарту, который был принят в Бухаре и столичном Самарканде. Вес монет Хисара типа 10 (рис. 27) не дает «треугольника» с четкой вершиной, которая является средним весом. Пределы весовых колебаний основной массы монет — это 4,3—5,0 г с заметным сдвигом в сторону меньших цифр. Очевидно, для выяснения среднего веса нужно больше монет, но ясно, что средний вес не будет выше 4,8 г.

Здесь мы не рассматриваем сравнительный статус монет Хисара типа 10 и Самарканда — Бухары 898—901 гг. х., ограничиваясь констатацией того, что в регионе Хисара в последнем десятилетии XV в. часть монетной массы составляли динары Хисара типа 10, Бухары типов 4—5 и Самарканда типов 9—10, чеканенные примерно в одно время. Существенно, что динары Хисара типа 10 отличались от названных динаров Бухары — Самарканда в типовом и, возможно, весовом отношении, что свидетельствует в пользу заключения о самостоятельной монетной политике в регионе Хисара.

Другую часть монетной массы в регионе Хисара составляли все старые монеты, отчеканенные на предыдущих этапах. Поздняя дата этих старых монет — 861 г. х., основная масса — монеты Бухары с датой 832 г. х. Эта дата серии, выпускавшейся

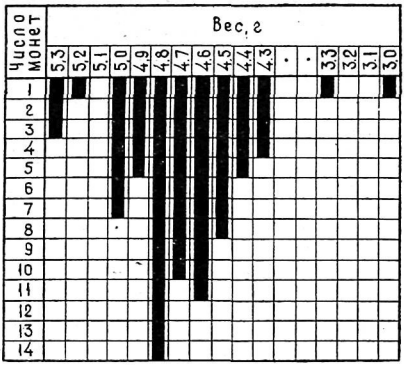


Рис. 27. Вес монет Хисара типа 10

после реформы Улугбека в течение долгого времени. Многие монеты 832 г. х. в последнем десятилетии XV в. получили новые надчеканы, которые и определяли статус таких монет. Но в обращении сохранилась масса монет 832 г. х. вовсе без надчеканов. Ясно, что монеты 832 г. х. без надчеканов или со старыми, «не действующими» надчеканами имели статус (вероятно, общий), отличный от монет с надчеканами последнего десятилетия XV в. (об этом см. ниже).

Б. Надчеканы последнего десятилетия XV в. в регионе Хисара. Пока известен только один тип монет, выпущенных в регионе Хисара в последнем десятилетии XV в.,— динары Хисара типа 10 без даты. Зато надчеканивание здесь производилось неоднократно, много больше и чаще, чем в центральном Мавераннахре этого времени. Следовательно, статус монет в регионе Хисара определяли прежде всего именно надчеканы. Этот вывод, очевидно, не распространяется на монеты Хисара типа 10. Они довольно многочисленны в Душанбинском и Узбекон-тепинском кладах (73 динара), но надчеканены только три экземпляра. Один надчекан сбит, второй сделан в Бухаре в 899 г. х. (после чего монета вернулась в свой регион с этим чужим надчеканом), лишь на одной монете один местный надчекан типа 15 первой группы первого разряда, что является случайностью: динары Хисара типа 10, очевидно, не подлежали надчеканиванию. Это позволяет заключить, что статус динаров Хисара типа 10 не изменялся в регионе Хисара; перемены, производимые надчеканиванием, распространялись на другие монеты.

Душанбинский и Узбекон-тепинский клады дают довольно

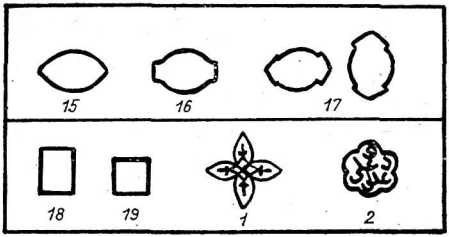


Рис. 28. Надчеканы региона Хисара, четвертый этап

полную картину местных надчеканов последнего десятилетия XV в., лишь в деталях уточняемую другими кладами. Надчеканы первой группы первого разряда в Душанбинском и Узбекон-тепинском кладах представлены шестью типами — 14—19 (см. гл. III/2), причем монетные дворы в двух кладах, как правило, дублируют друг друга. Все шесть типов являются надчеканами не общегосударственными, а региональными. Надчеканы типа 14 — не местные, их ведущими центрами были Самарканд и Бухара. Вопрос о назначении надчеканов типа 14 в центральном Мавераннахре рассмотрен выше (см. гл. VI/1). Перемены, производимые надчеканом типа 14 в статусе монет, имели значение только в центральном Мавераннахре, в регионе Хисара действие этих надчеканов прекращалось. Можно предположить, что статус монет с надчеканами типа 14 в регионе Хисара не отличался от статуса иногородних монет этого же времени без надчеканов типа 14. Иначе говоря, мы предполагаем, что монеты с надчеканом типа 14 следует приплюсовать к общей массе монет, выполнявших в регионе Хисара функцию каких-то кратных основного номинала. Эта общая масса состояла, следовательно, из таких монет: всех старых (выпущенных до 861 г. х. включительно) без надчеканов или со старыми же надчеканами третьего этапа; всех современных внерегионального происхождения, т. е. «чужих» монет (это преимущественно динары Бухары типов 4—5 и Самарканда типов 9—10) без надчеканов или с надчеканами типа 14 (если они последние).

Надчекан типа 14 в Мавераннахре осуществлялся четыре года (898—901 гг. х.) или еще больше. Это было масштабное мероприятие. В регионе Хисара хронологически в какой-то степени параллельно также осуществлено было надчеканивание — это местный надчекан типа 15 (рис. 28/15). Судя по сравнительному количеству надчеканов типа 15 и других местных надчеканов первой группы первого разряда (типы 16—19) в составе Душанбинского и Узбекон-тепинского кладов (табл. 20), этот

Таблица 20

Сравнительное количество надчеканов типов 15—19 в Душанбинском (числитель) и Узбекон-тепинском (знаменатель) кладах

Тип	Монетный двор										Всего
	Вахш	Кабадиййан	Наванд	Наубазар	Термез	Хисар	Хутталян	Чаганиййан	?	стерт	
15	4/0	1/0	9/4	3/0	10/5	10/8	10/4	4/3	2/0	13/5	66/29
16	—	—	—	—	—	15/5	—	—	—	—	15/5
17	—	—	—	—	0/2	16/12	—	1/0	—	3/1	20/15
18	—	—	—	—	—	9/8	—	—	—	—	9/8
19	—	—	—	—	—	0/1	—	—	—	—	0/1

надчекан был самым масштабным в регионе Хисара, но он был все же менее масштабным (скорее всего — менее продолжительным), чем надчекан типа 14 в центральном Мавераннахре. Его особенность — большое число пунктов (не менее девяти), в которых производился надчекан типа 15. Регион Хисара был буквально покрыт сеткой монетных дворов, обеспечивавших надчеканивание в каждой исторически сложившейся области внутри региона Хисара. Некоторые монетные дворы были специально и временно организованы в пунктах, где либо никогда, либо уже давно не работали монетные дворы. Ясно, что этот надчекан был связан с обменом монет; именно для успешного обмена монетные дворы работали повсеместно и на протяжении примерно одинакового времени. Это позволяет заключить, что надчекан типа 15 имел наиболее принятое назначение: он делил все обращавшиеся в регионе Хисара динары на две группы: 1) с надчеканами типа 15 (только они имели полный курс данги); 2) без надчекана типа 15 (они выполняли функцию каких-то кратных, ибо, судя по составу кладов, не были полностью запрещены). Надчеканивались при этом всякие старые и иногородние монеты (более всего монеты Бухары и Самарканда 898—899 гг. х.). А это значит, что на определенном отрезке времени в регионе Хисара функцию одинарного динара одновременно выполняли динары Хисара типа 10 и монеты с надчеканом типа 15. Не исключено, впрочем, что монеты с надчеканом типа 15 получали более высокое достоинство. Так или иначе, но надчекан типа 15 призван был пополнить фонд местных полнокурсных монет наиболее быстрым и дешевым способом — путем надчеканивания других монет. Безусловно, фискальные доходы от монетного дела выросли. Но для нас существеннее другое: явный рост на протяжении последнего десяти-

летия XV в. потребности в средствах обращения на территории региона Хисара.

Надчеканы типов 16—19 менее масштабные и по продолжительности (отраженной сравнительным количеством надчеканов в составе кладов), и по числу монетных дворов. Число последних, возможно, увеличит проработка новых кладов (ибо и сейчас выявлены некоторые, не представленные в Душанбинском и Узбекон-тепинском кладах), но все же ясно, что они не повторят тип 15, для которого уже сейчас выявлено девять монетных дворов. Для типа 16 зарегистрирован только один монетный двор — Хисар, для типа 17 — пять (Балх, Термез, Хисар, Чаганиййан и один плохой сохранности), для типа 18 — два (Кундуз, Хисар), для типа 19 — один (Хисар). Относительная хронология пяти местных надчеканов не выявлена достоверно, но одно несомненно: это пять последовательных разновременных акций по перегруппировке монет, которые казна давала рынку с помощью этих надчеканов. Все пять акций базировались на «чужих» и старых монетах, часто поэтому разнотипные надчеканы оказывались на одних и тех же. И все пять акций не касались динаров Хисара типа 10, последние жили своей прочной жизнью.

Но всем пяти типам надчеканов первой группы первого разряда предшествовали еще две акции надчеканивания (рис. 28): это орнаментальный надчекан типа 1 — в виде четырехлепесткового цветка и надчекан в виде шестилепестковой розетки с надписью «[Монета] правильная, в две цены» (тип 3 второй группы второго разряда). Выяснение места их производства (регион Хисара) основано на сравнительном анализе внутрикладовой статистики и топографии кладов (гл. III/3, 5). Они очень часто сочетаются на одних монетах, что говорит о хронологической последовательности. Оба надчекана — самые масштабные мероприятия такого рода в регионе Хисара рассматриваемого времени, о чем говорят как абсолютное число этих надчеканов в двух кладах (орнамент — 271, «две цены» — 239), так и сравнение их количества с местными же надчеканами типов 15—19 первой группы первого разряда (табл. 20). Оба надчекана в Хисаре или в нескольких пунктах региона производились продолжительное время, причем сначала — надчекан в виде орнамента, потом — надчекан в виде шестилепестковой розетки с надписью «[Монета] правильная, в две цены». Обе акции базировались на старых монетах, поэтому естественно, что более всего под эти надчеканы попали монеты Бухары серии 832/1428-29 г. Поздняя из зафиксированных в связи с этими надчеканами монетных дат — 861/1456-57 г. Мы не обнаружили ни одного надчекана этих двух типов на монетах 897—901 гг. х., тогда как рассмотренные выше местные надчеканы типов 15—19 первой группы первого разряда в большом количестве наложены на монеты именно этих годов выпуска. Визуальные на-

блюдения подтвердили, что оба типа надчеканов произведены раньше надчеканов первой группы первого разряда.

Абсолютная датировка надчеканов в виде орнамента и надчеканов с надписью «[Монета] правильная, в две цены» пока невозможна, но ясно, что они стоят у начала нового этапа денежного обращения в регионе Хисара и произведены либо целиком до 897/1491-92 г. (т. е. до начала массового чекана в центральном Мавераннахре динаров Бухары типа 4 и Самарканда типа 9), либо с «захватом» какого-либо отрезка времени, когда выпуск монет Бухары типа 4, Самарканда типа 9 и других однотипных уже производился, но они еще не наполнили рынки региона Хисара. Учет продолжительности каждой из двух акций, осуществлявшихся скорее всего по нескольку лет, заставляет заключить, что ранний из них (в виде орнамента) во всех случаях был произведен безусловно до 897 г. х., т. е. до последнего десятилетия XV в.

Орнаментальный надчекан дал региону Хисара после какого-то перерыва свою региональную монету. Очевидно, надчеканенные монеты объявлены были полнокурсным динаром данги. Назначение второго ясно из надписи: «[Монета] правильная, в две цены». Второй надчекан не был дополнением к первому, он отменил действие первого: об этом свидетельствует очень частое сосуществование обоих надчеканов на одних и тех же монетах.

Что же означало выражение «две цены» второго по времени надчекана? Наименее достоверным представляется предположение, что «две цены» означали удвоение достоинства основного номинала — медного динара, т. е. превращение одинарного динара в двойной. Против подобного предположения говорит вес надчеканенных монет. Для надчеканивания взяты преимущественно маловесные монеты Бухарской серии 832 г. х.[360]. В результате этого отбора образовался своего рода «средний вес» отобранных монет — около 4 г. Это много ниже традиционного веса одинарного динара и много ниже мискала. Кажется маловероятным, чтобы для двойного динара (если бы выражение «две цены» имело этот смысл) специально подбирали низковесные монеты.

Выражение «две цены» на первый взгляд могло означать не два динара, а две самые мелкие монетки (или счетные единицы), каждая из которых равна одной шестой части динара. В этом варианте надчекан «две цены» давал бы рынку кратные достоинством в одну треть основного номинала. Определенно не укладывается в это предположение тот факт, что надчекан «две цены» уничтожал действие орнаментального надчекана. Следовало поэтому ожидать, что он даст рынку основной номинал, а не мелкую кратную. Масштабность и долговременность надчекана «две цены», обилие в регионе Хисара монет с этим надчеканом отвечают требованиям основного номинала, а

не кратного. Вместе с тем трудно допустить, что на этом отрезке времени основным номиналом вдруг объявили монету достоинством в треть динара.

Наиболее правдоподобным представляется предположение об инфляции, в результате которой упала покупная способность основного номинала (монеты с орнаментальным надчеканом) и его кратных (монеты без орнаментального надчекана). Путем обмена дискредитированных монет и надчекана «две цены» была сделана попытка удвоить упавшую «цену» основного номинала. Это, однако, предполагает достаточно значительный временной разрыв между орнаментальным надчеканом и надчеканом «две цены», что существенно для их абсолютной датировки.

Итак, в регионе Хисара было проведено минимум семь следовавших друг за другом фискальных мероприятий, оформленных надчеканами. И все эти надчеканы были региональными, отражавшими (еще более четко, чем выпуск динаров Хисара типа 10) полную самостоятельность монетной политики владетелей этого удела (а с определенного времени фактически самовластного правителя Хосроу-шаха). Получается, что в последнем десятилетии XV в. и даже еще несколько раньше регион центрального Мавераннахра и регион Хисара в отношении чекана, надчеканивания и организации обращения медных монет были независимы друг от друга. Ясно, что все фискальные доходы от монетного дела в регионе Хисара поступали в казну удельных владетелей или Хосроу-шаха, а самостоятельная монетная политика была хорошим средством увеличения этих фискальных доходов.

В. Реформа Хосроу-шаха в 907/1501-02 г. Заранее можно было бы предположить, что семь следовавших друг за другом надчеканов — фискальных мероприятий, из-за которых каждый раз владельцы монет терпели большой урон, привели обращение медных монет в кризисное состояние; что сутью этого кризисного состояния была инфляция медных монет, на поверхности имевшая вид повышения «медных» цен (следовательно, и резкого расхождения официального и рыночного отношения между серебряными и медными монетами), а возможно, определенного повышения цен вообще. Выявление и анализ реформы Хосроу-шаха не только подтверждают оба предположения, но и позволяют также заключить, что кризисное состояние обращения медных монет формировалось довольно длительное время, было замечено и понято и представлялось настолько прочным, что определило главную особенность реформы — перенос функции основного средства обращения с одинарного динара на двойной. Изучение денежного обращения последующего времени в регионе показало, что инфляция и рост «медных» цен были не кратковременным «всплеском», а прочным явлением и что в Хисаре средневековые экономисты избрали правильную тактику приспособления к этой ситуации.

Источником изучения реформы 907/1501-02 г. являются три клада, найденные в регионе[361], отдельные находки пореформенных монет и такие же монеты в составе кладов, сложившихся позже. Особенно ценный материал дали два клада (Шаартузский и Кафыр-калинский), обработанные нами классификационно и статистически. Привлекает внимание сходство состава обоих кладов (индивидуальный облик они обретают за счет единичных монет) и цельность состава каждого. Шаартузский клад (330 экз.) почти исключительно состоит из двойных динаров Хисара, Кундуза и Термеза, причем лишь 13 экземпляров чеканены в 906 г. х., основная же масса (299 экз.) относится к следующему году: монеты выпущены с датой (907 г. х.) или без даты (но тех же типов, что и датированные). «Примесь» в кладе составляют два полуторных динара Самарканда (типы 15—16) — один 904 г. х., другой 906 или 907 г. х.[362]. Кафыркалинский клад (90 экз.) целиком состоит из монет Хисара, Кундуза и Термеза 907 г. х. и без даты; иногородних «примесей» в нем нет, зато монеты двух достоинств: восемь штук — одинарные динары, остальные — двойные. В обоих кладах количественно преобладает чекан Хисара, на втором месте — Кундуз, на третьем — Термез[363].

В 906/1500-01 г. в Хисаре и Кундузе были выпущены однотипные монеты (тип 1 Хисара, см. гл. II/3) с традиционными надписями: на л. ст.— наименование монетного двора, на об. ст.— дата словами. По весу эти монеты являются двойными динарами. Если бы дело ограничилось этим выпуском, логично было бы заключить, что двойные динары просто добавили к общей массе монет и они органично вошли в ее состав в качестве двойных кратных основного номинала. Этот выпуск не был бы свидетелем ни «за», ни «против» кризиса денежного обращения.

В 907/1501-02 г. начался выпуск совершенно иных монет, причем сразу или вскоре — трех достоинств: двойные динары Хисара, Кундуза и Термеза с датой (907 г. х.) и без даты; одинарные динары Хисара с датой (907 г. х.); мелкие монетки с датой (908 г. х.) и без даты.

Двойные динары и надписью и типовыми признаками настолько нетрадиционны и настолько отличны от двойных динаров предшествующего года, что ясно: и то и другое сделано специально, подчеркнуто, выпячено, предназначено привлечь внимание. Надпись на л. ст. двойных динаров содержит не только наименование монетного двора, но и обозначение достоинства монеты: «ду динар» («два динара»). Надпись эта сделана не на арабском языке, а на персидско-таджикском, следовательно, подразумевалось, что местное население должно было понимать ее смысл. Монеты эти и по размерам и по весу являются двойными динарами, двух таких признаков в обычных условиях было бы вполне достаточно для различения двой-

ных кратных основного номинала. Двумя этими признаками часто и ограничивались при выпуске двойных динаров (см. гл. IV/2). В 907/1501-02 г. двойное достоинство монет дополнительно подчеркнули словами на персидско-таджикском языке. За этим просматривается тревога и желание убедить. На об. ст. двойных динаров не надпись и не орнамент (наиболее традиционные для об. ст. монет XV—XVI вв.), а изображение газели среди веточек. Изображения живых существ на медных мавераннахрских монетах XV—XVI вв. достаточно редки и всегда привлекают внимание. Такие монеты определенно нельзя спутать с другими, они легко отличимы. В данном случае, т. е. в контексте с упомянутой выше персидско-таджикской надписью, напрашивается вывод, что редкий тип об. ст. тоже не случаен, что он тоже несет психологическую нагрузку, подчеркивая отличие этих монет от предшествующих. Двойные динары Хисара, Кундуза, Термеза 907/1501-02 г., следовательно, снабжены всеми возможными приметами, которые «отмежевывают» их от всего предшествующего и убедительно подчеркивают их достоинство: вес, размеры («диаметры» и толщина), тип и особенность этого типа, персидско-таджикская надпись («два динара»).

Априорно можно было бы предположить, что выпуск в 907/1501-02 г. таких особенных двойных динаров означал запрет и изъятие из обращения двойных динаров 906/1500-01 г. Так оно и было, о чем свидетельствует следующее. Во-первых, внимательное рассмотрение двойных динаров Хисара, Кундуза и Термеза 907 г. х. в составе Шаартузского и Кафыр-калинского кладов не оставило сомнений в том, что их выпуск в какой-то степени базировался просто на перечеканивании двойных динаров предшествующего года. На некоторых экземплярах 907 г. х. остатки старых перебитых надписей и орнаментов настолько явственные, что можно прочесть старую дату (906 г. х.), а часто и наименование монетного двора. И наоборот: иногда невозможно прочесть наименование монетного двора 907 г. х. из-за взаимной перебитости надписей и орнаментов 906 и 907 гг. х. Но такой важный приметный типовой признак монет 907 г. х., как изображение газели, четко виден даже на перебитых экземплярах. Во-вторых, состав кладов очень «монолитен», они целиком или почти целиком состоят из двойных динаров 907 г. х. (и без дат, но однотипных с датированными). В Кафыр-калинском кладе двойных динаров 906 г. х. вообще нет, в Шаартузском кладе они составляют 4,1%. Если бы двойные динары 906 г. х. на законном основании продолжали обращаться после перехода в 907 г. х. к выпуску двойных динаров с газелью, состав кладов был бы более смешанным. (Причины столь быстрой замены двойных динаров будут рассмотрены ниже.)

Одинарные динары 907 г. х. в типовом отношении более тра-

диционны: на об. ст.— орнамент, на л. ст.— надпись. Но какая надпись! Снова, как и в надписях двойных динаров этого года, мы встречаемся с определением достоинства монеты («[монета] однодинаровая») и снова — на персидско-таджикском языке. Значит, и эта надпись несла психологическую нагрузку, предназначена была объяснять и убеждать.

Мелкие кратные основного номинала не содержат в своей надписи указания на достоинство, зато на об. ст. этих маленьких монет изображена газель — самый приметный и нетрадиционный типовой признак. Использование одинакового признака при назначении типа и мелких монеток, и двойных динаров свидетельствует о продуманном и целевом отношении к внешнему облику монет и желании подчеркнуть некое их единство.

Привлекает внимание количественное соотношение монет трех достоинств. В настоящее время известно небольшое число монеток малого достоинства (менее 10) и одинарных динаров (менее 10) и, наоборот, достаточно большое число двойных динаров (около 500). Эта разница уже не будет стерта, так как число двойных динаров продолжает расти за счет отдельных находок. Довольно значительное количество именно двойных динаров хранится в разных музеях (например, в ГЭ, ГИМ, СМ, МИУз). Между тем выявлена вполне понятная закономерность: в большом количестве чеканили медные монеты основного номинала, кратные же основного номинала — в значительно меньшем количестве. Получается, что с 907/1501-02 г. основным номиналом считали двойной динар и соответственно чекан именно двойного динара был обильным. В монетном деле региона Хисара последующего времени, а именно в первой половине второго десятилетия XVI в., нами выявлена следующая особенность: основу торговли в сфере обращения медных монет составляли не одинарные, а двойные динары. В их надписях достоинство не указано, но вес монет не оставляет сомнений в том, что это именно двойные динары. Эта особенность получила хорошую опору в ситуации, сложившейся раньше (с 907/1501-02 г.), и вместе с тем показала, насколько прочными, объективно необходимыми были перемены, произведенные в 907/1501-02 г. (см. гл. VII/2). Перемены эти объясняются однозначно: одинарный динар перестал быть удобным в качестве основного номинала, основным в этом качестве стал двойной динар.

Такая ситуация могла образоваться в результате сложного переплетения экономических и психологических факторов. Неумеренная в регионе Хисара эксплуатация монетной регалии не могла не привести к инфляции медных монет, т. е. к росту «медных» цен и расхождению рыночного и официального отношения между серебряными и медными монетами. Такие кризисы в XV—XVI вв. возникали часто. Их важное слагаемое —

общественная психология. Для ликвидации подобных кризисов, нормализации обращения медных монет и возвращения к традиционным «медным» ценам необходимо было учитывать возникавшее недоверие к медным монетам, их прочности. Успех или неуспех мероприятий часто зависел от того, в какой степени верно была оценена и учтена общественная психология. Долговременный успех с переходом на двойной динар как основное средство обращения показывает, что в 907/1501-02 г. правильно поняли и точно учли значение психологического фактора в кризисе денежного обращения. Очевидно, кризис был глубже и долговременнее, доверие к медному динару подорвано основательнее, рост «медных» цен прочнее, чем во многих других аналогичных случаях. Новым «медным» ценам лучше соответствовала более крупная монета — двойной динар. Двойное достоинство и двойной вес нового основного номинала создавали необходимую иллюзию прочности на будущее и кардинальности разрыва с прошлым. Между прочим, в сфере обращения медных монет и знаков стоимости с принудительным курсом, предназначенных для сферы серебряного обращения, как удалось установить, часто прибегали к повышению веса монет как важному «убеждающему» психологическому фактору; не всегда, но часто это давало ожидаемый эффект. В данном случае в регионе Хисара прибегли не к простому повышению веса одинарного динара, а к более серьезной перестройке масштаба цен. Последующее развитие здесь монетного дела показывает, что «лекарство» было выбрано правильно.

В свете сказанного быстрый переход от двойных динаров 906/1500-01 г. к двойным динарам 907/1501-02 г. становится понятным. Двойные динары 906/1500-01 г., прибавленные ко всей остальной массе обращавшихся монет, переживавших инфляцию, были своего рода инъекцией: в условиях роста «медных» цен нужны были крупные монеты. Последующее развитие событий показывает, что эти двойные динары не принесли пользы и были увлечены общим потоком инфляции. Однако они вскрыли глубину кризиса и необходимость срочных и кардинальных мер. Кардинальность — это изъятие из обращения всей монетной массы, потерявшей доверие и переживавшей инфляцию, и замена запрещаемых монет такими новыми, которые внушают доверие.

Это и было сделано. Свидетельство запрета и изъятия всей многоликой массы неоднократно надчеканенных монет — состав кладов и прочный рубеж между двумя группами кладов. Ранние клады (Душанбинский, Узбекон-тепинский и др., см. в начале этого раздела) состоят из всех тех монет, которые обращались в последнем десятилетии XV в., в их составе нет ни одинарных, ни двойных динаров 907 г. х., ни даже двойных динаров 906 г. х. Поздние клады, рассмотренные здесь, наоборот, состоят из монет, чекан которых начался в 907 г. х. (с неболь-

шой иногда примесью двойных динаров 906 г. х. и высоковесных внерегиональных монет). Свидетельство замены изъятой монетной массы новыми монетами, которые были бы удобны для обращения и вызывали доверие,— выпуск с 907/1501-02 г. монет трех достоинств и перенос функций основного номинала с одинарного динара на двойной. Дополнительную роль, рассчитанную на психологический эффект, выполняли и особенности типов монет (порывавших резко с прежними дискредитированными монетными типами), и особенности надписей (пояснявших на персидско-таджикском языке достоинство новых монет). Особое значение, придаваемое нормализующей роли двойных динаров, выразилось в том, что их выпуск снабжен был всеми возможными приметами, которые положительно воздействовали бы на общественную психологию.

Привлекает внимание следующая особенность именно двойных динаров: на них только одна дата — 907 г. х. (много монет вовсе без даты). Могли ли за один год обеспечить регион монетами, которые были основным средством обращения, т. е. призваны были заменить основную часть изъятой монетной массы? Это было невозможно даже при условии работы трех монетных дворов — Хисара, Кундуза и Термеза. С учетом роли факторов случайности при оценке количественных показателей небесполезно отметить, что действительно одногодичные выпуски монет, даже самые обильные, выглядят значительно скромнее по количеству в составе кладов, чем двойные динары 907 г. х. Не вызывает сомнения, что двойные динары Хисара, Кундуза и Термеза с датой (907 г. х.) и без нее — это серия, практически выпускавшаяся в течение нескольких лет. Возможно, серией являются только наиболее многочисленные двойные динары Хисара или Хисара и Кундуза.

Остается рассмотреть реальный вес и политику в отношении веса монет, чеканенных с 907 г. х. В качестве основы для изучения взят вес многочисленных двойных динаров в составе Шаартузского и Кафыр-калинского кладов. Вес двойных динаров Шаартузского клада показан на гистограмме (рис. 29/1). График имеет типичный вид «треугольника», вершина которого — 9,6—9,7 г. Однако слишком широкое основание «треугольника» убеждает в том, что это чекан не на основе весового стандарта (с юстировкой), а чекан эл-марко. Поэтому вершина «треугольника» фиксирует лишь расчетный средний вес, приравненный, очевидно, к двум мискалам.

Вес двойных динаров 907 г. х. в составе Кафыр-калинского клада (рис. 29/2) рисует несколько иную картину. Разброс веса единичных монет тоже велик, но основная их масса расположилась двумя компактными группами: одна — в пределах 8,8—9,6 г, другая — вокруг 8,0 г. Требуется проверка на большем материале, не было ли снижения расчетного среднего веса за время выпуска серии 907 г. х. Одно несомненно: график веса

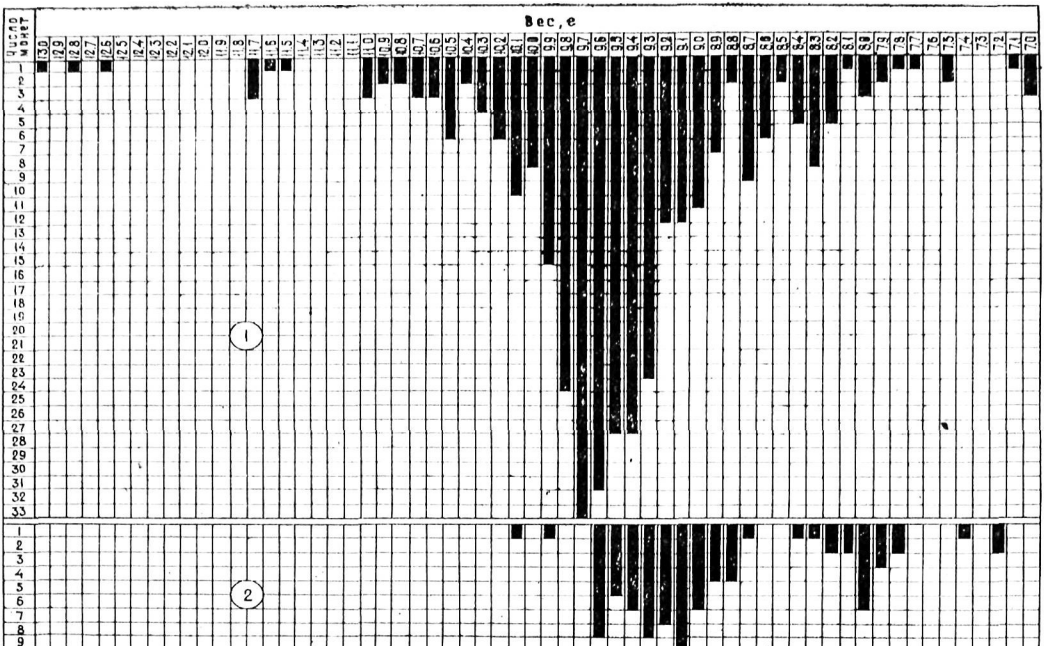


Рис. 29. Вес двойных динаров Хисара, Кундуза и Термеза 907/1501-02 г.
(1— Шаартузский клад; 2— Кафыр-калинский клад)

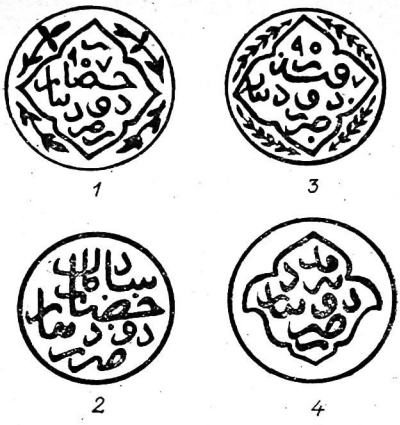


Рис. 30. Двойные динары 907/1501-02 г.:
1— Хисар (тип 3); 2— Хисар (тип 4);
3— Кундуз; 4— Термез

двойных динаров Кафыр-калинского клада подтверждает вывод о том, что чеканены они эл-марко[364].

Привлекает внимание еще один факт: двойные динары Хисара, Кундуза и Термеза 906 г. х.— однотипные, двойные же динары этих монетных дворов, чеканенные с 907 г. х., с классификационной точки зрения не однотипны (рис. 30). Хисар с датой (907 г. х.) и без даты представлен двумя типами: у типа 3 надпись на л. ст. заключена в четырехлепестковый фигурный картуш, обрамленный веточками, а у типа 4 надпись л. ст.— в поле. Монеты Кундуза такие, как тип 3 Хисара, а у монет Термеза надпись л. ст. заключена в картуш другой формы. Можно ли на основании этих типовых различий заключить, что разнотипные по оформлению л. ст. монеты не имели равного обращения во всем регионе Хисара? Представляется, что нельзя. В данном случае основная и особо яркая примета типа — изображение газели на об. ст. Эта примета объединяет все двойные динары Хисара, Термеза и Кундуза настолько, что правильно была сочтена достаточной, при ней типовые различия л. ст. представляются второстепенными, тем более что и содержание необычной персидско-таджикской надписи с обозначением достоинства («два динара») — одинаковое у разных типов. Единовластие Хосроу-шаха во всем регионе Хисара и сама суть его мероприятий с 907/1501-02 г. исключают внутрирегиональные барьеры для обращения монет. Это как раз один из тех случаев (возможность которых оговорена в классифика-

ционных принципах, см. гл. II/1), когда несколько классификационных типов объединяются в одну акцию на уровне денежного обращения. В таких случаях население ставили в известность, какие именно признаки отличают «новые» монеты от монет «старых». Выделение и распознавание двойных динаров, чеканенных с 907 г. х., не представляло никаких практических трудностей, ибо обладало таким ярким признаком, как изображение газели. Именно этот типовой признак, безусловно, был объявлен населению, остальные же были суммированы или вовсе опущены как практически второстепенные.

Реформа Хосроу-шаха, покончив с кризисом денежного обращения и создав новые очень благоприятные условия для внутрирегиональной денежной торговли, одновременно закрепила окончательно то разобщение с центральным Мавераннахром, которое сложилось еще в последнем десятилетии XV в. Реформа, проведенная на рубеже двух столетий, явилась наиболее полным и ярким выражением самостоятельной монетной политики в регионе Хисара. С рубежа XV—XVI вв. чекан и обращение медных монет в центральном Мавераннахре и в регионе Хисара были организованы на принципиально различных основаниях и находились в совершенно разном состоянии. Если кризис денежного обращения в регионе Хисара в последнем десятилетии XV в. оказался более значительным и более глубоким, чем в центральном Мавераннахре, то с начала XVI в. именно в регионе Хисара ситуация стала более стабильной и более благоприятной для денежной торговли.

В свете всего рассмотренного материала основное содержание денежной реформы Хосроу-шаха выглядит следующим образом.

1. Реформа предусмотрела запрет и изъятие из обращения разнообразной дореформенной монетной продукции (обслуживавшей в последнем десятилетии XV в. денежную торговлю региона в сфере обращения медных монет) и замену ее новой. Особенность монетной массы последнего десятилетия XV в. была в том, что основная ее часть состояла из внерегиональных монет (местный выпуск монет был небольшим), зато надчеканы, определявшие их статус, были местными. Реформа определила новые основы организации в регионе денежного обращения: на базе местного чекана медных монет и отказа от надчеканов как формы эксплуатации монетной регалии и как способа изменения достоинства монет.

2. Реформа предусмотрела выпуск местных монет трех достоинств (двойных и одинарных динаров, мелких кратных) и преобразовала масштаб цен путем превращения двойного динара в основной номинал. Последнее нашло выражение в массовости и продолжительности выпуска именно двойных динаров: их чекан был определен как серия и осуществлялся не один год без изменения типа. Такая необычная статья реформы, как пре-

образование масштаба цен, свидетельствует о прочном изменении уровня «медных» цен и попытке нормализовать денежное обращение с учетом этой ситуации.

3. Реформа предусмотрела закрытие ряда монетных дворов (на которых в последнем десятилетии XV в. производилось надчеканивание), выпуск новой продукции в трех городах региона (Хисаре, Кундузе и Термезе) и единообразие основных типовых признаков как практическую основу равного обращения всех монет на территории региона вне зависимости от места выпуска.

4. Реформа предусмотрела кратность веса монет разного достоинства, однако не назначила для двойных динаров весовой стандарт и эталонный ремедиум при непременной в таких случаях жесткой юстировке, ограничившись фиксацией расчетного среднего веса и допуская тем самым значительные колебания реального веса монет.

5. Реформа была разработана с учетом общественной психологии, необходимости преодолеть недоверие, порожденное слишком интенсивной эксплуатацией монетной регалии в последнем десятилетии XV в. и формой этой эксплуатации (перегруппировки одинарных динаров на базе надчеканов), и создать ощущение прочности новой, пореформенной ситуации. Такую задачу выполняла кардинальность основных преобразований (особенно — полная замена монетной массы на основе местных выпусков монет, отказ от надчеканивания и преобразование масштаба цен; см. 1—2), этой же задаче служили дополнительные назначения, целиком рассчитанные на психологическое воздействие: надписи с указанием достоинства монет, персидско-таджикский язык этих надписей, нетрадиционность типа, косвенно подчеркивавшая разрыв со всем старым. Показательно, что три эти признака вместе есть только у двойных динаров, что соответствует возложенной на них функции стать основой пореформенного обращения медных монет, а это значит, что именно двойные динары в основном должны были заменить старую дискредитированную монетную массу, именно они должны были создать ощущение прочности и необратимости произведенных перемен.

Содержание реформы, условно названной именем Хосроушаха (фактического правителя удела, без согласия и одобрения которого она не могла быть осуществлена), показывает, что неизвестный ее автор был талантливым финансистом, прекрасно уловившим суть кризиса, нашедшим оптимальное решение для его ликвидации и способ примирить интересы казны и благоприятной для торговли организации денежного обращения. Интересы казны действительно не пострадали. Отказ от надчеканов как формы извлечения фискальных доходов (все более к тому же сокращавшихся по мере развития кризисных явлений) был с лихвой компенсирован чеканкой медных монет. Конечно, чеканка монет обходилась дороже, чем технически про-

стое надчеканивание. Но реформа была кардинальной, она предусмотрела замену всей старой монетной массы, что означало обильный и многолетний чекан, особенно двойных динаров, т. е. постоянное поступление доходов в виде разницы между затратами (металл плюс работа) и нарицательной стоимостью медных монет.

Реформа Хосроу-шаха была декретирована в 907/1501-02 г.[365]. Сколько лет продолжался чекан серии пореформенных двойных динаров? Сколько лет в регионе пореформенное обращение медных монет не подвергалось основательным переменам? Когда и почему пореформенные двойные и одинарные динары выпали в клады? Обоснованных ответов пока нет. Немногочисленные факты и наблюдения лишь помогают конкретизировать вопросы и определить «горячие точки» поисков.

Очень интересны динары Хисара типа 12. Они без даты, на об. ст.— орнамент. Но картуш л. ст. (трехлепестковый фигурный, обрамленный орнаментом) повторяет картуш л. ст. однотипных динаров Бухары (тип 8) и Самарканда (тип 17). После окончательного завоевания Мухаммадом Шейбани-ханом столичного Самарканда в 907 г. х. было проведено мероприятие по выпуску в Бухаре и Самарканде однотипных динаров как практической опоры их равного и беспрепятственного обращения в шейбанидской части центрального Мавераннахра. Для динаров Бухары сейчас известна только одна дата — 907 г. х. В Самарканде осуществлялся ежегодный с 907 по 910 г. х. чекан динаров этого типа. Когда же были выпущены однотипные с ними (по оформлению л. ст.) динары Хисара типа 12? В 907 г. х. была проведена денежная реформа Хосроу-шаха. Теоретически поэтому можно назвать для этих динаров две даты: 907 г. х. до реформы Хосроу-шаха или 910 г. х. после завоевания Хисара Шейбанидами. Первый вариант кажется сомнительным: на протяжении всего последнего десятилетия XV в. в регионе Хисара осуществляли самостоятельную монетную политику, хотя Хисар тогда был лишь уделом в составе государства мавераннахрских Тимуридов. В 907 г. х. регион Хисара политически совершенно обособился от центрального Мавераннахра, поэтому совместная с последним одинаковая перестройка монетного дела представляется неправдоподобной. Второй вариант, наоборот, убедителен. Хисар был завоеван Шейбанидами в начале 910 г. х., в Самарканде (возможно, и в Бухаре— серией) тогда еще чеканили динары этого типа, могли декретировать чекан таких же динаров и в Хисаре. Правда, динары Хисара типа 12 были отчеканены, вероятно, в относительно небольшом количестве: нам они известны в поздних кладах, сложившихся после 919 г. х. (несколько экземпляров — в Самаркандском, один — в Нурекском). Но и масса пореформенных «однодинаровых» монет Хисара 907 г. х. (тип 2) не была особенно значительной, так как они выполняли функцию меньших

кратных при основном номинале — двойных динарах. Иначе говоря, вполне правдоподобно, если динары типа 12 в 910 г. х. изменили статус «однодинаровых» монет 907 г. х. типа 2. Следующий рубеж — общегосударственный надчекан типа 7 первой группы первого разряда, произведенный именно в 910 г. х. и в обоих регионах: в центральном Мавераннахре (Бухара, Самарканд, Миййанкал, Парак) и в Хисаре (Хисар). Это была попытка дать общий динар всему государству. Несколько позже такое равное обращение динаров было нарушено: надчекан типа 5 первой группы первого разряда фиксировал «экономический союз» областей Бухары (Бухара), Ферганы (Ахсы) и региона Хисара (Хисар, Чаганиййан, Термез). В 912 г. х. (очевидно, раньше надчекана типа 5) в Хисаре был выпущен свой новый динар (тип 6) — явно фискальное мероприятие. Иначе говоря, с 910 по 913—914 гг. х. в регионе Хисара полнокурсный динар данги путем чекана новых монет и путем надчеканивания неоднократно сменялся, причем дважды это было в рамках общегосударственной политики, дважды — региональной. Следовательно, «однодинаровые» динары 907 г. х. типа 2 уже в 910 г. х. не имели курса данги, но дальнейшая их судьба неясна: выполняли ли они функции меньших кратных или были запрещены.

Еще менее ясна судьба и продолжительность обращения серии 907 г. х. двойных динаров Хисара, Кундуза и Термеза с изображением газели. Перемены, производимые с 910 по 913—914 гг. х. с динаром, могли и не коснуться (такие примеры есть) двойных динаров.

Если исходить из того, что на рассматриваемом отрезке времени дважды осуществлялся массовый выпуск двойных динаров (серия 907 г. х. и вторично — с 916—917 гг. х.), оба раза они выполняли функцию основного номинала и дошли до нас в большом количестве, можно было бы заключить, что серия 907 г. х. обращалась именно до 916—917 гг. х. и выпадение в клады серийных двойных динаров (с изображением газели) было обусловлено выпуском новых двойных динаров с соответствующими в таких случаях переменами в составе монетной массы. Наличные клады (три клада пореформенных монет Хосроу-шаха и три клада, ядро которых составляют местные двойные динары, чеканенные с 916—917 гг. х.) говорят в пользу именно такого предположения. Но нельзя полностью исключить фактор случайности — появление «промежуточного» клада, который определит значение для серии двойных динаров 907 г. х. двух предыдущих рубежей: 910/1504-05 и 914/1508-09 гг. (реформа Шейбани-хана).

Итак, при настоящем уровне накопления кладового материала можно сказать только следующее: безусловно выпуск и обращение пореформенной серии двойных динаров 907 г. х. и обращение кратных двойного динара (одинарных динаров и

мелких монеток) до 910/1504-05 г. продолжались. Дальнейшая судьба всех этих монет (особенно двойных динаров и мелких кратных с газелью) и время их выпадения из обращения пока неизвестны.

3. Вторая часть денежной реформы Мухаммада Шейбани-хана (914/1508-09 г.)

В конце 912/1507 г. Шейбани-хан выступил из Карши, за самое короткое время переправился через реки Амударью и Мургаб; 7 мухаррама 913 г. х. (20 мая 1507 г.) тимуридское войско было разгромлено; 8 мухаррама в пятницу (21 мая) вельможи постановили сдать Герат Шейбани-хану, а в следующую пятницу, 15 мухаррама (28 мая), в соборной мечети города уже провозгласили хутбу от его имени. Так стремительно, не встретив сопротивления, Шейбани-хан овладел первой столицей Тимуридов. Тут же была оглашена денежная реформа, содержание которой кратко и не совсем ясно, но все же изложил очевидец этих событий — Хондемир [366]. В записи Хондемира речь идет только о серебряных монетах. Для наших целей важны две статьи реформы, выясненные путем сравнительного анализа сообщения Хондемира, самих серебряных монет и актовых источников. Реформа провозгласила, что отныне серебряные монеты (танга=тангача) будут чеканены от имени Шейбани-хана. И действительно, в 913/1507-08 г. появились серебряные танга с его именем и титулатурой, и чекан их продолжался до 916/1510-11 г. (года его гибели) на разных монетных дворах: в Астрабаде, Балхе, Бухаре, Герате, Мерве, Мешхеде, Нимрузе, Нишапуре, Самарканде, Серахсе, Туне. Реформа также предусмотрела, что вес монет, которые будут чеканены от имени Шейбани-хана, будет выше веса одномискальных тимуридских танга на половину данга. Иначе говоря, для серебряных монет с именем Шейбани-хана был назначен новый весовой стандарт — в мискал и половину данга мискала, т. е. в 5,2 г. Средний вес большого количества монет, чеканенных с 913 г. х. от имени Мухаммада Шейбани-хана, соответствует этому весовому стандарту [367].

Реформа чекана и обращения серебряных монет была общегосударственной, она дала рынку однотипные монеты, чеканенные по одному весовому стандарту и имевшие равнокурсное обращение всюду, вне зависимости от места выпуска. Однако преобразование чекана и обращения серебряных монет мы назвали первой частью реформы. Вторая ее часть — преобразование чекана и обращения медных монет. Вторая часть в письменных источниках не упомянута, о ней рассказали сами монеты. Монеты же и датировали вторую часть реформы — 914/1508-09 г. Сначала были изучены пореформенные медные

монеты Самарканда. Недавно были обнаружены и реконструированы пореформенные монеты Бухары. Следовательно, уверенно мы можем говорить лишь о том, что в 914/1508-09 г. вторая часть реформы Шейбани-хана преобразовала чекан и обращение медных монет в центральном Мавераннахре. Ситуация в Хорасане нам совершенно неизвестна. Более того, нам пока неизвестно, каким образом эта вторая часть реформы отразилась на обращении медных монет даже в регионе Хисара. В настоящее время мы можем рассмотреть только преобразования в центральном Мавераннахре.

В 914/1508-09 г. в Самарканде были выпущены совершенно необычные монеты (о нашем чтении надписей этих монет см. гл. IV/1). В надписях этих монет обозначено их название и достоинство — динар, их вес — один мискал и половина данга мискала. Это значит, что для самаркандского медного динара 914/1508-09 г. назначен был такой же весовой стандарт (5,2 г), какой в предшествующем году назначен был для серебряных монет Мухаммада Шейбани-хана. Изучение реального веса медных монет Самарканда 914 г. х. убедило в том, что они чеканены на основе весового стандарта при очень небольшом ремедиуме и их средний вес отвечает весовому стандарту (при очень маленькой норме средней потертости монет). Случайно ли совпадение весовых стандартов серебряных и медных монет? Случаен ли сам этот весовой стандарт?

Привлекает внимание, что этот же весовой стандарт лежал в основе чекана основной массы серебряных монет тимурида Шахруха (1404—1447 гг.), а его монеты были очень популярны. Представляется, что возвращение к весовому стандарту серебряных тангача Шахруха было весьма продуманным компонентом реформы Мухаммада Шейбани-хана. Первая часть этой реформы имела четкое назначение: привлечь симпатии и доверие всех слоев общества, заинтересованных в стабильной ситуации для торговли в сфере обращения серебра. А сфера обращения серебра — это торговля недвижимостью, дорогими товарами и предметами роскоши, это оптовая торговля; в сфере обращения серебра — цена раба, лошади и т. д. В этой сфере торговли господствуют купец, светские и духовные феодалы. Первая часть реформы Мухаммада Шейбани-хана отвечала интересам господствующего класса, она должна была показать, что конец тимуридской династии стал началом лучшей жизни, что Мухаммад Шейбани-хан понимает и оберегает интересы господствующего класса завоеванных территорий. И эта маленькая деталь реформы — возвращение к весу монет Шахруха — работала на основную задачу.

Аналогичный вес медных монет Самарканда — безусловно внутриреформенное мероприятие, оно придавало реформе законченность, создавало иллюзию правильности и прочности назначенному отношению между серебряными и медными моне-

тами. Но унификация веса монет двух металлов в рамках реформы не требовала включения в монетную надпись обозначения веса. Надпись с обозначением веса — это сигнал тревоги. Если обратиться к предреформенной ситуации в центральном Мавераннахре, то сигнал тревоги получит обоснование. Выше было показано, что после окончательного завоевания Самарканда Мухаммадом Шейбани-ханом в городе с 907 по 910 г. х. выпускали динары нового и неизменного типа (тип 17), это было мероприятие по урегулированию и нормализации обращения медных монет. Но с 910 г. х. вновь началась интенсивная эксплуатация монетной регалии, перемены и перегруппировки с помощью надчеканов. Появились и признаки самостоятельной монетной политики в Самарканде и Бухаре (Бухара была уделом брата и племянника Мухаммада Шейбани-хана). Надчеканенные монеты были разновесные. Вместе с тем вес медных монет в центральном Мавераннахре имел свою традицию: весовой стандарт динаров 897, 898 и части 899 г. х. равнялся мискалу и половине данга мискала. Нарушенная самостоятельная весовая традиция, вероятные в связи с надчеканами инфляционные процессы после 910 г. х. и стремление к законченности, завершенности реформы, начатой в 913 г. х.,— все это, вместе взятое, подсказало необходимость изменить вес динара, а в столичном Самарканде к тому же объявить об этом внешне положительном мероприятии с помощью монетной надписи. Задаче сделать эту надпись понятной, доходчивой отвечал и ее язык — персидско-таджикский. Возможно, и в данном случае играло роль стремление к популярности, желание привлечь на свою сторону и рядовое население Самарканда, убедить его (после времени всяких подрывающих доверие перемен) в прочности нового установления. «Реклама» нужна была еще и потому, что выпуск этих новых высоковесных монет, как будет показано ниже, преследовал и фискальные цели, он менял статус предыдущих, старых динаров (что населению почти всегда приносило убытки). Обычно это декретировалось прямолинейно и без «оправданий», в данном же случае повышение веса призвано было создать иллюзию оправданности перегруппировки, а документация повышения веса (в виде монетной надписи) рассчитана была на усиление психологического эффекта.

В Бухаре в 914/1508-09 г. также выпустили новые динары, причем на основе того же весового стандарта в 5,2 г, что и самаркандские[368]. В части веса медных монет, следовательно, Бухара и Самарканд проводили одинаковую политику. Но тип динаров Бухары 914 г. х. (тип 12) совершенно самостоятельный, надписи также не имеют ничего общего с самаркандскими. На монетах Бухары типа 12 не обозначено ни их достоинство, ни их вес, надписи л. ст. содержат лишь наименование монетного двора, религиозную сентенцию и два термина — «'адил» и «ширмард». Существенно подчеркнуть, что серебряные поре-

форменные монеты были с типовой точки зрения унифицированы, аналогичной унификации медных монет вторая часть реформы не предусмотрела. Не исключено, что разнотипные медные монеты Бухары и Самарканда в двух этих уделах даже не имели равнокурсного обращения. Такое предположение отвечает общей ситуации. Мухаммад Шейбани-хан разделил государство на уделы, которые получили члены династии. При его жизни уже обозначились сепаратистские тенденции, члены династии уже утверждали в своих уделах самостоятельность и независимость. А удельные барьеры для обращения медных монет всегда были источником дополнительных доходов.

Вторая часть реформы, давшая рынку новые высоковесные монеты, повлекла за собой выпадение в клады «дореформенной» продукции (Ангренский клад «клады» II—V). Не случайно и в поздних кладах, сложившихся здесь после 919 г. х., так мало дореформенных монет. Правда, 916—917 гг. х. были еще одним самостоятельным рубежом. Так или иначе, реформа 914 г. х. должна была определить статус дореформенных монет, имея при этом в виду «очистить место» для монет пореформенных. Это делалось двояко: «старые» монеты вовсе запрещали, они подлежали обмену; «старые» монеты сохраняли в составе монетной массы, но в роли меньших кратных. В обоих случаях происходило выпадение в клады этих «старых» монет. Какой из вариантов был принят в 914 г. х., пока неясно. Но одно несомненно: реформа должна была каким-то образом решить вопрос с кратными основного номинала, ибо рынок центрального Мавераннахра не мог обходиться медной монетой одного достоинства, местные финансисты прекрасно это знали и проверили опытом. Была ли предусмотрена реформой 914 г. х. трудоемкая и дорогая чеканка новых кратных основного номинала? Наличные типы медных монет Бухары и Самарканда не дают положительного ответа на этот вопрос, но это не основание отвечать на него отрицательно. Ведь даже пореформенные динары Бухары 914 г. х. (основной номинал) были обнаружены недавно и пока в очень небольшом количестве. Теоретически можно допустить две возможности: все или часть кратных основного номинала были отчеканены (пока мы их не знаем); функция меньших кратных была возложена на все или какие-то определенные «старые», дореформенные монеты. Привлекает внимание еще один факт: выпуск в 914 г. х. в Бухаре полудинаров типа 11, чекан которых начался задолго до реформы. И тоже пока неясно, прекратился ли этот выпуск после реформы, или реформа не помешала его продолжать. На эти вопросы пока ответов нет. Попутно напомним еще два нерешенных вопроса, не является ли надчекан с обозначением веса («[Монета] правильная; один мискал», см. гл. III/5) компонентом реформы Мухаммада Шейбани-хана в Самарканде; не является ли частью его реформы и надчекан «'Адил; ширмард» (см. гл. III/3).

Глава VII

МЕДНЫЕ МОНЕТЫ ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XVI в. И РЕФОРМА КУЧКУНЧИ-ХАНА

1. Центральный Мавераннахр в первой половине второго десятилетия XVI в.

Основным источником изучения монетной политики и денежного обращения в центральном Мавераннахре являются медные монеты Бухары и Самарканда 916—920 гг. х. По всем кладам, сложившимся на этом этапе, видно, что интенсивный чекан эти два монетных двора осуществляли в 917—919 гг. х. Большое количество монет 917—919 гг. х. позволило детально изучить их вес графическим методом, выявить картину движения веса основного номинала — медного динара — и наличие двойных динаров. Другим важным источником являются надчеканы, произведенные в эти же годы в Бухаре и Самарканде (а также в других пунктах). Третий источник — состав кладов, обнаруженных в центральном Мавераннахре, и сравнение этих местных кладов с кладами, найденными в регионе Хисара. Из местных кладов самый существенный материал дал статистически обработанный огромный Самаркандский клад, а также небольшой Ташкентский.

А. Движение веса динаров Бухары и Самарканда. В чекане Бухары выявлено четыре типа медных монет с датами от 916/1510-11 до 919/1513-14 г.— это типы 13—16 (описание см. гл. II/2, реконструкция типов — на рис. 9—10). На нынешнем уровне накопления материала получается, что типы 14 и 16 — монеты только двойного достоинства, двойные динары (о них ниже), а монеты типов 13 и 15 — одинарные динары 916—918 гг. х. В чекане Самарканда типов значительно больше: восемь с датами от 917/1511-12 до 920/1514-15 г. (типы 22—29); три без дат, отнесенные по типовесовым показателям и составу кладов к этому же отрезку времени (типы 35, 36, 37); один — с датами 917—918 гг. х., но без наименования монетного двора (тип 42); еще два — и без дат, и без наименования монетного двора (типы 40 и 41). Последние три типа атрибутированы на базе комплексного использования всех методов. Всего, следовательно, для изучаемого времени в чекане Самарканда выявлено 14 типов медных монет (их описание см. гл. II/2, реконструкция типов на рис. 6—7). Один из этих типов (40) представлен только двойными динарами, три типа (22, 28, 29) — и одинарными и двойными, остальные десять — пока только одинарными. Данные о типах, датах и достоинстве монет Бухары и Самарканда 916—920 гг. х. сведены в табл. 21. Графическую реконструкцию типов одинарных динаров Бухары и Са-

Таблица 21

Типы и достоинство монет Бухары и Самарканда 916—920 гг.х

Монетный двор	Тип	Год хиджры	Достоинство	
			один динар	два динара
Бухара	13	916, 917	+	
	14	917, 918		+
	15	918	+	
	16	918, 919		+
Самарканд	22	917, 918	+	+
	23	91.	+	
	24	917		
	25	918	+	
	26	918	+	
	27	918	+	
	28	918, 919	+	+
	29	918, 919, 920	+	+
	35	Без даты	+	
	36	Без даты	+	
	37	Без даты	+	
Не обозначен [=Самарканд]	40	Без даты		+
	41	Без даты	+	
	42	917, 918	+	

марканда см. гл. II, рис. 6, 7, 9, 10 (под каждой реконструкцией — типовой номер).

Основным источником изучения веса являются динары Самарканда и Бухары в составе трех кладов, найденных в двух регионах — в центральном Мавераннахре (Самаркандский и Ташкентский клады) и в Хисаре (Нурекский клад). Весовые графики монет из двух регионов составлены отдельно, их сравнение и выявление общих черт исключают фактор случайности и обеспечивают доказательность выводов. Необходимо, однако, иметь в виду, что большинство одинарных динаров Самарканда и Бухары 917—919 гг. х. в составе Нурекского клада плохой сохранности; многие экземпляры удалось определить по незначительным остаткам надписей, картушей и орнаментов, уже потерявшим рельефность, лишь путем сопоставления с графическими реконструкциями типов и вариантов. Продолжительность обращения этих монет в двух изучаемых регионах была одинаковой, так как Нурекский, Самаркандский и Ташкентский клады были упрятаны в одно или близкое время. Значительно худшая сохранность динаров Самарканда и Бухары в Нурекском кладе может свидетельствовать либо о более интенсивном их обращении в регионе Хисара, либо о большей коррозии за время пребывания в земле. В данной связи важно подчеркнуть,

что худшую сохранность бухарско-самаркандских динаров в составе Нурекского клада необходимо учитывать при изучении их среднего веса.

В 917/1511-12 г. вес медного динара был резко понижен, о чем убедительно свидетельствуют бухарские монеты 917 г. х. (тип 13; рис. 31/1) в составе двух кладов (Самаркандского и Ташкентского). На графике видно, что основная масса монет расположилась в пределах 3,0—3,2 г (причем монет весом в 3,2 г больше, чем в 3,0 г), а вершина графического «треугольника» совершенно четко показывает 3,1 г. Поэтому вес в 3,1—3,2 г следует признать средним весом этих бухарских монет 917 г. х. Существенно, что динары типа 13 Бухары в составе Нурекского клада показывают примерно такую же картину: вершина весового «треугольника» четко утвердилась на отметке в 3,1 г (рис. 32/1).

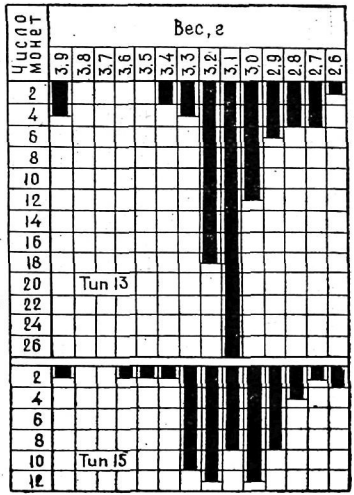


Рис. 31. Вес динаров Бухары 917/1511-12 г. (тип 13) и 918/1512-13 г. (тип 15) в Самаркандском и Ташкентском кладах

Монеты Бухары типа 13, как оказалось, начали чеканить еще в 916/1510-11 г. Такие монеты есть в Кум-Курганском кладе (не взвешены) из региона Хисара и в Чилекском кладе из центрального Мавераннахра. В Чилекском кладе — две монеты Бухары типа 13 за 916 г. х., они весят 3,85 и 4,42 г. Средний вес при малом количестве монет не может быть выяснен, но в данном случае важно другое: не вызывает сомнения, что в 916 г. х. монеты типа 13 в Бухаре чеканили по значительно более высокому весовому стандарту, чем в 917 г. х. Отсюда следуют два вывода: переход от более высокого весового стандарта медных динаров 916 г. х. к более низкому (соответствующему среднему весу в 3,1—3,2 г) произведен был именно в 917 г. х.; резкое снижение весового стандарта в 917 г. х. было произведено замаскированно, без изменения типа, «внутри» типа 13 Бухары. Как станет ясно из дальнейшего, маскировка изменения весового стандарта — характерная черта монетной политики в Бухаре.

Бухарский чекан динаров 918/1512-13 г. представлен типом 15 (в двух вариантах). Вес этих монет (в составе Самаркандского клада) на графической таблице (рис. 31/2) образовал не «треугольник» с четкой вершиной, а массив в пределах 2,9—3,3 г.

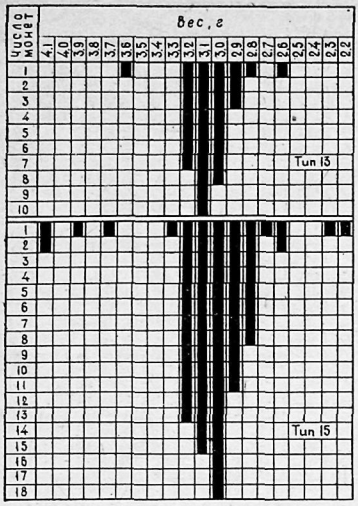


Рис. 32. Вес динаров Бухары 917 г. х. (тип 13) и 918 г. х. (тип 15) в Нурекском кладе

Примерно такой же (только сдвинутый в сторону меньших цифр на 0,1 г) массив (в пределах 2,8—3,2 г) показал вес монет этого типа в Нурекском кладе (рис. 32/2). Такой вид гистограммы можно объяснить двояко: либо имел место отказ от чекана на основе весового стандарта, либо было снижение весового стандарта, но замаскированное, произведенное «внутри» одного типа. Правильным кажется второе объяснение, в пользу этого говорит как приверженность в Бухаре к маскировке изменения весового стандарта (см. выше, тип 13 за 916—917 г. х.), так и факт двукратного снижения указного веса в Самарканде (см. ниже).

В чекане Самарканда, как уже отмечалось, за 917—920 гг. х. зарегистрировано много типов динаров. В рабочем порядке вес динаров был графическим методом проверен отдельно за эти годы, а внутри каждого — отдельно по типам и даже вариантам. В общие весовые таблицы сведены только те типы динаров, отдельная проверка которых убедила в том, что они чеканены по одинаковому весовому стандарту. Особенно интересными оказались динары типа 25: график их веса (рис. 33/1) дал «массив» вместо весового «треугольника», между тем по всем другим примерам ясно, что чекан динаров в 917—919 гг. х. осуществлялся на основе весового стандарта и эталонного (иногда еще меньшего) ремедиума (см. гл. IV/1). Недоумение было снято изучением веса двух вариантов типа 25. Оказалось, что вариант *б* дает средний вес в 3,1—3,2 г, а вариант *а* — 2,8 г.; все остальные типы динаров Самарканда чеканены либо по первому, либо по второму весовому стандарту (рис. 33/2 и рис. 34). Распределим типы динаров Самарканда по двум весовым группам (табл. 22), имея в виду, что некоторые из них образуют «пары» типов. «Парными» мы называем типы, у которых одинаковая л. ст., но разные об. ст. (у одного — дата, у другого — орнамент). «Пары» типов, очевидно, выпускали одновременно.

К первой весовой группе (средний вес 3,1—3,2 г) мы от-

носим четыре типа динаров (22 и 23, 25/*б* и 35/*б*), представляющие собой две «пары» типов, т. е. минимум две акции типовых перемен. Все остальные типы динаров Самарканда относятся ко второй весовой группе (средний вес 2,8 г). Ранней во второй весовой группе является «пара» типов 25/*а* и 35/*а*. А ранним типом в первой весовой группе, как оказалось, является тип 22. Дело в том, что в Самаркандском и Ташкентском кладах не были выявлены динары Самарканда 917 г. х., поэтому все наблюдения над весом базировались на динарах 918—919 гг. х. Лишь динары Бухары 917 г. х. давали основание считать, что снижение весового стандарта до размеров, «подпираемых» средним весом бухарских монет 917 г. х. в 3,1—3,2 г, произведено было именно в 917 г. х. Нурекский клад сохранил нам и самаркандские монеты 917 г. х.— тип 22. Основная их масса (84 экз.) — это двойные динары (о них позже), но два экземпляра — одинарные динары, их вес — 2,9 и 3,1 г. Теперь уже не предположительно, а уверенно можно говорить, что и в Бухаре, и в Самарканде первый переход на низкий весовой стандарт, фиксируемый средним весом в 3,1—3,2 г, был произведен в одном и том же 917 г. х.

Кто же был автором основного, самого резкого снижения веса медных монет до стандарта, фиксируемого средним весом 3,1—3,2 г? После гибели в 916 г. х. Мухаммада Шейбанихана началась борьба между Шейбанидами, с одной стороны, и Бабуром и кызылбашами — с другой. Бабур овладел Мавераннахром примерно в середине 917 г. х. (причем центром его был Самарканд), а изгнан был в сафаре 918 г. х. (т. е. на втором месяце этого года), после чего окончательно воцарились Шейбаниды.

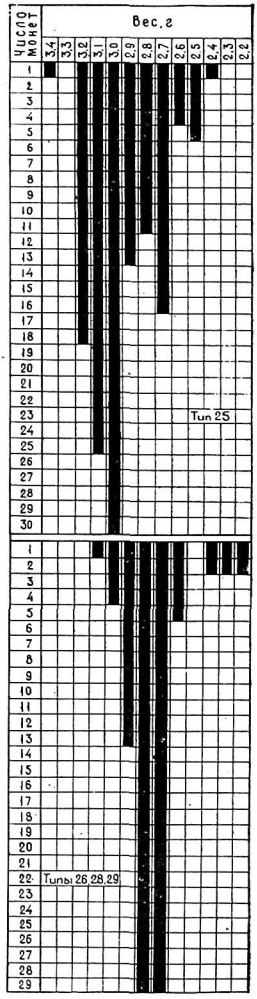


Рис. 33. Вес динаров Самарканда 918 г. х. (тип. 25), 918 и 919 гг. х. (типы 26, 28, 29) в Нурекском кладе

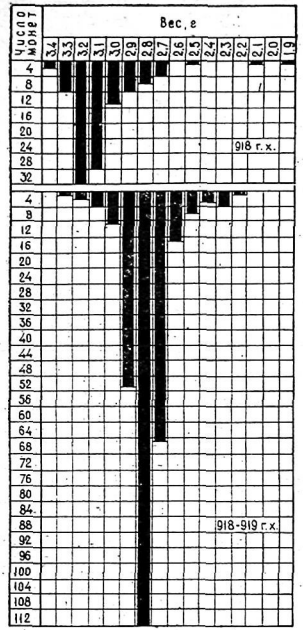


Рис. 34. Вес динаров Самарканда 918/1512-13 и 919/1513-14 гг. в Самаркандском и Ташкентском кладах

Обе самаркандские весовые группы 918 г. х. великолепно укладываются в рамки двух периодов владычества над Мавераннахром сначала Бабура, а потом Шейбанидов. Отсюда напрашивается вывод, что резкое снижение веса медных монет, произведенное в интересах фиска в 917 г. х., явилось результатом распоряжения именно Бабура, который по этой же им установленной монетной стопе продолжал чеканить и в начале 918 г. х. После прихода к власти Шейбанидов они в Самарканде не только не вернулись к старому высокому весу, но даже еще несколько понизили его. По этой еще более заниженной монетной стопе медные динары чеканили остальную часть 918 и 919 гг. х. Этот вывод любопытно иллюстрируют и типы самаркандских динаров 918 г. х. Из табл. 22 четко видно, что к первой части 918 г. х. относятся только две «пары» типов, ко второй — три «пары» и еще два отдельных. Таким образом, деление меди 918 г. х. в весовом отношении на две столь неравные по числу типов и вариантов группы великолепно укладывается в хронологические рамки политических событий этого года, подтверждая высказанное положение: первое снижение веса произвел Бабур, второе — Шейбаниды.

Б. Двойные динары Бухары и Самарканда. Факт производства двойных динаров в Самарканде и Бухаре в 917—919 гг. х. был нами установлен еще в 1950 г., но на основании очень небольшого числа монет. В чекане Самарканда тогда было выявлено три типа двойных динаров по единичным экземплярам Самаркандского клада и ГИМ, причем было установлено, что одинарные и двойные динары были однотипными. Это значит, что различали их по размерам («диаметр» и толщина) и весу. Вес же двойных динаров, насколько позволяли судить немногочисленные монеты, был либо точно в 2 раза выше веса одновременных одинарных динаров, либо с некоторым преуменьшением. В 1950 г. мы не имели возможности сопоставлять средний вес

Таблица 22

Типы динаров Самарканда и их средний вес*

Средний вес, г	Тип динаров	Год хиджры
3,1—3,2	22 и 23 («пара») 25/*б* и 35/*б* («пара»)	917—918
2,8	25/*а* и 35*а* («пара») 26 и 36 («пара») 29 и 37 («пара») 27 28	918—919

* В таблицу не включены типы 41 и 42 как не имеющие самостоятельного значения. Они не были задуманы как самостоятельные типы и чеканены штампами, изготовленными для других типов. Отсюда такие сочетания, как дата словами или орнамент на об. ст. при орнаменте на л. ст. Здесь для л. ст. использован штамп об. ст. другого типа.

однотипных одинарных и двойных динаров, ограничиваясь сравнением реального веса небольшого числа монет[369].

В чекане Бухары сейчас выявлены два типа двойных динаров 917—919 гг. х. (типы 14, 16, см. рис. 9/14 и 10/16 в гл. II). Достоинство монет этих типов определено на основании их веса. Двойные динары типа 14 удалось выделить в составе Нурекского клада. Чеканены они в 917—918 гг. х. Графическая таблица веса (рис. 35/2) не дает четкого «треугольника», что намекает на возможность изменения в 918 г. х. весового стандарта двойного динара вслед за изменением в этом году весового стандарта одинарного динара. Большая часть монет этого типа весит 5,0—5,2 г. Это значит, что вес двойных динаров Бухары типа 14 был выше среднего веса одинарных динаров Бухары этого времени не точно в 2 раза, а с занижением по сравнению с теоретической нормой.

Двойные динары Бухары типа 16 чеканены в 918—919 гг. х. Очевидно, тип 14 двойных динаров в 918 г. х. был сменен типом 16. Можно было бы ожидать, что монеты типа 16 будут весить не более монет типа 14. К сожалению, мы не можем установить средний вес двойных динаров Бухары типа 16 из-за малого числа экземпляров, но их индивидуальный вес (6,22, 6,24, 6,40 г) намекает на то, что средний вес двойных динаров типа 16 был выше среднего веса двойных динаров типа 14.

В чекане Самарканда за 917—920 гг. х. выявлены четыре типа двойных динаров (типы 22, 28, 29, 40; см. рис. 6 в гл. II). Типы 22, 28 и 29 с наименованием монетного двора и датами представлены выпусками как двойных, так и одинарных дина-

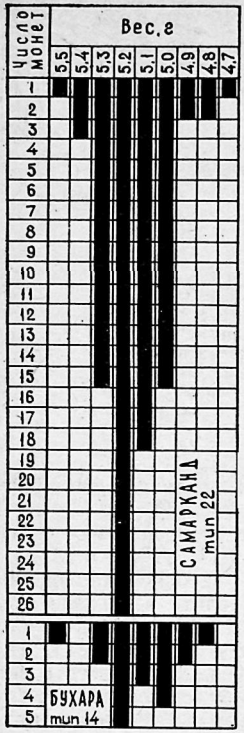


Рис. 35. Вес двойных динаров 917/1512-13 и 918/1513-14 гг. Бухары (тип 14) и Самарканда (тип 22) в Нурекском кладе

ров. Следовательно, в Самарканде критериями различения местных одинарных и двойных динаров были только их вес и размеры. Тип 40 — без даты и наименования монетного двора, время и место его производства и достоинство определены по типовесовым признакам. Типовые приметы сближают типы 40 и 22. В Нурекском кладе из двойных динаров Самарканда выявлены именно эти два типа — 22 и 40. Из двух типов двойных динаров Бухары в Нурекском кладе оказался один, причем ранний (тип 14), можно поэтому предположить, что и типы 22 и 40 в чекане Самарканда (оказавшиеся в Нурекском кладе) являются ранними. Для типа 22 это не вызывает сомнения, так как подтверждено, с одной стороны, датами (917—918 гг. х.), с другой — весом одинарных динаров типа 22, чеканенных по более высокому (средний вес 3,1—3,2 г) из двух весовых стандартов, т. е. в 917 и в первой части 918 г. х.

Единичные экземпляры двойных динаров типа 22 в Самаркандском кладе (5,03; 5,16; 5,23; 5,48) и в ГИМ (5,11; 5,20; 5,23 г) раньше не позволяли уверенно определить средний вес, не оставляя, однако, сомнений в том, что он был выше 5 г, скорее—5,2—5,3 г. Уточняют картину 84 экземпляра в Нурекском кладе: график веса (рис. 35/1) имеет вид четкого «треугольника», вершина которого фиксирует средний вес в 5,2 г. Средний вес одинарного динара 917 — начала 918 г. х. в Самарканде равнялся 3,1—3,2 г. Следовательно, средний вес двойных динаров типа 22 не в 2 раза выше среднего веса одинарных динаров, а с некоторым занижением против теоретической нормы.

Типы 28 и 29 двойных динаров Самарканда представлены единичными экземплярами, поэтому средний вес не выясняется. Но индивидуальный вес не оставляет сомнения в их достоинстве, равном двум динарам. Так, двойной динар типа 28 в Самаркандском кладе весит 5,2 г, дата — 919 г. х. Одинарные динары этого типа известны с двумя датами — 918—919 гг. х.,

их средний вес — 2,8 г. Двойной динар типа 29 представлен единичными монетами в разных музеях[370] и имеет две даты — 919—920 гг. х. Одинарные динары этого же типа 29 известны за 918—919 гг. х., их средний вес — 2,8 г. Следовательно, двойные динары типов 28 и 29 демонстрируют ту же закономерность, что и двойные динары типа 22: они чеканены по весовому стандарту, который был несколько ниже двойного среднего веса одинарных динаров тех же типов.

Привлекают внимание даты двойных динаров Самарканда этих трех типов: тип 22 — 917 и 918 гг. х., тип 28 — 919 г. х., тип 29 — 919 и 920 гг. х. Такое соотношение типов и дат позволяет предположить, что эти три типа двойных динаров сменили друг друга в чекане Самарканда, выпускались последовательно на трех отрезках времени именно в названном порядке.

Тип 40 двойных динаров представлен всего тремя монетами в Нурекском кладе, вес соответствует двойным динарам рассматриваемого времени. Не исключено, что тип 40 выпускался параллельно с типом 22, однако это нельзя утверждать уверенно, так как имеющиеся доказательства (черты типового сходства и наличие обоих типов в Нурекском кладе) недостаточны.

Для характеристики монетной политики владетелей Самарканда и Бухары важно отметить следующее. Ранние типы двойных динаров в обоих городах (тип 14 Бухары и тип 22 Самарканда за 917—918 гг. х.) обладают безусловными чертами типового сходства: надписи с наименованием монетного двора и даты словами целиком занимают л. ст., а на об. ст.— орнамент (правда, не абсолютно одинаковый). Можно допустить, что эти типы двойных динаров для обоих городов были определены согласованно. Со второй части 918 г. х. Бухара и Самарканд осуществляют разную и независимую политику в части типов и числа типов двойных динаров. В Бухаре появляется тип 16, который ничего общего не имеет с типами 28 и 29 (а также — 40) Самарканда. В Самарканде смена типов двойных динаров производится чаще, чем в Бухаре. Были и весовые различия в чекане двойных динаров: в Бухаре при переходе к типу 16 их вес повысили, в Самарканде такого заметного повышения веса не было. Разным, по имеющимся сейчас данным, был и подход к нуждам населения: в Бухаре больше позаботились относительно простоты различения одинарных и двойных динаров, отчеканив их разнотипными; самаркандцам приходилось при определении достоинства местных монет опираться только на их вес и размеры. Все это детали, но они подчеркивают самостоятельность монетной политики на примере не только одинарных динаров (см. выше), но также и двойных.

В. Региональные надчеканы типов 1—3 первой группы первого разряда. Надчеканы эти представляют особый интерес для характеристики общего и особенного в монетной политике и денежном обращении в Бухаре и Самарканде, форм зависимо-

сти от Бухары и Самарканда других мелких и крупных владений и образования в связи с этим «экономических союзов» областей. Надчеканы типов 1—3 (рис. 14/1—3 в гл. III) не общегосударственные. Каждый произведен в нескольких пунктах, но ведущие центры у них разные. Ведущий центр надчеканов типов 1—2 — Самарканд, типа 3 — Бухара [371].

Хронология трех типов надчеканов уже рассмотрена (гл. III/2). Надчеканы типа 2 производились длительное время в 917 и частично в 918 г. х., надчеканы типа 1 — после надчеканов типа 2 (поэтому они часто сосуществуют на одних и тех же монетах), т. е. в остальную часть 918, в 919 г. х. и, возможно, еще позже. Надчеканы типа 3 в целом синхронны надчеканам типов 1—2. Отдельные конкретные надчеканы типа 3 (в зависимости от направления циркуляции монет между рассматриваемыми разными областями и регионами) могли быть сделаны и раньше, и позже отдельных конкретных надчеканов типов 1—2. В целом же, повторяем, надчеканы типа 3 (ведущий центр Бухара) производились параллельно с надчеканами типов 1—2 (ведущий центр — Самарканд).

Сравнение этих надчеканов с выпускными сведениями надчеканенных монет в составе кладов открыло любопытную картину. Оказалось, что назначение надчеканов типа 3 и типов 1—2 было различным. Рассмотрим конкретный материал, позволивший сделать такой вывод. (Материал этот объединен в табл. 23—27; «б. г.» в этих таблицах обозначает, что монеты не имеют дат — даты стерты или их не было.)

Основную часть Самаркандского клада составляют монеты Самарканда (1308 экз.) и Бухары (680 экз.), среди которых преобладают монеты 917—919 гг. х. (соответственно около 93% и свыше 87%). Из табл. 23—24 следует, что надчеканы типов 2—1 накладывали на всякие старые монеты (включая самаркандские), а из монет поздних — только на «чужие» (в данном случае — на монеты Бухары 917—918 гг. х.). Надчеканов типов 2—1 на многочисленных самаркандских монетах 917—919 гг. х. нет.

Надчеканы типов 1—2 региональное мероприятие, ведущим центром которого был Самарканд. Надчеканы эти, следовательно, не предназначались производить перегруппировки среди поздних местных монет 917—919 гг. х., они сосуществовали с последними: выпуск монет 917—919 гг. х. и надчеканы типов 2—1 производились параллельно и преследовали одинаковую цель — создать и пополнить местную монетную массу. Пока не представляется возможным надежно решить вопрос о достоинстве монет с надчеканами типов 2—1: превращали ли эти надчеканы «чужие» и старые местные монеты в монеты однодинарового достоинства (т. е. уравнивали с заново выпущенными здесь динарами 917—919 гг. х.) или предназначены были дать рынку кратные основного номинала, кратные динаров 917—

Таблица 23

Выпускные сведения монет с надчеканами типа 2 в Самаркандском кладе

Место производства надчекана	Место и год выпуска надчеканенной монеты (г. х.)					
	Андиган	Бухара	Герат	Самарканд	Хисар	стерто
Карши	—	—	—	—	—	9..
Куфин	—	—	—	—	—	9..
Самарканд	Б. г.	917	913	914 91. 907 900	Б. г.	9..

Таблица 24

Выпускные сведения монет с надчеканами типа 1 в Самаркандском кладе

Место производства надчекана	Место и год выпуска надчеканенной монеты (г. х.)						
	Балх	Бухара	Герат	Мерв	Самарканд	Хисар	стерто
Карши	—	—	913	—	—	—	—
Самарканд	Б. г.	918 917 91.	—	Б. г.	910 907 900	Б. г.	907 9..
Шаудар	—	—	—	—	—	—	Б. г.

919 гг. х. Важно подчеркнуть следующее. Надчекан типа 2 был произведен минимум в семи пунктах, из которых четыре расположены совсем рядом с Самаркандом (Куфин, Куча-и Малик, Шаудар, Шираз). Такая организация надчеканивания говорит о масштабности мероприятия, предполагает обмен и надчеканивание старых и «чужих» монет, желание изъять их у населения. Надчекан типа 1 также был достаточно масштабным мероприятием, но он отменил действие надчекана типа 2. Близкие по назначению операции в Самарканде производили и с самими одинарными и двойными динарами, о чем свидетельствует изменение их типов. В данной связи важно понять, что перегруппировки и обмены производились в 917—919 гг. х. в Самарканде и его регионе как бы двумя параллельными рядами: самостоятельный ряд — выпуск монет, самостоятельный ряд — надчеканивание. Иначе говоря, вне зависимости от перегруп-

Таблица 25

Выпускные сведения монет с надчеканами типа 3 в Самаркандском кладе

Место производства надчекана	Место и год выпуска надчеканенной монеты (г.х.)			
	Бухара	Герат	Самарканд	стерто
Бухара	917 9.8 900	—	908	—
Вабкана	917	913	—	—
Замин	917	—	—	—
Хисар	—	—	—	Б. г.

пировок и обменов надчеканы здесь выполняли функцию пополнения средств обращения, «добавки» к монетам, выпускавшимся в 917—919 гг. х.

Иную функцию выполнил надчекан типа 3 в «экономическом союзе», ведущим центром которого была Бухара. Особенно четко это видно по монетам Бухары и надчеканам этого же города.

Из табл. 25 следует, что надчеканы типа 3 были произведены на чужих монетах старых лет и на своих монетах разных лет, включая 917 г. х. Последнее — не случайность, так как на местных монетах Бухары 917 г. х. зафиксированы многочисленные местные надчеканы типа 3, произведенные как в самой Бухаре, так и в Замине и даже в Вабкана — одном из туманов Бухары. Это может означать только следующее: с надчеканом типа 3 был связан обмен монет, для чего и организован был даже временный монетный двор в Вабкана. Иначе говоря, в Бухаре выпуск новых монет и надчекан типа 3 не дополняли друг друга, а были в одном русле, т. е. заменяли друг друга. В этом и заключается принципиальная разница назначения надчеканов типов 1—2 в Самарканде и типа 3 в Бухаре.

Эти же наблюдения за соотношением надчеканов и выпускных сведений монет открывают еще некоторые важные стороны денежного обращения в 917—919 гг. х. В табл. 26 сведены материалы о монетах, чеканенных не ранее 917 г. х., и надчеканах типов 1—3 на них (в составе двух кладов). Эта сводка не только особенно весомо подтверждает тот факт, что надчеканами типов 1—2 в Самарканде были утилизованы современные им монеты Бухары 917—918 гг. х., она заставляет обсудить такой вопрос. Если в Самарканде в 917—918 гг. х. ставили препоны обращению монет Бухары этих же годов и надчеканивали

Таблица 26

Надчеканы типов 1—3 на монетах 917—918 гг.х. в Самаркандском и Нурекском кладах

Надчекан		Монеты 917—918 гг.х. с надчеканами	
тип	место производства	в Самаркандском кладе	в Нурекском кладе
1	Карши	—	Бухара типа 13 (916—917)
	Самарканд	Бухара 917—918	—
	Шаудар	—	—
2	Карши	—	—
	Кеш	—	—
	Куфин	—	—
	Самарканд	Бухара 917	—
3	Бухара	Бухара 917	Бухара 917
	Вабкана	Бухара 917	Бухара 917
	Замин	Бухара 917	Бухара 917
	Хисар	—	Бухара 918

их для включения в местную внутреннюю денежную торговлю, то *аналогичных акций следовало бы ожидать и от Бухары по* отношению к монетам Самарканда этого же времени. Так оно и было. До надчеканов типа 3 какое-то время монеты Бухары и Самарканда в этих двух городах, возможно, имели равное беспрепятственное обращение, на что намекает сходство типов (одинарные динары — тип 13 Бухары и тип 25 Самарканда; двойные динары — тип 14 Бухары и тип 22 Самарканда). Вместе с началом надчеканивания в Бухаре (надчекан типа 3) равному обращению в Бухаре монет Самарканда была поставлена прочная преграда. Ведь надчекан типа 3 сопровождался либо запретом, либо скорее снижением достоинства местных динаров типа 13, тем самым сходные в типовом отношении динары Самарканда типа 25 в Бухаре переставали быть динарами.

Следовательно, надчекан Бухары типа 3 и для монет Самарканда означал, что без этого надчекана они либо получили в Бухаре более низкое достоинство, либо вовсе там были запрещены. По той или другой причине, но динаров Самарканда 917—918 гг. х. с надчеканами типа 3 пока вовсе нет. А если единичные монеты Самарканда 917—918 гг. х. с надчеканами типа 3 Бухары (или любого другого пункта, входящего в Бухарский «экономический союз») когда-либо будут обнаружены в других кладах — это не изменит ситуации, ибо исключение не зачеркивает правила. Понимание такой особенности состава

двух кладов затруднений не представляет, разгадка — в разном назначении надчеканов типов 1—2 и типа 3. Надчекан типа 3, оформивший в Бухаре перегруппировку монет, которая захватила и поздние (с 917 г. х.) местные монеты, предполагал обмен монет без надчеканов на монеты с надчеканами типа 3. Ясно, что пропорция обмена была невыгодна. Если монеты без надчеканов не были запрещены, то их курс, достоинство были понижены таким образом, что это было убыточно для населения. Вот тут-то и начался массовый отлив монет Бухары 917 г. х. в Самарканд. Очевидно, потери, связанные с надчеканиванием монет Бухары 917 г. х. в Самарканде (надчеканы типов 1—2), были меньшими, чем потери от надчеканивания и обмена в самой Бухаре!

Итак, важное последствие фискального мероприятия в Бухаре, оформленного надчеканом типа 3,— отлив монет из Бухары в Самарканд. Обратного же массового движения монет Самарканда в Бухару не было. Надчеканивание в Самарканде (надчекан типа 2) разновременных чужих и старых своих монет, производившееся параллельно своему, местному выпуску одинарных и двойных динаров 917—919 гг. х., не затрагивало норм их обращения и поэтому не стимулировало их отлив из Самарканда в Бухару, тем более что вскоре в Бухаре они уже либо вообще были запрещены, либо могли ходить не как полноценные динары, а как монеты какого-то низкого достоинства. Даже последовавшие затем в Самарканде фискальные мероприятия (надчекан типа 1 после надчекана типа 2, перегруппировки самих монет, оформленные изменением типа) приносили населению потери, которые, следовательно, не были такими, чтобы их можно было даже частично компенсировать «перекачкой» монет в Бухару и другие пункты Бухарского «экономического союза».

Полезное дополнение ко всему сказанному можно извлечь из аналогичных материалов Чилекского клада (табл. 27). В этом кладе вообще нет монет 917 г. х., значит он сложился до массового выпуска этого года. Но надчеканов типа 2 в нем много (при отсутствии надчеканов типа 3). Можно допустить, что надчекан типа 2 начали производить в Самарканде раньше, чем надчекан типа 3 в Бухаре. Когда из Бухары в связи с надчеканом типа 3 начался отлив местных монет в регион Самарканда, Чилекский клад был уже упрятан. Обычные, ранее (см. гл. III/2) использованные методы относительной и абсолютной датировки надчеканов типов 2—3 не давали столь четких свидетельств того, что из двух типов надчеканов (2 и 3), относящихся к разным областям и «экономическим союзам», но в значительной степени синхронных, надчекан типа 2 начали производить все же раньше.

Г. Бухара и Самарканд: общее и особенное в монетной политике. Резюмируя рассмотренные выше материалы, касающие-

Таблица 27

Выпускные сведения монет с надчеканами типа 2 в Чилекском кладе

Место производства надчекана	Место и год выпуска надчеканенной монеты (г.х.)						
	Бухара	Герат	Карши	Мерв	Самарканд	Хуттадян	стерто
Самарканд	914	913	Б. г.	—	914 911 908 907 906 901 900 899	Б. г.	914 907
Карши	91.	—	—	—	Б. г.	—	9..
Кеш	90.	—	—	—	—	—	—
Куфин	916 907	—	—	—	907	—	Б. г.
Стерто	—	—	—	912	—	—	—

ся веса монет, масштаба цен, типов монет, а также типов и назначения надчеканов, можно достаточно ясно нарисовать картину общего и особенного в монетной политике Бухары и Самарканда.

В 917 г. х. указный вес медных динаров Бухары и Самарканда был понижен до уровня, отмечаемого средним весом в 3,1—3,2 г,— это признак общего. В 918 г. х. указный вес динаров был еще несколько понижен — это тоже признак общего. Но в Бухаре оба снижения веса проводились замаскированно, «внутри» типов, в Самарканде же — открыто, с переходом к новому типу или варианту — это признак особенного. Признак особенного — и размер второго снижения весового стандарта, не одинаковый в Бухаре и Самарканде. Средний вес двойных динаров не точно в 2 раза выше среднего веса одинарных (это признак общего); он то выше удвоенного теоретического размера, то ниже его и по-разному в двух городах [372].

Монеты, которые были бы специально отчеканены в качестве меньших кратных динара, для Бухары и Самарканда этих лет пока не обнаружены. Опыт предшествующих этапов (гл. IV/2 и VI) убеждает в том, что меньшие кратные были нужны. Можно думать, что либо такие монетки еще будут обнаружены, либо их специально не чеканили. Правдоподобной кажется такая возможность, не выполняли ли функции меньших

кратных динара «старые» и «чужие» монеты без последних местных надчеканов. Право на выдвижение такой гипотезы дают, во-первых, пример региона Хисара (см. гл. VII/2), во-вторых, сосуществование в кладах монет с последними надчеканами и без них.

Итак, первым признаком общего в монетной политике Бухары и Самарканда можно считать то, что основным номиналом в обращении медных монет оставался одинарный динар, и это несмотря на все пережитые им на предыдущих этапах кризисы. Одинаковым было и отношение к чекану кратных: двойные динары выпускали оба города, функции меньших кратных выполняли скорее всего всякие «старые» и «чужие» монеты.

Общей для Бухары и Самарканда была практика изменения типов одинарных и двойных динаров, но число изменений в двух городах было различным, и это уже признак особенного. Общей для Бухары и Самарканда была практика надчеканивания монет, обмена монет при надчеканивании и даже организация временных монетных дворов в пригородных туманах для облегчения и полноты таких обменов. Но число акций, оформляемых надчеканами, и даже их конкретное назначение в Бухаре и Самарканде не были одинаковыми, и это также признак особенного.

Изменение типа монет — это внешняя форма очередной их перегруппировки, когда монеты старого типа либо вовсе запрещали, либо оставляли в обращении по более низкому курсу, фактически — на правах того или иного меньшего кратного основного номинала. Наша типологическая классификация одинарных и двойных динаров, максимально формализованная в рамках разработанных содержательных критериев (гл. II/1), конечно, не абсолютно адекватна числу перегруппировок. Признаки монет, объявленных «новыми» и полнокурсными, могли быть шире. Уже отмечалось, что в рамках типологической классификации есть «пары» типов: типы с одинаковыми л. ст., но разными об. ст. (то орнамент, то дата словами). С позиции типологической классификации — это разные типы. С реальных позиций того времени такие «пары» типов могли выпускать одновременно, а это значит, что они оформляли не две, а одну акцию с перегруппировкой монет. Некоторые косвенные данные подтверждают однозначность «пары» типов. Считая «пары» типов одной общей акцией перегруппировок, мы все же вынуждены зафиксировать слишком большую разницу в числе типов монет, выпущенных в Бухаре и Самарканде. Неодинаковым было число акций, оформленных в это же время и надчеканами: для Бухары зафиксирован только один надчекан (тип 3), для Самарканда — три (типы 1, 2, 4). Надчекан типа 4 Самарканда здесь специально не рассматривается, так как неясно его хронологическое место по отношению к надчеканам типов 1—2, но он был, значит в Самарканде было три акции.

В чекане Бухары за 916—919 гг. х. зафиксирован выпуск всего только двух типов динаров (13 и 15) и двух типов двойных динаров (14 и 16), а в промежутке — надчекан типа 3 первой группы первого разряда. Можно следующим образом реконструировать ситуацию. В 917 г. х. начали производить надчеканивание, с этих пор только надчеканенные монеты (которыми оказались «чужие», свои «старые» и свои 917 г. х.) считались полнокурсными динарами данги. Динары типа 13 без надчеканов были либо изъяты (надчеканивание обусловлено обменом), либо скорее получили низкий курс, стали кратными надчеканенных монет. Норма обмена и новый статус (или запрет) ненадчеканенных монет были столь невыгодны населению, что вызвали массовый отлив динаров Бухары 917 г. х. в Самарканд. Эта первая перегруппировка на базе надчекана и обмена была продолжительным процессом, захватившим часть 918 г. х. Первая перегруппировка не коснулась двойных динаров. В 918 г. х. была произведена вторая перегруппировка, она коснулась и динаров, и двойных динаров, причем на этот раз на базе выпуска новых монет. Это, очевидно, означает, что надчекан типа 3 перестал быть знаком полнокурсности динаров, динары с надчеканом типа 3 оказались в разряде «старых». Это, в свою очередь, хорошо объясняет вторую волну отлива монет из Бухары в Самарканд (и в регион Хисара, но об этом см. гл. VII/2). На этот раз в Самарканд из Бухары уходили монеты с надчеканом типа 3, только так можно понять сосуществование в Самаркандском кладе на одних монетах надчеканов типа 3 с самаркандскими и прочими надчеканами типов 1—2. Таким образом, на протяжении 916—919 гг. х. в Бухаре были произведены две основательные перегруппировки, которые вызвали двукратный отлив динаров из Бухары, принеся населению большие убытки, а казне — прибыль.

В чекане Самарканда выявлено для рассматриваемого времени 12 типов динаров и четыре типа двойных динаров. Среди одинарных динаров восемь типов безусловно образуют четыре «пары» (см. табл. 22), т. е. четыре акции перегруппировок. Некоторые типы являются результатом случайного соединения штампов других типов, они здесь не учитываются (см. выше). Иначе говоря, в Самарканде после первого выпуска 917—918 гг. х. («пара» типов 22—23) могло быть пять перегруппировок динаров на базе чекана каждый раз нового типа или новой «пары» типов. Надчеканы типов 1—2 не производили в Самарканде перегруппировок динаров, у них была другая задача: дополнить монетную массу своих динаров. Это и понятно. При частых перегруппировках дать рынку потребное количество динаров на базе одного лишь выпуска «новых» монет было трудно технически, выпуск «новых» монет был сложной и многочастной операцией, доходы от таких выпусков снижала цена металла и работы. Добавить к «новым» динарам какое-то

количество монет с помощью надчеканов (экономически дешевых, а технически простых и быстрых) было удобно. Надчеканы типа 2 накладывались долгое время: они, возможно, в 917 г. х. предшествовали первому выпуску «новых» монет (типов 22—23), а затем производились параллельно с ними и со следующими. Надчеканы типа 1 оформили перегруппировку вне пределов местных динаров. Достоинство монет с надчеканами типа 2, а затем типа 1 неизвестно. Важно, что два фискальных мероприятия с надчеканиванием проводились совершенно независимо от динаров, выпускавшихся в Самарканде в 917—919 гг. х. и, в свою очередь, подвергавшихся перегруппировкам вне всякой зависимости от надчеканивания совсем других монет. Во втором разделе данной главы будет показано, что имел место значительный отлив в регион Хисара самаркандских монет выпуска 917—919 гг. х. и монет с надчеканами типов 1—2. Это результат фискальных перегруппировок монет и параллельных мероприятий с надчеканами.

По числу типов двойных динаров Самарканд также отличен от Бухары. В Самарканде уже сейчас выявлено четыре типа двойных динаров. После выпуска в 917—918 гг. х. раннего типа двойных динаров (тип 22) произведено было две или три перегруппировки, а то и больше, ибо вполне возможно обнаружение новых типов двойных динаров, поскольку в Самарканде их, как правило, чеканили одновременно с одинарными и оформляли одним типом.

Все сказанное позволяет заключить, что в монетной политике Бухары и Самарканда признаком общего были только основные принципы организации чекана и обращения медных монет, конкретные же формы эксплуатации монетной регалии и конкретные слагаемые денежного рынка являются признаком особенного. Следует также подчеркнуть, что локальные варианты выпуклую форму обрели после того, как во втором месяце 918 г. х. Шейбаниды вернули себе центральный Мавераннахр: Бухара досталась влиятельному шейбаниду 'Убайдаллах-хану, а Самарканд — безвластному главе династии Кучкунчи-хану. Сепаратная монетная политика владетелей Самарканда и Бухары как бы раздробила государство Шейбанидов на две части, на две сферы влияния: одни удельные владетели присоединились к Бухаре, другие — к Самарканду, что особенно убедительно и наглядно демонстрируют надчеканы. Надчеканы, примерно в одно время производившиеся в пределах этих двух сфер, совершенно разнотипны. Они еще больше закрепили уже до этого сложившееся разграничение, когда в Самарканде и Бухаре положение иногородних динаров отличалось от положения динаров местных. Но не только закрепили, но и расширили, наполнили новым содержанием. Сферу влияния каждого из двух этих городов определяли факторы в первую очередь, конечно, экономические (торговая заинтересованность мелких и

средних городов в рынках Бухары или Самарканда). Однако разные отношения и группировки среди членов шейбанидского дома могли также оказывать давление при выборе «экономического союзника».

2. Регион Хисара в первой половине второго десятилетия XVI в.

Основным источником изучения монетной политики и денежного обращения в регионе Хисара является Нурекский клад; контрольные функции выполняют еще два клада, сложившиеся в одно время с Нурекским, а также внекладовые монеты разных музеев. Нурекский клад обработан нами статистически и классификационно, здесь приведены типостатистические данные, наиболее существенные для характеристики ситуации в регионе Хисара первой половины второго десятилетия XVI в.[373]. Большие размеры клада и количественная представительность важнейших монетных типов открыли возможность получить надежные результаты при изучении веса.

А. Нурекский клад и состав монетной массы в регионе. В Нурекском кладе — одна именная медная монета Тимура и 1292 анонимные монеты, отчеканенные на 14 монетных дворах. Чекан 10 монетных дворов (Андиджан, Балх, Герат, Карши, Кеш, Кундуз, Мерв, Ниса, Ташкенд, Шахрухиййа) представлен небольшим числом монет (всего 27 экз.). Основу Нурекского клада составляют монеты Бухары, Самарканда, Хисара и Хутталяна. Расчет процентного соотношения количества монет этих четырех монетных дворов производится не от общего числа анонимных монет клада (1292 экз.), а за вычетом 188 экземпляров со стертым наименованием монетного двора, т. е. от 1104. Монет Бухары в кладе 169, что составляет свыше 15,3%. Монет Самарканда 355, но к чекану Самарканда отнесены также 15 монет трех типов без обозначения монетного двора (типы 40—42, табл. 28; обоснование такой атрибуции см. гл. II/2). Следовательно, всего монет Самарканда 370, что составляет около 33,6%. А это значит, что чекан Бухары и Самарканда вместе дает 48,9%, т. е. немногим менее половины. Монет Хисара в кладе 366 (свыше 33,2%), Хутталяна — 66 (около 6%). Еще 44 монеты, не сохранившие наименования монетного двора, по всем типовым признакам принадлежат чекану Хисара или Хутталяна. На этих же двух монетных дворах или на одном из них были выпущены 53 монеты без обозначения монетного двора и даты (обоснование атрибуции см. гл. II/3). Всего, следовательно, монет Хисара и Хутталяна 529, т. е. 48%.

Типостатистические данные о монетах Бухары, Самарканда, Хисара и Хутталяна сведены в табл. 28. Привлекает внимание тот факт, что все четыре монетных двора представлены значительным числом типов в Нурекском кладе.

Таблица 28

Типостатистический состав монет Бухары, Самарканда, Хисара, Хутталяна в Нурекском кладе*

В/к №	Монетный двор	Тип (гл. II/2–3)	Год хиджры	Всего монет	В том числе	
					без надчеканов	с надчеканами
7	Бухара	3	832	4	0	4
8		4	89.	1	0	1
8		4	90.	1	0	1
9		5	89.	2	0	2
9		5	900	3	0	3
9		5	90.	1	0	1
10		8	907	3	3	0
11		10	913	2	2	0
11		10	91.	1	1	0
12		11	914	2	1	1
12		11	91.	1	1	0
12		11	[91.]	6	4	2
13		12	914	2	0	2
14		13	917	21	12	9
14		13	91.	9	0	9
16		14	917	17	16	1
16		14	918	2	2	0
15		15	918	76	75	1
17		21	Б. г.	8	1	7
?		?	91.	2	2	0
?		?	9..	1	0	1
?		?	—	4	0	4
26	Самарканд	9	898	1	0	1
26		9	89.	2	0	2
27		10	90.	1	0	1
28		11	901	1	0	1
28		11	Б. г.	9	5	4
29		13	906	2	0	2
30		16	907	1	1	0
31		17	907	3	2	1
31		17	908	1	1	0
32		18	910	3	3	0
33		19	9[11]	1	0	1
34		20	914	10	6	4
35		22	917	62	58	4
35		22	918	17	17	0
35		22	91.	7	5	2
36		25	918	124	124	0
37		26	918	6	6	0
39		28	918	30	30	0
39		28	919	32	32	0
39		28	91.	9	9	0
38		29	918	5	5	0
38		29	91.	5	5	0
40		35	Б. г.	16	16	0
42		38	Б. г.	2	1	1
41		39	Б. г.	4	1	3

Продолжение табл. 28

В/к №	Монетный двор	Тип (гл. II/2—3)	Год хиджры	Всего монет	В том числе	
					без надчеканов	с надчеканами
?	Самарканд	?	91.	1	0	1
59	Не обозначен	40	Б. г.	3	3	0
60		41	Б. г.	7	7	0
57		42	917	4	4	0
57		42	918	1	1	0
46	Хисар	3	907	1	1	0
47		7	917	148	148	0
47		7	918	95	95	0
47		7	91.	71	71	0
47		7	Б. г.	32	32	0
45		8	9..	1	1	0
48		9	Б. г.	3	0	3
51		12	Б. г.	1	1	0
49—50		13	Б. г.	11	8	3
?		?	9..	1	1	0
?		?	—	2	0	2
52	Хутталян	4	Б. г.	59	59	0
53		5	Б. г.	5	5	0
54		6	Б. г.	1	1	0
—		7	Б. г.	1	1	0
47 и (или) 52	Хисар и (или) Хутталян	7 и (или) 4	стерт и Б. г.	44	44	0
58	Не обозначен	—	Б. г.	53	51	2

* Примечания: В/к № — внутрикладовые номера типов в нашей статье, которая является наиболее полной публикацией Нурекского клада (см.: Давидович. Денежное хозяйство <...> во втором десятилетии XVI в.); б. г. — без года; — причина отсутствия даты неизвестна (стерта или не проставлялась).

Если первая особенность Нурекского клада заключается в том, что он в основном (на 97%) состоит из монет Бухары — Самарканда и Хисара — Хутталяна, то вторая его особенность — состав в хронологическом разрезе (табл. 29). Разновременные монеты в составе клада количественно образуют три четкие хронологические группы (I, II, III). При определении числа монет во II и III группах учтены не только экземпляры, имеющие и сохранившие даты полностью, но и те 123 монеты 91. г. х., в

Таблица 29

Хронологические группы монет и их количество в Нурекском кладе

Монетный двор	Хронологическая группа, годы хиджры			
	I 819—832	II 896—916	III 917—919	?
Андиджан	—	1	—	—
Балх	—	4	2	6
Бухара	4	33	125	7
Герат	—	1	—	—
Карши	—	—	—	1
Кеш	—	—	—	1
Кундуз	—	—	—	2
Мерв	—	2	—	1
Ниса	—	1	—	—
Самарканд	—	36	313	6
Ташкенд	—	4	—	—
Хисар	—	2	346	18
Хутталян	—	—	64	2
Хисар и Хутталян	—	—	44	—
Шахрухийа	1	—	—	—
Не обозначен	—	9	68	—
Стерт	2	6	28	152
Всего	7	99	990	196
% к 1096	0,64	9,03	90,33	—

надписях которых отсутствует слово единиц. Такие монеты могут относиться и ко II группе (896—916 гг. х.) и к III (917—919 гг. х.). Типологическая классификация позволила совершенно точно установить для 110 монет, что девять относятся ко II хронологической группе, а 101 — к III. В кладе 268 монет, на которых дата их выпуска вообще не была обозначена (см. табл. 28). Однако бóльшую их часть можно уверенно распределить по хронологическим группам, а иногда и точно датировать (методы датировки монет, чеканенных без обозначения года их выпуска, рассмотрены в гл. II/1). К III хронологической группе относятся: 16 монет Самарканда типа 35; 32 монеты Хисара типа 7; 64 монеты Хутталяна типов 4—5; 44 монеты со стертым наименованием монетного двора, но по типовесовым признакам — это тип 7 Хисара и (или) тип 4 Хутталяна, т. е. всего 156 экземпляров. Кроме того, из монет без дат и без обозначения монетного двора к III хронологической группе принадлежат по типовесовым признакам 15 монет типов 40—42, приуроченные к Самарканду, и 53 экземпляра, приуроченные к чекану Хисара и (или) Хутталяна, т. е. еще 68 монет. Таким

образом, из 268 монет без обозначения года выпуска 224 следует включить в III хронологическую группу. С другой стороны, 20 монет следует включить во II хронологическую группу: это восемь монет Бухары типа 21, девять монет Самарканда типа 11 и три монеты Балха — все без дат. Но наличие на этих монетах ранних надчеканов первой группы первого разряда отсекает возможность их отнесения к III хронологической группе.

Для 196 монет ни индивидуальное время их производства, ни принадлежность к одной из трех хронологических групп установить не удалось: в табл. 29 они числятся в отдельной графе со знаком вопроса. Процентное распределение монет по трем хронологическим группам вычислено поэтому не от 1292, а от 1096 монет. Получается, что монет I хронологической группы — 0,64%, II — 9,03%, а III — 90,33%. Цифры совершенно убедительные: основу клада составляют монеты III хронологической группы — 917—919 гг. х. Сразу отметим существенное сходство Нурекского клада с Самаркандским и Ташкентским: основа последних — также монеты этих лет. Эти годы, следовательно, являются совершенно определенным этапом монетного чекана и денежного обращения в обоих регионах. Это — признак общего. А признак локального — состав по монетным дворам. В Нурекском кладе из 990 монет рассматриваемого этапа на долю «пришлых» монет Бухары и Самарканда приходится около 45,76% (453 монеты), а на долю Хисара и Хутталяна — 51,22% (507 монет). В Самаркандском же кладе монеты Хисара единичны вообще. Итак, состав Нурекского клада позволяет предположить, что денежную торговлю этого этапа в сфере обращения медных монет на территории региона Хисара почти в равной степени обеспечивали монеты местного выпуска и центрального Мавераннахра.

Существенно и следующее: почти все эти монеты не надчеканены. Надчеканы оказались только на 20 монетах Бухары, на шести монетах Самарканда и на двух монетах хисарско-хутталянского происхождения (типа без обозначения монетного двора и даты), т. е. всего на 28 монетах из 960 монет Бухары, Самарканда, Хисара и Хутталяна этого этапа.

Из этих 28 монет только одна была надчеканена в Хисаре (тип 3 надчекана первой группы первого разряда), остальные попали в регион Хисара уже надчеканенными, причем надчеканенными главным образом там же, где они были выпущены, или поблизости от места их выпуска. Например, из 20 надчеканов на монетах Бухары наименование монетного двора прочтено на 17 надчеканах, причем 10 сделаны в самой Бухаре, а четыре — в Вабкана, одном из бухарских туманов. Из шести надчеканов на монетах Самарканда наименование монетного двора сохранили четыре надчекана — и это Самарканд. Следовательно, эти надчеканы характеризуют специфику денежного

Таблица 30

Одинарные и двойные динары Бухары и Самарканда 917—919 гг.х. в Нурекском кладе

Монетный двор	Тип	Год хиджры	Количество	
			1 динар	2 динара
Бухара	13	917, 91.	30	—
	14	917, 918	—	19
	15	918	76	—
Самарканд	22	917, 918, 91.	2	84
	25	918	124	—
	26	918	6	—
	28	918, 919, 91.	71	—
	29	918, 91.	10	—
	35	Б. г.	16	—
Не обозначен	40	Б. г.	—	3
	41	Б. г.	7	—
	42	917, 918	5	—

обращения на территории центрального Мавераннахра, а не региона Хисара.

По материалам кладов, происходящих из центрального Мавераннахра, в Бухаре и Самарканде в 917—919 гг. х. кроме основного номинала чеканили и двойные динары, но в небольшом количестве: основу кладов составляют монеты достоинством в один динар, двойные динары 917—919 гг. х. в одних кладах вовсе отсутствуют, в других — единичны.

Несколько иную картину рисует Нурекский клад. Правда, и в нем из монет Бухары и Самарканда 917—919 гг. х. преобладает основной номинал — динар, что отражает объективную ситуацию — объемность выпуска в центральном Мавераннахре именно динаров. Но в Нурекском кладе относительно много и двойных динаров Бухары и Самарканда, что отражает либо специфику денежного рынка региона Хисара (и тогда это закономерность), либо вкусы владельца клада, его отбор (и тогда это случайность). Из табл. 30 видно, что чекан Бухары и Самарканда 917—919 гг. х. представлен в Нурекском кладе 12 типами (о типах 40—42 см. гл. II/2), причем 10 типов — одинарные динары, а три — двойные (тип 22 Самарканда — общий для одинарных и двойных динаров). Сразу следует подчеркнуть два существенных обстоятельства: в Нурекском кладе представлены не все типы двойных динаров Бухары и Самарканда 917—919 гг. х., тем не менее монет достоинством в два динара в нем больше, чем в Самаркандском кладе, хотя Нурекский клад в целом примерно в 2,5 раза меньше Самаркандского.

Б. Монеты Хисара и Хутталяна в Нурекском кладе и вопрос о масштабе цен. Из монет 917—919 гг. х. в составе Нурекского клада 51,22% (507 экз.) чеканены в Хисаре и Хутталяне. Это более чем достаточное количество для изучения их веса и определения их достоинства.

Два варианта монет Хисара типа 7 (гл. II/3, рис. 12/7) различаются только наличием или отсутствием даты цифрами в картуше л. ст. У монет первого варианта даты — 917 и 918 гг. х. Монеты без дат могли выпускать одновременно и параллельно с датированными (такие примеры известны), но не следует упускать из виду другую возможность (особенно учитывая отсутствие монет Хисара 919 г. х., хотя в кладе этот год представлен монетами Самарканда): монеты без дат чеканены позже (или раньше) датированных.

Графическая таблица веса всех монет Хисара типа 7 (рис. 36) совершенно четко показывает следующее: во-первых, все монеты по весу являются двойными динарами; во-вторых, весовой стандарт в чекане двойных динаров изменялся. На рис. 36 отчетливо выделились два весовых «треугольника»: вершина первого фиксирует средний вес в 5,5 г, вершина второго — в 4,6 г. Когда же произведено было изменение весового стандарта? Три отдельные гистограммы веса двойных динаров Хисара за 917, 918 гг. х. и без дат рисуют следующую картину (рис. 37). 148 монет 917 г. х. образовали четкий весовой «треугольник», вершина которого фиксирует средний вес в 5,5 г[374]. Не менее четкий весовой «треугольник» образовали 32 монеты без дат, но здесь его вершина фиксирует средний вес в 4,6 г. Монеты же 918 г. х. (95 экз.) расположились двумя компактными группами: вторая группа дает средний вес в 4,6 г,

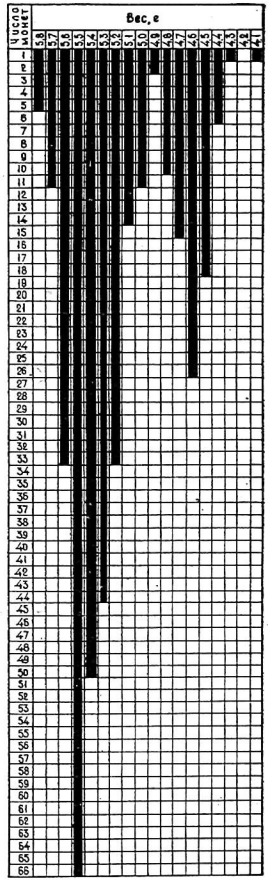


Рис. 36. Вес двойных динаров Хисара (тип 7) 917/1512-13, 918/1513-14 гг. и без даты в Нурекском кладе

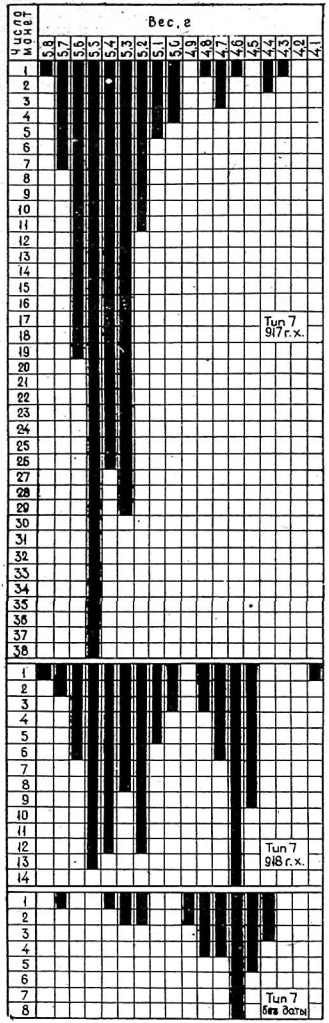


Рис. 37. Движение среднего веса двойных динаров Хисара типа 7 917—918 гг. х. и без даты

первая — не имеет четкой «весовой вершины», монеты 918 г. х. (как и монеты 917 г. х.) расположены в пределах 5,0—5,8 г.

Ясно, что изменение весового стандарта в чекане двойных динаров Хисара было произведено в 918 г. х. В 917 и в начале 918 г. х. выпускали двойные динары, средний вес которых — 5,5 г, а в 918 г. х. был введен весовой стандарт, зафиксированный средним весом в 4,6 г. Но не совсем пока ясно, сразу ли так значительно был изменен весовой стандарт (разница между средним весом 5,5 г и 4,6 г составляет 0,9 г), или здесь имело место постепенное снижение (средний вес 5,5, 5,2 и 4,6 г). Иначе говоря, нет никаких сомнений в том, что высокий весовой стандарт (зафиксированный средним весом в 5,5 г) отменен был именно в 918 г. х. и в этом же году был введен низкий весовой стандарт (зафиксированный средним весом в 4,6 г). Но не исключено, что в 918 г. х. использовался еще один весовой стандарт — промежуточный между этими двумя[373].

Что касается монет Хисара без дат, то ясно, что они не выпускались ни раньше датированных, ни в 917 г. х., ни даже в начале 918 г. х. Их средний вес заставляет предположить, что штампы без дат начали изготовлять не ранее второй части 918 г. х., а монеты без дат чеканили в 918 г. х. параллельно с низковесными датированными монетами этого года или позже последних, т. е. уже в 919 г. х. по тому же заниженному весовому стандарту, который был принят еще в 918 г. х. Впрочем, возможно то и другое.

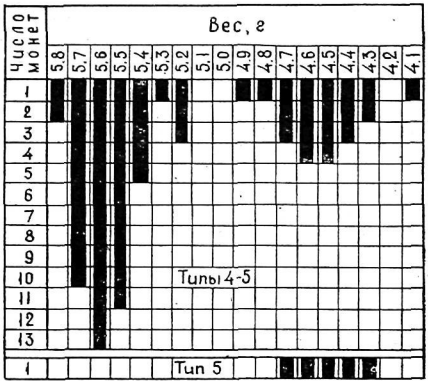


Рис. 38. Вес двойных динаров Хутталяна (типы 4—5)

Монеты Хутталяна типов 4—5 без дат мы по признакам внешнего оформления сочли чеканенными в одно время с монетами Хисара. Их вес дает еще одно тому доказательство (рис. 38). Сводная таблица веса обоих типов (64 экз.) показывает такие же две четкие весовые группы, как и сводная таблица веса монет Хисара. Вершины двух весовых «треугольников» фиксируют два средних веса: 5,6 и 4,5—4,6 г. Изменение весового стандарта произошло «внутри» типа 4, монеты типа 5 низковесные (следовательно, более поздние). В Хисаре и Хутталяне снижение весового стандарта произошло в одно время, т. е. в 918 г. х.

Чрезвычайно интересен вес монет одного типа без наименования монетного двора и даты чекана (53 экз.). Орнаменты обеих сторон этих монет позволили нам отнести их к хисарско-хутталянской группе 917—918 гг. х. Таблица веса (рис. 39) показывает, что одна часть монет этого типа (в дальнейшем именуемого «орнаментальным») чеканена по более высокому весовому стандарту, чем монеты Хисара типа 7 и Хутталяна типа 4, другая же часть — по тому же весовому стандарту, что и хисарско-хутталянские монеты. Основная часть монет орнаментального типа расположена в весовых пределах 5,1—6,2 г. Нижний весовой предел (5,1 г) соответствует нижнему весовому пределу высоковесных монет Хисара (5,0 г) и Хутталяна (5,2 г), но верхний (6,2 г) — много выше верхнего весового предела высоковесных монет Хисара и Хутталяна (5,8 г). Важно, что высокий вес монет орнаментального типа в пределах 5,8—6,2 г нельзя объяснить случайным отклонением за пре-

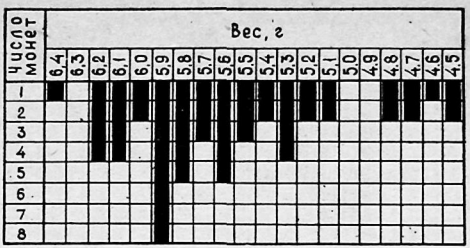


Рис. 39. Вес двойных динаров орнаментального типа (регион Хисара).

делы ремедиума, так как из 44 монет (вес=5,1—6,2 г) более половины весят 5,8—6,2 г (23 экз., не считая одного, весящего 6,4 г).

График веса монет орнаментального типа «размыт», он не имеет вида «треугольника» с вершиной, фиксирующей один средний вес. Такой его вид и приведенные выше расчеты заставляют заключить, что 44 монеты этого типа «скрывают» два весовых стандарта, причем один — выше весового стандарта высоковесных монет Хисара и Хутталяна. Если наибольший средний вес хисарско-хутталянских монет — 5,6 г, то наибольший средний вес монет орнаментального типа — 5,9 г. Можно предположить, что второй «скрытый» весовой стандарт монет орнаментального типа равнялся наибольшему весовому стандарту монет Хисара типа 7 и Хутталяна типа 4.

Итак, в чекане Хисара типа 7 и Хутталяна типов 4—5 по весовым данным монет этих типов была выявлена ясная тенденция с н и ж е н и я весового стандарта, убедительно документированная датированными монетами Хисара. Согласно последним высокий средний вес (5,5 г) был р а н н и м (917 — начало 918 г. х.), а низкий средний вес (4,6 г) — п о з д н и м (вторым или, возможно, даже третьим). Можно поэтому заключить, что наиболее высоковесная группа монет орнаментального типа (средний вес 5,9 г) предшествовала хронологически началу выпуска монет Хисара типа 7 и Хутталяна типа 4. Затем монеты орнаментального типа в весовом отношении влились в «весовое русло» монет Хисара — Хутталяна. Возможно, маленькая группа (6 экз.) низковесных монет орнаментального типа (вес в пределах 4,5—4,9 г; см. рис. 39) в свете предложенного толкования тоже не случайна, ибо она вполне отвечает позднему среднему весу Хисара и Хутталяна в 4,6 г.

Где чеканили монеты орнаментального типа: в Хисаре, Хутталяне или еще на каком либо монетном дворе региона Хисара? Уверенно ответить на этот вопрос нельзя, но Хисар кажет-

ся наиболее вероятным «претендентом»; так как монеты орнаментального типа хронологически предшествовали типу 7 Хисара и типу 4 Хутталяна, правдоподобно заключить, что чекан был начат именно в Хисаре как главном городе удела[376].

Рассмотрение веса монет типа 7 Хисара, типов 4—5 Хутталяна и орнаментального типа, относящихся к тому этапу денежного обращения, который определен датированными монетами 917—919 гг. х. (и в Нурекском кладе составляющих более половины монет), позволяет сделать следующие выводы. Все монеты этих четырех типов по достоинству являются двойными динарами. Самые ранние среди них — наиболее высоковесные (средний вес 5,9 г) монеты орнаментального типа: они были выпущены в первую часть 917 г. х. или того раньше. Место выпуска точно неизвестно, но скорее всего это Хисар. Затем весовой стандарт был понижен и введены новые типы монет. В 917 г. х. (или во вторую часть этого года) и в начале 918 г. х. выпускались двойные динары, средний вес которых равен 5,5—5,6 г. Продолжался чекан монет орнаментального типа, но основная масса монет, чеканенных по новому весовому стандарту,— это двойные динары Хисара типа 7 с датой цифрами (917—918 гг. х.) и двойные динары типа 4 Хутталяна без даты (последние — в относительно меньшем количестве). В конце 918 г. х. была проведена новая весовая реформа: с этого времени выпускаются двойные динары, средний вес которых — 4,6 г (или 4,6—4,5 г). Это монеты того же типа 7 Хисара с датой цифрами (918 г. х.) или без даты; это монеты типов 4—5 Хутталяна без дат[377]. Чекан двойных динаров по этому последнему весовому стандарту продолжался, возможно, и в 919 г. х. (тогда это монеты Хисара типа 7 без даты).

Сразу нужно оговорить, что монеты типа 7 Хисара и типов 4—5 Хутталяна в составе Нурекского клада не имеют надчеканов. Из 53 монет орнаментального типа надчеканено только две: на одной — лишь след надчекана, на другой — два поздних надчекана, произведенных вне региона Хисара в хронологических рамках 917—919 гг. х.[378]. Две эти монеты орнаментального типа должны были, следовательно, попасть в центральный Мавераннахр, где на них наложили надчеканы, и потом вернуться в регион Хисара. Надчеканы поэтому можно рассматривать как свидетельство в пользу того, что орнаментальный тип монет в регионе Хисара действительно среди всех типов двойных динаров изучаемого отрезка времени является ранним. В целом же все типы двойных динаров, чеканенных в Хисаре и Хутталяне с 917 г. х. (или с несколько более раннего, но близкого времени), обслуживали рынки региона Хисара на протяжении всего рассматриваемого этапа без тех курсовых перемен или запретов и обменов, которые в денежном обращении производились посредством надчеканов.

Априорно можно заключить, что торговлю в сфере обраще-

ния меди не могли обеспечить монеты только одного достоинства — двойные динары. Кроме того, уже существовала своя, местная традиция: реформа Хосроу-шаха в 907/1501-02 г. дала рынку монеты сразу трех достоинств. Какие же монеты выполняли функции меньших кратных в 917—919 гг. х.? Неясно, был ли специальный выпуск в эти годы одинарных динаров. Среди выявленных монет Хисара и Хутталяна ни один тип уверенно не может быть отнесен к этому отрезку времени в качестве одинарных динаров. Зато к этому отрезку времени относится надчекан типа 3 (квадратный картуш) первой группы первого разряда, произведенный в нескольких пунктах, в том числе в Хисаре. В Нурекском кладе, например, этот надчекан Хисара мы зафиксировали на иногородних монетах Балха, Бухары, Нисы, Самарканда (разных лет, в том числе 918 г. х.), на совершенно потертых монетах (не сохранивших наименования монетного двора, даты и даже типовых признаков), на монете 896 г. х. без наименования монетного двора и только на пяти монетах Хисара без дат, типов 9 и 13. Вне зависимости от времени выпуска монет Хисара типов 9 и 13 важно подчеркнуть самое главное в данной связи: монеты этих двух типов (судя по их весу и размерам) — одинарные динары. Иначе говоря, надчекан Хисара в квадратном картуше пока не зафиксирован ни на одном местном двойном динаре. В Самаркандском кладе эти надчеканы Хисара замечены только на потертых монетах.

Таким образом, надчеканы типа 3 первой группы первого разряда, относящиеся к 917—918 гг. х. (и, возможно, еще более позднему времени), в регионе Хисара не произвели никакого изменения в положении двойных динаров — основного номинала в обращении медных монет этого же времени. Ясно, что надчеканы типа 3 легализовали в регионе Хисара обращение других монет по какому-то определенному курсу, т. е. к основному средству обращения (двойным динарам Хисара — Хутталяна) добавляли еще одну группу монет, курс, достоинство которых (их отношение к двойным динарам) были объявлены и известны населению.

Можно было бы предположить, что надчекан типа 3 приравнивал надчеканенные монеты к двойным динарам как основному средству обращения. Однако слишком многое не согласуется с таким предположением. Заслуживает рассмотрения совсем другая версия: не выполняли ли монеты с надчеканом типа 3 первой группы первого разряда в регионе Хисара функцию одинарных динаров. В пользу этого предположения говорит следующее. Надчеканы типа 3 в квадратном картуше произведены были одновременно в ряде пунктов, сейчас выявлены четыре (Бухара, Вабкана, Замин, Хисар). Подавляющее большинство их зарегистрировано именно на динарах, включая многочисленные поздние динары самой Бухары 917 и даже 918 гг. х. Как показало исследование всей совокупности такого рода над-

чеканов, они служили признаком различения полнокурсных монет от ненадчеканенных; последние или вовсе запрещались или ходили по заниженному курсу.

Монеты, отмеченные однотипными надчеканами, получали равнокурсное обращение вне зависимости от того, на каком монетном дворе был произведен каждый конкретный надчекан. Если однотипные надчеканы производились по всему государству, то надчеканенные монеты получали равное обращение по всему государству. Иногда крупные удельные владетели проводили самостоятельную монетную политику и для дополнительного извлечения доходов ставили препоны обращению в своих уделах иногородних монет, иногородние ходили по более низкому курсу. Практическим критерием различения местных и иногородних монет в этом случае был разный тип самих монет или разный тип надчеканов (подробнее см. гл. IV/3). В рассматриваемое время удельные владетели двух крупнейших городов Средней Азии — Бухары и Самарканда — как раз и проводили во многом самостоятельную монетную политику. В силу этого и надчеканы этих двух городов, произведенные на этапе 917—919 гг. х.,— разнотипны. Более мелкие удельные владетели в силу экономических причин и политических соображений как бы «присоединялись» одни к Самарканду, другие к Бухаре. Образовывались своего рода «экономические союзы» уделов; они производили однотипное надчеканивание монет, и такие монеты получали равное обращение на территории «союзов». Хисар на этапе 917—919 гг. х. присоединился к Бухаре. Многочисленные надчеканы типа 3 Бухары и Вабкана оказались, как уже отмечалось, на бухарских же монетах — явных динарах 917 г. х. Эти надчеканенные динары (судя по составу того же Нурекского клада) обращались на территории региона Хисара, где их принимали по полному курсу (так как сам Хисар производил надчеканы того же типа), но именно как одинарные динары, каковыми они и были. Поэтому-то и не вызывает сомнений, что монеты, отмеченные аналогичным надчеканом в самом Хисаре, также рассматривались именно как одинарные динары. И ходили они по одному общему курсу со всеми монетами, на которых был надчекан типа 3 (вне зависимости от места его производства).

Существует еще один вопрос — статус в регионе Хисара всех остальных монет, которые входят в состав Нурекского и других местных кладов этого этапа, а именно «старых» местных и любых иногородних монет б е з надчекана типа 3 первой группы первого разряда. Одних «старых» монет первой и второй хронологических групп в Нурекском кладе (табл. 29) около 10%, а иногородних монет рассматриваемого этапа (917—919 гг. х.) б е з надчеканов типа 3 — и того больше. Естественно, возникает вопрос, закономерно или случайно их появление в кладе, т. е. определено ли оно особенностями денежного обра-

щения на этапе 917—919 гг. х. или какими-то частными причинами.

Самая ранняя монета в Нурекском кладе — именная монета Тимура. Это не случайность. Нам уже удалось зафиксировать монеты Тимура в кладах, сложившихся в конце XV в., в связи с чем была высказана мысль, что монеты Тимура обращались более столетия, на них не распространялись запреты, изъятия, надчеканивания: Объясняется это, очевидно, тем, что на медных монетах Тимура проставлено его имя, почтение к основателю династии и определило его монетам долгую жизнь. Монеты Тимура в Нурекском, Кум-Курганском и Самаркандском кладах (окончательно сложились к началу 920-х годов хиджры) продлевают «жизнь» монет Тимура еще по крайней мере на два десятилетия. Иначе говоря, медные монеты с именем Тимура могли участвовать в денежном обращении столетие с четвертью.

Послетимуровские монеты в Нурекском кладе мы разбили на три хронологические группы (табл. 29). Ранняя хронологическая группа (I) — семь монет 819—832 гг. х. Они оказались в Нурекском кладе не как участники денежного обращения в 917—919 гг. х., а в силу любых частных причин [379].

Ко II хронологической группе (896—916 гг. х.) в Нурекском кладе относится 99 монет (9,03%): 46 — без надчеканов, а 53— с надчеканами. Но из 53 надчеканенных монет только на 30 имеются поздние надчеканы типов 1—3 первой группы первого разряда, относящиеся к этапу 917—919 гг. х. Благодаря надчеканам эти 30 монет стали органической частью монетной массы 917—919 гг. х., причем 13 экземпляров, надчеканенные типом 3 Бухарско-Хисарского «экономического союза», в регионе Хисара выполняли функцию полнокурсных одинарных динаров (см. выше). Следовательно, на первый взгляд требуется объяснить причины появления в Нурекском кладе только тех 69 монет, на которых либо вовсе нет надчеканов (46 экз.), либо есть, но ранние (23 экз.). Однако это была бы неверная постановка вопроса.

Из табл. 31 следует, что надчеканы типов 1—3 первой группы первого разряда (этап 917—919 гг. х.) не сосредоточены на какой-либо одной, хронологически или территориально цельной группе монет. Среди монет почти каждого года и города есть экземпляры и с надчеканами типов 1—3, и без них. А это говорит о том, что монеты 896—916 гг. х. в какой-то форме «дожили» до 917—919 гг. х. Но нельзя упускать из виду тот существенный факт, что «дожила» лишь небольшая часть этих монет, так как основная их масса все же выпала из обращения, о чем свидетельствуют другие клады. С 896 по 916 г. х. было два серьезных рубежа. Денежная реформа 907/1501-02 г. Хосроу-шаха (гл. VI/2), проведенная им в рамках региона Хисара, привела к массовому здесь выпадению из обращения

Таблица 31

Вторая хронологическая группа: отношение общего числа монет (числитель) к монетам с надчеканами типов 1—3 первой группы первого разряда (знаменатель)

Дата, г. х.	Монетный двор											Всего
	Андижан	Балх	Бухара	Герат	Мерв	Ниса	Самарканд	Ташкенд	Хисар	не обозначен	стерт	
896										9/2		9/2
898							1/0					1/0
899					1/1						2/1	3/2
89.	1/0		3/1			1/1	2/2	4/2			1/0	12/6
900			3/1								2/0	5/1
901							1/0					1/0
902												
903												
904												
905												
906							2/2					2/2
907			3/0				4/1		1/0			8/1
908							1/0				1/0	2/0
909												
910							3/0					3/0
90.			2/2				1/0		1/0			4/2
911							1/1					1/1
912					1/1							1/1
913			2/2	1/0								3/0
914			4/2				10/2					14/4
915												
916		1/0										1/0
91.			8/2				1/1					9/3
без		3/1	8/1				9/3					20/5
Всего	1/0	4/1	33/9	1/0	2/2	1/1	36/12	4/2	2/0	9/2	6/1	99/30

предреформенных монет. Второй рубеж и второй «фильтр» — денежная реформа 914/1508-09 г. Мухаммада Шейбани-хана (гл. VI/3). Регион Хисара входил в состав государства Шейбанидов, реформа Мухаммада Шейбани-хана не могла не отразиться и на его денежном обращении.

Появление и легализация в 917—919 гг. х. после двух этих реформ-«фильтров» более ранних монет в небольшом количестве могут быть удовлетворительно объяснены следующим образом. С 917 г. х., а вернее, с еще более раннего времени, здесь на двух монетных дворах (в Хисаре и Хутталяне) чеканили в большом количестве двойные динары как основное средство об-

ращения в сфере торговли на медные монеты. Но медные монеты меньшего достоинства как вспомогательное средство обращения тоже были нужны. Чекан новых монет — всегда трудоемкий и дорогой процесс. Надчеканивание же — просто, дешево и быстро. В регионе Хисара в 917—919 гг. х. в качестве вспомогательных медных монет решили использовать «старые», в том числе еще в 907 г. х. (т. е. почти десятилетием раньше) запрещенные монеты. Откуда их взяли? Резерв этих монет был большим и разным. В свое время эти «старые» монеты было предложено обменивать, поэтому часть обмененных монет могла сохраниться в казне. Стоило разрешить их обращение, как их стали бы извлекать из частных накоплений, не обмененных в 907 г. х. Наиболее правдоподобным кажется, что правительство разрешило обращение этих «старых» монет, декретировав два достоинства: «старые» монеты с новыми (в том числе местными) надчеканами типа 3 (сделанными на этапе 917—919 гг. х.) в качестве одинарных динаров, а «старые» монеты без надчеканов типа 3 — в качестве какого-то еще меньшего номинала, кратного динару. Не имеет принципиального значения, сделано ли это было на базе монет, накопившихся в казне, на базе частных накоплений или комбинированно. Естественное затруднение, почему тогда ненадчеканенные монеты из частных накоплений не затопили рынки, снимается просто. Для них был назначен такой курс и такое малое достоинство, что это лимитировало извлечение их из частных накоплений. В противном случае, действительно, они затопили бы рынки. О том, что этого не произошло, как раз и свидетельствует состав Нурекского клада, в котором этих «старых» монет как с надчеканами, так и без них оказалось менее 10%.

Как уже упоминалось, из монет III хронологической группы (917—919 гг. х.) в регионе Хисара обращались не только местные двойные динары (чекан Хисара и Хутталяна) и местные одинарные динары (любые монеты, но с надчеканами типа 3 Бухарско-Хисарского «экономического союза»), но и иногородние монеты этих же лет без надчеканов типа 3 и вообще без всяких надчеканов, а также разные монеты с надчеканами типов 1—2 этих же лет, но другого, Самаркандского «экономического союза». Ясно, что этим современным, но «чужим» монетам в регионе Хисара была поставлена «курсовая» преграда, они выполняли здесь функцию меньших кратных динара. Правдоподобно, что у этих современных, но «чужих» монет и у рассмотренных выше «старых» монет в регионе Хисара было одно общее достоинство. Только в таком варианте не возникало практических затруднений: не нужно было знать и различать все эти разнообразные монеты, ибо критерием было наличие или отсутствие надчекана типа 3 в квадратном картуше.

Итак, в 917—919 гг. х. торговлю региона Хисара в сфере

обращения меди обеспечивали монеты минимум трех достоинств — традиционный здесь масштаб цен: 1) местные двойные динары этих лет как основной номинал; 2) одинарный динар (функцию которого выполняли монеты с надчеканами типа 3 «экономического союза» Бухара — Хисар); 3) мелкая кратная динара (функцию которой выполняли все иногородние и «старые» монеты без надчекана типа 3).

В. Сравнительная характеристика монетной политики и денежного обращения в регионе Хисара и в центральном Мавераннахре в 917—919 гг. х. В Ташкентском и Самаркандском кладах, как выше уже отмечалось, почти все монеты Бухары и Самарканда 917—919 гг. х. по достоинству являются одинарными динарами. Двойных динаров Бухары и Самарканда этих годов в Ташкентском кладе вообще нет, в Самаркандском же — они единичны. В Нурекском кладе среди монет Самарканда и Бухары 917—919 гг. х. также преобладают одинарные динары, но двойных динаров отнюдь не мало — 106 экземпляров (около 25%), что и в абсолютном и в процентном отношении показывает состав, принципиально отличный от состава и соотношения монет двух этих достоинств в Самаркандском кладе. Чем объясняется такое различие двух кладов: «капризами» их владельцев или особенностями денежного обращения? В Нурекском кладе все датируемые монеты Хисара и Хутталяна 917—918 гг. х. являются двойными динарами. А эта особенность клада — «каприз» его владельца или следствие специфики монетного чекана и денежного обращения на территории региона Хисара?

Для ответа на эти вопросы привлечем еще два клада, по своему составу чрезвычайно близкие Нурекскому: Сары-Камышский и Кум-Курганский. Оба клада статистически не обработаны. Но даже при беглом их осмотре стало ясно, что основу обоих кладов составляют монеты 917—919 гг. х., чеканенные в Хисаре (более всего), в Самарканде (тоже весьма много), в Бухаре и Хутталяне [380]. Монеты Хисара и Хутталяна этих лет в обоих кладах (судя по типу, размерам и отдельным взвешенным экземплярам) являются двойными динарами. Среди монет Самарканда и Бухары также есть двойные динары. В Сары-Камышском кладе (который мы имели возможность осмотреть более внимательно) много двойных динаров Самарканда типа 22 и Бухары типа 14.

Таким образом, в интересующем нас аспекте Сары-Камышский и Кум-Курганский клады позволяют заключить, что две отмеченные особенности состава Нурекского клада не являются случайностью, они повторяются в других кладах, следовательно, закономерны. Во-первых, хисарско-хутталянская группа представлена во всех трех кладах именно двойными динарами; во-вторых, двойных динаров Самарканда и Бухары 917—919 гг. х. в кладах, найденных в регионе Хисара, много больше, чем в

кладах, которые были найдены на территории центрального Мавераннахра.

Можно допустить, что в Хисарском уделе наряду с двойными динарами в 917—919 гг. х. чеканили и одинарные динары. Типы их еще предстоит выяснить. Но одно несомненно: если одинарные динары здесь выпускались, то явно в небольшом количестве по сравнению с двойными динарами. Иначе говоря, основным номиналом в сфере обращения медных монет в 917—919 гг. х. был именно двойной динар.

Разгадку этого на первый взгляд парадоксального явления нужно искать в особенностях денежного обращения более раннего времени. В 907/1501-02 г. Хосроу-шах, фактический владетель огромного Хисарского удела, завершил важную денежную реформу, необходимость которой была продиктована серьезнейшим кризисом денежного обращения. Не излагая здесь причины и форму кризиса, а также все содержание реформы (об этом см. гл. VI/2), отметим лишь ту ее часть, которая существенна для понимания выявленной закономерности монетного чекана 917—919 гг. х. Согласно реформе начался выпуск совершенно новых монет трех достоинств: один динар, два динара и мелкие монетки, являющиеся частью одинарного динара. Необходимо подчеркнуть, что достоинство одинарного и двойного динаров было обозначено в надписях на самих монетах. И не менее существенно, что с 907 г. х. и в последующее время (судя по составу кладов и по отдельным многочисленным находкам) не одинарный динар, а именно двойной стал основой денежного обращения в сфере розничной, мелкой торговли. Эти двойные динары чеканили на трех монетных дворах: в Хисаре, Термезе и Кундузе. Реформа Хосроу-шаха не только ликвидировала кризис денежного обращения, не только дала рынку «новые» монеты взамен «старых», дискредитированных, но и произвела существенную метаморфозу с масштабом цен: с 907/1501-02 г. основным средством обращения в сфере мелкой торговли был назначен двойной динар, а динар одинарный стал вспомогательным. Ясно, что во время кризиса денежного обращения имело место обычное в таких случаях падение покупной способности медных монет, их обесценение, что внешне имело вид повышения «медных цен» на продукты и товары. В данном случае это повышение цен было, очевидно, значительным и устойчивым и коснулось всех или основных продуктов и товаров широкого потребления. Можно говорить о том, что образовался устойчивый новый уровень цен, при котором одинарный динар уже не был удобен в качестве основного средства обращения, он стал при этом уровне цен слишком мелкой монетой. Новый уровень цен требовал в качестве основного средства обращения более крупную монету. Это было эмпирически понято и реализовано: вот почему основой пореформенного обращения стал двойной динар!

Прошло десятилетие, а положение не изменилось: в 917—919 гг. х. в регионе Хисара основой денежного обращения остался двойной динар [381]. Двойные динары 907 г. х. с изображением газели давно уже выпали из обращения (в Нурекском кладе, например, только одна монета — двойной динар Хисара 907 г. х.), но средние цены в сфере мелкой торговли сохранили тот уровень, при котором невозможно было возвращение к одинарному динару как основному средству обращения. С 917 г. х. в Хисаре и Хутталяне чеканят совсем новые монеты, чеканят в большом количестве, но это опять не одинарные, а именно двойные динары. Понятно также, почему в составе кладов, найденных в южном Таджикистане и южном Узбекистане, относительно большое количество и иногородних двойных динаров. Так как здесь именно двойные динары стали удобным и привычным средством обращения и положение это, раз сложившись, не менялось целое десятилетие, ясно, что двойные динары Самарканда и Бухары для местных рынков тоже были наиболее удобными и приемлемыми монетами.

Итак, две особенности состава Нурекского клада и близких ему Сары-Камышского и Кум-Курганского кладов являются отражением особенностей монетного чекана и денежного обращения на территории региона Хисара, которые, в свою очередь, восходят к переменам, происшедшим десятилетием раньше, на рубеже XV—XVI вв., и закрепленным денежной реформой 907/1501-02 г.

В центральном Мавераннахре и прилегающих районах положение было иным. В 907/1501-02 г. Хисар еще оставался в руках Хосроу-шаха, центральный же Мавераннахр был уже окончательно завоеван Мухаммадом Шейбани-ханом, основателем новой династии Шейбанидов. Шейбани-хан сразу же принял меры для нормализации и улучшения денежного хозяйства. Не рассматривая здесь все его мероприятия в этом направлении (подробнее см. гл. VI/1), отметим лишь, что главной задачей было налаживание равного общегосударственного обращения и серебряных и медных монет. В основу медного обращения положена была монета нового типа, но старого достоинства — в один динар.

Когда Мухаммад Шейбани-хан позже, в 913/1507-08 г., начал и в 914/1508-09 г. завершил свою кардинальную реформу (подробнее см. гл. VI/3), в основу обращения медных монет снова был положен именно одинарный динар (на самаркандском пореформенном динаре 914 г. х., как уже отмечалось, прямо в надписи указаны и вес и номинал). И впоследствии в этом отношении ничего не изменилось: в центральном Мавераннахре до 919/1513-14 г. включительно одинарный динар был основным средством обращения в сфере мелкой торговли. Весовой стандарт динара неоднократно изменяли, но в целом свои позиции он не сдавал. Кратные динара в центральном Мавераннах-

ре чеканили (в том числе и двойные динары), но они выполняли вспомогательную роль и поэтому выпускались в относительно небольших количествах. При просмотре и кладов, и музейных коллекций бросается в глаза эта количественная разница, особенно заметная по монетам Самарканда и Бухары: сотни и тысячи одинарных динаров, единицы и десятки кратных динара.

Следовательно, первая и весьма существенная разница в организации монетного дела и денежного обращения двух таких больших регионов, как центральный Мавераннахр и Хисар, заключалась в следующем: в 917—919 гг. х. основным средством обращения в сфере мелкой торговли центрального Мавераннахра был одинарный динар, а в регионе Хисара — двойной. Эта разница сложилась раньше, еще в 907/1501-02 г., и неизменно сохранялась до 919 г. х. включительно.

Но в 917—919 гг. х. различным было и общее состояние денежного обращения в двух этих регионах. Для территории центрального Мавераннахра эти годы были временем безудержной и беззастенчивой эксплуатации монетной регалии сначала Бабуром, а потом Шейбанидами (причем объектом были именно медные монеты), серьезнейшего общего кризиса денежного обращения, исчезновения серебряных монет, обесценения медных, роста цен и т. д. (подробнее см. гл. VII/3). Для ликвидации этого кризиса потребовалось провести денежную реформу (условно названную нами реформой Кучкунчи-хана). Ситуация в Мавераннахре 917—919 гг. х. напоминает ситуацию в регионе Хисара последнего десятилетия XV в. Но если Хосроу-шах к 907/1501-02 г. осуществил свою реформу в масштабах всего региона и сразу наладил на новых основаниях равное внутрирегиональное обращение монет, то Кучкунчи-хану (номинальному главе государства Шейбанидов и удельному владетелю Самарканда) для ликвидации кризиса денежного обращения, назревшего за 917—919 гг. х., и полного осуществления денежной реформы понадобилось более полутора десятилетий, реформа была завершена лишь к 1525 г. Причина здесь двоякая: глубина, сила самого кризиса и фактическое безвластие Кучкунчи-хана, в силу чего влиятельный удельный владетель Бухары долгое время осуществлял самостоятельную монетную политику.

Создается впечатление, что денежное обращение региона Хисара (в отличие от центрального Мавераннахра) в 917—919 гг. х. находилось в нормальном состоянии. В этом убеждают следующие факты. В регионе Хисара этого времени работали два монетных двора — Хисар и Хутталян. Основная их продукция — двойные динары, описанные под типовыми номерами 7 (Хисар) и 4 (Хутталян). Но по своему внешнему виду оба эти типа одинаковы (различаются лишь наименованием монетного двора), одинаковы их вес и размеры, следова-

тельно, они имели равное и однокурсное обращение по всему региону. Монеты орнаментального типа (чеканенные, очевидно, в Хисаре) частично предшествовали типу 7 Хисара и типу 4 Хутталяна, а затем чеканились параллельно с ними. Никаких типовых изменений — верных свидетелей фискальных махинаций — в чекане двойных динаров за 917—919 гг. х. в регионе Хисара не производилось. Надчеканы — второй верный показатель фискальных мероприятий. К рассматриваемому этапу относится только один тип местного надчекана (тип 3 первой группы первого разряда) — надчекан Хисара в квадратном картуше. Но этот надчекан никак не изменял положение двойных динаров 917—919 гг. х., он дал рынкам дополнительные средства обращения достоинством в один динар.

Все прослеженные особенности организации монетного чекана и денежного обращения в регионе Хисара в 917—919 гг. х. дают основание заключить, что здесь (в отличие от центрального Мавераннахра) в эти годы никакого кризиса денежного обращения не было. Остается только снижение весового стандарта в чекане двойных динаров Хисара и Хутталяна. Но само по себе снижение веса (особенно в небольших размерах) при условии, что общее количество монет соответствует или не превышает значительно сумму товарных цен при быстроте оборота того времени, серьезных нарушений в денежное обращение не вносит.

3. Кризис денежного обращения в центральном Мавераннахре и реформа Кучкунчи-хана

Отрезок времени с 917/1511-12 по 919/1513-14 г. характеризуется необычайным приростом монетной массы. Важно, что за эти три года чекан монет не был равномерным, основная масса была выпущена в 918/1512-13 г. Например, в Самаркандском кладе из монет 917—919 гг. х. на долю 918 г. х. приходится более 80%, в Ташкентском кладе — более 77%. Даже Нурекский клад, сложившийся в другом регионе, в части количества монет Бухары и Самарканда и преобладания среди них монет 918 г. х. не отличается от местных кладов. Отметим, что Самарканд производил монет намного больше, чем Бухара. Второй важной приметой этого времени была интенсивная эксплуатация монетной регалии, причем в такой форме, которая не снижала уровень монетной массы, а иногда способствовала его росту. Например, серьезное приращение монетной массы в Самарканде произошло за счет надчекана типа 2 первой группы первого разряда, который легализовал всякие «старые» и «чужие» монеты в течение 917 и части 918 г. х. Самаркандский надчекан типа 1 отменил действие надчекана типа 2, но за остальную часть 918 и за 919 г. х. добавил другую

партию «старых» и «чужих» монет, так что сокращения общей монетной массы не произошло. Курсовые перегруппировки на базе выпуска монет новых типов с изменением статуса «старых» (в Самарканде, возможно, пять раз; в Бухаре — один) также не снижали уровня монетной массы, к тому же лишали ситуацию стабильности. Основная часть этих фискальных мероприятий падает на 918 г. х. Надчекан типа 3 первой группы первого разряда, произведенный в Бухарском «экономическом союзе» вместо выпуска динаров нового типа, в конечном счете даже, вероятно, увеличил количество средств обращения, так как в значительной степени его накладывали и на «старые», потертые монеты, которые тем самым обретали достоинство целых динаров. В 919 г. х. чекан монет в Бухаре и Самарканде сократился, но все же некоторое приращение монетной массы продолжалось. После 919 г. х. началось выпадение монет в клады.

А вот что сообщает Васифи, живший в 918 г. х. в Самарканде: «В этом году дороговизна и голод в Самарканде достигли такой степени, что народ не видел [другого хлеба], кроме лепешек луны и солнца на столе неба, а голодные бедняки могли во сне по ночам собирать колосья Плеяд». Васифи написал оду «Голод», в которой ярко и метафорично выразил свое глубокое сострадание ко всем голодным и обездоленным, гнев и презрение к сытым, равнодушным и безжалостным богачам:

«Если один попросит у кого-либо пшеницы, перемелют
Ударами кулака ему зубы совершенно».
«Тому, кто от голода лишился чувств, о товарищ мой,
Если хочешь тщательно проверить, дышит ли он,
То вместо зеркала поднеси ко рту его каравай хлеба» [382].

Итак, перед нами все слагаемые тяжелой инфляции: дороговизна, высокий уровень и рост монетной массы при обесценении денежной единицы. В данном случае мы, очевидно, можем считать, что первопричина лежит как на стороне денег, так и на стороне товара. Было много причин, которые могли и должны были привести к росту цен хотя бы на часть продуктов и товаров. Естественно, одной из причин была разорительная для населения непрекращавшаяся после смерти Мухаммада Шейбани-хана борьба между Бабуром, кызылбашами и Шейбанидами, причем (что особенно в этой связи существенно) на территории самого Мавераннахра. Несомненно, эти внешнеполитические (а также и некоторые внутридинастические) осложнения создавали неуверенность и прямо разоряли население. Росту цен, безусловно, способствовали трудности снежной и необычайно суровой зимы 918 г. х. Рост же цен требовал нового притока средств обращения, необходимых для обмена в новых условиях, так как именно товарные цены, по словам К. Маркса, определяют количество обращающихся денег: «Если мы предположим, что масса товаров дана, то масса находящихся в об-

ращении денег будет увеличиваться и уменьшаться вместе с колебаниями товарных цен. Она растет и падает в зависимости от того, повышается или понижается сумма цен товаров вследствие изменения величины цен. При этом необязательно должны одновременно повышаться или понижаться цены всех товаров. Повышения цен известного числа ведущих товаров в одном случае, понижения их цен в другом случае достаточно для того, чтобы заметно повысить или понизить подлежащую реализации сумму цен всех обращающихся товаров, а следовательно, и для того, чтобы привлечь в сферу обращения больше или меньше денег. Отражает ли изменение цен товаров действительное изменение стоимости их или представляет собой просто колебание рыночных цен, влияние на массу средств обращения в обоих случаях одинаково»[383].

На стороне денег развитие инфляции ускоряло и углубляло и изменение монетной стопы, когда средний вес основного номинала упал до 3,1—3,2 г, а потом еще ниже; и интенсивная эксплуатация монетной регалии (особенно в Самарканде); и разная, самостоятельная монетная политика в Самарканде и Бухаре, затруднявшая нивелирующую денежную торговлю между ними; и затянувшееся приращение монетной массы в условиях, когда это уже не было нужно.

Выше уже было подчеркнуто и проиллюстрировано цифрами то обстоятельство, что из трех лет (917—919 гг. х.), в течение которых столь обильно выпускали медные монеты, особенно выделяется 918/1512-13 г.: *именно этот год оставил подавляющее* число монет. В 919/1513-14 г. чекан монет заметно сокращается. Существенно и следующее. В Бухаре за 917—918 гг. х. были отчеканены и одинарные и двойные динары, причем количество тех и других несоизмеримо: динаров очень много, двойных динаров мало. В 919 г. х. Бухара продолжала выпускать двойные динары (того же типа 16, чекан которых начался еще в 918 г. х.), одинарные же динары Бухары 919 г. х. пока неизвестны. Отсутствие одинарных динаров Бухары 919 г. х. в изучаемых кладах — важное обстоятельство, которое не потеряет своего значения, если одинарные динары Бухары за 919 г. х. впоследствии все же будут выявлены. В Самарканде в 919/1513-14 г. выпускали не только двойные, но и одинарные динары, но их количество было уменьшено, а преемственность типов от 918 г. х. сохранилась. Все эти факты показывают, что эмпирически был подмечен факт уже наметившегося перенасыщения, это требовало хотя бы сокращения дальнейшего выпуска динаров и акцента на двойные динары. Но в 919 г. х. этих мер было уже недостаточно, о чем свидетельствует вскоре начавшееся выпадение в клады до того обращавшихся медных монет.

Взаимосвязь двух этих процессов позволяет сделать следующее заключение. В связи с улучшением и упорядочением внеш-

не- и внутриполитического положения в стране Мавераннахр начал выходить и из своих внутриэкономических затруднений, что выразилось в падении цен на товары. А это значит, что часть средств обращения оказалась излишней и ненужной, а ведь это медь! Однако улучшение экономического положения в виде падения цен до какого-то нормального уровня еще более усилило и расширило кризис денежного обращения, который не мог прекратиться стихийно, а потребовал от государственной власти ряда мероприятий.

Кризис денежного обращения охватил и медный и серебряный чекан. Интенсивная и разнообразная эксплуатация монетной регалии, особенно в 917—918 гг. х., и падение покупной способности медных динаров должны были привести к резкому расхождению рыночного и указного курсового отношения между медными и серебряными монетами, к недооценке серебра в меди и соответственно к тезаврации серебра. Исчезновение серебра из обращения несомненно должно было ускориться после 918 г. х., когда вследствие выхода из экономических затруднений цены на товары стали падать, выпуск новых монет сократился, но наличная монетная масса превышала потребный уровень. Излишки меди уже не поглощались рынком, медь большими массами начала выпадать из обращения, что еще больше дискредитировало ее в глазах населения, т. е. еще более значительной сделало недооценку серебра. Не случайно поэтому, что среди всех известных нам серебряных монет шейбанида Кучкунчи-хана с достоверными датами ни одна не принадлежит чекану 918—920 гг. х. Между тем в 918 г. х. Кучкунчи-хан был окончательно провозглашен главой государства Шейбанидов, так что выпуск монет с его именем в этом году имел не только экономическое, но и политическое значение признания его всеми султанами.

Отсутствие серебряных монет Кучкунчи-хана за 918—920 гг. х. во всяком случае говорит за то, что если даже выпуск и имел место, то был крайне малочисленным. А судя по другим примерам XVI в., выпуск именно в первый год провозглашения нового главы династии обычно был самым обильным. Кажется, что причиной этого были не какие-то политические соображения, а именно исчезновение серебра из торгового оборота. При этом условии если бы даже сам Кучкунчи-хан обладал достаточным количеством металла, чтобы организовать выпуск танга, это мероприятие сразу потерпело бы крах, ибо выпущенные серебряные монеты в силу того, что причины исчезновения серебра не были ликвидированы, тоже быстро исчезли бы из обращения, были бы припрятаны и не вернулись в казну. Кроме того, ни Кучкунчи-хан, ни другие шейбанидские удельные владетели не обладали достаточным количеством металла, чтобы обойтись без свободного чекана.

Для характеристики изменений, происшедших в чекане и

Таблица 32

Статистика монет Бухары и Самарканда по типам (в кладе МИУз)

Бухара			Самарканд		
тип	число монет	год хиджры	тип	число монет	год хиджры
17	14	922	31	88	927
19	47	925, 927, 928	32	24	923, 930
			33	31	930
20	172	930	34	111	930

обращении медных монет после 920/1514-15 г., чрезвычайно интересный материал дает чекан Бухары и Самарканда в составе клада МИУз («Предисловие», клад № 35). Монеты очень плохой сохранности, 191 экземпляр совсем потерт, свыше 500 удалось определить. Состав клада однороден и с точки зрения монетных дворов, и с точки зрения дат выпуска. Преобладают монеты Бухары (236 экз.) и Самарканда (263 экз.), монеты других городов (Кеша, Куфина, Хисара и пр.) единичны. Большинство монет в составе клада чеканены на отрезке времени от 922/1516 по 930/1523-24 г.[384]. Среди монет Самарканда несколько экземпляров (не менее шести) 920/1514-15 г. и того типа, который в Самарканде выпускали в течение трех лет — 918—920 гг. х. (тип 29). Более ранние монеты вообще единичны и для клада случайны.

Среди монет Бухары и Самарканда за 922—930 гг. х. больше всего (около 67%) монет 930 г. х. Бухарских монет 930 г. х. по отношению к остальным монетам этого города особенно много — около 73%.

Монеты разных лет двух этих городов разнотипны и легко отличимы друг от друга. Бухарские монеты этих лет в составе клада демонстрируют три типа, самаркандские — пять типов. Так как именно тип монет был основой их обращения и практическим критерием для различения разнокурсных монет, монет разного достоинства, монет «старых» и «новых» и т. д., статистику (табл. 32) даем именно по типам.

Из табл. 32 видно, что тип 19 чеканили в Бухаре несколько лет, а в Самарканде в 930 г. х., наоборот, для одного этого года выявлены три типа (32, 33, 34). Интересен тип 32. На самаркандских монетах этого типа на об. ст. две разные даты словами — 923 г. х. и 930 г. х. при одинаковой л. ст. Если бы между ними не вклинился совсем отличный тип 31 за 927 г. х., можно было бы считать, что тип 32 просто неизменно чеканили с 923 по 930 г. х. В данном случае это объяснение не подходит. Наиболее правдоподобным представляется заключение о вторич-

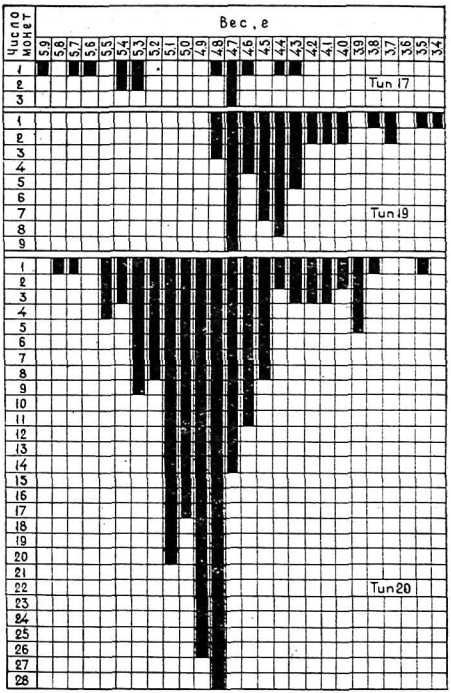


Рис. 40. Вес монет Бухары 922/1516 г. (тип 17), 925/1519, 927/1520-21, 928/1521-22 гг. (тип 19), **930/1523-24 г. (тип 20) в кладе МИУз**

ном использовании в 930 г. х. старого штампа об. ст. со старой датой — 923 г. х. А такие штампы были, ибо известны монеты Самарканда типа 30 (не представленного в кладе), чеканенные именно в 923 г. х. Вторичное использование старых штампов не редкость. Оно в данном случае свидетельствовало бы об интенсивной работе монетного двора Самарканда в 930 г. х., когда в ход пошли и старые штампы. Такое предположение находит опору еще в двух типах монет (которые в гл. II/2 не описаны), отчеканенных не специальной парой штампов, а случайно «собранными» парами из штампов, предназначенных для производства совсем других типов. Оба упомянутые типа представлены монетами рассматриваемого клада МИУз. У одного

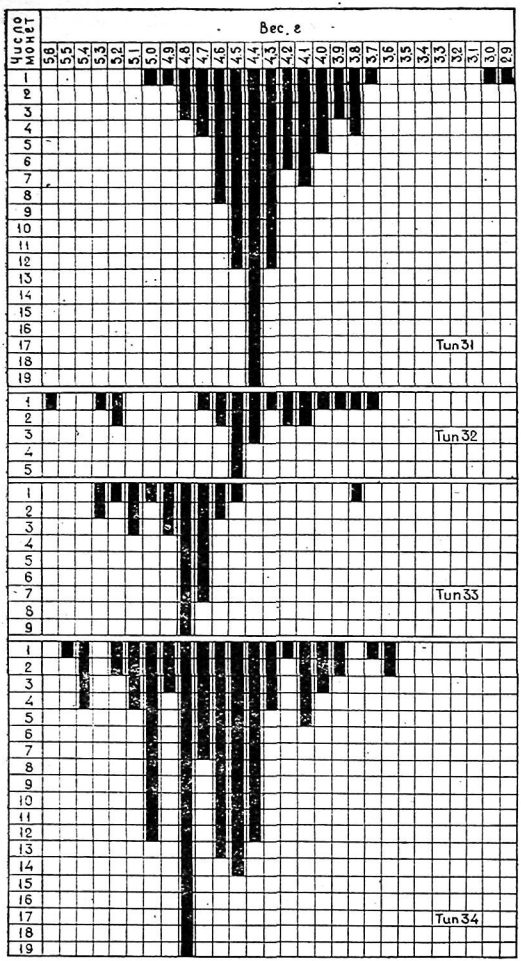


Рис. 41. Вес монет Самарканда:
тип 31 (927/1520-21 г.), тип 32 (923/1517 и 930/1523-24 гг.), тип 33 (930/1523-24 г.), тип 34 (930/1523-24 г.) в кладе МИУз

типа на об. ст. дата словами — 930 г. х. (=об. ст. монет самаркандского типа 34), а на л. ст. — орнамент (=об. ст. монет Самарканда 930 г. х. типа 33). Иначе говоря, «вторичный» тип монет 930 г. х. отчеканен парой штампов, собранной из штампов типов 33 и 34. Другой «сборный» тип — монета, у которой на обеих сторонах одна и та же дата словами — 927 г. х.

В литературе опубликовано (да и то, как правило, без описания тех признаков, которые позволяют определить тип) очень мало монет 920—930 гг. х. Монетами клада также не исчерпываются типы и даты в чекане Бухары и Самарканда этих лет (см. гл. II/2). Однако известные нам монеты с другими датами или других типов единичны, поэтому не годятся для анализа движения веса медных динаров за 920—930 гг. х. При изучении же веса монет Бухары типов 17—20 и Самарканда типов 31—34 в составе упомянутого клада МИУз необходимо иметь в виду, что они очень плохой сохранности, т. е. потеряли вес не только от обращения, но и в еще большей степени от последующей порчи металла. Разрушение металла зашло настолько глубоко, что многие монеты сильно расслоились и утратили целые слоики сверху. На большинстве монет это видно очень четко, так как слои-пластинки отлетели лишь на части поверхности. Все это увеличивает не только разницу между средним и указным весом, но и число маловесных экземпляров за пределами ремедиума, т. е. вообще затрудняет осмысление графиков.

Три типа монет Бухары (гл. II/2, рис. 10) интересны в весовом отношении (рис. 40). Монеты 922 г. х. (тип 17) показывают очень большую амплитуду весовых колебаний, от 4,3 до 5,9 г. Число монет этого типа невелико, поэтому пока не представляется возможным выявить ни их средний вес, ни ремедиум. Однако вне зависимости от этого вес всех монет 922 г. х. много выше веса бухарских динаров 917—918 гг. х., а более высоковесная их часть (5,3—5,9 г) сближается с двойными динарами 917—919 гг. х. этого города.

Основная масса монет 925, 927, 928 гг. х. (тип 19) весит 4,3—4,7 г. Амплитуда весовых колебаний монет 930 г. х. (тип 20) велика, но зато вес этих монет образует графический «треугольник» с вершиной на 4,8—4,9 г. Число монет, весящих больше 4,8—4,9 г, указывает на то, что весовой стандарт был значительно выше этого среднего. Графическая таблица, кроме того, четко показывает, что типы 19 и 20 чеканены по разным весовым стандартам, причем указный вес типа 20 явно выше, чем типа 19.

Вес монет Самарканда рисует следующую картину (рис. 41). Средний вес типа 31 за 927 г. х. очень четко отмечен вершиной весового «треугольника» — это 4,4 г. Вес монет типа 32, которые, как мы выше отметили, практически выпускали в 930 г. х., показывает большую амплитуду колебаний. При малом числе

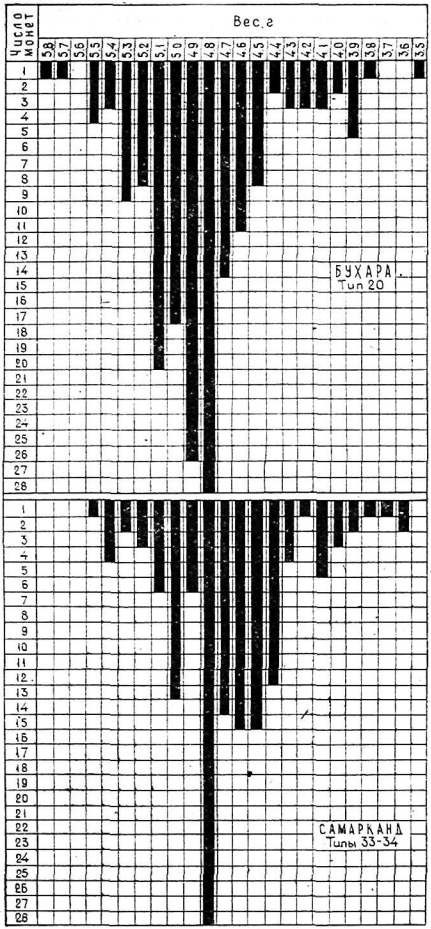


Рис. 42. Сравнительный вес монет Бухары (тип 20) и Самарканда (типы 33—34) за 930/1523-24 г. в кладе МИУз

экземпляров это не позволяет выяснить средний вес. Привлекает внимание тот факт, что на графике вес большинства монет типа 32 перекликается с весом монет типа 31, лишь четыре экземпляра типа 32 оторваны от основной массы и имеют высокий вес (5,2—5,6 г). Но этого недостаточно, чтобы предположить изменение весового стандарта «внутри» типа 32. Средний вес монет типов 33—34 за 930 г. х. много выше — это 4,8 г (у типа 34 некоторый крен в сторону маловесных экземпляров). Следовательно, в Самарканде в 927 и 930 гг. х. чеканили медь по разным весовым стандартам, причем в 930 г. х. он был выше.

Интересно сравнить вес бухарских и самаркандских монет в 930 г. х. (рис. 42). Вершина весового «треугольника» дает почти одну цифру — 4,8—4,9 (Бухара) и 4,8 г (Самарканд). Амплитуда весовых колебаний в целом одинакова. Но среди бухарских монет преобладает вес выше среднего, а среди самаркандских — ниже среднего. Ясно, что указный вес самаркандских монет был выше 4,8 г, т. е. выше мискала. Но не исключено, что он не равнялся указному весу бухарских монет, был несколько ниже.

Существен и сложен вопрос о названии и достоинстве этих монет Самарканда за 923—930 гг. х. и Бухары за 922—930 гг. х. В 917—919 гг. х. кроме основного номинала — динара весом сначала в 3,2 г, а потом в 2,8 г (см. гл. VII/1) — выпускались в относительно небольшом количестве двойные динары. Эти двойные динары иногда повторяли тип одинарных, иногда отличались в типовом отношении от них. В обоих случаях они имели двойной или почти (ниже или выше) двойной средний вес. Средний вес монет Бухары 925—930 гг. х. и Самарканда 923—930 гг. х. в кладе МИУз ниже среднего веса этих двойных динаров Самарканда и Бухары 917—920 гг. х., но в этой разнице много от оговоренной выше особо плохой сохранности монет МИУз. Что же произошло в Самарканде и Бухаре после 920 г. х.: повышение веса одинарных динаров или преимущественный чекан двойных?

С точки зрения экономической этот вопрос не главный. Главное в другом: судя по всем публикациям, и особенно по неопубликованным монетам разных музеев, в 20-х годах X в. хиджры именно эти высоковесные медные монеты стали основным номиналом в сфере обращения медных монет. Достигнуто ли это было повышением веса одинарного динара или переходом к преимущественному чекану двойных динаров, это означало примерно одно и то же: кризис денежного обращения 917—919 гг. х. привел к падению покупной способности динара в 3,2—2,8 г, т. е. к такому повышению цен, когда для обслуживания той же розничной торговли на этом уровне нужны были и более подходящими становились крупные монеты. Кроме того, динар в 3,2—2,8 г был дискредитирован в глазах на-

селения, ему перестали доверять. Поэтому переход на высоковесную медную монету как основную имел большое психологическое значение для налаживания нормального денежного обращения.

Теоретически возможно, что ради выхода из кризиса денежного обращения правительство основным медным номиналом объявило двойной динар, несколько видоизменив его вес. Такой вариант имеет аналогию. В регионе Хисара еще в 907/1501-02 г. перешли к двойному динару как основному номиналу в медном чекане; правильность сделанного тогда выбора подтверждена была ситуацией 917—919 гг. х., ибо и в эти годы основным номиналом в регионе Хисара остался двойной динар.

Но и другой вариант, когда новые медные монеты высокого веса объявлены были «новым», добротным одинарным динаром, не исключен. В пользу этого варианта говорит следующее: во-первых, не единовременное, а ступенчатое повышение веса медных монет (первая ступень — монеты 923—928 гг. х., вторая — 930 г. х.); во-вторых, близость указного веса монет 930 г. х. (а для Бухары даже, очевидно, равенство) «идеальному» весовому стандарту для меди — в мискал и два нухуда, т. е. 5,2 г.

Для окончательного решения вопроса о том, назывались ли рассмотренные монеты 923—930 гг. х. одинарными или двойными динарами, нужны какие-то дополнительные данные. Но насколько это не было важно даже для самого населения и насколько в тот период центр тяжести с названия был перенесен именно на вес монеты, свидетельствует денежное описание вакфной грамоты 942 г. х. в пользу медресе Газиййан в Бухаре. Здесь медные монеты даже не названы динарами, они названы просто «фалсами», каковое слово в XVI в. имело самый общий смысл «медной монеты» вообще и могло прилагаться к медной монете любого достоинства (см. гл. I/2). Поэтому, когда речь шла о фалсах и нужно было определить и конкретизировать их достоинство, прибегали к разного рода дополнительным характеристикам. Но в 942 г. х. медная монета описана так (текст см. гл. IV/1): «фалс из числа фулусов весом в один мискал и два нухуда, имеющих хождение в данное время в Бухаре»[385]. Итак, здесь достоинство фалса — «медной монеты» — определено его в е с о м. И это именно тот вес, который уже в 930 г. х. (во всяком случае, в Бухаре) был назначен для медных монет (одинарных или двойных динаров), ставших основой медного обращения. Очевидно, в 942 г. х. еще свежи были в памяти все махинации с весом динара, так что само слово «динар» отнюдь не рождало ощущения определенности и прочности.

Проанализированный материал относительно особенностей монетной политики и обращения медных монет в центральном Мавераннахре в 917—919 гг. х. и в последующее время вплоть до 930 г. х. позволяет сделать два вывода: во-первых, все уста-

новления последовательной денежной реформы 913—914 гг. х. основателя государства Шейбанидов Мухаммада Шейбани-хана вскоре после его гибели в 916 г. х. потеряли силу; во-вторых, при Кучкунчи-хане, втором шейбанидском государе, была проведена новая денежная реформа.

О денежной реформе, которую далее мы будем называть по имени главы династии реформой Кучкунчи-хана, в известных письменных источниках упоминаний нет. Следовательно, не было и целенаправленных поисков нумизматических доказательств проведения этой реформы. Порядок был обратный: объективное изучение монет подсказало, что центральный Мавераннахр пережил серьезный кризис денежного обращения, для его ликвидации понадобилось провести денежную реформу, она и была проведена с большим трудом и сложностями. К этому сюжету мы обращались дважды. В 1951 г., работая с незначительным монетным материалом, мы смогли констатировать сам факт проведения реформы, что и было важнейшим результатом при столь ограниченных возможностях. Реформа в свете этих источников представлялась проведенной сразу в общегосударственном масштабе путем единовременного установления[386]. В 1972 г. мы вторично рассмотрели эту реформу, к тому времени накопился значительный новый материал, вырос фонд и серебряных и медных монет[387]. Новое исследование не зачеркнуло первое, а включило его как часть: то, что в 1951 г. представлялось основным и единственным содержанием всей реформы, оказалось содержанием ее заключительной, третьей части. Сейчас мы располагаем дополнительными монетными материалами, которые полностью подтверждают ранее сделанные наблюдения и дополняют их новыми деталями.

Реформа Кучкунчи-хана преобразовала чекан и обращение не только медных, но и серебряных монет. Однако здесь мы не будем публиковать и рассматривать серебряные монеты и аргументировать мероприятия, касающиеся серебра[388], это выходит за пределы основной темы монографии. В части серебра ограничимся лишь кратким изложением тех итогов его изучения, которые необходимы для понимания существа преобразований чекана и обращения медных монет.

Изменения общей ситуации и многочастные мероприятия Кучкунчи-хана четко вписываются в три части.

Первая часть (с 917/1511-12 по 920/1514-15 г.). Борьба между Бабуром, кызылбашами и Шейбанидами на территории Мавераннахра и внутридинастические осложнения разоряли население, создавали неуверенность в завтрашнем дне, приводили к голоду в ряде мест и росту цен на продукты и товары. Росту цен способствовала и усиленная эксплуатация монетной регалии, выразившаяся, в частности, в резком изменении весового стандарта для меди. Непривычно низкий вес медных динаров в оговоренных выше условиях, конечно, не способствовал нор-

мализации положения: падение покупной способности таких динаров внешне также имело вид повышения цен на все или часть продуктов и товаров. Обильно выпускавшаяся медь первоначально именно благодаря росту цен поглощалась рынком.

После прекращения войн, нового раздела уделов среди Шейбанидов и нормализации внутригосударственного положения состояние денежного хозяйства, как это ни парадоксально, не улучшилось, а еще больше ухудшилось. Уже отмечалось, что чекан 919/1513-14 г. не был таким обильным, как 918/1512-13 г., а затем началось и выпадение из обращения излишней меди, так что дальнейший выпуск пришлось вообще прекратить. Сокращение, а затем и прекращение чекана новых низковесных медных динаров — это первая реакция государственной власти и первая попытка ликвидировать кризис «перенасыщения». Это и можно считать первым мероприятием реформы Кучкунчи-хана. Однако это первое мероприятие в Бухаре и Самарканде было проведено самостоятельно и неоднозначно. В Бухаре, удельным владетелем которой был авторитетный, волевой и умный 'Убайдаллах-хан, критичность ситуации денежного рынка была эмпирически понята лучше, и реакция на нее была более основательной и быстрой. В Бухаре в 919/1513-14 г. уже совсем (или почти совсем?) прекратили выпуск дискредитированных маловесных одинарных динаров, продолжили выпуск лишь высоковесных двойных динаров. В Самарканде же (который был столицей государства и удельным владением главы династии Кучкунчи-хана) еще и в 919/1513-14 г. выпускали маловесные одинарные динары, хотя именно в Самарканде за 918/1511-12 г. общая масса медных монет была явно выше, чем в Бухаре. В Самарканде, следовательно, в 919 г. х. не прекратили, а лишь сократили выпуск одинарных динаров.

Кризис обращения медных монет не мог не сказаться и на положении в это время серебряных денег. Чекан серебра на этом этапе был эпизодическим, весовой стандарт для танга был резко снижен. Ни Кучкунчи-хан, ни другие удельные владетели не могли наладить регулярный свободный чекан в условиях того времени. Сначала этому не способствовали военные действия и внутриполитическая обстановка, а потом — кризисное состояние обращения медных монет. В условиях перенасыщения рынка медью, падения покупной способности низковесных медных динаров должно было иметь место серьезное расхождение между рыночным и официальным курсами серебряных монет, что уж никак не стимулировало развитие свободного чекана серебра. Если при Мухаммаде Шейбани-хане обращение монет было организовано в общегосударственном масштабе на равных основаниях, то при Кучкунчи-хане этот принцип был полностью разрушен. Здесь были заложены основы удельной разобщенности денежного обращения, причем четко выявилась «руководящая» и «организующая» роль двух уделов: Бухары и столичного Са-

марканда. Многие другие уделы Шейбанидского государства разделились на две группы: одни примкнули к Бухаре, другие — к Самарканду. Обращение в таких «экономических союзах» своих и «иносоюзных» монет не было одинаковым и равноправным.

Вторая часть (20-е годы X в. хиджры). Для этого времени характерно, с одной стороны, расширение и укрепление самостоятельной монетной политики владетелей Самарканда и Бухары; с другой — более эффективные мероприятия по ликвидации кризиса денежного обращения.

Основным номиналом в сфере обращения медных монет стала монета, вес которой был повышен в 1,5 раза и более по сравнению с низковесными динарами 917—919 гг. х. Запрет дальнейшего обращения дискредитированной в глазах населения низковесной меди и переход на значительно более высоковесную медь имел большое психологическое значение для налаживания денежного обращения, а с точки зрения экономической — он отвечал тому уровню цен, который образовался в результате падения покупной способности низковесной меди.

Положительный результат такого мероприятия не замедлил сказаться и на серебре. Свидетельство этого — довольно регулярный чекан серебряных танга с 921/1515-16 по 925/1519 г. Появление и интенсификация выпуска серебряных монет в условиях свободного чекана означала, что официальный и рыночный курсы на серебряные танга (выраженные равенством определенному числу «новых» медных монет) приведены были в соответствие. Иначе говоря, ликвидирована была недооценка серебра в меди по официальному курсу, т. е. причина тезаврации серебра.

Поскольку и в Бухаре и в Самарканде мероприятия второй части реформы осуществлялись в одни и те же годы, можно говорить о существовании на этот счет согласованного решения. Однако эта согласованность относительно некоторых общих мероприятий по урегулированию денежного обращения отнюдь не привела к организации денежного обращения в общегосударственном масштабе. Самостоятельная монетная политика удельных владетелей Самарканда и Бухары на этом этапе еще более активизировалась. Достаточно сказать, что регулярный чекан серебряных монет в этих двух уделах начат был на основе разных весовых стандартов. Не было между уделами типового и весового единства и в части медного чекана. Частота типовесовых изменений в Самарканде и Бухаре также не была одинаковой.

Третья часть (30-е годы X в. хиджры). Общий признак этого времени — заметная последовательность мероприятий по организации денежного обращения в общегосударственном масштабе. Серебряные монеты 932/1525-26 и 934/1527-28 гг. чеканены уже по единому общегосударственному весовому стандар-

ту в один мискал (4,8 г). Надчеканы 934/1527-28 и 935/1528-29 гг. на серебре подчеркнуто общегосударственного назначения (с термином «ширмард» или с именем главы династии) «подравняли» в курсовом отношении разновесное раннее серебро. Проведена была даже частичная унификация типа серебряных танга. В медном чекане оба города (Бухара и Самарканд) также перешли на очень близкий или даже общегосударственный весовой стандарт выше мискала. Не исключено, что в основу медного чекана положен был уже освященный традицией и пользующийся доверием стандарт в мискал и два нухуда (5,2 г). Если сравнить тип 20 Бухары и тип 32 Самарканда за 930/1523-24 г., можно говорить об опыте унификации типа разногородних медных монет. Курсовое отношение между серебряными и медными монетами (танга весом в мискал равна 20 медным динарам), установленное к этому времени, было определено настолько правильно, что продержалось много десятилетий.

Третью часть можно считать завершением денежной реформы Кучкунчи-хана. Сколь разительно она отличалась от реформы основателя Шейбанидского государства Мухаммада Шейбани-хана! Последняя, точно продуманная, стройная и хорошо подготовленная, была осуществлена в общегосударственном масштабе и за короткий срок. Реформа же Кучкунчи-хана — это цепочка разновременных мероприятий, поиски «ощупью», в рамках и с учетом удельной самостоятельности. Понадобилось более десятилетия, чтобы ликвидировать серьезнейший кризис денежного обращения, найти пути ограничения самостоятельной монетной политики крупных удельных владетелей и заложить хотя бы частичные основы общегосударственного обращения монет.

В окончательном виде, т. е. к концу первой четверти XVI в., реформа Кучкунчи-хана следующим образом организовала чекан и обращение серебряных и медных монет:

а) свободный чекан серебряных монет; весовой стандарт для основного номинала в серебре — один мискал (4,8 г);

б) высокий весовой стандарт для медных монет (выше мискала; возможно, 5,2 г);

в) фиксация отношения между серебряными и медными монетами: одна серебряная танга весом в мискал равна 20 «новым» высоковесным медным монетам;

г) ограничение удельной самостоятельности в монетной политике; некоторые основы равного общегосударственного обращения (вес и частичная унификация типа монет).

Не вызывает при этом никаких сомнений, что доходы от чекана монет поступали в то время не в общегосударственную казну, а в казну крупных удельных владетелей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПЕРИОДИЗАЦИЯ, ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ И ВРЕМЯ МАКСИМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МЕЛКОТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ТОРГОВЛИ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ МЕДНЫХ МОНЕТ

История развития товарно-денежных отношений в феодальной Средней Азии еще не была предметом монографического исследования. Даже в книге, специально посвященной домонгольскому городу, рассмотрены разные вопросы истории города и городов VIII—XII вв., но менее всего — товарно-денежные отношения за это полутысячелетие[389]. Не погрешив против истины, можно констатировать, что пока опубликованы лишь отдельные факты и наблюдения по этой проблеме, не дающие прочных оснований ни для суждения о специфике и локальных вариантах товарно-денежных отношений в разные периоды и на разных этапах феодализма, ни для общей сравнительно-исторической характеристики их развития на протяжении более чем тысячелетия (от VII—VIII до XIX в.), ни для установления времени и специфики их максимального развития, времени максимального вовлечения в товарно-денежные отношения все более широких слоев городского и сельского населения.

Значение, важность конкретно-исторической разработки этих вопросов для углубленного изучения среднеазиатского феодализма не требуют доказательств. И если до сих пор это не сделано монографически, то главным образом, очевидно, из-за того, что для конкретно-исторического анализа всего этого круга вопросов в известных сейчас среднеазиатских рукописных источниках нет прямых и компактных данных. Но это значит лишь, что нужно собирать, терпеливо накапливать разрозненные факты и более пристальное внимание обратить на другие источники. К числу последних относится и источник нумизматический. Он обладает тем неоспоримым преимуществом, что позволяет на однозначном материале производить сравнение во времени и пространстве, т. е. сравнивать периоды исторического развития и локальные варианты этого развития на протяжении каждого периода. Конечно, выводы не лежат на поверхности, сравнительному анализу монетных данных предшествует скрупулезное источниковедческое исследование нумизматического материала, затем — состояния и особенностей монетного чека-

на и денежного обращения в разные периоды и в разных регионах и только после этого, опосредованно,— некоторых сторон товарно-денежных отношений в целом.

1. Сфера обращения медных монет в XV—XVI вв.

Вопрос о сфере обращения медных монет, их месте в денежной торговле имеет самостоятельный интерес. Но для нашей темы важно другое: представление о сфере обращения позволяет правильно оценить значимость медных монет как исторического источника для характеристики товарно-денежных отношений.

Без всякого специального рассмотрения ясно, что медные монеты обслуживали преимущественно мелкую торговлю. Но их значение в торговле могло быть различным в зависимости от уровня цен. При одном уровне цен они могли в основном сами обслуживать торговлю товарами и продуктами широкого потребления. При другом уровне цен они могли быть лишь «привеском» при монетах более высокого достоинства.

Для рассматриваемого отрезка времени мы почти не располагаем прямыми свидетельствами письменных источников о средних розничных ценах на зерно и другие продукты и товары первой необходимости в стабильных условиях. Упоминаемые в источниках цены на зерно и другие продукты в особых условиях крайней дороговизны (и даже — крайней дешевизны) не дают представления о нормальном уровне цен, поэтому здесь не приводятся. Равным образом не фигурируют здесь куда более многочисленные сообщения о ценах на предметы роскоши и любые дорогие товары, изготовлявшиеся для состоятельных и богатых людей, ценах на рабов, лошадей и т. д.— все это вне пределов обращения медных монет.

Однако имеются косвенные данные, которые помогают получить убедительное представление об общем уровне цен на продукты и товары широкого потребления. Самыми многочисленными и полезными в этом плане косвенными свидетельствами являются данные о дневном заработке и прожиточном минимуме представителей разных низко- и даже среднеоплачиваемых профессий.

Сведения такого рода встречаются в вакфных грамотах XV—XVI вв., ибо вакфодатель всегда предусматривал вознаграждение лицам, связанным с объектом одарения. Вознаграждение обычно исчислялось долей дохода с вакфного имущества. Но иногда указывались абсолютные размеры в деньгах или зерне, или же в деньгах и зерне одновременно. Из всех этих примеров по оплате лиц разных профессий в данной связи особенно интересны сведения относительно хафизов (здесь — чтецов Корана), имамов, муаззинов, слуг и уборщиков (хадим и ферраш), поваров и студентов в силу следующих соображений.

Имам и муаззин не могли одновременно работать в двух приходах или местах по характеру своей деятельности, что должен был учитывать вакфодатель при назначении им содержания. В аналогичном положении находились повара (обычно нанимаемые для приготовления пищи большому количеству людей в дни рамазана), слуги и уборщики (обязанности которых, часто перечисляемые, были настолько многочисленны, что они едва ли могли иметь еще одно такое же постоянное место). Практиковалась покупка рабов для выполнения обязанностей слуги. Купленного раба, приданного объекту одарения, вакфодатель должен был хотя бы минимально обеспечить необходимым для жизни. Кроме того, оплата лиц именно этих профессий в вакфных грамотах определялась деньгами или деньгами и зерном в абсолютных цифрах, вне зависимости от доходов вакфного имущества, тогда как представителям других профессий оплата даже в тех же вакф-нама исчислялась обычно в долях дохода от вакфного имущества. Это, в свою очередь, подтверждает выдвинутое положение о том, что оплата лиц вышеперечисленных профессий рассматривалась как прожиточный минимум и поэтому должна была быть избавлена от возможных колебаний общего дохода с вакфного имущества.

Нельзя не отметить, что размер оплаты даже этих лиц зависел в большой степени от значимости объекта одарения и богатства вакфодателя, так что они не получали совершенно одинаковых сумм. Но даже наименьшие выплаты по первым вакф-нама в пользу вновь отстроенного сооружения должны были соответствовать прожиточному минимуму. Последующие пожертвования иногда несколько увеличивали доходы этих лиц.

В вакфных грамотах, как правило, назван годовой размер вознаграждения. Вычисление однодневной денежной нормы представило некоторые затруднения, так как годовая сумма чаще всего названа в серебряных монетах, однодневная же получается равной нескольким медным. Но отношение между серебряными и медными монетами менялось во времени, не говоря уже об одновременном сосуществовании разнокурсных серебряных монет. Поэтому мы приводим здесь лишь те примеры, когда денежное вознаграждение прямо исчислено в медных монетах или когда курс серебряных монет, названных в вакф-нама, мог быть установлен уверенно. Зерно во всех вакф-нама *названо в маннах по «большому весу» соответствующего города*. В Самарканде для взвешивания зерна в рассматриваемое время употреблялись манны в 4000 мискалов по 5,0 г, т. е. 20 кг. В Бухаре соответствующий манн равнялся 5120 мискалам по 5,0 г, т. е. 25,6 кг [390].

Вакфных грамот XV — первой четверти XVI в., содержащих интересующие нас сведения, оказалось всего три. Для сравнения мы привлекаем сообщения юридических документов остальной части XVI — начала XVII в. Извлеченные из вакф-нама

Таблица 33

Вакф-нама 868 г.х.: норма вознаграждения

Профессия, занятие	За год			За день	
	медные монеты	зерно		медные монеты	зерно, кг
		манны	кг		
Хафиз	364	—	—	1,0	—
Муджавир	404	20	400	≈1,1	≈1,111
Хадим	204	24	480	≈0,6	≈1,333
Раб семейный	204	24	480	≈0,6	≈1,333
Раб одинокий	104	12	240	≈0,3	≈0,667

материалы расположены далее в хронологическом порядке, причем в каждом случае размер вознаграждения будет приведен в тех единицах, в которых он фигурирует в источнике, а затем пересчитан в однодневную норму.

1. Вакф-нама Хабиба-Султан (дочери амира Сухраба) в пользу усыпальницы Хавенд-Султан (дочери Абу Са'ида), составленная в рамазане 868/1464 г., содержит указание вакфодательницы о размерах вознаграждения хафиза (который должен читать Коран), хадима (слуги), муджавира (постоянного сторожа), рабов семейных и одиноких [391]. Содержание назначено медными монетами (хафизу) или медными монетами и зерном в виде годичной нормы (табл. 33). Зерно исчислено маннами по большому весу Самарканда.

Рабы должны были заниматься сельскохозяйственными работами на земле, переданной в вакф. Естественно, что им назначено минимальное вознаграждение, особенно денежная часть.

2. Вакф-нама Ходжи Ахрара в пользу двух самаркандских обителей, мечети и потомков, составленная в раби' II 894/1489 г., содержит следующие назначения: каждому хафизу — по одной медной монете, медному динару, в день, имаму — также по одному медному динару, а муаззину — по половине медного динара ежедневно [392]. Размер ежедневной оплаты хафиза такой же, как в вакф-нама 868 г. х.

3. Вакф-нама Михр-Султан-ханум в пользу двух самаркандских медресе Мухаммада Шейбани-хана составлена была в первой четверти XVI в. (точной даты нет), собственно, в 20-е годы. В вакф было передано огромное имущество и назначено вознаграждение большому числу лиц, связанных с объектами одарения. Вознаграждение предусмотрено смешанное, деньгами и зерном [393]. В качестве денег фигурируют медные динары, подробно описанные и определенные двояко: через серебро (20 медных динаров равна одному мискалу серебра) и через самые мелкие медные монетки, здесь названные фулусами (один медный динар равен шести фулусам), мы же в табл. 34 и в даль-

Таблица 34

Вакф-нама первой четверти XVI в.: норма вознаграждения

Профессия, занятие	За год			За день		
	динары медные	зерно		деньги		зерно, кг
		манны	кг	динары	пулы	
Мударрис	7200	300	6000	20	—	16,666
Мударрис	4800	250	5000	13	2	14,000
Му'ид	900	85	1700	2	3	4,722
Му'ид	720	70	1400	2	—	3,900
Хафиз	840	90	1800	2	2	5,000
Хафиз	720	80	1600	2	—	4,444
Имам	540	45	900	1	3	2,500
Муджавир	360	30	600	1	—	1,666
Ферраш	360	30	600	1	—	1,666
Повар	360	30	600	1	—	1,666
Муаззин	300	30	600	—	5	1,666
Хадим	300	30	600	—	5	1,666
Водонос	300	30	600	—	5	1,666
Студент высшего разряда	540	60	1200	1	3	3,333
Студент среднего разряда	360	45	900	1	—	2,500
Студент низшего разряда	300	30	600	—	5	1,666

Таблица 35

Вакф-нама 934 г.х.: норма вознаграждения

Профессия, занятие	За год, серебряные танга	За день, медные динары
Муфти	100	5
Мударрис	160	8
Имам	120	6
Муаззин	60	3

нейшем будем называть их пулами (см. гл. IV/2). Зерно определено в маннах по большому весу Самарканда. Денежная часть вознаграждения зафиксирована в месячных и годовых размерах (табл. 34).

В этих назначениях привлекает внимание наименьшая норма зерна в день — 1,666 кг. Такое количество зерна определено лицам самых разных профессий и занятий (муджавиру — постоянному сторожу, феррашам — уборщикам, хадимам — слугам, муаззинам, водоносу, повару и студентам низшего разряда) и рассматривалось, очевидно, как тот минимум, который избавлял от покупки зерна на рынке. Разная, но маленькая денежная часть вознаграждения предназначалась в этих случаях, следовательно, на покупку других продуктов первой необходимости.

Таблица 36

Вакф-нама 942 г. х.: норма вознаграждения

Профессия, занятие	За год			За день		
	серебряные танга двойные	зерно		деньги		зерно, кг
		манны	кг	динары	пулы	
Мударрис	500	—	—	55	3	—
Слуга (раб семейный)	12	24	614,4	1	2	1,7
Студент высшего разряда	96	—	—	10	4	—
Студент среднего разряда	84	—	—	9	2	—
Студент низшего разряда	60	—	—	6	4	—

Важно подчеркнуть, что минимальная норма зерна и по другим вакф-нама — примерно такая же, что подтверждает предложенную оценку назначения такой нормы.

4. Вакф-нама 934/1527-28 г. в пользу медресе Мир-и Араб в Бухаре[394] предусматривает денежные выплаты ряду лиц в серебряной монете, причем для муфти и мударриса названа годичная норма, а для имама и муаззина — ежемесячная. Серебряные монеты описаны, это «танга серебряные, хорошие, одномискалные, старые, девяти-десятые». Танга «новые» в это время равнялись 20 медным динарам, следовательно, «старые» танга, составлявшие по курсу девяти-десятую часть «новых», тем самым равнялись 18 медным динарам (табл. 35).

5. Вакф-нама раби' I 942/1535 г. в пользу медресе Газиййан в Бухаре[395] фиксирует годичное вознаграждение мударриса и стипендии студентов трех разрядов в деньгах, а вознаграждение слуги (раба, специально купленного для этой цели) — смешанно, в деньгах и зерне (табл. 36). Деньги описаны подробно, это серебряные танга (вес в отличие от обычных описаний не назван), равные 40 медным динарам. Для 942 г. х., следовательно, речь идет о двойной кратной основного серебряного номинала — танга, которая весила один мискал и равнялась 20 медным динарам. Термин «танга» (также «тангача») был названием основного серебряного номинала (частное значение), но мог быть использован для обозначения любой серебряной монеты (общее значение), конкретное достоинство которой фиксировалось другими терминами[396]. В данном случае двойное достоинство серебряной танга зафиксировано числом медных динаров[397]. Количество зерна, положенного семейному рабу — слуге, обозначено в маннах по большому весу Бухары.

6. Вакф-нама 977/1569-70 г. в пользу небольшого медресе Гаукушан в Бухаре[398] содержит только одно упоминание о денежном вознаграждении: повару в размере четверти танга («танга серебряная, одномискалная, новая») ежедневно в течение рамазана. Прямым указанием относительно курса «новой» танга в 977 г. х. мы не располагаем, но, по всем данным пред-

Таблица 37

Вакф-нама 978 г. х.: норма вознаграждения

Профессия, занятие	За год			За день		
	серебряная танга	зерно		деньги		зерно, кг
		манны	кг	динары	пулы	
Имам	60	40	1024	3	2	2,844
Муаззин	30	20	512	1	4	1,422
Ферраш	30	20	512	1	4	1,422

шествующего и последующего времени, одна «новая» серебряная танга весом в мискал равнялась 20—22 медным динарам. Следовательно, повар, целиком в дни рамазана занятый приготовлением пищи для всех обитателей медресе, получал за это ежедневно 5—5,5 медного динара.

7. Вакф-нама раби' II 978/1570 г. Абдаллах-хана своему медресе в Бухаре[399] (в данном случае подразумевается так называемое «Медресе-йи Мадер-и хан») фиксирует годичное вознаграждение ряду лиц, как это часто бывало, в долях дохода от вакфного имущества, но для трех лиц — имама, муаззина и ферраша — в абсолютных размерах, причем смешанно — деньгами и зерном (в этом случае пополам — пшеницей и белой мукой). Деньги подробно описаны («танга серебряные, хорошие, одномискалные, новые в то время», т. е. равные 20—22 медным динарам), размер манна — по большому весу Бухары (табл. 37).

8. Вакф-нама Кульбаба Кукельташа своему медресе в Бухаре, составленная в джумади II 1002/1594 г.[400], содержит указание о вознаграждении лиц тех же профессий: имама, муаззина, ферраша. Размер вознаграждения исчислен в ежегодной норме деньгами или смешанно — деньгами и зерном. Деньги — это «танга серебряные, одномискалные, девяти-десятые». «Новые» серебряные танга в это время равнялись 30 медным динарам, танга же «девяти-десятые» (т. е. «старые») соответственно были равны 27 медным динарам; зерно назначено в маннах по большому весу Бухары (табл. 38).

9. Вакф-нама Абдаллах-хана II своему медресе в Бухаре[401] (подразумевается медресе, известное теперь как медресе Абдаллах-хана, более позднее в комплексе кош-медресе) содержит указание о денежном вознаграждении в «танга серебряных, хороших, одномискалных, старых, девяти-десятых». Выше уже отмечалось, что «старые» танга в это и близкое время равнялись 27 медным динарам. Абдаллах-хан II назначил следующее ежегодное вознаграждение (пересчет в однодневную норму приводим тут же в скобках): имаму — 200 танга (15 медных динаров в день); муаззину — 100 танга (7,5 медных динаров в день); феррашу — 60 танга (4,5 медных динаров в день).

Таблица 38

Вакф-нама 1002 г. х.: норма вознаграждения

Профессия, занятие	За год			За день		
	серебряные танга	зерно		деньги		зерно, кг
		манны	кг	динары	пулы	
Имам	150	—	—	11	1,50	—
Муаззин	75	—	—	5	3,75	—
Ферраш	50	20	512	3	4,50	1,422

10. Вакф-нама раби' II 1005/1596 г. в пользу небольшого медресе Фатхаллах-кушбеги в Бухаре[402] также содержит указания о фиксированном денежном вознаграждении имама, муаззина и ферраша, причем танга описаны теми же выражениями, что и в двух предыдущих вакф-нама. Следовательно, при пересчете годичной нормы в однодневную мы исходим из равенства: «старая, девяти-десятая» танга = 27 медным динарам. Абсолютные размеры вознаграждения невелики: имаму — 30 танга (два динара и полтора пула в день); муаззину — 20 танга (полтора динара в день); феррашу — 15 танга (один динар и менее одного пула в день).

11. Вакф-нама 1017/1608-09 г. Абд ар-Рахима Хаджи сына Хаджи Са'да в пользу медресе Калябад в Бухаре[403] предусматривает вознаграждение в долях дохода от вакфного имущества (между прочим, доли муаззина и слуги — одинаковые). Но для повара, который в рамазан должен готовить пищу для всех обитателей медресе, вакфодатель установил ежедневную денежную оплату в четверть танга. Танга того времени равнялась 30 медным динарам, следовательно, повар должен был получать семь с половиной динаров в день.

12. Вакф-нама 1024/1615 г. в пользу медресе и мечети Пайанда-бий аталыка в Бухаре[404] содержит следующие указания вакфодателя относительно вознаграждения: хатибу ежемесячно 20 танга, т. е. в год 240 (20 медных динаров в день); хафизам высшего разряда — по 60 танга в год (пять медных динаров в день); хафизам среднего разряда — по 40 танга в год (три медных динара и два пула в день); хафизам низшего разряда — по 30 танга в год (два с половиной медных динара в день); муаззинам и феррашам одинаково — по 50 танга в год (четыре динара и один пул в день).

Итак, во всех 12 вакфных грамотах второй половины XV — начала XVII в. размер вознаграждения (несмотря на абсолютную разницу в силу оговоренных выше причин) имамов, муаззинов, уборщиков и слуг, постоянных чтецов Корана, постоянных сторожей, поваров, студентов в пересчете на однодневную норму равнялся одному или нескольким динарам. Когда воз-

награждение предусматривалось в смешанной форме, денежная доля пропорционально уменьшалась, причем минимальное количество зерна при смешанной доле вознаграждения колебалось вокруг полутора килограммов на день.

Целая группа юридических документов[405] 997/1588-89 и 998/1589-90 гг. фиксирует прожиточный минимум, который в той или иной форме в случае развода обеспечивал ребенку его отец. Эта сумма обычно колеблется в пределах двух-трех медных динаров на один день и лишь в отдельных случаях поднимается выше. При этом в документах оговаривается, что подразумевается полное содержание ребенка: и пропитание, и приобретение одежды. В иных случаях отец ребенка соглашался одежду предоставлять отдельно, но тогда на пропитание обычно назначалась меньшая сумма, порядка полутора динаров в день.

Подобные размеры алиментов, а тем более вышеперечисленные размеры вознаграждения лиц ряда низко- и среднеоплачиваемых профессий (всего несколько медных монет), хотя и косвенно, но весьма убедительно показывают, что цены на продукты и товары первой необходимости соответствовали сфере обращения именно медных монет.

В пользу этого вывода могут быть сделаны и дополнительные расчеты, позволяющие получить некоторое представление об уровне цен на зерно. Согласно вакф-нама 868/1464 г., слуга (хадим) и семейный раб, занятый на полевых работах, получали одинаковое вознаграждение. Согласно вакф-нама первой четверти XVI в., слуга (хадим) и студент низшего разряда получали одинаковые суммы денег и одинаковое количество зерна. Согласно вакф-нама 942/1535 г., в качестве слуги (хадима) использовался семейный раб. Можно допустить, что последнему положили вознаграждение либо равное стипендии студента, либо меньшее (поскольку слуга был рабом). В вакф-нама 942 г. х. оговорено, что слуга получает в год 12 серебряных танга и 24 манна зерна, а студент низшего разряда — 60 серебряных танга. Если 60 танга = 12 танга + 24 манна зерна, то цена манна зерна $= \frac{60-12}{24} = 2$ танга. В вакф-нама 942 г. х. танга = 40 медным динарам, а манн = 25,6 кг. Отсюда 1 кг зерна стоил бы примерно 3 медных динара $\left(\frac{2\times 40}{25,6} = 3,1\right)$ Поскольку слуга-раб, очевидно, получал все же меньше студента низшего разряда, цену зерна следует признать более низкой, чем два танга за манн (или три медных динара за 1 кг).

Интересно соотношение размеров вознаграждения муаззина и уборщика — слуги. В ряде случаев им назначено одинаковое вознаграждение (по порядку описания — вакф-нама № 3, 7, 12; см. табл. 39), иногда муаззин получал больше ферраша или хадима (вакф-нама № 9—10). Если допустить, что в вакф-нама № 8 (1002/1594 г.) вознаграждение муаззина равно вознагра-

Таблица 39

Годичная норма вознаграждения муаззина и уборщика (ферраш, хадим)

Вакф-нама		Муаззин		Уборщик	
№	дата	деньги	зерно (манны=кг)	деньги	зерно (манны=кг)
3	1-я четверть XVI в.	300 динаров	30=600	300 динаров 360 динаров	30=600 30=600
7	978/1570	30 танга	20=51.2	30 танга	20=512
8	1002/1594	75 танга	—	50 танга	20=512
9	конец XVI в.	100 танга	—	60 танга	—
10	1005/1596	20 танга	—	15 танга	—
12	1024/1615	50 танга	—	50 танга	—

дению уборщика, то получится, что манн поливного зерна высшего сорта стоил танга с четвертью $\left(\frac{75-50}{20}=1{,}25\right)$ В вакф-нама подразумевается танга в 27 медных динаров, а манн — в 25,6 кг. Отсюда цена 1 кг зерна $=\frac{1{,}25\times 27}{25{,}6}$ =около 1,3 медного динара. Если же вознаграждение муаззина было выше, то цена зерна соответственно должна быть понижена. Следовательно, вычисленная цена манна зерна (1,25 танга) и 1 кг зерна (около 1,3 медного динара) — это рубеж максимума.

Вычисления такого рода на основе материалов вакф-нама можно было бы умножить. Они условны и приблизительны[406], две полученные цифры (и другие, которые можно было бы вычислить дополнительно) не следует рассматривать как совершенно конкретные для своего времени цены на зерно. Но они дают некоторое представление относительно уровня этих цен в обычных условиях.

Полезно в этом аспекте и свидетельство документа, составленного в Самарканде в шаввале 998/1590 г., относительно цены поливной пшеницы. Свидетельство это прямое, ибо сказано, что 15 ширазских маннов такой пшеницы стоят 10 серебряных танга[407]. Серебряные танга описаны, это «новые» танга, которые в эти годы равнялись 30 медным динарам. Но размер ширазского манна неизвестен. Подразумевается в данном случае манн, получивший название по укрепленному поселению Шираз близ Самарканда. Само по себе это не удивляет, так как зафиксированы самостоятельные манны не только больших и средних городов, но даже пригородов (например, манн Шаударского тумана Самарканда). Вместе с тем территориальная близость Шираза к Самарканду не оставляет сомнений, что размер манна Шираза должен быть в одном ряду с манном Самарканда. Манн Самарканда равнялся 20 кг (кстати, манн

Бухары = 25,6 кг). Следовательно, соответствующий манн Шираза был близок 20 кг. Один ширазский манн поливной пшеницы стоил две трети серебряной танга (10 : 15), т. е. 20 медных динаров. Отсюда можно заключить, что цена 1 кг поливной пшеницы колебалась вокруг одного медного динара, что очень перекликается с ценой 1 кг пшеницы (1,3 медного динара), вычисленной выше по данным вакф-нама 1002/1594 г., т. е. близкого времени, но другого места — Бухары.

Получить общее представление относительно уровня цен в стабильных условиях на некоторые другие продукты и товары помогают те же вакфные грамоты. Так, по условию вакфодательницы, составившей в 20-е годы XVI в. вакф-нама в пользу двух самаркандских медресе Мухаммада Шейбани-хана, ежегодно на мыло для мударрисов, му'идов, мусдира, студентов, хафизов следовало расходовать 2 тыс. медных динаров [408]. Так как общее число названных лиц может быть подсчитано (их 96), то расход на мыло для одного человека в среднем за год составлял около 21 динара, а за месяц — немногим более полутора динаров.

Вакфодатели обычно предусматривали специальные расходы на мясо, необходимые приправы и прочие продукты для приготовления пищи в дни рамазана для обитателей медресе, а также для всех лиц, которые будут присутствовать там в это время. Приведем три конкретных примера. В двух медресе Мухаммада Шейбани-хана в Самарканде (по вакф-нама 20-х годов XVI в.) для этой цели назначено было 3 тыс. медных динаров на весь месяц, т. е. примерно по 100 медных динаров в день (что тогда равнялось пяти серебряным одномискалным танга). В небольшом медресе Гаукушан в Бухаре (по вакф-нама 977/1569-70 г.) для этой цели было назначено ежедневно три серебряных танга, что тогда составляло 60—66 медных динаров. В большом медресе Калябад в Бухаре по желанию вакфодателя (вакф-нама 1017/1608-09 г.) этот ежедневный расход равнялся четырем серебряным танга, что по тем временам составляло 120 медных динаров. В двух медресе Мухаммада Шейбани-хана и в большом медресе Калябад в трапезе участвовало более 100 человек [409]. Можно предположить, что трапеза в пересчете на одного человека обходилась менее чем в один медный динар.

В руководстве по составлению частных актов, которое написал 'Али б. Мухаммад 'Али б. Махмуд ал-Мухтари ал-Хаваризми ал-Кубрави (кази Бухары на рубеже XV—XVI вв.), О. Д. Чехович обнаружила акт 887/1482-83 г. об обмене вакфной земли на дуккан (лавку или лавку-мастерскую) в Самарканде. Сообщается, что ежемесячный доход от этого дуккана составлял 18 медных динаров [410].

Итак, медные монеты в XV—XVI вв. отнюдь не были простым «привеском» при монетах более высокого достоинства.

Сферу розничной торговли они обслуживали полностью и самостоятельно. Несколько медных монет в XV—XVI вв. соответствовали дневному прожиточному минимуму рядового горожанина. Здесь уместно также вспомнить свидетельство Дженкинсона[411], жившего в Бухаре более двух месяцев в 1558—1559 гг., о том, что у бухарцев деньги серебряные и медные, но медная монета «<...>чаще, чем серебро, служит для платежей», причем он подразумевал не медные динары, а самые мелкие медные монетки в одну шестую динара.

Следовательно, именно медные монеты являются самым полноценным источником для изучения товарно-денежных отношений в сфере преимущественно розничной торговли, в сфере производства и торговли товарами и продуктами первой необходимости.

2. Периодизация и локальные варианты чекана и обращения медных монет XV — первой четверти XVI в. в Мавераннахре

Важнейшие задачи изучения денежного обращения на значительных отрезках времени — его периодизация и выявление локальных вариантов. Этот уровень понимания общего и особенного в денежном обращении разных этапов, в свою очередь, становится источником разработки важнейшей проблемы феодализма — *товарно-денежных отношений.*

Периодизация денежного обращения и выявление локальных вариантов предполагают сравнительный анализ однозначных материалов. Такие однозначные в хронологическом и территориальном разрезах материалы дает, однако далеко не сразу, только один источник — нумизматический. Лишь источниковедческий анализ нумизматического фонда и последующее исследование разных конкретных вопросов денежного обращения создают достаточную базу для периодизации и характеристики локальных вариантов в рамках этой периодизации. Хотелось бы отметить и обратную связь: обоснованная периодизация с учетом локальных вариантов помогает улучшить и уточнить некоторые вопросы источниковедческого анализа нумизматического материала. Конкретно для XV — первой четверти XVI в. периодизация способствовала дальнейшему и более четкому атрибутированию, определению времени и места чекана монет и особенно надчеканов.

Изложенные в данной книге результаты источниковедческого анализа (главы I—III) и разработка конкретных вопросов денежного обращения (главы IV—VII) позволили изучаемый отрезок времени — столетие с четвертью (XV — первая четверть XVI в.) — разделить на восемь этапов и в рамках этой общей периодизации сформулировать черты особенного, локальные

варианты денежного обращения в двух регионах Мавераннахра — центральном Мавераннахре и Хисаре. Конкретно-исторический вариант развития за этот длительный отрезок времени денежного обращения в регионе Хисара поставил вопрос о резервах, за счет которых этот регион догнал центральный Мавераннахр по уровню торговли в сфере обращения медных монет.

Первый этап (до реформы Улугбека, начатой в 832/1428-29 г.). В настоящее время для характеристики монетной массы на этом этапе, выявления общего и особенного в денежном обращении двух изучаемых регионов мы располагаем только одним небольшим кладом (из региона Хисара) и отдельными монетами, место и обстоятельства обнаружения которых иногда известны. Наличные монеты показывают, что монетный двор столичного Самарканда осуществлял регулярный чекан: монеты Тимура разных лет, монеты Мухаммад-Джахангира и Халила 808/1405-06 г., анонимные монеты 812/1409-10 г. (тип 1), 817/1414-15 г. (тип 2), 818/1415-16 г. (тип 3), 819/1416-17 г. (типы 4—5), 823/1420 г. (типы 6—7), 811 или 821 г. х. (тип 44), 813 или 823 г. х. (тип 45) и без даты (тип 43). Продукция других монетных дворов — (Андиган, Бухара, Карши, Отрар, Термез, Хисар (?), Хорезм, Хуттален, Шахрисябз, Шахрухиййа) представлена пока одним-тремя типами. Существенно, что на этом этапе разные монетные дворы выпускали однотипные монеты: в 818/1415-16 г.— Андиган, Бухара, Отрар, Самарканд; в 819/1416-17 г.— Андиган, Самарканд, Шахрисябз, Шахрухиййа; в 823/1420 г.— Бухара и Самарканд, Карши и Шахрисябз, на юге — Термез, на севере — Хорезм и Шахрухиййа. Эти мероприятия, безусловно приносившие доходы казне, вместе с тем свидетельствуют о возраставшей потребности рынка в медной монете. Потребность эта была понята и реализована, причем было предусмотрено благоприятное для торговли равное обращение всех монет (однотипность) вне зависимости от места выпуска.

Политику в отношении веса медных монет пока можно проследить только по выпуску 823 г. х., так как монеты этого года — многочисленны, предыдущие — единичны. Оказалось, что весовые колебания монет с этой датой значительны, это чекан эл-марко, а расчетный средний их вес равен 4,4 г.

Монетную массу в регионе Хисара составляли местные и внерегиональные монеты. Местный чекан, очевидно, был эпизодическим и, безусловно, менее интенсивным, чем в центральном Мавераннахре. Нам известна уникальная монета Хутталяна 822/1419 г. (тип 1), найденная в регионе. Вероятно, к этому же этапу относятся монеты Хисара без даты (тип 11), у которых л. ст. оформлена так же, как у монеты Хутталяна 822 г. х. Вероятность единовременного или близкого по времени выпуска монет Хутталяна (822 г. х.) и Хисара (без даты) подтверждают

два клада, сложившиеся в регионе Хисара на рубеже двух столетий: в их составе есть монеты Хисара без даты (тип 11), но лишь по одной в каждом. Привлекает внимание форма картуша л. ст. монет Хутталяна и Хисара: шестигранник, образованный пересечением двух треугольников. Такой же картуш имеют монеты 823 г. х., чеканенные на многих монетных дворах Мавераннахра и даже в Хорезме, но среди этих монет 823 г. х. нам не встречались чеканенные в Хутталяне или Хисаре. Расположение надписей у монет Хисара — Хутталяна и на однотипных монетах 823 г. х. различно: у первых в картуше — надпись, а кругом него — орнамент, у вторых, наоборот, в картуше — орнамент, кругом — надпись. Таким образом, есть черты различия и черты сходства; совершенно неясно, чему следует отдать предпочтение. Иначе говоря, пока невозможно решить, был ли выпуск монет Хутталяна 822 г. х. и Хисара без даты частью общей с монетами 823 г. х. акции (оформленной недостаточно последовательно и точно), или в регионе Хисара это была акция совершенно самостоятельная.

Первый этап для центрального Мавераннахра был временем интенсификации выпуска медных монет, наращивания монетной массы. Регион Хисара в этом отношении отставал; основу обращения медных монет в центральном Мавераннахре составляли местные монеты (чекан Самарканда был систематическим), в регионе Хисара — «чужие», внерегиональные, лишь с добавлением своих, местных.

Второй этап. Началом второго этапа является денежная реформа Улугбека (подробно см. гл. V/1), которая преобразовала чекан и обращение медных монет, поэтому не привлекла внимания летописцев. Основная задача реформы заключалась в том, чтобы наилучшим образом сочетать интересы казны и интересы торговли в сфере обращения медных монет. Интересы торговли требовали неизменной, прочной монеты, которая к тому же не знала бы областных и удельных барьеров. Именно такую монету торговле и дала реформа. Интересы казны требовали наибольших доходов от чекана. С этой целью вторая часть реформы предусмотрела централизацию выпуска меди в Бухаре. Все доходы от централизованного чекана поступали в одну казну; этой цели отвечал и запрет «старых», дореформенных монет, ибо их изъятие освобождало место для «новых», пореформенных. Изъятие «старых» монет путем обмена — обычная на протяжении XV — первой четверти XVI в. форма получения доходов; размер доходов зависел от нормы обмена; норма обмена, как правило, определялась с выгодой для казны, что означало пропорциональные потери для владельцев монет. Реформа Улугбека предусмотрела частичный отказ от «сиюминутной» выгоды при таком обмене монет в видах постоянных доходов от пореформенного чекана при условии успеха реформы. Ради успеха реформы назначена была приемлемая для

населения норма обмена, но даже она, как и сам обмен, была психологически обоснована более высоким весом пореформенных монет.

Осторожно проведенная, с учетом и объективных закономерностей денежного обращения, и общественной психологии, реформа имела успех и надолго определила самые благоприятные условия для денежной торговли в сфере обращения медных монет. Специфика второго этапа — это и есть реформа и пореформенное денежное обращение.

Успех реформы выразился в том, что пореформенные монеты проникли во все уголки Мавераннахра, о чем свидетельствуют состав кладов и отдельные монетные находки. Насытил пореформенный чекан и регион Хисара. Снова, как и на первом этапе, основу денежного обращения в регионе Хисара составили внерегиональные монеты. Но на втором этапе, вне зависимости от уровня товарно-денежных отношений в двух изучаемых регионах, их объединяло то, что и в центральном Мавераннахре после завершения обмена многие монетные дворы прекратили выпуск медных монет. Вместе с тем равное обращение однотипных, а затем и серийных монет 832 г. х. создавало благоприятные условия для развития денежной торговли. Клады и повсеместные отдельные находки пореформенных монет в регионе Хисара свидетельствуют о том, что монетная масса здесь на втором этапе сильно выросла, отражая увеличение объема денежной торговли.

Особняком стоит уникальная монета Хутталяна 832 г. х. (тип 2), которая не имеет ничего общего с типом пореформенных монет Улугбека. Сейчас нечего сказать об объеме местного выпуска. Зато ясно, что наплыв в регион пореформенной внерегиональной монеты отодвинул местные монеты на второй план.

Третий этап. Для этого этапа мы уверенно можем говорить о медных монетах трех достоинств: основной номинал рынку дали два последовательных надчекана с надписью «данги» — термином полнокурсности; половинный номинал — надчеканы с надписью «нимданги»; монеты третьего достоинства — без последних надчеканов с термином «данги». Начало этапа — надчекан типа 2 (картуш квадратный) первой группы второго разряда. Это было масштабное многолетнее мероприятие.

Монеты Бухарской серии 832 г. х. чеканены эл-марко. Расчетный средний вес сначала был высоким (примерно в 1,5 раза выше расчетного среднего веса предреформенных монет), затем неоднократно снижался. На каком-то отрезке времени были перечеканены и вновь вернулись на рынок предреформенные монеты: они обрели тип бухарской серии 832 г. х., но их средний расчетный вес равнялся всего 4,4 г. В результате в рамках серийного выпуска Бухары накопилась самая разновесная продукция (1,8—8,0 г), но все монеты (вне зависимости от инди-

видуального веса) имели достоинство основного номинала. Снижение веса в таких размерах, когда медные монеты одного достоинства различались между собой по весу в 1,5—2, а то и в 3 раза,— это уже просчет. Имело место и некоторое превышение количества монет сверх потребного. Совместное действие двух этих факторов привело к инфляции, к развитию кризисных явлений [412]. Надчекан типа 2 (картуш квадратный) призван был ликвидировать эти явления.

Надчекан типа 2 разделил пореформенные монеты на две группы: монеты с надчеканом, выполнявшие функцию основного номинала (что и было подчеркнуто термином «данги» в надписи — термином полнокурсности основного номинала), и монеты без надчекана, выполнявшие функцию кратных основного номинала. Таким способом был несколько сокращен и уровень монетной массы (за счет превращения части монет в кратные основного номинала). Мероприятие было успешным, ибо не привело к массовому выпадению монет без надчеканов в клады. Более того, монеты без надчеканов оставались важной частью монетной массы и на следующем этапе — четвертом (последнее десятилетие XV в.). Очевидно, обменная норма и назначенное для кратных достоинство были близки тому уровню, до которого упала покупная способность монет. Мероприятие это работало на повышение курса части монет, на возвращение ей функции полнокурсного основного номинала. Доходы казны составляла, следовательно, не низкая обменная норма, а возвращение части монет достоинства «данги», что и удостоверялось, документировалось надписью. Весового отбора при надчеканивании не было, после надчекана одинаково разновесными оказались монеты без надчеканов и монеты с надчеканами.

До этого надчекана, на втором этапе, монетная продукция выпускалась централизованно — в Бухаре. Для обмена монет при надчеканивании одного монетного двора было недостаточно. И действительно, надчекан типа 2 был произведен минимум на 9—10 монетных дворах: в Андигане, Бухаре, Карши, Самарканде, Термезе, Урду, Хисаре, Хутталяне, Шухрухийе [413]. Однотипность надчеканов, произведенных в разных пунктах, свидетельствует о том, что равное общегосударственное обращение монет (вне зависимости от места их надчеканивания) было сохранено.

Привлекает внимание, что перечисленные монетные дворы довольно удобно обеспечивали обмен монет в исторически сложившихся областях Мавераннахра. Важно подчеркнуть, что в этом мероприятии приняли участие монетные дворы и региона Хисара. Это дополнительно свидетельствует о том, что в регионе за предшествующее время скопилось значительное количество внерегиональных пореформенных монет Улугбека, которые и были основой денежного обращения региона на втором этапе. Внутрикладовая статистика открывает следующую закономер-

ность: надчеканивание было особенно интенсивным и продолжительным в столичном Самарканде, но и Хисар занимает третье место (после Бухары); в составе всех обработанных нами кладов вне зависимости от их топографии надчеканы типа 2, сделанные в Самарканде, Бухаре и Хисаре, непременно есть (см. гл. III/4 и табл. 10). Хутталян же идет в ряду монетных дворов, которые производили надчеканивание менее интенсивно и в течение меньшего отрезка времени (так же и Термез).

Надчекан типа 1/*а* (шестигранный картуш) первой группы второго разряда был мероприятием менее масштабным, надчеканивание даже в Самарканде производилось в течение меньшего отрезка времени, чем в этом же городе надчекан типа 2; в Мавераннахре работало всего два монетных двора (Бухара, Самарканд). Однако надчекан типа 1/*а* не только снизил уровень монетной массы, но и сократил ее физическое количество, ибо привел к выпадению в клады массы монет (без надчекана и с предшествующим надчеканом типа 2). Очевидно, обменная норма была очень невыгодна населению, равно как и перевод монет с надчеканом типа 2 в разряд кратных динара: следовательно, надчекан типа 1/*а* — целиком или в значительной степени фискальное мероприятие.

Пока не зафиксировано производство надчеканов типа 1/*а* на монетных дворах региона Хисара. Тем не менее регион был вовлечен в перемены, о чем свидетельствуют клады пореформенных монет только с одним надчеканом типа 2 (квадратный картуш), найденные в регионе, а также приток в регион монет с надчеканами типа 1/*а*, произведенными преимущественно в Самарканде и Бухаре.

Итак, монетная масса и обращение медных монет на третьем этапе в двух регионах — центральном Мавераннахре и Хисаре — обладали чертами и сходства и различия. Признак общего — организация денежного обращения: единое мероприятие для ликвидации кризисных явлений в денежном обращении (квадратный надчекан «данги» и в центральном Мавераннахре, и в регионе Хисара); легальное сосуществование однотипных пореформенных монет без надчеканов и таких же монет с надчеканами (сначала с надчеканом типа 2, потом с надчеканом типа 1/*а*); одинаковые функции монет с последними надчеканами (полнокурсный основной номинал — «данги») и монет без последних надчеканов (кратные основного номинала). Признаком общего является и реакция на второй, более поздний надчекан (тип 1/*а*, шестигранник) — выпадение монет (без надчеканов и с предшествующим надчеканом типа 2) в клады. Признаки различия — объективное состояние денежного обращения, уровень его развития, все еще разный в двух регионах; разное наследие второго этапа, в результате чего и на третьем этапе основу денежного обращения в регионе Хисара составляли

монеты центрального Мавераннахра; разная интенсивность и (или) продолжительность производства надчеканов типа 2, отраженная внутрикладовой статистикой этих надчеканов и косвенно свидетельствующая о меньших размерах монетной массы в регионе Хисара. Вместе с тем эта же внутрикладовая статистика убеждает в том, что надчеканивание в регионе Хисара на третьем этапе было масштабнее, чем выпуск монет Хисара на втором.

Четвертый этап. В разных регионах и даже, возможно, областях четвертый этап был начат разными мероприятиями и не обязательно точно в одно время. В центральном Мавераннахре и в регионе Хисара четвертый этап начался явно не совсем в одно время, но начало его в обоих регионах ознаменовалось общим признаком — массовым выпадением монет в клады.

В центральном Мавераннахре (см. гл. VI/1) это было обусловлено переходом на децентрализованный ежегодный в 897—901 гг. х. (и особенно в 898—900 гг. х.) выпуск новых динаров и обильное многолетнее (898—901 гг. х.) надчеканивание, параллельное выпуску новых монет. Самарканд, Бухара и некоторые другие монетные дворы региона на названном отрезке времени выпустили последовательно динары двух типов, а позже — и третьего — свидетельство фискальных мероприятий. В рамках каждого из трех типов динаров в Бухаре и Самарканде проводили единую монетную политику, хотя два эти владения порой находились у разных и враждовавших между собой членов династии.

Для четвертого этапа в центральном Мавераннахре характерно заметное развитие политики в отношении веса и масштаба цен. В части масштаба цен приметным явлением этого этапа становится специальный выпуск сразу нескольких кратных основного номинала (например, в Самарканде для этого этапа зафиксирован выпуск монет минимум пяти достоинств: полуторные, одинарные и половинные динары, монеты в две трети и в одну треть динара). По-прежнему в качестве меньших кратных использовались «старые» монеты. Многолетнее однотипное надчеканивание (тип 14 первой группы первого разряда), осуществленное во многих пунктах, было, как мы предположили, предназначено также дать рынку кратную динара (скорее всего более высокого достоинства). Следовательно, уровень развития мелкой розничной торговли «диктовал» свои условия и требовал развитого масштаба цен в сфере обращения меди.

Политика в отношении веса медных монет претерпела большие изменения, она учла печальный опыт предшествующего времени: в центральном Мавераннахре на четвертом этапе динары чеканили на основе весового стандарта при эталонном ремедиуме; весовой стандарт, правда, изменяли, но в небольших размерах (первый весовой стандарт — 5,2 г, второй — 5,0 г, третий — еще ниже).

Монетная политика в целом в Бухаре, Самарканде и других городах сначала была единой, потом — самостоятельной. Это было время междоусобиц, которыми воспользовался Мухаммад Шейбани-хан. Междоусобицы разоряли центральный Мавераннахр, войска месяцами стояли возле городов или в сельской местности. Особенно от междоусобиц пострадали столичный Самарканд и его область. Тем не менее в Самарканде за 906 г. х. выпустили два типа динаров, т. е. производили перегруппировки с фискальными целями.

В регионе Хисара (подробнее см. гл. VI/2) также имело место образование кладов из монет предыдущего этапа. Неясно, связывать ли это с началом чекана своего динара (динар Хисара, тип 10) или с местными многолетними и масштабными надчеканами, производство которых началось ранее последнего десятилетия XV в. (надчеканы: четырехлепестковый цветок, потом «[Монета] правильная; две цены»). Для региона Хисара четвертый этап — это массовое и неоднократное надчеканивание (насчитано семь акций), причем совершенно самостоятельное, не связанное с центральным Мавераннахром. Особенно масштабными (о чем говорит внутрикладовая сравнительная статистика) были три акции; для обмена монет в связи с одной из них (тип 15 первой группы первого разряда) в регионе работало не менее девяти монетных дворов (в том числе временные, в мелких пунктах) — свидетельство глубокого проникновения денежной торговли в жизнь общества того времени.

Вместе с тем основная монетная масса в регионе Хисара на этом этапе состояла из внерегиональных монет. Они обращались здесь по разным курсам: монеты с соответствующим местным надчеканом (который давал им по большей части полный курс основного номинала — курс «данги») и монеты без него (выполнявшие функции кратных).

Таким образом, на четвертом этапе монетная политика в двух регионах была самостоятельной. В центральном Мавераннахре основу денежного обращения составляли местные монеты, отчеканенные на этом же этапе, а частично и более ранние; такой же по составу монет была монетная масса и региона Хисара, но для этого региона монеты не были местными. Местный чекан в регионе Хисара кое-что добавил к монетной массе, но не стал ее основой. Надчеканивание как форма эксплуатации монетной регалии практиковалась в обоих регионах, но в Хисаре — несравненно чаще. В результате два региона к рубежу двух столетий не пришли в одинаковом состоянии (с точки зрения обращения медных монет). Центральный Мавераннахр оказался в несколько лучшем положении, хотя и там снижение веса монет, их перегруппировки на фоне разорительных междоусобиц создали ситуацию, близкую кризисной. Регион Хисара был меньше разорен войнами, междоусобицы в основном обходили его стороной. И тем не менее именно здесь к

рубежу XV—XVI вв. обращение медных монет находилось в острокризисном состоянии. Основная причина — фискальная политика, неумеренная эксплуатация монетной регалии, частые перегруппировки на базе надчеканивания.

Пятый этап. Начало пятого этапа определяется точно — 907/1501-02 г. В этом году и в центральном Мавераннахре, и в регионе Хисара проведены были независимые друг от друга и разной значимости мероприятия для улучшения и стабилизации обращения медных монет. Следует отметить, что именно с этого года центральный Мавераннахр и регион Хисара оказались политически разобщенными: первый был уже в руках Мухаммада Шейбани-хана, а второй, как и в предыдущие годы, по существу независимым владением во главе с Хосроу-шахом. Но разная монетная политика в двух этих регионах определяется не столько этой политической ситуацией, сколько наследием предшествующего этапа, необходимостью самим выходить из местных трудностей с учетом их специфики в каждом из двух регионов.

В центральном Мавераннахре после окончательного завоевания столичного Самарканда в 907 г. х. (а Бухара оказалась в руках Мухаммада Шейбани-хана еще раньше) была предпринята попытка дать рынку в завоеванной части Мавераннахра единую монету, покончить с «монетной независимостью» Бухары и Самарканда. Действительно, Самарканд и Бухара в 907/1501-02 г. выпустили однотипный динар (тип 17 Самарканда, тип 8 Бухары); в Самарканде чекан этих монет осуществлялся ежегодно, до 910/1504-05 г. включительно. Нам неизвестны клады, выпавшие в центральном Мавераннахре в связи с мероприятиями 907/1501-02 г. Зато известно, что в кладах, сложившихся позднее (на рубеже пятого и шестого этапов), динары, отчеканенные до 907 г. х., составляют их органическую часть. А это значит, что в 907 г. х. статус динаров предшествующего времени определили таким образом, чтобы он был близок реальному их достоинству на рынке к этому году.

В регионе же Хисара в 907/1501-02 г. была проведена кардинальная реформа, которую условно мы нарекли реформой Хосроу-шаха, фактического правителя Хисарского удела. Реформу эту подготовил и осуществил талантливый финансист, он заметил и учел изменения и существо изменений цен, понял и учел общественную психологию, не забыл и интересы казны. 907 г. х. в регионе Хисара — рубеж, отмеченный выпадением кладов и чеканом новых монет. Важнейшие статьи реформы предусмотрели следующее: изменение масштаба цен (двойной динар — основной номинал); такой тип монет, который психологически способствовал бы эффективному проведению реформы (надписи с обозначением достоинства новых монет, да еще и на местном языке — персидско-таджикском; изображение газели); выпуск монет трех достоинств — хороший «набор» для

удобной торговли; запрет «старых» монет и долговременный выпуск «новых» (особенно двойных динаров, которые были превращены в серию с единой датой или без нее) как постоянный источник доходов, ибо «новым» монетам предстояло заполнить место, освобожденное «старыми». Это была реформа, в результате которой регион наконец получил свою местную монету как основу денежного обращения.

Таким образом, самостоятельность монетной политики двух регионов и разная в них организация денежного обращения, четко заявившие о себе еще на четвертом этапе, на пятом, в рамках 907—910 гг. х., получили полную завершенность.

В 910/1054-05 г. регион Хисара был присоединен к остальным владениям Шейбанидов, и в этом же году были сделаны две попытки организовать в регионе Хисара и в центральном Мавераннахре равное общегосударственное обращение медных динаров. Для этого в Хисаре сначала отчеканили медные динары (тип 12) того же типа, который еще в 907 г. х. был определен для Бухары (тип 8) и Самарканда (тип 17). Далее следует надчекан типа 7 первой группы первого разряда. Надчекан произвели в Бухаре, Миййанкале, Параке, Самарканде, Хисаре; отныне только монеты с этим надчеканом становились полнокурсными динарами данги. Надчеканивание было произведено (или начато) в 910/1504-05 г. Почему не ограничились выпуском общего типа монет в центральном Мавераннахре и Хисаре? Очевидно, основной мотив — фискальный: для новых походов Мухаммаду Шейбани-хану нужны были деньги. Вместе с тем попытка сохранить равное общегосударственное обращение медных динаров по-прежнему имела место.

Сложность ситуации заключалась в том, что в центральном Мавераннахре основным номиналом был одинарный динар, а в регионе Хисара — двойной. Выпуск в Хисаре новых одинарных динаров (тип 12), а затем — надчеканивание (тип 7) произвели перемены в положении «старого» одинарного динара 907 г. х. (тип 4, надпись «[Монета] однодинаровая»), который здесь был вспомогательным средством обращения, кратным двойного динара, а значит, и выпущен был в относительно небольшом количестве. Эти перемены сами по себе не влияли на позицию двойного динара в регионе Хисара, а было ли какое-нибудь специальное решение относительно двойных динаров Хисара, Кундуза и Термеза (с надписью «два динара» и изображением газели) — неизвестно. Последующее развитие монетного дела показало, что двойной динар в регионе Хисара прочно стал основным номиналом. Между тем не только рассмотренные мероприятия 910 г. х., но и все последующие (вплоть до второй части реформы Шейбани-хана — 914/1508-09 г.) исходили из норм, принятых в центральном Мавераннахре, т. е. опирались на одинарный динар как основной номинал. Пока мы можем сформулировать лишь альтернативу: если дальнейшее накопле-

ние материалов подтвердит, что централизованные мероприятия с 910 по 914 г. х. касались только одинарного динара (выполнявшего столь разные функции в двух регионах), это будет означать, что организация денежного обращения в центральном Мавераннахре и в регионах Хисара продолжала оставаться различной, «общее» не было главным, главным было «особенное».

К сказанному следует добавить, что попытка наладить равное общегосударственное обращение медных монет не была последовательной и твердой, удельные владетели в погоне за доходами «взрывали» общегосударственное обращение. Пример — надчеканы типов 5—6 первой группы первого разряда (ведущий центр — Бухара). В акции с надчеканом типа 6 не участвовали ни Самарканд, ни Хисар. Надчекан типа 5 объединил Бухару с регионом Хисара, но Самарканд не участвовал и в этой акции.

Шестой этап. Начинается в 914/1508-09 г. второй частью реформы Мухаммада Шейбани-хана (первая часть реформы преобразовала в 913/1507-08 г. чекан и обращение серебряных монет). В центральном Мавераннахре Бухара и Самарканд выпустили медные динары разных типов, но по одному весовому стандарту в мискал и половину данга мискала, т. е. 5,2 г. В 913/1507-08 г. этот весовой стандарт был назначен для серебряных монет. Иначе говоря, реформа предусмотрела чекан серебряных и медных монет по одному, причем традиционному весовому стандарту. Весовой стороне реформы придавали такое значение, что обозначение веса внесли в надпись на динарах Самарканда.

Состояние обращения медных монет в центральном Мавераннахре перед реформой не было благополучным, о чем в первую очередь свидетельствуют число перегруппировок с помощью надчеканов (минимум четыре) и персидско-таджикская надпись «хуб»=«[монета] хорошая» (вместо традиционного арабского «'адил»), явно «уговаривающая» верить добротности надчеканенных монет. Этот рубеж не перешла основная масса предреформенных монет, в центральном Мавераннахре началось выпадение кладов.

Ситуация в регионе Хисара неясна прежде всего из-за неясной судьбы двойных динаров Хисара, Кундуза и Термеза 907 г. х. и без даты (с изображением газели). Когда они выпали в клады? Есть три рубежа: 910 г. х., когда в регионе Хисара перемены произошли с одинарным динаром (т. е. внутри пятого этапа); 914 г. х., когда преобразован был одинарный динар центрального Мавераннахра (т. е. при переходе к шестому этапу); 916—917 гг. х., когда в регионе Хисара начался обильный чекан новых двойных динаров (т. е. при переходе к седьмому этапу).

Седьмой этап. Начинается несколько ранее 917/1511-12 г.

и отмечен обильным выпуском монет как в центральном Мавераннахре, так и в регионе Хисара. В обоих регионах выпускают и одинарные и двойные динары, однако сохраняется та принципиальная разница, основы которой были заложены в 907/1501-02 г.: центральный Мавераннахр по-прежнему в качестве основного номинала чеканит одинарный динар, а регион Хисара — двойной динар.

Но и внутри центрального Мавераннахра монетная политика не была общей и единой. Разной, например, была она в Самарканде и Бухаре (подробно см. гл. VII/1). В двух этих областях основным средством обращения был и оставался одинарный динар, его выпускали в огромных количествах — это общее. Оба города выпускали и двойные динары, однако в значительно меньшем количестве — это тоже общее. Вес одинарного динара был дважды понижен в Самарканде и Бухаре, причем сначала (в 917 г. х.) значительно (средний вес 3,1—3,2 г), потом (в 918 г. х.) еще немного — и это общее. Уже средний вес самых низковесных динаров в Бухаре и Самарканде демонстрирует некоторые различия. А вот число типов и количество акций (перегруппировок) и вовсе не одинаковы, удельные владетели двух этих городов предпочитали самостоятельно эксплуатировать монетную регалию. Еще более ярко о самостоятельности удельных владетелей Самарканда и Бухары рассказывают надчеканы. Надчеканы седьмого этапа не общегосударственные, а региональные. Ведущий центр надчеканов типов 1—2 первой группы, первого разряда — Самарканд, ведущий центр надчеканов типа 3 первой группы первого разряда — Бухара. Но разница не исчерпывалась этим. Различным, как оказалось, было и конкретное назначение надчеканов типов 1—2 и надчекана типа 3. Надчеканы типов 1—2 ставились на любые «старые» динары, а из современных (т. е. отчеканенных на седьмом этапе) — только на «чужие», практически более всего — на динары Бухары. Надчеканы типов 1—2 были призваны увеличить наиболее легким и дешевым способом общее количество местных динаров и одновременно не допустить равнокурсного обращения «своих» и «чужих» монет.

Надчекан типа 3 имел иное и наиболее обычное назначение: он делил всю массу монет (в том числе и монет этого же, седьмого этапа) на две части, из которых только динары с надчеканом имели полный курс «данги», динары же без надчеканов выполняли функции меньших кратных. Именно этот надчекан типа 3 вызвал большой отлив монет Бухары 917 г. х. в Самарканд, что, в свою очередь, там стимулировало их надчеканивание (типы 1—2).

Вывод напрашивается сам собой: удельные владетели Бухары и Самарканда с разной интенсивностью и не всегда одинаковыми способами эксплуатировали монетную регалию, в результате чего также и состав монетной массы на двух этих

рынках не был одинаковым. Это признаки различия. А признаком общего оказались последствия столь безудержной погони за фискальными доходами — один из серьезнейших в центральном Мавераннахре кризисов денежного обращения, захвативший не только медь, но и серебро (подробнее о кризисе см. гл. VII/3). Глубину и своеобразие этого кризиса определило сфокусированное взаимодействие нескольких факторов, среди которых интенсивная эксплуатация монетной регалии сыграла не последнюю роль.

Для региона Хисара седьмой этап, наоборот,— время спокойствия (см. гл. VII/2). Основу денежного обращения в регионе на этом этапе составили вновь отчеканенные на двух монетных дворах (Хисар и Хутталян) однотипные двойные динары, статус которых никак не изменялся. Надчекан типа 3 первой группы первого разряда не имел отношения к двойным динарам региона, он не зафиксирован ни на одном местном двойном динаре. У надчекана типа 3 было иное назначение — дать рынку монеты достоинством в один динар наиболее легким и дешевым способом (либо как добавление к невыявленному пока местному специально отчеканенному одинарному динару, либо вместо него). Для надчекана типа 3 использованы монеты иногородние (в том числе внерегиональные динары седьмого этапа), «старые» местные и просто потертые. Правда, весовой стандарт двойных динаров в регионе Хисара минимум два раза снижали. Однако при нормальном количестве средств обращения снижение веса само по себе может и не отразиться на обращении. В данном же конкретном случае снижение веса двойных динаров было защитной реакцией на снижение в центральном Мавераннахре веса одинарных динаров.

Местная политика, в разной степени самостоятельная в регионе Хисара, в Бухаре и Самарканде, не означала, что барьеры были непроходимыми. На седьмом этапе отмечен отлив динаров Бухары в Самарканд, одинарных и двойных динаров Бухары и Самарканда — в регион Хисара. Зафиксировано и образование «экономического союза» между Бухарой и Хисаром для производства надчеканов типа 3. Это означало, что динары с надчеканом типа 3 имели равное обращение на территории «экономического союза» вне зависимости от места надчеканивания.

Восьмой этап. Более десятилетия понадобилось для того, чтобы полностью ликвидировать как кризис денежного обращения (разразившийся в центральном Мавераннахре в начале второго десятилетия XVI в.), так и самостоятельность, неоднозначность монетной политики в Бухаре и Самарканде. Этого в три приема достигла денежная реформа (см. гл. VII/3), условно нами названная именем Кучкунчи-хана, тогдашнего номинального главы династии (его уделом был столичный Самарканд). На начальной стадии было сокращено, а затем и пре-

кращено производство низковесных одинарных динаров, причем в Самарканде и Бухаре даже это мероприятие провели неоднозначно. На второй стадии реформы Бухара и Самарканд перешли на выпуск высоковесной меди (что позволило также привести в соответствие рыночный и официальный курсы серебра в медных монетах и наладить регулярный свободный чекан серебра). И все же в чекане меди типовесовое единство не было достигнуто, весовой стандарт серебряных монет также был различным. И лишь на третьей стадии реформы, к 932/1525-26 г., удельная самостоятельность была потеснена и заложены некоторые общие основы монетного дела для всего центрального Мавераннахра.

Ликвидация кризиса денежного обращения в центральном Мавераннахре уже на первой стадии реформы привела к выпадению здесь кладов дореформенной низковесной меди.

Пока нет никаких данных для суждения о состоянии и особенностях денежного обращения на восьмом этапе в регионе Хисара, о влиянии на него денежной реформы Кучкунчи-хана. На предыдущем, седьмом этапе в регионе Хисара денежное обращение, основанное на двойном динаре, не переживало кризиса, оно отвечало объективным потребностям рынка и поэтому не нуждалось в перестройке. По существу, реформа Кучкунчихана к 932/1525-26 г. вывела центральный Мавераннахр в части чекана и обращения медных монет на тот уровень, на котором регион Хисара был с 907/1501-02 г.

Между тем выпадение в клады местных двойных динаров, отчеканенных в регионе Хисара на седьмом этапе, все же имело место. В связи с этим возникают вопросы: когда образовались и окончательно были отложены эти клады и чем это было вызвано; какую монетную массу регион Хисара получил взамен монет седьмого этапа? Если допустить, что реформа Кучкунчихана была действительно общегосударственной, то это значило бы, что и для региона Хисара она стала рубежом. В условиях нормализованного обращения в регионе это означало бы, что реформа Кучкунчи-хана здесь превращалась в обычное фискальное мероприятие: запрет — обмен или снижение достоинства местных двойных динаров и замещение «освободившегося» места пореформенными монетами. Но это абстрактное рассуждение, так как пореформенные монеты региона Хисара нам неизвестны, а их количество должно было быть весьма значительным для полного или частичного замещения монетной массы седьмого этапа.

3. Регион Хисара: специфика и резервы развития денежной торговли в XV — первой четверти XVI в.

Априорно можно было бы заключить, что общий уровень развития товарного производства и общий уровень торговли во

всех сферах денежного обращения в центральном Мавераннахре были выше, чем в регионе Хисара. Но априорно невозможно было бы даже предположить, что регион Хисара за XV в. догонит центральный Мавераннахр по уровню развития производства товаров широкого потребления, особенно по уровню торговли в сфере обращения медных монет и степени вовлечения сельского населения в товарно-денежные отношения. Нумизматические материалы сами заявили об этом феномене. Здесь следует остановиться на тех признаках особенного, которые позволяют говорить о двух конкретно-исторических вариантах развития за XV—XVI вв. товарно-денежных отношений. Если условно состояние и развитие товарно-денежных отношений в центральном Мавераннахре (регионе, безусловно, самом развитом) счесть точкой отсчета, то сопоставление равнозначных нумизматических данных позволит конкретно-исторический вариант состояния и развития товарно-денежных отношений в регионе Хисара аттестовать четырьмя признаками.

Признак 1. Регион Хисара *отличается* от центрального Мавераннахра темпами и существом поэтапного развития чекана и обращения медных монет, отражающих местный вариант в темпах и существе развития товарно-денежных отношений на этом уровне. Некоторое отставание в первой части XV в. затем компенсируется более ускоренным развитием.

Признак 2. Регион Хисара *догоняет* центральный Мавераннахр по уровню и степени развитости мелкотоварного производства, внутрирегиональной и межрегиональной денежной торговли товарами и продуктами широкого потребления, по степени вовлечения городского и сельского населения в товарно-денежные отношения именно на этом уровне. Время максимального развития этого признака в двух регионах в конечном счете совпадает: вторая половина (особенно последняя четверть) XV — первая четверть XVI в.

Признак 3. Регион Хисара в первой четверти XVI в. *отличается* от центрального Мавераннахра лучшей организацией денежного хозяйства, избавившей регион от кризисных потрясений, что способствовало стабильности и сохранению достигнутого уровня товарно-денежных отношений.

Признак 4. Регион Хисара *отстает* от центрального Мавераннахра по общему, суммарному объему денежной торговли, но это отставание — не «фронтальное», оно определено в первую очередь и более всего торговлей в сфере обращения серебра. Это дает основание предположить, что отставал объем местного производства более дорогих товаров и объем внешней для региона торговли (вывоз и привоз) различными товарами такого же рода.

Регион Хисара в разной степени, но всегда отставал от центрального Мавераннахра по общему объему товарного производства и суммарному объему всех видов торговли[414]. Ситуа-

ция не могла измениться принципиально и в рассматриваемое время из-за того особого политического (это тоже существенно для оценки значения объема торговли дорогими товарами) и экономического положения, которое центральный Мавераннахр, особенно Бухара и Самарканд, занимали в Средней Азии XV—XVI вв. в государствах Тимуридов и Шейбанидов.

Для оценки значения региональных различий в чекане и обращении серебряных монет существенно, что в XV—XVI вв. они были высокопробными, чекан их был децентрализованным и свободным (открытым). Казна (на разных этапах — общегосударственная или удельная) была заинтересована в интенсификации чекана серебра по одному тому уже, что это приносило доходы. Частные лица за изготовление монет из своего металла платили, такой расход оправдывала и делала понятным в первую очередь экономическая необходимость, нужда в звонкой монете из серебра. Следовательно, интересы казны и частных лиц при свободном чекане совпадали, особенно в условиях интенсивной торговли. А это значит, что количество серебряных монет, выпущенных в разных регионах, может рассматриваться как один из надежных источников для суждения о сравнительном (но, конечно, не абсолютном) объеме торговли в сфере обращения серебра. Однако мы никогда не узнаем точного количества серебряных монет, отчеканенных в разных регионах не только из-за случайности их находок, но не в меньшей степени из-за того, что монеты шли «в передел» (их перечеканивали, они обретали форму эстетического сокровища и т. д.). Сравнение же одних только дошедших монет дает право для заключения лишь в крайних параметрах, т. е. при условии либо большой количественной разницы, либо большого количественного сходства. И даже в этих случаях полезно для оценки сравнительной интенсивности чекана искать дополнительные косвенные свидетельства.

Для изучаемого периода *три* показателя — сравнительное количество дошедших серебряных монет (танга=тангача) XV—XVI вв., количество дат на монетах, а для XVI в. еще и число монетных типов — демонстрируют такую разницу между центральным Мавераннахром и регионом Хисара, которую нельзя «списать» за счет случайности. Обратимся к конкретным данным, причем для XVI в. могут быть названы и абсолютные цифры, так как мы учли хоть и не все, но значительную часть серебряных монет этого столетия по материалам публикаций, музейных и частных коллекций и классифицировали монеты по типам. Нам известны всего три серебряные шейбанидские монеты Хисара XVI в.[415], монет же как Бухары, так и Самарканда — многие сотни! Сравнение остальных показателей на этом фоне носит уже формальный характер, все же упомянем и их. На монетах Хисара нет дат, но на трех монетах их не могло быть больше трех. Точных дат на монетах Бухары нами зафиксиро-

вано 56, на монетах Самарканда — 41. Если учесть, что на большинстве монет даты стерты или обрезаны, на некоторых вовсе не проставлялись, вывод о регулярной и систематической работе монетных дворов Бухары и Самарканда не будет вызывать сомнений. К этому следует добавить, что часть типов монет — без дат, они безусловно «занимают» многие годы, не представленные пока датированными типами монет. Следовательно, местный чекан серебра на протяжении XVI в. в двух сравниваемых регионах с точки зрения и регулярности, и интенсивности — это буквально два полюса. Новые монетные находки могут «смягчить» или «заострить» эту разницу, но они уже не сотрут ее.

Небесполезно привести и такое частное сравнение. Две из трех монет Хисара чеканены от имени шейбанидского государя Кучкунчи-хана (1510—1530), т. е. на том отрезке времени, который является частью изучаемого. Двум этим монетам Хисара в чекане Кучкунчи-хана противостоят 65 монет Бухары и Самарканда [416].

Точные цифры для XV в. мы назвать не можем. Но сводка данных у Э. Цамбаура о серебряных монетах Бухары — Самарканда и Хисара, просмотренные каталоги и другие публикации убеждают в том, что и в XV в. между двумя сравниваемыми регионами была столь же принципиальная разница как по количеству дошедших монет (интенсивность чекана), так и по числу монетных дат (регулярность) [417].

Ясно, что масса серебряных монет в регионе Хисара не исчерпывалась в XV—XVI вв. местным чеканом. Найденные здесь клады серебряных монет Тимура, Тимуридов и Шейбанидов включают монеты самых различных городов и областей [418]. Но масса серебряных монет и в центральном Мавераннахре не исчерпывалась местным чеканом. Высокопробные серебряные монеты, естественно, легко пересекали региональные границы. Но это признак общего, и мы упоминаем о нем лишь для того, чтобы не создавалось впечатления, будто в регионе Хисара было вообще так же мало серебряных монет, как относительно мало их здесь чеканили. Вне зависимости от межрегионального движения серебра и его влияния на общие размеры монетной массы в каждом из двух регионов выявленная количественная разница по материалам местного чекана, двухвековая устойчивость этой разницы по признакам и регулярности (даты) и интенсивности (сравнительное количество экземпляров) местного чекана серебра — все это дает полное основание считать столь же различным объем торговли двух регионов в сфере серебряного обращения.

Первый, второй и третий признаки вариантности развития товарно-денежных отношений в регионе Хисара удалось выявить на основе изучения медных монет. Медные монеты, как оказалось, являются основным источником периодизации и сравни-

тельной характеристики мелкотоварного производства, торговли товарами и продуктами массового потребления. Именно они были на этом уровне основным средством обращения во внутригородской, внутриобластной и внутрирегиональной торговле, а также принимали участие и в межрегиональной торговле.

На протяжении первых трех этапов уже появляется продукция местных монетных дворов (Хисар, Хутталян), выпускающих и надчеканивающих медные монеты, но удельный их вес в общей массе медных монет очень невелик. Основу денежной торговли в сфере обращения медных монет составляют монеты «пришлые». В это же самое время в центральном Мавераннахре картина противоположная, местную торговлю на аналогичном уровне обеспечивает местный же чекан. Вместе с тем сам приток и утилизация в регионе Хисара большого количества «пришлых» монет в условиях нормализованного и избавленного от серьезных кризисов их общегосударственного обращения свидетельствуют о возрастающем объеме внутри- и межрегиональной торговли. Приток монет заметно увеличился после денежной реформы Улугбека (второй этап), монетная масса долго соответствовала сумме товарных цен, следовательно, объем торговли в сфере обращения медных монет на втором этапе неуклонно возрастал. В начале третьего этапа монетный двор Хисара участвует в общегосударственном мероприятии — надчеканивании и обмене части пореформенных монет Улугбека, что дополнительно говорит о большом их количестве в регионе. На весьма продолжительном третьем этапе пореформенные монеты Улугбека и с надчеканами, и без них продолжают обращаться, а некоторое снижение уровня монетной массы коснулось обоих регионов. Не сокращается и межрегиональная циркуляция медных монет (судя по разногородним надчеканам на монетах в составе кладов. Дальнейшее развитие идет по пути интенсификации местных выпусков медных монет и надчеканивания на местных монетных дворах, так что разница между двумя регионами в этом отношении постепенно стирается.

Развитие этой сферы товарно-денежных отношений в двух регионах началось с разных уровней, но за XV в. достигло близких результатов. Следовательно, были как общие для обоих регионов причины и факторы такого развития, так и более частные, которые стимулировали ускорение процессов в регионе Хисара. Следует иметь в виду два «катализатора», которые могли ускорить развитие товарно-денежных отношений именно в регионе Хисара: 1) товарная взаимозависимость внутри сельского хозяйства в силу его многотипности; 2) хорошо на нескольких этапах налаженное обращение медных монет и интенсивная в этой сфере денежная торговля с центральным Мавераннахром.

1. Б. Х. Кармышева[419] внимательно изучила по этнографическим данным сложное переплетение и взаимодействие трех

факторов, определивших специфику сельского хозяйства в южном Таджикистане и Узбекистане (а это наш регион Хисара): «чересполосное» сосуществование оседлого, полукочевого и кочевого населения; разнообразие ландшафтных зон; этнические традиции. Специфика выразилась в таких формах специализации, которые исключали замкнутое хозяйствование, самообеспечение всеми необходимыми продуктами. Б. Х. Кармышева выделила шесть типов сельского хозяйства с вариантами в каждом и детально проследила их прочную взаимозависимость в виде развитого и стабильного обмена продуктами сельского хозяйства и сельского ремесла между разнотипными хозяйствами. Обмен этот осуществлялся через рынок или непосредственно. Поскольку те же три фактора сосуществовали и взаимодействовали раньше, в том числе и в XV—XVI вв., экстраполяция представляется обоснованной. Это значит, что кроме ремесла и торговли в городе, кроме обмена между городом и деревней (общие для двух регионов резервы развития) в регионе Хисара был огромный местный резерв развития товарно-денежных отношений — устойчивая товарная взаимозависимость внутри сельского хозяйства.

Местным этот резерв мы называем не в том смысле, что товарная взаимозависимость внутри сельского хозяйства существовала только в южном Таджикистане и Узбекистане. Она существовала, конечно, и в других регионах. Но важна степень этой взаимозависимости, ее место, значение в жизни сельского населения. В южном Таджикистане и Узбекистане это был не второстепенный, не дополнительный компонент, а органическая составная часть сельского хозяйства, ведущий признак его специфики.

В конце XIX в., по этнографическим данным, обмен между разными типами сельского хозяйства в большей степени был натуральным, в меньшей — денежным. Возможно, в XV в. доля денежной торговли в таком обмене была значительнее и все возрастала, т. е. включение именно этого местного резерва определило ускоренное по темпам и столь значительное по объему развитие товарно-денежных отношений в регионе Хисара. Без подобного резерва трудно объяснить, за счет чего регион Хисара смог догнать центральный Мавераннахр.

2. Регион Хисара связывали с центральным Мавераннахром (особенно с Бухарой) взаимные торговые интересы, так что межрегиональная торговля была значительной. Развитие товарно-денежных отношений в обоих регионах было внутренним процессом, но более развитая денежная торговля центрального Мавераннахра в силу межрегиональных связей не могла не повлиять на развитие денежной торговли и в регионе Хисара. Существенную роль должна была сыграть денежная реформа Улугбека. Оптимально налаженное общегосударственное обращение одинаковых серийных медных монет могло основательно

повлиять на развитие товарно-денежных отношений в целом, а тем более стимулировать превращение уже существующего и весьма объемного натурального обмена внутри сельского хозяйства региона в денежную торговлю.

Рассмотрим еще один, третий, из четырех вариантных признаков развития товарно-денежных отношений в регионе Хисара. Его определила самостоятельная фискальная политика правительства двух регионов, особенно с четвертого этапа. Последнее десятилетие XV в. (четвертый этап) и в центральном Мавераннахре, и в регионе Хисара ознаменовалось усиленной эксплуатацией монетной регалии: способы извлечения все новых и новых доходов от чекана и обращения медных монет несколько различались в двух регионах, но привели к сходным результатам — кризису денежного обращения (более, однако, глубокому в регионе Хисара). В 907/1501-02 г. (начало пятого этапа) в обоих регионах были приняты меры для ликвидации местных кризисов. В центральном Мавераннахре (только что завоеванном Шейбани-ханом) меры эти были непоследовательными и не обеспечили серьезного и долговременного улучшения ситуации. В регионе Хисара чекан и обращение медных монет, наоборот, были реформированы кардинально, с учетом и объективных условий, и психологии населения. Реформа поэтому имела полный и долговременный успех. Лучшая организация денежного обращения в регионе Хисара с рубежа двух столетий была важным фактором сохранения и укрепления достигнутого уровня денежной торговли в сфере обращения медных монет.

4. О времени максимального развития торговли в сфере обращения медных монет

Сравнительно-историческое изучение косвенных показателей среднеазиатских монет дает интересный материал для выяснения времени максимального развития в феодальной Средней Азии товарно-денежных отношений. А этот вопрос имеет еще один аспект. Историки Средней Азии внимательно и специально рассматривали разные предпосылки и тенденции развития капиталистических отношений только в XIX в., накануне присоединения Средней Азии к России. Это дало определенные положительные результаты. Однако изучение такого рода вопросов в полном объеме нельзя, очевидно, ограничивать узкими хронологическими рамками XIX в. Нам представляется, что установление в р е м е н и максимального «вызревания» тех или иных объективных предпосылок — это необходимое условие исследования подобного рода. Выяснение причин, в силу которых те или иные предпосылки развития капитализма не были реализованы, нужно, как кажется, проводить не в произвольных хро-

нологических рамках, а обязательно начинать с изучения именно того времени, когда они получили максимальное развитие. Между тем не доказано, что эти предпосылки и тенденции достигли своего максимального развития в XIX в. Все эти соображения относятся и к товарно-денежным отношениям, при рассмотрении которых в рамках XIX в. вопрос о времени их максимального развития, об их сравнительно-историческом месте и уровне в этот период просто не ставился.

Анализ в предшествующих главах комплекса вопросов чекана и обращения медных монет в Мавераннахре XV — первой четверти XVI в. делает возможной постановку вопроса об относительном (в рамках среднеазиатского феодализма) месте этого периода с точки зрения уровня развития той сферы товарного производства и торговли, которую обслуживали именно медные монеты.

А. Об объеме торговли в сфере обращения медных монет. Обращающаяся масса денег дает определенное представление об объеме торговли. Конечно, из-за невозможности определить истинное количество обращающихся денег в тот или иной период и из-за отсутствия конкретных данных о ценах на все товары нельзя даже приблизительно судить об абсолютных размерах торговли. Но сравнение количества средств обращения на разных достаточно длительных отрезках времени, ничего не давая для характеристики абсолютных размеров торговли, весьма определенно говорит об ее относительных размерах, об изменении объема торговли в ту или иную сторону. Поскольку в данном случае речь идет о сфере обращения медных монет, их сравнительное количество на разных длительных отрезках времени позволяет судить об изменении размеров торговли продуктами и товарами широкого потребления. Сравнительный же объем торговли предметами первой необходимости, в свою очередь, дает определенное представление о сравнительных размерах товарного производства, обслуживавшего рядового потребителя на разных отрезках времени.

О количестве средств обращения, обслуживавших торговлю на том или ином отрезке времени, мы можем судить лишь по монетным находкам (по количеству монет, хранящихся в государственных и частных коллекциях и по регистрационным сведениям в литературе и архивах). Однако такого рода наблюдения требуют осторожности, даже значительная разница в количестве зарегистрированных монет разных периодов не всегда может быть источником для суждения об изменениях в объеме товарного производства и торговли. Но медные фалсы XV—XVI вв. занимают совершенно особое место. Они дошли до нас в таком большом количестве по сравнению с количеством медных фалсов любых других более ранних и более поздних периодов, что это исключает фактор случайности. Количество фалсов этого времени нельзя сравнить с количеством

фалсов не только любого из предшествующих и последующих периодов, но и всего предшествующего и последующего времени в пределах IX—XIX вв. И теперь, когда в республиках Средней Азии регистрации монетных находок и их сбору уделяется все больше внимания, этот «количественный разрыв» увеличивается, так как именно медные фалсы XV—XVI вв. в виде отдельных монет и целых кладов встречаются чаще всего.

Нет надобности, да и возможности, перечислять все находки медных фалсов XV—XVI вв. Отметим лишь обилие кладов этих монет. Клады эти — разных размеров: то несколько штук или десятков монет, то несколько сотен, а иногда более тысячи или даже несколько тысяч экземпляров. Состав кладов четко очерчивает хронологические рамки наиболее интенсивного чекана медных монет: это три четверти XV в. (начиная с реформы Улугбека в 832/1428-29 г.) и первая четверть XVI в.

При оценке значимости небывало интенсивного выпуска медных фалсов в XV—XVI вв. необходимо сделать две поправки: на форму эксплуатации монетной регалии, когда периодически одни монеты запрещались (или снижалось их достоинство), а новый выпуск занимал освободившееся место; и на случаи перенасыщения рынков медной монетой сверх потребного их количества. Учет этих двух моментов позволяет допустить, что общее количество отчеканенных за XV — первую четверть XVI в. монет превышало количество, нужное для торговли и соответствовавшее общей сумме товарных цен. Однако преувеличивать значение этих поправок тоже нельзя. Усиление эксплуатации монетной регалии в указанной форме имело место лишь на отдельных отрезках времени и в большинстве случаев оформлялось надчеканами на имеющихся монетах, тем самым не увеличивая количество самих монет. Несколько случаев перенасыщения выявлено, они кончались дискредитацией соответствующих монет и даже кризисными явлениями в обращении. Хронологически они чаще всего совпадают с теми же отрезками времени, которые характеризуются наиболее интенсивной эксплуатацией монетной регалии. Кроме того, о количестве монет, соответствующем потребностям рынка, мы можем судить по периодам их «спокойного обращения», когда они дают вполне достоверное представление об относительном объеме торговли. Например, продолжительное время после реформы Улугбека 832/1428-29 г. обращение медных монет не подвергалось никаким переменам. Всю розничную торговлю Средней Азии обеспечивали медные монеты одного типа, имевшие равное обращение по всему государству. Монеты не подвергались изъятиям, обменам и пр. Когда к концу этого отрезка времени в обращении пореформенных монет наметились инфляционные явления (из-за разновесности пореформенной продукции и некоторого превышения количества монет сверх нужного), было произведено два последовательных надчеканивания (с термином

«данги») части пореформенных монет без изъятия и запрета тех, которые надчеканы не получили. Денежное обращение было организовано таким образом, что пореформенные монеты с надчеканами «данги» стали выполнять функцию основного номинала, а без надчеканов — его кратного, что несколько снизило уровень монетной массы; после второго надчекана произошло сокращение и количества монет (выпадение в клады), однако надчеканы с термином «нимданги» на дореформенных монетах пополняли монетную массу. Иначе говоря, общий уровень изменялся не кардинально, а более чем полувековое обращение пореформенных медных монет отличалось относительной стабильностью уровня монетной массы. Между тем именно улугбековские пореформенные монеты и с надчеканами «данги», и без них — самые многочисленные среди всех прочих медных тимуридских и шейбанидских монет XV—XVI вв.

Другой пример — реформа удельного владетеля Хисара Хосроу-шаха. Эта вполне положительная реформа, законченная в 907/1500-01 г., запретила и изъяла из обращения разнообразную дореформенную продукцию и дала рынку монеты трех достоинств. На протяжении нескольких лет чекан и обращение этих монет не подвергались никаким переменам. Между тем именно пореформенные двойные динары Хосроу-шаха чаще всего и в большом количестве встречаются на территории южного Таджикистана.

Иначе говоря, очень большое количество медных монет XV—XVI вв., относящихся к этапам вполне нормализованного обращения меди, свидетельствует о том, что для розничной торговли того времени было необходимо именно такое большое количество средств обращения, какого рынки Мавераннахра не поглощали ни до, ни после рассматриваемого времени.

Если бы факт явного и очень заметного в XV — первой четверти XVI в. увеличения количества медных фалсов стоял изолированно, то следовало бы проявить большую осторожность в его понимании и оценке. Но этот факт хронологически совпадает с рядом других особенностей монетного дела XV—XVI вв. (см. ниже пункты *Б, В, Г*), вкупе свидетельствующих об интенсивном развитии именно в это время товарно-денежных отношений. На этом фоне количество медных фалсов трех четвертей XV в. и первой четверти XVI в., намного превышающих количество медных фалсов всего предшествующего и всего последующего времени, говорит о том, что именно в это время заметно увеличился объем товарного производства, обслуживающего рядового потребителя, и соответственно объем денежной торговли предметами первой необходимости.

Вывод этот кроме всего прочего означает, что увеличился объем ремесленного производства, в том числе и особенно производства товаров широкого потребления. Такое заключение имеет прочную базу. Изучение ремесла Средней Азии XV—

XVI вв. не оставляет сомнения в таком высоком уровне производительности труда [420], который открывал реальную возможность увеличивать объем производства в соответствии с повышенным спросом. Развитие производительности труда в ремесле достигалось главным образом разделением труда, узкой специализацией. Существенно отметить две формы разделения труда: выделение ремесел по изготовлению отдельных готовых продуктов и по выполнению промежуточных операций. Связь между ремесленниками, зависевшими друг от друга, осуществлялась через рынок, что, в свою очередь, увеличивало объем торговли [421]. Расширение объема производства тех изделий ремесла, сырье или полуфабрикаты (например, хлопчатобумажную пряжу) для которых поставляла деревня, в свою очередь, стимулировало интенсификацию связей между городом и деревней и между городским и сельским ремеслом. Выявлен и еще один резерв увеличения объема торговли в сфере обращения медных монет: рост денежной доли торговли в традиционном обмене продуктами сельского хозяйства и сельского ремесла внутри сельского хозяйства в силу его специализации и невозможности замкнутого самообеспечения (этот резерв рассмотрен на примере Хисара, см. третий раздел «Заключения»).

Спад торговли в сфере обращения меди уже к концу первой четверти XVI в. и в последующее время намечает начало некоторой застойности в развитии ремесла. Первоначально эта застойность выражалась более всего, очевидно, в постепенном сокращении объема продукции при сохранении узкой специализации и пр. Впоследствии же более четко обозначились те процессы, которые свели ремесленное производство Средней Азии в XVI—XVIII вв. на значительно более низкий уровень, чем в XV—XVI вв.

Б. Развитие масштаба цен. Основной номинал в медном чекане назывался, как это было показано (гл. I/2), сначала «медным 'адли», потом «медным динаром» (с переходным сосуществованием обоих названий). Кратные основного номинала чаще особых названий не имели, поэтому выявление их представляло первоначально большие затруднения. Однако изучение надписей, типа, веса и размеров многих тысяч медных фалсов XV—XVI вв. показало, что в это время основной номинал и его кратные различались размерами, толщиной, пропорционально кратным средним весом, а часто и типом. Изредка достоинство монеты обозначалось и в надписях на них, что дало ключ к разработке методики выявления кратных основного номинала.

Сопоставление времени появления в XV в. тех или иных кратных основного номинала показывает, что развитие монетного дела шло в направлении увеличения числа кратных. В конце XV — начале XVI в. на рынках Мавераннахра можно было встретить медные фалсы семи-восьми достоинств: основной номинал — динар, двойные, полуторные, половинные динары, мо-

нетки в две трети, одну треть, одну шестую и, возможно, в четверть динара. Конечно, не все они одновременно выпускались на одном монетном дворе.

Кратные основного номинала практически были легко различимы. Если это были специально выпущенные монеты, то они имели, как уже отмечалось, разные размеры и пропорционально кратный средний вес, а часто и особое внешнее оформление (тип), объявленное и известное современникам. Монеты двойного и полуторного достоинства настолько отличались размерами («диаметром» и толщиной) от основного номинала, что типовые отличия отходили на второй план. Дробные меньшие кратные практически и в первую очередь различались типом. Иногда рынок получал кратные основного номинала путем надчеканивания: в этом случае надчекан (в надписях которого к тому же обычно было обозначено достоинство надчеканенной монеты) также позволял легко выделять эти монеты среди других иного достоинства. Функцию меньших кратных иногда легально выполняли «старые» и иногородние монеты, легко по типовым признакам выделяемые среди специально выпущенных «новых» монет и среди монет с последним, «новым» надчеканом.

Такой развитый масштаб цен сам по себе свидетельствует о значительном размахе денежной торговли именно в сфере обращения медных монет. Это характерная примета рассматриваемого времени, ибо ни в предшествующие, ни в последующие столетия ничего подобного не было. При Саманидах и при Караханидах в X—XII вв., например, даже в Бухаре, где был систематический чекан медных фалсов, выпускали медные монеты только двух достоинств. И для последующего времени (вплоть до третьего этапа в XV в.) пока не удалось зарегистрировать случая, чтобы один и тот же монетный двор на одном отрезке времени чеканил медные фалсы более чем двух достоинств.

В остальную часть XVI в., а тем более в XVII—XVIII вв. мы также не обнаруживаем столь развитого масштаба цен. В остальную часть XVI в. выпускаются медные монеты всего, очевидно, двух достоинств: основной номинал — динар и монетки в одну шестую его часть, именуемые «пулами», а то и «черными пулами». В количественном отношении чекан динаров не был к тому же значительным. Находки таких динаров редки, в музеях их немного. Даты дошедших экземпляров намекают на то, что чекан их не был таким систематическим и регулярным, как в первой четверти столетия. А. Дженкинсон в середине XVI в. медные динары в Бухаре не упоминает: он их не видел, его о них даже не осведомили.

Курс серебряных монет в XVI—XVII вв. фиксировался через медные динары, но практически в розничной торговле ведущее место постепенно захватывал «черный пул» (одна шестая динара). А. Дженкинсон вообще писал только об одной медной

монете — именно об этом пуле. Возможно, на отдельных отрезках времени медный динар даже превращался в счетную единицу, а позже (во всяком случае, с последней четверти XVII в.) чекан медных динаров вообще прекратился. Иначе говоря, на протяжении трех четвертей XVI в., а также в XVII—XVIII вв. мелкую розничную торговлю обслуживали медные монеты одного-двух достоинств, преимущественно же именно одного. Параллельно этому сократилось число монетных дворов, снова медные монеты выпускают лишь крупные города. Все это говорит о «спаде» в области мелкого товарооборота, о сокращении размеров и уменьшении значения мелкой, розничной торговли. Это как нельзя лучше согласуется с общеисторической ситуацией в XVII — первой половине XVIII в., одним из характерных признаков которой (судя по письменным источникам) было разорение городов, нарастающий застой во внутренней торговле и неблагоприятные условия для торговли внешней. Особенно опустошены были города центрального Мавераннахра, население их разбегалось. Самарканд и Бухара вовсе опустели. Постепенная нормализация хозяйства началась лишь со второй половины XVIII в. Априорно поэтому можно заключить, что товарное производство и денежная торговля к XIX в. не достигли такого уровня, на котором они находились, продолжая развиваться, в пределах XV — первой четверти XVI в.

В. Развитие политики в отношении веса медных монет. На протяжении основной части XV в. медные монеты чеканили, по всей видимости, только эл-марко. Весовые колебания однотипных монет (одного достоинства) имели значительные размеры. Особое место в этом отношении занимает Бухарская серия 832 г. х., весовой разброс этих монет стал одной из причин кризисных явлений. С последнего десятилетия XV в. (четвертый этап) принципиально меняется отношение к весу медных монет: основной номинал — медный динар — чеканят на базе весового стандарта при малом ремедиуме (эталонном или даже меньшем). Новое отношение к весу основного номинала особенно выпукло отражено надчеканом с надписью, указывающей вес (вместо названия, достоинства, курса); монетной надписью, включающей обозначение веса при наличии тут же названия; аттестацией медной монеты в вакфной грамоте не через название, а через обозначение веса. В комплексе других признаков этого же времени новое отношение к весу медных монет свидетельствует о развитии их функций.

Г. Организация обмена медных монет и роль надчеканов. Основной доход при чеканке медных монет давала разница между их реальной стоимостью (металл и работа) и стоимостью нарицательной. Для еще большего увеличения фискальных доходов правительство в XV—XVI вв. широко практиковало изъятие из обращения одних монет (или снижение их достоинства) и замену их другими. Монеты, еще недавно счи-

тавшиеся «новыми, имеющими обращение в данное время» (так они определялись в актовых источниках), правительство объявляло «старыми», снижало их достоинство или вовсе запрещало их дальнейшее обращение и предлагало обменивать чаще всего в выгодной для себя пропорции. А взамен запрещенных монет рынку предлагались другие, «новые» (см. гл. IV/3).

Обязательным условием осуществления такого рода мероприятий была легкость, простота различения «старых» монет и монет «новых». С точки зрения технической правительство достигало этого тремя способами.

1. Чеканка «новых» монет. Монетные дворы выпускали монеты такого типа, который достаточно отличался от типа монет, объявленных «старыми». Этот способ был самым дорогим, трудоемким, длительным и предполагал использование монетных дворов, оснащенных полным оборудованием и имевших в своем штате всех специалистов, ибо чеканка монет состояла из множества разнообразных операций.

2. Перечеканка «старых» монет. Этим способом та же цель достигалась значительно быстрее и дешевле, так как многие операции исключались. В этом случае требовалось изготовить штампы для двух сторон монетного кружка, нагреть «старую» монету и произвести перечекан новыми штампами.

3. Надчеканка «старых» монет. Это «клеймение» «старых» монет,— самый быстрый, самый дешевый и технически самый простой способ. Он предполагает изготовление лишь одного маленького штампика, не требует полного оборудования и поэтому может быть осуществлен в любых условиях.

В рассматриваемое время при изъятии и обменах медных монет практиковались все три способа, но существенной, заметной особенностью этого времени было самое широкое, самое частое использование именно технически простого, дешевого и быстрого надчеканивания.

Важно подчеркнуть следующее. Известны надчеканы более раннего и более позднего времени, но никогда за всю историю феодальной Средней Азии надчеканивание медных монет не проводилось так часто и в таких масштабах, как на третьем этапе, особенно же с последнего десятилетия XV в. и в первые полтора десятилетия XVI в. Это важнейшая примета рассматриваемого времени. Взятая изолированно, она могла бы свидетельствовать только об усилении эксплуатации монетной регалии. Но в совокупности с другой приметой времени, увеличением числа монетных дворов и организацией временных специально для надчеканивания, она свидетельствует о чрезвычайно важных сдвигах в экономике рассматриваемого времени.

Д. География монетных дворов. Монетные дворы в рассматриваемое время работали не только в крупных и средних городах Мавераннахра, но и в ряде мелких городов и городков и даже в сельских пригородах больших городов. Привлекает вни-

мание следующий факт: новые монеты чеканило небольшое число монетных дворов, при производстве же некоторых надчеканов число монетных дворов резко возрастало. Надчеканы производились в таких пунктах, где до этого вообще никогда не было монетных дворов или же не было до этого в течение длительного времени. Это были временные монетные дворы, организованные специально для производства тех или иных надчеканов.

Обеспечить рынки Мавераннахра необходимым количеством медных монет мог даже один монетный двор. Например, после реформы Улугбека, начатой в 832/1428-29 г., чекан меди был централизован в Бухаре. Один бухарский монетный двор длительное время обеспечивал весь Мавераннахр медными монетами. Тем более не было надобности во временных монетных дворах, когда монеты выпускались в нескольких крупных и средних городах. Если доходы от чекана меди получала не центральная, а удельная власть, то достаточно было иметь монетный двор в главном городе удела, как это практически и бывало. И только примерно три десятилетия в пределах XV—XVI вв. рисуют совершенно другую картину.

Приведем несколько примеров. Регион Хисара обслуживал иногда монетный двор одного лишь Хисара. В других случаях выпуск новых монет производился в двух-трех пунктах региона (например, в Хисаре и Хутталяне или в Хисаре, Термезе и Кундузе). Однотипные надчеканы также иногда производили всего лишь в двух-трех пунктах региона Хисара. При надчеканивании к монетному двору Хисара присоединялся чаще всего монетный двор Чаганиййана, реже — Термеза или Кундуза (см. гл. III/2, табл. 5). Но особенно любопытен в данной связи один надчекан (тип 15 первой группы первого разряда), произведенный в конце XV в. сразу минимум на девяти монетных дворах (с запада на восток, потом на север: Термез, Чаганиййан, Кабадиййан, Вахш, Хутталян, Наубазар, Хисар, Наванд и др.) той же самой территории, которую, казалось, вполне могли обслуживать и один-три монетных двора. Привлекает внимание география этих монетных дворов. Они не группируются вокруг одного-двух центров, а равномерной сеткой покрывают всю территорию южного Узбекистана и южного Таджикистана. Получается, что каждая из давно сложившихся историко-географических областей получает свой монетный двор, на котором населению этой области легко обменять свои монеты при надчеканивании.

В других владениях Тимуридов и Шейбанидов для короткого отрезка времени в конце XV — начале XVI в. зафиксирована работа монетных дворов не только Самарканда, Бухары и Ташкента, но также Андиджана и Ахсы, Шахрухиййи и Сабрана, Замина и Куфина, Шахрисябза и Карши и т. д. Но особенно любопытен тот факт, что правительство открывало временные

монетные дворы даже в сельских пригородах больших городов, когда производило массовое надчеканивание медных монет. По надчеканам первой группы первого разряда видно, что такие временные монетные дворы работали в Параке (тип 7) — одном из пунктов долины р. Чирчик недалеко от Ташкента; в Миййанкале (типы 7 и 14) — в тумане Самарканда к северу от него; в Вабкана (тип 3) — в одноименном тумане Бухары. Но особенно интересен надчекан типа 2. Его произвели не только в городах Карши, Кеше, Куфине и Самарканде, но еще минимум в трех пунктах вокруг Самарканда: в Куча-и Малик (укрепленное селение и туман к западу от Самарканда), в Шаударе (туман к юго-востоку от Самарканда), в Ширазе (укрепленное селение и туман к северо-востоку от Самарканда).

Ближайшая причина функционирования монетных дворов в городах, городках и даже сельских пригородах — принятая форма эксплуатации монетной регалии. Именно необходимость быстрого и повсеместного обмена «старых» монет на «новые» диктовала открытие временных монетных дворов во многих городах и даже пригородах, где вообще постоянно они не функционировали. Не случайно хронологически совпадают открытие временных монетных дворов и господство надчеканивания как технически более простой, дешевой и быстрой операции, не требовавшей ни больших помещений, ни полного оснащения. Обмен «старых» монет на «новые» производился не только на рассматриваемом отрезке времени, но и раньше и позже. Однако ни раньше, ни позже ради этого не открывали временные монетные дворы в мелких населенных пунктах. Лучший пример — реформа Улугбека. В 832/1428-29 г. «старые», дореформенные монеты были запрещены. Мероприятие это было проведено последовательно, однако для его осуществления оказалось достаточным, чтобы работало всего несколько монетных дворов в таких центрах ремесла и торговли, как Самарканд, Бухара, Ташкенд, Андиджан, Карши, Термез и др. Проходит от полустолетия до трех четвертей столетия — и появляется необходимость «придвинуть» монетные дворы ближе к «потребителям». Появляется также необходимость все чаще заменять дорогой, трудоемкий и медленный процесс чеканки «новых» монет и даже перечеканки «старых» более простым и быстрым надчеканиванием.

Таким образом, принятая форма извлечения доходов из чекана меди и связанные с этим обмены монет — это лишь ближайшая причина. За ней видится другое. Необходимость организовать обмен медных монет в небольших городах и даже в прилегающих к крупным городам сельских пригородах и необходимость упростить, ускорить этот обмен, увеличить его масштабы говорят о том, что у городского населения любых областей и районов и даже у сельского населения скапливалось большое количество медных монет; что это явление не было

случайным и эпизодическим; что, следовательно, денежная торговля (сферу которой обслуживала медь) занимала большое место в жизни населения не только крупных торгово-ремесленных центров, но и более мелких городов, городков и поселений. Столь «широкий фронт» развития розничной торговли — важный факт для конкретной характеристики среднеазиатского феодализма на одном из его этапов, места, удельного веса и специфики товарного производства и торговли и доказательство того, что именно для рассматриваемого отрезка времени можно говорить о самом максимальном вовлечении в товарно-денежные отношения широких слоев городского и отчасти сельского населения Мавераннахра. Ибо, по нумизматическим данным, для всего предшествующего и всего последующего времени мы не отмечаем аналогичных и даже близких показателей.

Устанавливая факт вовлечения на рассматриваемом отрезке времени сельского населения части Средней Азии в товарно-денежные отношения, важно было бы выяснить причины и значимость этого процесса. Прямыми данными мы не располагаем, но косвенные довольно красноречивы. Проще всего было бы предположить, что участие сельского населения в торговле было продиктовано необходимостью часть ренты платить деньгами. Основная часть ренты в рассматриваемое время и, как правило, раньше и позже имела натуральную форму, и связь с рынком осуществляли главным образом феодалы. Лишь меньшая часть ренты в денежной форме существовала и до и после рассматриваемого отрезка времени. В некоторые периоды денежная форма ренты занимала даже большее место, чем в XV—XVI вв., тем не менее максимальное вовлечение сельского населения в товарно-денежные отношения падает именно на последнюю четверть XV и первую четверть XVI в. Следовательно, не денежная доля ренты сама по себе была этому стимулом.

Преувеличивать степень вовлечения сельского населения в товарно-денежные отношения не следует, это был не повсеместный процесс. Но в двух регионах, которые мы все время рассматриваем — в центральном Мавераннахре и в Хисаре,— он безусловно имел место [422]. Ранее мы предполагали, что процесс этот захватил некоторые центральные районы поливного земледелия, расположенные преимущественно вокруг крупных торгово-ремесленных центров [423]. Такой вывод и сейчас представляется верным, но недостаточно полным. Он, в частности, не объясняет ускоренные темпы развития в регионе Хисара, если единственным резервом считать интенсификацию денежной торговли между крупными городами и сельской округой. Особое внимание привлекает то обстоятельство, что в двух этих регионах процесс интенсивного развития и увеличения объема торговли в сфере обращения медных монет начался с разного уровня. На протяжении всего средневековья до XV в. центральный Мавераннахр основательно опережал регион Хисара по уровню

развития товарно-денежных отношений в целом. И даже в XV—XVI вв. регион Хисара отнюдь не догнал центральный Мавераннахр по общему объему торговли, объем денежной торговли в сфере обращения серебряных монет не стал одинаковым и даже близким в этих двух регионах. Что же касается торговли в сфере обращения медных монет, то регион Хисара в XV в. отличался от центрального Мавераннахра темпами и существом поэтапного развития чекана и обращения медных монет, отражающих местный вариант в темпах и существе развития товарно-денежных отношений на этом уровне. Определенное отставание региона Хисара было ликвидировано ускоренным развитием, что и вывело этот регион по показателям торговли товарами и продуктами первой необходимости примерно на один уровень с центральным Мавераннахром. Возникает вопрос: если развитие этой сферы товарно-денежных отношений в двух регионах началось с разных уровней, но за XV в. достигло сходных результатов, за счет каких резервов регион Хисара догнал центральный Мавераннахр? В предыдущем разделе было обосновано, что таким резервом была устойчивая товарная взаимозависимость внутри сельского хозяйства в силу его многотипности и невозможности замкнутого существования и воспроизводства. Вероятно, традиционный обмен внутри сельского хозяйства осуществлялся преимущественно в натуральной форме, а за XV в. этот обмен (главным образом или в значительной степени) стал денежным. Следовательно, увеличение объема торговли товарами широкого потребления в сфере обращения медных монет и более широкое вовлечение в этот процесс рядового и части сельского населения — результат не только внутригородского развития и расширения товарных связей между городом и сельской округой, но и развития денежной формы товарных связей внутри сельского хозяйства. Последнее заставляет иначе взглянуть на вопрос о вовлечении при феодализме в товарно-денежные отношения сельского населения.

Вернемся к нумизматическим показателям, которые позволяют определить время максимального развития товарно-денежных отношений на уровне производства товаров и продуктов широкого потребления и торговли ими в сфере обращения медных монет. Предварительно нужно подчеркнуть взаимодействие состояния и развития товарно-денежных отношений и монетной политики правительства. Количество средств обращения, потребное для торговли, определяется эмпирически. Интенсивный в XV в. чекан медных монет отвечал этой потребности. Денежная реформа Улугбека создала стабильные условия для общегосударственного обращения медных монет и (тут видна четкая обратная связь) самым благоприятным образом объективно содействовала дальнейшему развитию торговли и реализации резервов увеличения ее объема в денежной форме. Реформа Улугбека, отвечавшая потребностям рынка, ясно показывает,

что это новое явление экономической жизни Мавераннахра заявило о себе уже ко второй четверти XV в. Но весь комплекс рассмотренных выше признаков «сфокусировался» несколько позже, что позволяет заключить: начавшийся и ко второй четверти XV в. прочно определившийся процесс в последующее время интенсифицировался.

Открытие временных монетных дворов в небольших городах, городках и даже сельских пригородах для повсеместного обмена медных фалсов; широкое, повсеместное и частое использование надчеканивания как наиболее простого и быстрого способа этих обменов; чекан и обращение медных фалсов не одного-двух, а семи-восьми достоинств; новое отношение к весу основного номинала; необычайно возросшее количество монет, потребных для торговли,— вот те нумизматические показатели, которые при учете широкой сферы обращения медных фалсов (соответствующей прожиточному минимуму низко- и среднеоплачиваемых профессий) дают основание говорить об интенсивном развитии товарного производства, розничной торговли и более широком вовлечении городского и части сельского населения в товарно-денежные отношения. Так как все эти показатели хронологически совпали в пределах последней четверти XV и первой четверти XVI в. и не отмечены вместе для всего предшествующего и всего последующего времени, не будет ошибкой признать, что именно этот отрезок времени и следует считать «пиком» развития.

Вывод этот весьма красноречиво подтверждают особенности и новые явления культурной жизни этого же времени. А. Н. Болдырев, опираясь на многие совершенно конкретные факты, заключил, что во второй половине XV в., особенно в конце этого и в начале следующего столетия, происходит весьма заметное расширение социальной базы культурной жизни и культурного творчества; возрастает роль среднего городского сословия (ремесленников, торговцев, мелких чиновников, мелкого духовенства и пр.) как создателя и потребителя культурных ценностей; в творчестве выдающихся представителей передового направления литературы ясно прослеживаются черты оппозиционного мировоззрения, объясняемые влиянием идеологии города [424].

Нам представляется, что историки должны обратить пристальное внимание на тот отрезок времени, который, по нумизматическим данным, выглядит таким «особенным». Ведь это явление не могло быть изолированным, это, безусловно, лишь одно из звеньев в цепи фактов. Но это звено важно уже по одному тому, что оно требует искать остальные. Нумизматика показывает, что к рубежу XV—XVI вв. вызревали какие-то особые условия; очевидно, в области товарного производства создавались некоторые объективные предпосылки для зарождения капитализма, которые, однако, не получили дальнейшего развития и реализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Давидович. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 135—156.

[2] См.: Давидович. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв.; он а же. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в.

[3] Источниковедческая работа, конечно, не завершена. Например, для атрибуции отдельных типов надчеканов не хватило материала (что всегда подчеркнуто); достоинство монет некоторых типов выяснить не удалось и т. д. Привлечение новых кладов постепенно поможет ликвидировать эти и другие естественные источниковедческие недоработки.

[4] Обычно число дошедших монет меньше первоначального, это каждый раз не оговаривается. Если же, наоборот, первоначальные размеры клада известны или клад сохранился с небольшими потерями — это отмечено в примечаниях.

[5] Нам известно еще не менее 10 кладов в разных музеях, однако сведения о них недостаточны для определения этапа, поэтому в работе они не используются и в список не включены.

[6] К центральному Мавераннахру, строго говоря, должны быть отнесены клады только из областей Бухары, Самарканда и ближайшего окружения. Однако мы условно отнесли к этому региону клады, найденные в Фергане и в области Ташкента: их основу составляют монеты Бухары и Самарканда, поэтому они полезны для понимания ситуации в центральном Мавераннахре, а также для источниковедческой разработки кладов из региона Хисара. В последующем клады Ферганы и Ташкента можно будет рассмотреть и с другой позиции, как местные источники для изучения конкретно-исторического варианта денежного обращения этих двух больших областей.

[7] Найден в 1959 г. недалеко от Душанбе, ТаджССР. Опубликован (см.: Давидович. Клады, с. 278—279, клад № 61).

[8] Найден в 1965 г. в местности Санги-Милля Гиссарского р-на ТаджССР. Кратко описан (см.: Давидович. Клады, с. 298, клад № 65).

[9] Найден в 1970 г. на городище Лагман (средневековый Хелаверд), Вахшская долина, ТаджССР. Опубликован (см.: Давидович. Клады, с. 285—295, клад № 63).

[10] Найден в 1959 г. недалеко от Душанбе, ТаджССР. Опубликован (см.: Давидович. Клады, с. 280—284, клад № 62).

[11] Найден в 1966 г. близ Бухары, УзССР. По сообщению коллекционера Раджабова (Бухара), в кувшине было более 150 монет. Автором осмотрены и определены 25 монет. Клад не опубликован.

[12] Найден в 1979 г. в поселке Факел Каганского р-на Бухарской обл. УзССР. Кратко описан (см.: Казаков. Клад).

[13] Найден в 1967 г. близ Самарканда, УзССР. Опубликован, но без весовых данных (см.: Федоров. Клад монет Улугбека, с. 98—99).

[14] Найден в 1969 г. на площади Регистан в Самарканде, УзССР. Хранится в СМ, инв. № 3419. Не опубликован, обработан автором в 1970 г.

[15] Найден в 1940 г. в Ташкенте, УзССР. Кратко описан (см.: Альхамова. Клад медных монет XV в., с. 51—53).

[16] Найден в 1954 г. в завале древней выработки близ поселка Канджол, Ленинабадская обл. ТаджССР. Опубликован (см.: Давидович. Клады, с. 296—297, клад № 64).

[17] Найден в 1959 г. в Андижане, УзССР. Хранится в местном музее. Све-

дения о кладе сообщили В. И. Козенкова (письмо 6 декабря 1959 г.) и Б. Д. Кочнев (письмо 9 ноября 1981 г.). Подробные описания и прорисовки в письмах дали полное представление о составе клада.

[18] Найден в 1953 г. в Оше, КиргССР. Опубликован, но без весовых данных (см.: Массон. Клад медных монет из Оша, с. 110—124). Наши поправки к определению дат и монетных дворов см.: Давидович. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека, с. 278—279. Основной состав клада (несмотря на местные особенности) соответствует этапу 3. Но один тип надчекана («'адлийа» в квадратном картуше) требует рассмотреть на большем материале возможность того, что клад отложен в самом начале этапа 4.

[19] Найден в 1959 г. на городище Узбекон-тепа близ поселка Пахтаабад Регарского р-на Тадж ССР. Опубликован (см.: Давидович. Клады, с. 319—330, клад № 67).

[20] Найден в 1959 г. на территории Душанбе, ТаджССР. Число сохранившихся монет почти равно или очень близко первоначальному. Клад опубликован (см.: Давидович. Клады, с. 299—318, клад № 66).

[21] Найден в 1953 г. на территории Душанбе, ТаджССР. Кратко описан (см. Давидович. Клады, с. 331, клад № 68).

[22] Найден в 1955 г. на территории Душанбе, ТаджССР. Кратко описан (см.: Давидович. Клады, с. 332, клад № 69).

[23] Найден в 1965 г. при археологических работах на архитектурном комплексе Ходжа Машад на окраине селения Саят Шаартузского р-на ТаджССР. Число дошедших монет близко первоначальному. Кратко описан (см.: Давидович. Клады, с. 333, клад № 70).

[24] Найден в Самарканде, А. И. Тереножкиным передан автору для определения и обработки. Не опубликован. По составу монет и надчеканов отнесен к этапу 4. Но продолжительность обращения кратных основного номинала в условиях, когда преобразования (не реформы) производились с последним, еще неясна. На большем материале следует рассмотреть вопрос: заменяя с фискальной целью основной номинал, не разрешали ли в отдельных случаях дальнейшее обращение его кратных без изменения их первоначального достоинства.

[25] Клад ГЭ из несистематизированной части коллекции АМ. Клад в составе поступления 583/102 по акту 685 от 19 декабря 1968 г., зарегистрирован в Книге кладов Отдела нумизматики ГЭ под № 3648-4130. Обработан автором, не опубликован. Точное место находки неизвестно, но состав указывает на центральный Мавераннахр (вероятно, область Самарканда). Монеты клада — полуторные динары (см. прим. 24).

[26] Найден в 1968 г. в Самарканде, при сносе дома близ Гуримира. Нами в 1969 г. осмотрены 10 монет этого клада в коллекции покойного писателя С. П. Бородина (Ташкент).

[27] Ангренский клад найден в 30-х годах в долине р. Ангрен, УзССР. Вывезен из кишлака Аблык М. Е. Массоном, начальником 34-го отряда Таджикско-памирской комплексной экспедиции. Хранится на КАТГУ, не опубликован. Часть этого клада в порядке католожного описания была обработана Р. Н. Набиевым. Мы заново обработали клад на уровне типологической классификации монет и надчеканов. На КАТГУ в отдельных коробках хранились без сопроводительных документов четыре группы монет, которые мы условно обозначили «кладами» II—V (II—155 монет, III—41 монета, IV—13 монет, V—14 монет). По составу «клады» II—V близки Ангренскому и, возможно, являются его частью. «Клады» II—V также не опубликованы. Использованы для изучения историко-нумизматических вопросов (см.: Давидович. Некоторые черты обращения медных монет, с. 45 сл.; она же. По поводу южнотуркменистанского клада, с. 156—157; и др.).

[28] Найден в 1947 г. недалеко от Шаартуза, ТаджССР. Опубликован (см.: Давидович. Шаартузский клад, с. 31—42; она же. Клады, с. 334—340, клад № 71). Сложность и преждевременность определения этапа этого и подобных кладов двойных динаров в регионе Хисара рассмотрена в гл. VII/2.

[29] Найден на городище Кафыр-кала Гиссарского р-на ТаджССР. Опубликован (см.: Давидович. Клады, с. 341—343, клад № 72). См. прим. 28.

[30] Найден в кишлаке Тусьен близ Хорога, Горно-Бадахшанская АО ТаджССР. Кратко описан (см.: Давидович. Клады, с. 344, клад № 73). См. прим. 28.

[31] Найден в 1957 г. близ жел. дор. станции Шурчи, хранится в ТМ, КП-1231. Осмотрен автором в 1959 г., не опубликован. Клад большой, монеты не были очищены, многие «спеклись» по две и более штук, подсчет общего числа не был возможен.

[32] Найден в 1957 г. близ или на территории городища Лагман (средневековый Хелаверд), Вахшская долина ТаджССР. Опубликован (см.: Давидович. Клады, с. 345—347, клад № 74).

[33] Найден в 1970 г. в кишлаке Кибил близ Нурека, ТаджССР. Опубликован (см.: Давидович. Денежное хозяйство <...> во втором десятилетии XVI в., с. 7—87; более краткое описание состава клада см.: Давидович. Клады, с. 348—376, клад № 75).

[34] Найден в 1966 г. около кишлака Сары-Камыш Гиссарского р-на ТаджССР. Кратко описан (см.: Давидович. Клады, с. 377—378, клад № 76).

[35] Найден в 1931 г. в кишлаке Верхний Гульча недалеко от Гиссара, ТаджССР. На основании краткого описания, опубликованного М. Е. Массоном (см. Массон. Монетные находки <...> в 1930 и 1931 годах, с. 16, № 28), нами определен этап сложения клада (см.: Давидович. Клады, с. 379, клад № 77).

[36] Найден в 1925 г. в Самарканде, УзССР (см.: Массон. Монетные находки <...> с 1917 по 1927 г., с. 290), хранится в СМ, в порядке каталожного описания внесен в инвентарную книгу И. А. Сухаревым, не опубликован. Нами клад обработан на уровне типологической классификации монет и надчеканов, и эти материалы неоднократно использованы при разработке отдельных историко-нумизматических вопросов (см.: Давидович. Некоторые черты обращения медных монет; она же. К медным номиналам; и др.).

[37] Найден в 1967 г. в поселке Чилек Самаркандской обл. УзССР (сообщение М. Х. Урмановой), хранится в СМ, КП-3208. Не опубликован, обработан автором.

[38] Найден в Ташкенте, хранится на КАТГУ, не опубликован, обработан автором.

[39] Найден в 1951 г. в горном селении Сукок восточнее Ташкента, УзССР. Опубликован (см.: Сусенкова. Клад медных монет конца XV в., с. 177—185), однако статистические подсчеты (абсолютные и процентные) отличаются небрежностью, а описания состава в некоторых частях недостаточны для сопоставления с другими кладами. Публикатор относит отложение клада к концу XV в. или не позже чем к самому началу XVI в. (обоснования не приведены), это был бы этап 4 по нашей периодизации. Но в кладе упомянуты надчеканы наших типов 9 и 13 первой группы первого разряда (см. гл. III/2), сделанные не ранее этапа 5. Состав надчеканов в этом кладе вообще несколько удивляет, особенно при сравнении с Ангренским кладом из той же исторически сложившейся области Ташкенда.

[40] Найден в 1950 г. в Бухаре, УзССР. Кратко описан (см.: Давидович. Неопубликованные монетные находки, с. 171—172, № 32).

[41] Поступил в МИУз по акту от 13 мая 1950 г., КП-15. Не опубликован, обработан автором.

[42] Найден в 1952 г. в Ташкенте, УзССР. Опубликован (см.: Давидович. Клад среднеазиатских пулов, с. 193—198). Этап сложения не может быть определен: в единственной дате не сохранилось слово единиц, продолжительность обращения таких пулов тоже еще неизвестна.

[43] Определения монет и надчеканов XV—XVI вв. в трудах этих ученых (за исключением Ф. Эрдманна, см.: Erdmann. Numi asiatici) добротны и редко нуждаются в исправлении или дополнении.

[44] Далее, опираясь на монеты этих коллекций на уровне типов и вариан-

тов, мы в ряде случаев будем ссылаться и на их первые публикации (без типовых признаков). Однако при описании типов монет и надчеканов, широко представленных в кладах, опознанные типы опубликованных монет и надчеканов не упоминаются ради экономии места.

[45] Альхамова. Клад медных тимуридских монет XV в., с. 52—53.

[46] Давидович. К медным номиналам; она же. Некоторые черты обращения медных монет; она же. Шаартузский клад.

[47] Сусенкова. Клад медных монет конца XV в.

[48] Массон. Клад медных монет XV в. из Оша.

[49] Давидович. К вопросу о курсе и обращении, с. 154—158.

[50] См.: Давидович. К организации обмена медных монет; она же. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека; она же. Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений; и др.

[51] Массон. Динары копеки.

[52] Давидович. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека, с. 281.

[53] Монеты Тимура многочисленны, есть публикации. Монеты Самарканда 808 г. х.— в ГЭ (ОС и колл. Е. А. Пахомова).

[54] Анализ значения термина «балад» у арабских географов IX— начала X в. привел П. Г. Булгакова к выводу, что он употреблялся только в значении округи, области, страны (Булгаков. Автореферат, с. 10).

[55] Монета ГЭ из коллекции Азиатского музея, Cl. XXII, 52 (см.: Fraehn. Recensio, с. 436, № 52).

[56] Объем монографии не позволяет рассмотреть ее подробно, перечислим лишь работы (в хронологическом порядке): Fraehn. Recensio. 437, 440, 441, № 1, 9, 11; Френ. Монеты ханов улуса Джучиева, с. 63, № 448; Вельяминов-Зернов. Монеты Бухарские и Хивинские, с. 333—334, прим.; Tiesenhausen. Notice, с. 34, 40—41; Lane-Poole. Catalogue. Vol. VII, с. XXXIII; Codrington. Manual, с. 54; Zambaur. Die Münzprägungen, с. 143; Давидович. По поводу южно-туркменистанского клада, с. 154—160; Lowick. Shaybanid silver Coins, с. 262, 271; Давидович. Шейбанидские серебряные монеты, с. 193.

[57] Подробнее см.: Давидович. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии Караханидов, с. 94—96; она же. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в., с. 23—28 и табл. 1.

[58] Подробнее см.: Альхамова. Клад медных посеребренных Самаркандских дирхемов 663 г. х.; Давидович. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в., с. 41—46, 132—133.

[59] Небезынтересно отметить, что в двух сводках мусульманских монетных дворов сведения о названных неполные. У Е. Цамбаура вовсе нет Кундуза, у О. Кодрингтона для Кундуза не названы Тимуриды. Ниса есть у обоих, но чекан Тимуридов или Шейбанидов не отмечен. О. Кодрингтон для Балха называет лишь Шейбанидов, Тимуриды у него отсутствуют (Codrington. A manual; Zambaur. Die Münzprägungen). Здесь и далее страницы этих работ в каждом отдельном случае не указываются, названия монетных дворов в них приведены в порядке арабского алфавита.

[60] Бартольд. Ахсикет, с. 342.

[61] См., например: Марков. Инвентарный каталог, с. 701—702, № 97, 111 (форма картуша не оговорена).

[62] Давидович. Нумизматические заметки, с. 83, табл. 1; она же. Клад серебряных монет XVI в. из Таджикистана, с. 78, табл. 2 (эта таблица менее полная).

[63] Zambaur. Die Münzprägungen, с. 38.

[64] Бартольд. Туркестан, с. 175: в трех фарсахах от Бухары, на пути из Бухары в Хорезм.

[65] Чехович. Бухарские документы XIV в., стк. 970 на с. 113 (текст), 187 (пер.).

[66] Из архива шейхов Дшуйбари, с. 118, док. 84 и с. 322, док. 277.

[67] Там же, с. 322, док. 277.

[68] Давидович. Материалы для характеристики <...> медных монет XV в., с. 232—233.

[69] Подробнее см.: Давидович. Клады, с. 144 сл. (клад № 35), с. 231 сл. (клад № 51), с. 299 сл. (клад № 66). Bivar. A Mongol Invasion Hoard, с. 379, № 7.

[70] Давидович. Денежное хозяйство <...> во втором десятилетии XVI в., с. 28—29, табл. 1.

[71] Бартольд. Кеш, с. 460.

[72] Давидович. Клад серебряных монет XVI в. из Таджикистана, с. 78, табл. 2.

[73] Давидович. Материалы для характеристики <...> медных монет XV в., с. 231—232.

[74] Bivar. A Mongol Invasion Hoard, с. 373, № 3. К чекану Кундуза Бивар относит еще одну монету, считая ее караханидской, что сомнительно. Истинное представление о монетном чекане Кундуза могут дать, конечно, только монетные находки на территории Афганистана.

[75] Fraehn. Recensio, с. 436, № 53.

[76] Lowick. Shaybanid silver Coins, с. 266, 284.

[77] Макдиси. BGA, III, с. 25, 51, 327, 334, 352; Самани. МИТТ, I, с. 340.

[78] Вельяминов-Зернов. Монеты, с. 429.

[79] Tiesenhausen. Notice, с. 43.

[80] Давидович. Шейбанидские серебряные монеты, с. 191—192.

[81] Абу-л-Гази, с. 165—166. При описании этих событий в другом источнике Куфин также фигурирует (Бартольд. Улугбек, с. 170, прим. 134).

[82] Бабур, с. 52.

[83] Вельяминов-Зернов. Монеты, с. 429. Словом «орда» В. В. Вельяминов-Зернов перевел тюркское اغرق = Агрук: имущество, скарб и пр.

[84] Сообщение Б. Ахмедова (в письме от 24 декабря 1979 г.) со ссылкой на «Абдаллах-наме» Хафиза Таныша, рук. ИВАН УзССР № 2207, л. 283а.

[85] Маджма' ал-гараиб, л. 134б.

[86] Давидович. Среднеазиатские серебряные монеты XVI в. с наименованием хорасанских городов, с. 104. В данном случае только один контрдовод: считать монеты Куфина 953 г. х. свидетельством задуманного, но отложенного похода.

[87] У Васифи: «Убайдаллах-хан и Джанибек-султан были в округах (окрестностях?) (навахи) Кермине, а Кучкунчи-хан и Тимур-хан с остальными султанами — в Миййанкале» (Васифи. Критический текст, с. 160, л. 27б). Кермине был хорошим уделом, он постоянно фигурирует в междоусобных войнах шейбанидских султанов. Город Кермине можно было запереть и выдержать в нем осаду. В Кермине, между прочим, жил и Искандар-хан до его провозглашения в 974 г. х. главой династии. При всем этом привлекает внимание, что самые поздние известные сейчас монеты Кермине — караханидские.

[88] Атагарриев. Средневековый город Куфен.

[89] Пугаченкова. Пути развития, с. 196—197, 386.

[90] Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета, с. 43, 46.

[91] Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 403, прим. 238.

[92] Там же, с. 346.

[93] Так сообщено В. Л. Вяткиным в 1902 г. (Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета, с. 14). Ранее (1899 г.) В. Л. Вяткин писал, что Нимсугудский туман был поделен на два: нижний сохранил это название, а верхний стал называться Афаринкентским (Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, с. 226.— прим. пер.). В. В. Бартольд привел сведения В. Л. Вяткина в примечании, не выразив отношения к их неоднозначности. Сам же он в тексте Афаринкентским туманом назвал весь Миййанкал (за вычетом юго-западной части, см. ниже), а (в отличие от В. Л. Вят-

кина) не его северную часть (Бартольд. К истории орошения Туркестана, с. 193—194 и прим. 49).

[94] Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета, с. 44, 49, 57; Бартольд. К истории орошения Туркестана, с. 194; Codrington A. Manual, с. 132; Zambavaur. Die Münzprägungen, с. 48.

[95] Давидович. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии, с. 89—90.

[96] Бабур, с. 97, 308. В издании И. Ильминского название этого пункта начертано двояко: نوانداك и نوندك («Бабур-наме», изд. Ильминского, с. 99, 343).

[97] Ибн Хордадбех, BGA, VI, с. 34; Кудама, BGA, VI, с. 211.

[98] Makwart. Wehrot und Arang, с. 61, § 43.

[99] Ртвеладзе. Обнаружение средневекового селения Навандак, с. 117.

[100] Бартольд. К истории орошения Туркестана, с. 218; он же. Рец. на книгу «Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VII», с. 271. Параком называет Чирчик и Васифи (см.: Васифи. Критический текст, с. 1176, л. 190а: «Султан Мухаммад бахадур-хан ради охоты двинулся к берегу реки Парак, которая в одном фарсахе от города Ташкенд»).

[101] Буряков, Касымов, Ростовцев. Археологические памятники Ташкентской области, с. 67. Авторы утверждают, что в 1900 г. В. В. Бартольд отождествил Паркент с Фарнкетом. На самом деле В. В. Бартольд (у него, кстати, не Фарнкет, а Ференкет) предположил, что другой город — Барскет в Шаше (Макдиси, Сам'ани, Якут), возможно, находится на месте нынешнего селения Паркент, по поводу буквы «с» в названии приводя пример: Барс-куль и Баркуль (Бартольд. Туркестан, с. 231—232). Сходство по созвучию Фарнкет — Паркент позже уже от своего имени отметил Ю. Ф. Буряков (Буряков. Историческая топография Ташкентского оазиса, с. 99). О. Г. Большаков, очевидно, прав, сопоставив (со знаком вопроса) с нынешним селением Паркент оба эти города географов: Фаранкад и Барскат (Беленицкий, Бентович, Большаков. Средневековый город, с. 199, табл. 13). В. В. Бартольд считал вероятным, что одни и те же названия городов Шаша и Илака у географов повторяются дважды в разных видах и произношение многих сомнительно (Бартольд. Туркестан, с. 231). Правдоподобно допустить, что в основе Фаранката и Барската были названия Фараккат=Парккат: первые буквы «каф» при переписке были искажены.

[102] См. прим. 101.

[103] Васифи. Критический текст, с 1007, л. 165а.

[104] Там же, с. 1141—1142, л. 190а.

[105] Нельзя не отметить, что когда у Васифи речь идет просто о летовке, то она так просто и называется. См., например, там же, с. 1107, л. 184а.: Султан Хусайн беседовал «на летовке Чильдухтаран»; там же, с. 26; л. 6б: «в месте Чильдухтаран, которое — одно из мест летовок падшаха».

[106] Самаркандские документы XV—XVI вв., док. 12, с. 297—298, стк. 47—50, 54, 56—58.

[107] Там же, док. 11, с. 277, стк. 156; док. 12, с. 298, стк. 52.

[108] Там же, док. 17, с. 360—361, стк. 241, 255.

[109] Марков. Инвентарный каталог, с 701—702, № 94—96, 114.

[110] Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, с. 225, 227, прим. пер.; Вяткин. К исторической географии Самаркандского вилаета, с. 14, 24—43.

[111] Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета, с. 70.

[112] Бабур, с. 53.

[113] Мукминова. К истории ремесленных мастерских-кархана XVI в., с. 191.

[114] Fasmer. Fels, с. 192—193.

[115] Udovich. Fals, с. 768—769.

[116] Давидович. Некоторые черты обращения медных монет, с. 57—58.

[117] Например, в васика от 21 зу-л-хидджа 998/1590 г., составленной в Самарканде (см.: Маджму'ат-и васаик, л. 108а, док. № 358).

[118] Вакф-нама 942/1535-36 г. в пользу медресе Газиййан в Бухаре.

[119] В я т к и н. Вакуфный документ Ишратхана, [с. 116], рис. 38 (факсимиле, стк. 5 снизу).

[120] Д а в и д о в и ч. Материалы для характеристики денежной реформы. Улугбека, с. 281—284.

[121] Термин «'адли» есть на монетах XV в. и из других регионов. М. Е. Массон описал монеты Кашгара с этим словом (см.: М а с с о н. Клад медных монет XV в. из Оша, с. 116, рис. 26). Монеты Ирана с термином «'адли» многочисленны и опубликованы (см. F r a e h n. Nova supplementa, с. 326 и сл.).

[122] Н а р ш а х и. Бухарская литогр., с. 46; Н а р ш а х и, первое изд. Резави, с. 45; Н а р ш а х и, второе изд. Резави, с. 52.

[123] Между словами «'адли» и «пашиз» в обоих изданиях союза «и» нет, в Новобухарской литографии союз «и» есть. Р. Н. Фрай союз «и» восстановил (F r y e. Notes, с. 42— текст, с. 48—англ. пер.; Н а р ш а х и, пер. Фрая, с. 37). Вариант Новобухарской литографии и реконструкция Р. Н. Фрая представляются верными, ибо находят опору в монетном материале (см. ниже). Н. Лыкошин эту фразу не перевел, а пересказал, опустив оба термина — «'адли» и «пашиз».

[124] Б е й х а к и, с. 539, 674.

[125] Отношение между основным медным номиналом и монеткой пашиз в X—XII вв. при Саманидах, Газневидах и Караханидах неизвестно. При Сасанидах, по мнению Гёбля, пашиз равнялась четвертой или шестой части основного медного номинала (возможно, то и другое). Гёбль также подчеркнул, что единственное известное название сасанидской меди — это именно пашиз. См.: A l t h e i m, с. 388—390 (глава «Пашиз и сасанидская медь» написана Гёблем); G ö b l, с. 30. В словарях и у разных авторов две огласовки: пашиз и пишиз.

[126] В юридических документах второй половины XV в. деньги описаны таким образом, что термин «'адли» занимает не самостоятельную позицию, а определяет термин «динар». Эти денежные описания будут рассмотрены ниже, в связи с выяснением значения термина «динар».

[127] Мы пользовались старейшим списком этой вакфной грамоты (ГИА УзССР, ф. И-323, № 1202/1).

[128] Самаркандские документы XV—XVI вв., док. № 10, с. 172, 233, стк. 742—743.

[129] Удивляет, что монеты эти не описаны подробно, как это положено было делать в документальных источниках, тем более что и время было наполнено переменами, «переаттестацией» терминов. Нет никаких оснований заключить, что описания денег были опущены при изготовлении копий, ибо их нет в обоих списках, хотя, как доказала О. Д. Чехович (см.: Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 44—45, введ. издателя), два списка (старейший — список Б; конца XVIII в.— список А) имеют самостоятельную «генеалогию», список А не переписан со списка Б. При копировании допущены были многие ошибки. Но заподозрить сознательное изменение в столь ответственной части вакф-нама, как распоряжения вакфодателя, невозможно (тем более одинаковое в двух независимых списках). Отсутствие описаний объясняется, очевидно, другим. В вакф-нама многочисленные вознаграждения многим лицам вообще совершенно неопределенны. Мутеваллием Ходжа Ахрар назначил себя, оговорив для себя право полного распоряжения имуществом и доходами и право вносить любые изменения в свои установления. Очевидно, Ходжа Ахрар в части вознаграждения вообще не хотел связывать себе руки точными указаниями. Это соображение подтверждается и другой его вакфной грамотой (см.: Самаркандские документы XV—XVI вв., док. № 11), в которой наблюдается та же неопределенность условий о вознаграждении разных лиц и та же четкая оговорка о полной свободе действия для самого Хаджи Ахрара.

[130] Нам неизвестны серебряные монеты Шейбанидов с термином «танга»

в самих монетных надписях, но на монете тимурида Хусайна (главы династии со столицей в Герате, ум. в 912 г. х.), чеканенной в Мешхеде без даты, термин «танга» проставлен, между тем по размеру (17 мм) и весу (1,5 г) это не основной номинал, а мелкая краткая (см.: Тизенгаузен. Новые нумизматические приобретения Линевича, с. 240, № 35).

[131] В специальном нумизматическом справочном издании «Wörterbuch der Münzkunde» статья о динаре (с. 139—142) написана Ф. Шрёттером: в ней о динарах Средней Азии XV—XVI вв. вообще ничего нет. В новом издании «Энциклопедии ислама» аналогичную статью написал крупнейший западный нумизмат Дж. Майлз: он по поводу серебряных и медных динаров отсылает к статье Шрёттера (см. EI, т. 2, с. 297).

[132] Издание на русском яз. см.: Бартольд. Туман, с. 571.

[133] Значение термина «динар» с эпитетом «кебеки» («динар кебеки») будет рассмотрено ниже.

[134] Давидович. К медным номиналам, с. 39—40.

[135] Взаиморасположение слов надписи в поле по бесспорным примерам дает три варианта: снизу вверх, сверху вниз и вразброс. В данном случае существенное значение имеет порядок чтения слов «фулус» и «йак динар» на монетах Мерва. Чтение подряд сверху вниз дает «фулус-и йакдинар», т. е. «медная монета в один динар», что тоже возможно. Мы предпочли в табл. «йакдинар-и фулус» по аналогии с надписью монет Самарканда.

[136] Давидович. К вопросу о курсе и обращении, с. 143, 152—154; она же. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 83—85.

[137] Мукминова. К истории аграрных отношений, с. 222—223 (текст), с. 311 (пер.).

[138] Маджму'ат-и васаик (номера документов и листы рукописи не приводятся из-за многочисленности подобного рода описаний).

[139] Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, с. 127. Хафизу ежегодно 364 фулуса, т. е. по одной медной монете в день. Остальным — смешанно, фулусами и зерном.

[140] Единообразие нарушено только в документе № 4, в котором кроме стандартных характеристик употреблено слово سره. Слово это в юридических документах XVI—XVIII вв. широко употреблялось при описании серебряных монет. Именно эти описания позволяют конкретизировать его значение и уточнить перевод. Оно не означало, что монеты «чистые», т. е. высокопробные (ср.: Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 70, стк. 31—32), поскольку определяло монеты самой разной пробы, в том числе — очень низкопробные (высокопробность монет характеризовалась другим словом: پاکیزه). Для перевода нужно брать другое его значение — «хороший». Именно такое значение делает понятным его появление в качестве характеристики и медных монет (ибо динары в документе № 4— монеты медные).

[141] Именно так поняла назначение этого термина О. Д. Чехович (см. Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 378, прим. 5). Справедливости ради следует отметить, что при изолированном рассмотрении денежных описаний в этих документах такое понимание было вполне естественно.

[142] Бартольд. Улугбек, с. 33; он же. История Туркестана, с. 152; он же. История культурной жизни, с. 263.

[143] Бартольд. Мир Али-Шир, с. 216.

[144] Курс лекций, на который мы неоднократно ссылались в статьях, не был опубликован. Но в 1972 г. М. Е. Массон опубликовал специальную статью о динарах кебеки (см.: Массон. Динары копеки, с. 27—37), в которой повторил и развил выводы, излагавшиеся в лекции. Теперь мы имеем возможность ссылаться на статью.

[145] В томе 7 «Раузат ас-сафа» (этот том, как считается, написан тем же Хондемиром) описание реформы в целом такое же, но еще короче.

[146] Давидович. Денежная реформа Шейбани-хана, с. 90—91.

[147] Давидович. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека, с. 281.

[148] Массон. Динары копеки, с. 32—33. Все остальные выводы и соображения, высказанные в этой статье, мы здесь не рассматриваем.

[149] Мы пользовались двумя списками этого произведения в ИВ АН УзССР, разночтения в них несущественные, цитируем по первому из двух списков (см. Мухтар ал-ихтийар. Рук. № 2064, л. 105а и 196а; рук. № 5438, л. 114а и 203б). См. также: Молчанов. Перечень восточных рукописей В. Л. Вяткина, с. 85, № 212; СВР. Т. 4, с. 292—293. Автор сочинения — гератский судья, умерший в 1520 г. Сочинение он завершил в 1502 г.

[150] Джавами' ал-'алийат, л. 15аб.

[151] ГИА УзССР, ф. И-323, № 1427.

[152] Смирнова. Из биографии рукописи, с. 243—244.

[153] Мы предполагаем рассмотреть этот вопрос специально в связи с денежной реформой 913—914 гг. х. Шейбани-хана в работе, посвященной денежному обращению в государстве Шейбанидов XVI в.

[154] Хондемир упоминает эпизод, когда его насильно заставили купить в Герате (уже после завоевания города Шейбани-ханом) баранов по преувеличенной цене —20 ханских тангача, что составляло тогда 600 тебризских динаров (Болдырев. Зайнаддин Васифи, с. 62). Отсюда одна ханская тангача равна 30 тебризским динарам.

[155] Дата, вероятно, 912 г. х. В. Г. Тизенгаузен опубликовал две монеты Мерва такого же как будто типа (если судить по прорисовке и фрагментам надписей), как реконструированный нами, но слово «данги» в надписях он не прочел. Одна из этих двух монет сохранила дату —912 г. х. (см.: Tiesenhausen. Notice, с. 48, № 96; Тизенгаузен. Новое собрание восточных монет Комарова, с. 82, № 82).

[156] Fraehn. Das muchammedanische Münzkabinet, с. 66; Vasmer. Fels, с. 192.

[157] Каноническое деление целого на части: целое=6 дангам=24 тассу (тассудж, нахуд)=96 хабба (джоу, арфа-арпа).

[158] Самаркандские документы XV—XVI вв., док. № 10, стк. 249, 301, 307, 505, 598. При указании дробных долей веса, площади, длины названия основной единицы не повторяются (мы для ясности обозначили их в скобках).

[159] Там же, с. 25.

[160] Невыделенные части означали, что практически собственностью была не земля, а лишь пропорциональная этим частям доля ренты со всего объекта. В этих случаях описывались границы всего объекта, так как названная его часть территориально не выделялась из объекта (подробнее см.: Давидович. Феодальный земельный милк, с. 41—42, 52—59).

[161] Там же, док. № 10, стк. 105.

[162] Там же, док. № 11, стк. 178.

[163] Давидович. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека, с. 281—284.

[164] Впрочем, в XV в., возможно, термин «'адли» применительно к медным монетам имел два значения: общее — любые медные монеты, частное — основной номинал. Пока нет достаточных материалов для рассмотрения этого вопроса.

[165] Композиционно-декоративное оформление монет было основным практическим критерием различия монет, занимающих в денежном обращении разное положение. Нельзя, однако, не отметить, что забота о красоте почерка, изяществе и разнообразии декоративного оформления монет могла иметь и еще одно назначение — затруднить работу фальшивомонетчиков. О таком назначении изящных рисунков и надписей прямо писал в XIII в. Ибн Бара (Ehrenkreutz. Extracts, с. 458).

[166] При отсутствии наименования монетного двора вопрос о том, какую из двух сторон монетного кружка следует считать лицевой, решается в каждом случае конкретно.

[167] Давидович. К вопросу о курсе и обращении, с. 145—150, 165—166; он же. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 120—130; он же. Серебряные монеты удельных владетелей, с. 59—60.

[168] Этот принцип классификации на типологическом уровне и выработанные критерии типа (проверенные исследованием денежного обращения) для серебряных монет XVI—XVIII вв. и для медных монет XV—XVI вв. мы отнюдь не считаем механически пригодными для монет других династий и периодов. Критерии типа и классификация на типовом уровне — результат изучения конкретного монетного материала. Однако представляется, что при отборе признаков, критериев типа следует исходить из того, чтобы этот классификационный уровень был и источником и инструментом изучения денежного обращения.

[169] Несколько типов второй группы первого разряда включены в описание, если удалось доказать, что они принадлежат эмиссии одного из четырех монетных дворов: но это уже результат исследовательской работы.

[170] Монета ГЭ (см.: Fraehn. Nova supplementa, с. 125, № 24b) и монета ГИМ, № 557782.

[171] Тип реконструирован по двум монетам ГЭ (№ 24907—24908) и опубликован нами (Давидович. Заметки по нумизматике Средней Азии, ч. 2, с. 129). Названная (без описания и надписей) А. К. Марковым медная монета Самарканда 817 г. х. (Марков. Инвентарный каталог, с. 666, № 23) является одной из этих монет (№ 24907). Аналогичная монета найдена в Самарканде при раскопках Афрасиаба (Ерзарова, Кочнев, Ртвеладзе, Федоров. Нумизматические находки на территории Узбекистана, с. 66). Монеты такого же типа чеканила Бухара (тип. 23).

[172] Монета найдена в 1963 г. на территории средневекового Мерва (якобы в крепости Байрам-Али), в 1964 г. показана нам ленинградским коллекционером А. Д. Быковым и позже опубликована (Давидович. Заметки по нумизматике Средней Азии, ч. 2, с. 130). В 818 г. х. однотипные монеты были отчеканены в Бухаре (тип 1), Андигане и Отраре (монету Отрара в 1980 г. показал В. Н. Настич), вариантное отличие — нет обозначения месяца в дате.

[173] Тип реконструирован и опубликован нами (Давидович. Заметки по нумизматике Средней Азии, ч. 2, с. 130) на основании двух монет: одна найдена в 1960 г. в Ленинабаде ТаджССР; вторая хранится в ГЭ № 24910 (А. К. Марков привел только выпускные сведения, см.: Марков. Инвентарный каталог, с. 666, № 25). Две монеты Самарканда, очевидно, этого типа найдены в Казахстане при раскопках средневекового Отрара, но публикатор привел только выпускные сведения (Бурнашева. Монеты с городища Отрар-тобе, с. 94; она же. Монетный материал с городища Отрар-тобе, с. 168). Монеты аналогичного типа чеканены в Шахрухийе (Давидович. Заметки по нумизматике Средней Азии, ч. 2, с. 130), Шахрисябзе (ГИМ, № 557 784) и Андигане (ГЭ № 43953).

[174] Тип описан на основе семи монет ГЭ: № 24875—24876; два экземпляра в коллекции Азиатского музея (см.: Fraehn. Recensio, с. 430, № 25: надпись в картуше об. ст. публикатор не прочел, лишь прорисовав часть букв); тип экземпляра в коллекции Е. А. Пахомова (ГЭ № 43955, 43980, 43981). М. Е. Массон опубликовал монету, очевидно, такого же типа, если судить по основным частям прорисовки. Если это так, то предложенное им чтение надписей неверно: на л. ст. вокруг такого же треугольного картуша с тремя кружками и выступами, как у нашего типа 5, публикатор вместо «Самарканд» в двух сегментах прочел «фулус», а на об. ст.— «Адил. Урду» (Массон. Клад медных монет XV в. из Оша, с. 119—120, рис. 2/з).

[175] В качестве рабочей гипотезы можно предложить чтение (сверху вниз): «Ним данг; 'адл ('адлиййа)». Однако такое чтение предполагает ошибку, (на всех семи монетах!) — отсутствие буквы «нун» в слове «данг» (куфическое начертание буквы «г» — не препятствие, так как имеет аналогии). Привлекает внимание нестабильность начертания нижнего слова (отсюда — два чтения).

[176] Реконструкция и описание типа сделаны по монетам клада («Предисловие», клад № 1), целиком состоящего из разногородних (Бухара, Карши, Термез, Шахрисябз, Шахрухиййа) однотипных монет 823 г. х. (Давидович. По поводу двух кладов, с. 111—112 и рис. 1). В более поздних кладах монеты 823 г. х. единичны и плохой сохранности (чаще перечеканены). Впервые

этот тип монет 823 г. х. (но без прочтения монетных дворов) опубликовал Х. М. Френ еще в 1826 г. (Fraehn. Recensio, с. 431—432, № 28 и сл.). Несколько самаркандских монет 823 г. х. привел без описания типа и без надписей А. К. Марков в 1896 г. (Марков. Инвентарный каталог, с. 666, № 33—34, с. 681, № 268—269). Опубликованы и неверные определения монет этого типа: М. Е. Массон на об. ст. вместо даты прочел наименование монетного двора «Шираз» (сопоставив последний с селением близ Самарканда) и считал монету чеканенной без обозначения даты; на фотографии и на прорисовке видно, что это наш тип 6 823 г. х., но наименование монетного двора на этом экземпляре стерто (Массон. Клад медных монет XV в. из Оша, с. 118, рис. 1/г и рис. 2/ж). А. К. Марков опубликовал монету Хорезма 827 г. х. (Марков. Инвентарный каталог, с. 667, № 38); изучение этого экземпляра в ГЭ (№ 24931) убедило в том, что чеканен он в 823 г. х. и в типовом отношении не отличается от описанного типа 6 Самарканда. Одну монету Самарканда 823 г. х. обнаружил в Казани и еще в 1834 г. опубликовал (без чтения слова «'адлиййа») Эрдманн (Erdmann. Numi asiatici, с. 575, № XIV).

[177] Тип описан и реконструирован по монете ГЭ № 24927.

[178] Монеты Самарканда 832 г. х. довольно многочисленны в кладах и музейных собраниях. С описанием или без описания они публиковались неоднократно (впервые, очевидно, Х. М. Френом, см.: Fraehn. Recensio, с. 433, № 37). Монеты Самарканда 854 г. х. довольно редки, по краям стерты или обрезаны, поэтому относительно наличия круговой надписи сначала не было ясности (Давидович. Материалы для характеристики <...> медных монет XV в., с. 229). Сомнения были сняты монетой ГЭ № 31097 (Давидович. Клады, с. 302).

[179] Дата цифрами иногда проставлена целиком, в отдельных случаях — только две и даже одна цифра. Датированные монеты этого типа есть в ГЭ (№ 31205, 31208—31210, 31222; 901—902 гг. х.), в Ангренском (901—902 гг. х.) и Нурекском (901 г. х.) кладах, в СМ и т. д. На двух монетах (ИИТ, Н-291/170 и ГИМ) четкая дата — 907 г. х.: ошибка ли это резчика штампов (но л. ст. этих двух монет чеканены разными штампами!) или чекан монет типа 11 продолжался до 907 г. х.?

[180] На одном экземпляре цифра единиц в дате зеркально перевернута (ошибка резчика штампа), т. е. формально читается как «2». Иногда цифры сотен и единиц проставлены рядом — «96», цифры десятков (в виде точки) между ними нет.

[181] Ранее нам была известна только одна датированная монета этого типа (ИИТ, Н-6/311), дата вызывала сомнения из-за нестандартности начертания единиц, и мы читали ее как 905 г. х. со знаком вопроса (Давидович. Клады, с. 337). В кладе ГЭ-АМ («Предисловие», клад № 19) оказалось 15 монет этого типа (№ 3648—3662), в том числе одна (№ 3648) с датой: начертание цифры единиц тоже нестандартное, но более четкое и позволяет читать другую дату — 904 г. х. Все монеты — высокого веса. К этому же типу, очевидно, следует отнести монеты без дат иной весовой категории (см. гл. IV/1) в составе Ангренского клада, хотя орнамент на их об. ст., возможно, несколько иной.

[182] Дата 906 г. х. — на монете МИУз, дата 907 г. х. — на монете Ангренского клада, без дат — в составе многих кладов и собраний. Тип 16 составляет основу упомянутого в предыдущем примечании клада ГЭ-АМ: 49 монет — тип 16/*а* с датой — 906 г. х. (№ 3663—3711), на нескольких экземплярах дата проставлена частично, нет цифры единиц (№ 3712—3724); на многих монетах даты нет — это тип 16/*б*. (значительное число экземпляров плохой сохранности, вариант не может быть определен). Существенно, что в кладе ГЭ-АМ есть монеты такого же типа 16, чеканенные в Карши без даты (№ 4053—4054), в Кеше с полной датой — 906 г. х. (№ 4036—4039), без даты, с датой — 920 г. х. (ошибка — «перевертыш» вместо 906 г. х.), с отдельными цифрами «9» и «2» («2», очевидно, перевертыш вместо «6»). Все монеты клада

ГЭ-АМ высоковесные. Но есть монеты такого же типа 16 малого веса (например, монета ГЭ № 43979, в=2,64 г).

[183] Монеты аналогичного типа чеканили в Бухаре (тип. 8). У монет Хисара (тип 12) такая же л. ст., но на об. ст. орнамент. В. Г. Тизенгаузен опубликовал без подробного описания монету Самарканда 910 г. х., но содержание и расположение ее надписей ясно показывают, что это не тип 17—18, другие же нам неизвестны. Очевидно, это какой-то третий тип за 910 г. х., или же дата прочтена публикатором неверно (на что намекает и вводная формула).

[184] Реконструкция типа и описание сделаны по двум монетам в составе Чилекского и Нурекского кладов. Этот редкий тип опубликован нами (Давидович. Клады, с. 377, описание № 33).

[185] Монеты этого типа публиковались неоднократно (Х. М. Френом, В. Г. Тизенгаузеном, В. В. Вельяминовым-Зерновым, А. К. Марковым, М. Е. Массоном), но надписи не были правильно прочтены и истолкованы (Давидович. Денежная реформа Шейбани-хана, с. 100—103). Подробнее о весовой надписи этих монет см. в гл. IV/1.

[186] Монета описана по экземпляру в составе клада («Предисловие», № 28), найденного около кишлака Сары-Камыш ТаджССР (Давидович. Клады, с. 377, клад № 76).

[187] Опубликованные В. Г. Тизенгаузеном монеты Самарканда без подробного описания и лишь с фрагментами надписей (Tiesenhausen. Notice, с. 39, 42, № 66, 71) принадлежат, очевидно, нашему типу 22. Этим же типом, очевидно, является и монета, описанная Х. М. Френом, который в слове единиц сомневался: правдоподобнее ему казалась дата 919 г. х., под вопросом —917 г. х. (Fraehn. Recensio, с. 438, № 4). Нам 919 г. х. этого типа не встречался, пока не будем вносить его в описание типа 22. На одной из монет типа 22 в ГЭ А. К. Марков неверно прочел дату —910 г. х. (Марков. Инвентарный каталог, с. 698, № 5; ГЭ № 31783).

[188] На доступных нам экземплярах слово единиц в дате не сохранилось, но сходство л. ст. с типом 22 позволяет предположить, что монеты типа 23 выпущены в 917 или в 918 г. х.

[189] В. Г. Тизенгаузен (Tiesenhausen. Notice, с. 43, № 75) не описал форму картуша публикуемой им монеты, но взаиморасположение частей надписи соответствует типу 30.

[190] Такого же типа монеты чеканили в Куфине (ГЭ-АМ, Cl. XXII, 53; 3 экз.). См. также: Fraehn. Recensio, с. 436, № 53.

[191] Дата —931 г. х. известна нам только на одной монете (ГЭ № 43965).

[192] Типы 35—37 по типовесовым признакам следует относить к седьмому этапу (ср. датированные типы 25, 26, 29).

[193] Монеты такого же типа чеканили в Бухаре (тип 21) и в Карши. О датировке — в гл. VI/1.

[194] Сходство форм картушей л. ст. и об. ст. с типом 22 (Самарканд 917—918 гг. х.) позволяет орнаментально-изобразительные монеты типа 40 относить к чекану Самарканда на седьмом этапе. Тип 22 представлен монетами двух достоинств: одинарными и двойными динарами. Монеты типа 40 являются двойными динарами.

[195] По стилю орнамента и весу монет мы относим тип 41 к чекану Самарканда на седьмом этапе. Вероятно, такой тип получался как «наследие» типов 35—37, у которых орнаментальная об. ст. В пользу этой атрибуции свидетельствует и тот факт, что таких монет больше всего в Самаркандском кладе.

[196] Тип 42 роднят с самаркандскими монетами орнаменты и вес, характерные для Самарканда этих же годов чекана.

[197] Тип 43 описан по одной монете (ГИМ № 557785; д=18—19 мм). Первый ориентир для датировки — аналогичная по содержанию и расположению (в три строки) надпись монет типов 2—3. Второй ориентир — отсутствие хорошо сохранившихся и реконструируемых монет во всех изданных нами кладах XV —начала XVI в. Возможно, чеканка монет этого типа относится к

ранней части XV в. (до 832/1428-19 г.), но никаких прочных оснований для более точной датировки пока нет.

[198] Тип 44 описан по одной монете (ГИМ № 557799; д=25 мм).

[199] Тип 45 описан по двум монетам из коллекции Е. А. Пахомова (ГЭ № 43958 и № 44152; в=2,27 и д=18—19; в=1,82 и д=17).

[200] Тип 46 описан по одной монете ГИМ; д=17 мм.

[201] Тип 47 реконструирован по семи монетам из Клада кратных динара (см. «Предисловие», клад № 18). Размер монет — в пределах 17—20 мм.

[202] Тип реконструирован и описан по монете ГЭ из б. коллекции Азиатского музея. Впервые ее опубликовал Х. М. Френ (Fraehn. Recensio, с. 431, № 27), который верно прочел часть надписи (в картуше на л. ст. и дату в поле об. ст.). По поводу даты (818 г. х.) он заметил, что наличие союза «уа» после слова единиц скорее позволяло бы ожидать «двадцать», а не «десять», т. е. 828 г. х., однако он справедливо не счел это достаточным основанием для отказа от первого чтения —818 г. х. Следует отметить, что в 818 г. х. однотипные монеты были выпущены в нескольких городах, нам известны чеканенные в Бухаре, Самарканде, Андигане (Давидович. Заметки по нумизматике Средней Азии, ч. 2, с. 130) и Отраре (см. примеч. 172 и Самарканд типа 3).

[203] Реконструкция и описание типа сделаны по двум монетам в составе клада («Предисловие», клад № 1), найденного в 1959 г. недалеко от Душанбе (Давидович. По поводу двух кладов, с. 111). Такого типа монеты были выпущены на многих монетных дворах (нам известны: Бухара, Карши, Самарканд, Термез, Хорезм, Шахрисябз, Шахрухиййа). См. также прим. 176 к описанию самаркандских монет этого типа.

[204] Среди всех эмиссий меди XV— первой четверти XVI в. этот тип Бухары 832 г. х. представлен наибольшим числом экземпляров, что обусловлено содержанием и назначением реформы Улугбека (гл. V/1). В Душанбинском кладе оказалась одна монета с датой 832 г. х., но с несколько иной л. ст.: вокруг картуша нет надписи (вариантный признак), орнаментальное обрамление картуша отличается от обычного (типовой признак?). Сущность и происхождение этих различий пока не ясны. Нам казалось сомнительным, чтобы в 898—899 гг. х. (орнамент вокруг картуша рассматриваемой монеты 832 г. х. похож на орнаментальное обрамление бухарских монет этих лет) использовали вторично старый штамп с датой 832 г. х.— почти полустолетней давности. Поэтому мы предположили, что это второй вариант бухарской серии 832 г. х. (см.: Давидович. Материалы для характеристики <...> медных монет XV в., с. 228—229; она же. Клады, с. 301). Не исключено, что это просто случайность: неверно изготовленный штамп. До новых находок подобных монет осторожнее не учитывать ее в типовых описаниях чекана Бухары.

[205] Тип 4 был сменен типом 5 в Бухаре (так же как аналогичные типы 9—10 в Самарканде). Дата 897 г. х. на монетах типа 5— результат употребления старого штампа об. ст. Анахронизмы как следствие использования старых штампов — самое обычное явление в монетном деле мусульманского Востока. Монеты 910 г. х. редки и другого достоинства.

[206] Монеты аналогичного типа выпускал Самарканд (тип 17). У монет Хисара (тип 12) такая же л. ст., но на об. ст. орнамент. Монета 907 г. х. из колл. Строганова (ГЭ № 50975) как будто относится к типу 8 (правда, картуш л. ст. сохранился не целиком). Если это так, то перед нами новый вариант типа 8, так как в картуше только одно слово — «Бухара».

[207] Монета 912 г. х. описана В. Г. Тизенгаузеном (Tiesenhausen. Notice, с. 38, № 62). Монета 911 г. х.— ГЭ № 31886 (см.: Марков. Инвентарный каталог, с. 700, № 81), но она большого размера (26—28 мм) и другой весовой категории.

[208] Тип реконструирован и описан на основании сопоставления четырех монет в двух кладах (Давидович. Заметки по нумизматике Средней Азии, ч. 2, с. 131—133 и примеч. 20). Реконструкция позволила выявить среди потертых монет Самаркандского клада экземпляр типа 12. Есть монета этого типа и в ГЭ (№ 31925), но плохой сохранности, так что А. К. Марков не имел

возможности прочесть ни наименование монетного двора, ни слово единиц в дате (Марков. Инвентарный каталог, с. 703, № 119).

[209] Тип реконструирован и описан по монетам нескольких кладов. Дата 916 г. х. выявлена на монетах Кум-Курганского и Чилекского кладов; дата 917 г. х. на монетах Самаркандского и Нурекского кладов.

[210] Тип реконструирован и описан по монетам нескольких кладов. Взаиморасположение частей надписи в поле л. ст. различно. Дата 917 г. х.— в Самаркандском, Кум-Курганском, Нурекском кладах; дата 918 г. х.— в Нурекском кладе.

[211] Тип реконструирован и описан по монетам клада МИУз («Предисловие», клад № 35). Х. М. Френ опубликовал монету, надписи которой прочтены лишь частично (см.: Fraehn. Nova supplementa, с. 130, № 54), но и по этим фрагментам ясно, что описанная им монета — нашего типа 17.

[212] Тип реконструирован и описан по монетам клада МИУз («Предисловие», клад № 35) и отдельным экземплярам в ГИМ, СМ, ГЭ. Опубликованная Х. М. Френом монета 927 г. х. (Fraehn. Recensio, с. 439, № 5), как оказалось при проверке, относится к нашему типу 19. Этот же тип, судя по прорисовке, представляет монета, опубликованная в 1843 г. Соре (Soret. Lettre à François Seguin, с. 28, № 3 и рис. 13), который неверно прочел дату цифрами (920 г. х., нужно 925 г. х.).

[213] Тип реконструирован по монетам вышеупомянутого клада МИУз, отдельным экземплярам ГИМ и ГЭ. Опубликованная Х. М. Френом монета 930 г. х. (Fraehn. Recensio, с. 439, № 6), как оказалось при проверке, относится к нашему типу 20. Это, в свою очередь, позволяет определить тип монеты 930 г. х., опубликованной (без описания, но со ссылкой на вышеупомянутую монету Х. М. Френа) в 1878 г. Вайлем (Weyl. Verzeichnis von Münzen, с. 394).

[214] Монеты аналогичного типа чеканили в Самарканде (тип 39) и в Карши. О датировке см. гл. VI/1.

[215] Тип 23 реконструирован по двум монетам: ГИМ, № 557783, и ГЭ № 44195). Аналогичный тип чеканили в Самарканде (тип 2).

[216] Тип 24 реконструирован по монетам из Клада кратных динара (см. «Предисловие», клад № 18). Привлекает внимание вычурное начертание цифры единиц в дате. Монеты тонкие и маленькие, размер в пределах 17—20 мм (чаще 17—18 мм).

[217] Тип 25 описан по одной монете ГЭ № 31784 (выпускные сведения см.: Марков. Инвентарный каталог, с. 698, № 6), на ней два надчекана (не упомянутые А. К. Марковым).

[218] Тип 26 описан по одной монете ГЭ № 44104: в=5,34 г; д=28 мм.

[219] Тип 1 реконструирован и описан по монетам двух кладов (см.: Давидович. Клады, клад № 71, с. 335; клад № 72, с. 342—343).

[220] Этот тип впервые был реконструирован и описан в 1950 г. по единственной монете МИУз 20/52 (Давидович. К медным номиналам, с. 39—40 и табл. 1/2). В составе опубликованного нами в 1979 г. клада оказалось еще восемь монет типа 2 (Давидович. Клады, клад № 72, с. 341, 343). Один экземпляр в 1972 г. найден в Дангаринском районе ТаджССР (кишлак Пушинг, раскопки).

[221] Монеты этого типа публиковали неоднократно, но надписи не были прочтены полностью (в частности, такая важнейшая часть, как указание достоинства в два динара). Впервые тип был реконструирован и описан нами в 1950 г. (Давидович. К медным номиналам, с. 40 и табл. 2/1) по нескольким неопубликованным монетам ГИМ и МИУз. Впоследствии нами были опубликованы три клада, в которых монеты Хисара типа 3 составляли основу (Давидович. Клады, клад № 71, с. 334, сл.; клад № 72, с. 341 сл.; клад № 73, с. 344), а также многочисленные отдельные монеты в составе других кладов и внекладовые находки.

[222] В предшествующих публикациях типы 3—4 мы считали одним типом, поскольку они выпускались в одно время, имели одно достоинство (два динара), одинаково обозначенное в надписи л. ст. Но формальный признак —

наличие у типа 3 и отсутствие у типа 4 картуша — заставил нас здесь описать эти двойные динары не как варианты (разница в надписи за счет эпитета «шадман»), а как разные типы.

[223] Тип этих маленьких монеток реконструирован и описан по экземпляру из частной коллекции Медника (Душанбе) и по нескольким экземплярам ГЭ (где они неверно отнесены к 881 г. х.; уши джейрана на одной из монет (№ 163а) приняты за единицу; там две цифры —«9» и «8»—, пропущена точка между ними, как это иногда бывает в цифровых датах). На монетах ГЭ джейран вправо, на монете из частной коллекции — влево.

[224] Тип 6 реконструирован и описан по монете ГЭ, № 31785 (см.: Марков. Инвентарный каталог, с. 698, № 7); в=4,47 г.

[225] Тип 7 реконструирован и описан по многочисленным монетам в Нурекском кладе (Давидович. Клады, клад № 75, с. 359, описание 47 и фототабл. 19/1—4). Опубликованные А. К. Марковым (см.: Марков. Инвентарный каталог, с. 698, № 19, 25) монеты — тип 7, только дата первой (916 г. х.) — неверна, нужно 917 г. х. (ГЭ № 31797, 31803).

[226] Тип 8 реконструирован по монете ГЭ № 31891 и по единичным монетам в составе Нурекского (Давидович. Клады, клад № 75, с. 359, описание 45: дата неверно обозначена как 90. г. х., нужно —91. г. х.), Самаркандского и Чилекского кладов. Слово единиц в дате пока не восстановлено.

[227] Монеты типа 9, подобно монетам типа 8, зарегистрированы в кладах седьмого этапа (Чилекском, Самаркандском, Нурекском) и также в небольшом количестве. Правдоподобно, что монеты типов 8—9 чеканены в одно время.

[228] Типы 10—11 реконструированы по монетам в составе Душанбинского и Узбекон-тепинского кладов (Давидович. Клады, клад № 66, с. 303—304; клад № 67, с. 322), что является важным ориентиром для датировки. Существенно отметить, что монеты типа 10 в обоих кладах более многочисленны, это позволяет привлечь для их датировки внутритиповой вес. Уточняют датировку и надчеканы, в частности надчекан типа 14 первой группы первого разряда. Комплекс признаков убеждает в том, что монеты типа 10 относятся к четвертому этапу, а внутри этапа — к первой его половине (не позднее 1495 г.), даже если их выпускали не один год.

[229] Для датировки типа 11 существенно, что л. ст. у этих монет Хисара такая же, как л. ст. монет Хутталяна 822 г. х. типа 1. Вероятность датировки монет Хисара типа 11 этим же 822 г. х. косвенно подтверждает как их наличие в Душанбинском и Узбекон-тепинском кладах, так и малое число их в этих кладах.

[230] Тип 12 реконструирован и описан по нескольким монетам Самаркандского клада. В составе Нурекского клада у монеты Хисара плохой сохранности (нижняя часть стерта и обрезана) картуш казался по верхнему фрагменту ромбическим (Давидович. Клады, клад № 75, с. 360, описание 53); проверка и сравнение с монетами Самаркандского клада убедили в том, что это тип 12.

[231] Два варианта типа 13 раньше мы опубликовали как два самостоятельных типа (см.: Давидович. Клады, клад № 75, с. 359, описание 49— теперь вариант *б*; с. 360, описание 50— теперь вариант *а*).

[232] Описано по одной монете (ГЭ № 31863; Марков. Инвентарный каталог, с. 699, № 78).

[233] Монета уникальная (в=5,28 г), найдена на территории Таджикистана (точное место находки неизвестно) и показана нам коллекционером В. А. Чикильдиным. Отчеканена на другой монете, от которой на об. ст. остался фрагмент двухлинейного ободка: из-за него не получилась часть вводной формулы при дате. Реконструкция картуша об. ст. убеждает в том, что места для вводной формулы на штампе не было. Привлекает внимание, что картуш л. ст. монеты Хутталяна такой же, как картуш монет Хисара типа 11, но у последних на об. ст. не дата, а орнамент.

[234] Монета уникальная, найдена в 1975 г. школьниками на территории кишлака Сангтуда Дангаринского района ТаджССР, доставлена для осмотра

археологом Е. Денисовым в 1976 г. Слово единиц в дате, сохранившееся фрагментарно, предпочтительнее читать как «два», менее вероятно — «пять».

[235] Тип 3 монет Хутталяна повторяет тип монет, выпущенных с датой 832 г. х. во многих пунктах, а также тип самаркандских монет 854 г. х. (тип 8 Самарканда, тип 3 Бухары).

[236] Форма картуша и обрамляющий его орнамент на л. ст. и орнамент на об. ст. монет типа 4 Хутталяна совершенно такие же, как у монет Хисара типа 7, чеканенных в 917—918 гг. х. (дата цифрами в картуше на л. ст.). Это дает основание монеты Хутталяна типа 4 датировать аналогично. Дополнительное доказательство — достоинство монет (монеты Хутталяна типа 4 и Хисара типа 7— это двойные динары) и их одинаковый средний вес. Нельзя также не отметить, что среди монет Хисара типа 7 есть экземпляры и без дат.

[237] В Нурекском кладе пять таких монет. Мы дали им отдельный типовой номер, так как орнамент об. ст. и орнамент, обрамляющий картуш л. ст., отличаются от орнаментов типа 4. Возможно, их следует считать одним типом, дальнейшие находки это уточнят.

[238] Единственная монета этого типа оказалась в составе Нурекского клада. Данных для датировки пока нет.

[239] Нам известны только две монеты этого типа, по одной в Нурекском и Чилекском кладах. При издании Нурекского клада мы монету этого типа не описали.

[240] Давидович. Некоторые черты обращения медных монет, с. 46.

[241] В 1953 г. (Давидович. Некоторые черты обращения медных монет, с. 46) и в последующее время мы надчеканы первого разряда делили на три группы: 1) с монетным двором; 2) с другой надписью (без монетного двора); 3) без всяких надписей. Как теперь ясно, цена признаков различия между тремя группами не одинакова, что лишало классификацию на этом уровне строгой логичности.

[242] Абсолютизация первого метода (поздних монетных дат как безусловной нижней хронологической границы) и самостоятельное значение, придаваемое в отдельных случаях второму (историческая ситуация), в нескольких случаях стали источником «уточненной» датировки надчеканов, от которой, как теперь ясно, следует отказаться, сделав «шаг назад», в сторону большей осторожности.

[243] Давидович. Некоторые черты обращения медных монет.

[244] Общее число монетных дворов, производивших надчеканы первой группы первого разряда, безусловно превышало три десятка.

[245] Картуши с заостренными и закругленными уголками мы объединили в один тип по аналогии с типом 14 (см. ниже). Возможно, формально их следовало бы считать разными типами. В этом случае к типу с округленными уголками будут относиться надчеканы Самарканда, Куфина, Ташкенда, а к типу с заостренными уголками — надчеканы (Самарканда, Шавдара, Ахсы, Карши и др.

[246] В ГЭ есть надчеканы типа 1, надпись которых А. К. Марков читал как Хузан (Марков. Инвентарный каталог, с. 703, № 115), а Цамбаур отождествил с деревней около Герата (Zambaur. Die Münzprägungen, с. 113), что сомнительно.

[247] Надчеканы Куфина — на монете Бухары 914 г. х. типа 12 (ГЭ № 31925) и на монете Хисара типа 10 (ГЭ № 31929). Надчекан Ташкенда из коллекции Строганова опубликовал с прорисовкой В. Г. Тизенгаузен (Tiesenhausen. Notice, с. 49); он, как оказалось,— на монете Бухары 910 г. х. типа 5.

[248] Куча-и Малик (название одного из туманов Самарканда) мы прочли на двух монетах ГЭ из коллекции Строганова (ГЭ № 51065—51066). Прорисовку этого надчекана (без прочтения и локализации) опубликовал В. Г. Тизенгаузен (Tiesenhausen. Notice, с. 49).

[249] Надчеканы Шираза мы обнаружили на двух монетах ГЭ: в коллекции Пахомова (№ 44134) на монете Бухары 914 г. х. типа 12 и в коллекции Строганова (№ 51014) на потертой монете. Прорисовку надчекана из коллекции Строганова опубликовал В. Г. Тизенгаузен (Tiesenhausen. Notice, с. 49),

предлагая читать Сабран или Шираз (без комментариев относительно последнего). В ГЭ много монет с надчеканами типа 2, часть опубликована А. К. Марковым. Среди них прорисованный, но непрочтенный надчекан (Марков. Инвентарный каталог, с. 701, № 94) — это Шаудар типа 2.

[250] В 1953 г. (см.: Давидович. Некоторые черты обращения медных монет) мы относили производство надчеканов типа 3 к 917— началу 918 г. х., считая их вместе с тем более ранними, чем надчеканы типов 1—2. Нами не были учтены тогда такие факты, как разнорегиональность происхождения и длительность производства.

[251] Публикуя Нурекский клад (см.: Давидович. Денежное хозяйство <...> во втором десятилетии XVI в., с. 30—31 и табл. 1; она же. Клады, с. 368, табл. 104), мы возможность объединения типов 4 и 11 не рассматривали. Для последующего изучения сообщаем номера монет, на которых зафиксированы хорошо сохранившиеся надчеканы типов 4 и 11: Самаркандский клад, № 2415, 3413; Нурекский клад, № 1094, 1230. При работе над более значительным материалом следует рассмотреть и такую возможность: не разновременны ли надчеканы Самарканда (сейчас типы 4 и 11) и надчеканы Хисара — Чаганиййана (сейчас тип 11).

[252] У некоторых надчеканов этого типа наименование монетного двора палеографически отличается от «Ахсы» только одной деталью: зубец, фиксирующий переход от буквы «син» (в виде горизонтальной черты) к букве «йа», более высок и может быть поэтому принят за букву «лям». В. Г. Тизенгаузен и А. К. Марков считали, что это отдельный монетный двор, читали и прорисовывали его с буквой «лям», но без буквы «син», хотя палеографически все остальные детали повторяют начертание «Ахсы» (см.: Tiesenhausen. Notice, с. 49; Марков. Инвентарный каталог, с. 702, № 110—111).

[253] В Сукокском кладе («Предисловие», клад № 33) таких надчеканов публикатор не обнаружил (см.: Сусенкова. Клад медных монет XV в.), хотя клад сложился в той же области, что и Ангренский. Может быть, надчекан типа 5 является верхним хронологическим рубежом для датировки отложения Сукокского клада. Это было бы дополнительным свидетельством в пользу нашего предположения о том, что надчекан типа 5 в Ангренском кладе — позднейший (последний ?).

[254] А. К. Марков опубликовал прорисовку (четыре буквы) непрочтенной надписи надчекана (Марков. Инвентарный каталог, с. 703, № 125). Картуш (ГЭ № 31932) по отношению к надписи скорее квадратный, чем ромбический. Такой надчекан можно было бы сопоставлять с типами 3, 12, 19. Но тип 3 отпадает, так как надчеканы с аналогичной надписью из четырех букв обнаружены нами в Ангренском кладе пятого этапа: следовательно, это тип либо 12, либо 19.

[255] В Сукокском кладе (см. «Предисловие», клад № 33) три надчекана Ташкенда типа 13.

[256] МИУз, колл. 20, № 106.

[257] Надчеканы Балха есть в Самаркандском кладе. См. также ГЭ № 31898, 31899, 31915 (Марков. Инвентарный каталог, с. 701—702, № 92—93, 109).

[258] Эти же даты есть и в надчеканах с округленными уголками картуша, почему мы и не выделили их в отдельный тип.

[259] См.: Давидович. Клады, клад № 66, с. 305, табл. 76; клад № 67, с. 323, табл. 85.

[260] Такой же надчекан и именно на монете Герата 913 г. х. опубликовал еще А. К. Марков в 1896 г. (Марков. Инвентарный каталог, с. 703, № 121).

[261] Массон. Клад медных монет XV в. из Оша, с. 115.

[262] Вопрос с надчеканом в миндалевидном картуше остается открытым.

[263] М. Е. Массон «время захоронения» Ошского клада отнес к середине третьей четверти XV в. на основании поздней монетной даты —863/1458-59 г. Надчеканы для этой цели не учтены и вообще в нескольких местах статьи упомянуты таким образом, что невозможно получить представление об их составе. Ясно только, что есть надчеканы третьего этапа по нашей периодиза-

ции (с термином «данги»), но из одной фразы можно заключить, что среди самаркандских надчеканов есть и другие; на монетах Кашгара надчеканы «четырех видов», но описаны только два вида (Массон. Клад медных монет XV в. из Оша, с. 112, 115, 118, 122). Если наша датировка надчекана «'Адлиййа» подтвердится (и если надчеканы на монетах Кашгара действительно такие же, как мы предположили), время выпадения Ошского клада придется отнести к четвертой четверти XV в., ближе к последнему десятилетию.

[264] Давидович. Клады, с. 331—333, клады № 68—70.

[265] Орнаментальный надчекан типа 1 перебит также надчеканами «Хуб» (в шестигранном картуше) и «'Адлиййа» второй группы второго разряда, но это существенно для датировки последних, а не орнаментального надчекана типа 1.

[266] Первым этот надчекан прочел (на совершенно потертой монете МИУз) Б. Д. Кочнев, сообщивший об этом в письме от 30 августа 1980 г. Это позволило по карандашным протиркам определить плохо сохранившийся аналогичный надчекан в Душанбинском кладе (ИИТ, Н-57/995). Он важен тем, что сделан на монете Бухары 832 г. х. Позже такой же надчекан прекрасной сохранности мы обнаружили на неопубликованной монете ГЭ из коллекции Пахомова (№ 44010).

[267] ГЭ № 31319, 44051, 44045. Значительно количество таких надчеканов в Андижанском кладе (см. «Предисловие», клад № 11).

[268] В Андижанском кладе кроме монет с надчеканами «нимданги» двух типов (тип 1/*в* и тип 3) много монет 832/1428-29 г. без всяких надчеканов и с надчеканами «данги» типа 2. Клад сложился и выпал из обращения в то время, когда основным полнокурсным номиналом стали монеты с надчеканом «данги» типа 1/*а*; монеты же 832 г. х. без надчеканов и с надчеканами «данги» типа 2 стали кратными основного номинала.

[269] Надчекан Ташкенда типа 2 с термином «данги» нам не встречался, его обнаружил М. Н. Федоров в составе опубликованного им клада (см.: Федоров. Клад монет Улугбека, с. 98—99).

[270] Давидович. Материалы для характеристики <...> медных монет XV в., с. 235—236 (здесь типом 1 назван квадрат, а шестигранник — типом 2); она же. По поводу двух кладов, с. 113.

[271] Нам известен уникальный надчекан (на одной монете МИУз из коллекции или клада неизвестного происхождения, № 139) в квадратном картуше с термином «данги»; по двум причинам мы не можем отнести его к типу 2. Он имеет дату —899 г. х., т. е. хронологически очень далек от типа 2. Вышел надчекан плохо, видна только первая строка надписи (термин «данги» и дата цифрами над буквой «йа») и две буквы — «дал» и «вав» — средней строки. Взаиморасположение двух этих строк позволяет чтение «ду данги» (два данги»). Но мы не можем определить группу этого надчекана второго разряда, так как неизвестно, были ли в его нижней строке наименование монетного двора (тогда группа первая) или какой-либо термин вроде «'адил» (тогда группа вторая). Менее вероятным кажется две буквы («дал» и «вав») средней строки считать не словом «ду» («два»), а частью наименования монетного двора.

[272] Часть опубликована (без указания типовых признаков). Х. М. Френ в 1826 г. еще сомневался в чтении первого слова: «ним»=«половинная» или «тимуровая» (Fraehn. Recensio, с. 431—432; № 28—32). А. К. Марков прочел надпись правильно (Марков. Инвентарный каталог, с. 681, № 268—270, 275, 277).

[273] Например, ИИТ, Н-53/19 (КП-328/19): монета 823 г. х. с надчеканом типа 3, наложенным в Самарканде. Монета найдена в 1957 г. в местности Дахана-Чарчинак-сай Аштского р-на ТаджССР и доставлена в ИИТ Б. А. Литвинским (при первой публикации дата чекана монеты и слово «ним» в надчекане не были определены (а форма картуша надчекана неудачно названа миндалевидной; см.: Давидович. Монетные находки в 1957 г., с. 160—161, № 16).

[274] Между прочим, в Нурекском кладе мы выявили только один такой надчекан, но наименование монетного двора не было прочтено (см.: Давидович. Денежное хозяйство <...> во втором десятилетии XVI в., с. 35; она же. Клады, с. 370). Сейчас по протирке удалось прочесть — это Термез, т. е. надпись — «Нимданги. Термез».

[275] ГЭ № 31289 (Марков. Инвентарный каталог, с. 681, № 270). У А. К. Маркова (там же, № 271, 278) еще на двух монетах 832/1428-29 г. опубликованы надчеканы нашего типа 3, но это ошибка (см. № 31290, 31322); надчеканы — типов 1/*а* и 2.

[276] Подробнее см.: Давидович. О происхождении и значении термина *мири*, с. 124—127.

[277] Если бы правительство официально санкционировало снижение достоинства медной монеты в 4 раза, это, вероятно, можно было бы рассматривать, как свидетельство кризиса обращения медных монет и такого серьезного стихийного снижения их рыночного курса, которое правительство вынуждено было официально утвердить.

[278] Они являются ведущими (наряду с орнаментальным надчеканом типа 1 в виде четырехлепесткового цветка) и во всех других кладах четвертого этапа, найденных в Хисарском регионе. Это подтверждает их местное происхождение (Давидович. Клады, с. 331—333, клады № 68—70).

[279] Марков. Инвентарный каталог, с. 703, № 126.

[280] См., например, в Самаркандском кладе в/к № 3071, 3073, 3461; в Нурекском кладе в/к № 1212.

[281] Четыре экземпляра в коллекции Пахомова (ГЭ № 44038, 44298, 44301, 44302) и два экземпляра в коллекции Строганова (ГЭ № 51051, 51052).

[282] При выявлении в других кладах реконструированного нами надчекана с обозначением веса нужно проявлять известную осторожность. Картуш этой формы был использован раньше, в конце XV в., для надчеканов типа 17 первой группы первого разряда. Следовательно, форма картуша сама по себе (если надпись в картуше стерта или сохранилось только первое слово — «Адил») — недостаточный индикатор для определения и фиксации в составе какого-либо клада надчекана с обозначением веса.

[283] Fraehn. Recensio, с. 438, № 2. Третий из прочтенных фрагментов круговой надписи л. ст. состоит из трех букв — «каф», «та» и «дал». Здесь ошибка (опечатка?) в определении второй буквы: нужно не «та», а «нун», тогда получается «канд». Чтение «канд» могло бы натолкнуть на мысль, что монета чеканена в Самарканде.

[284] Вельяминов-Зернов. Монеты Бухарские и Хивинские, с. 334, № 2.

[285] Tiesenhausen. Notice, с. 38—39, № 64.

[286] Марков. Инвентарный каталог, с. 698, № 13.

[287] Массон. Монетные находки <...> в 1930 и 1931 годах, с. 16, № 29/1.

[288] Две монеты в составе Самаркандского клада и одна — в ГИМ.

[289] Давидович. Денежная реформа Шейбани-хана, с. 100—102.

[290] ГИА УзССР, ф. И-323, док. 12, 1186, 1194.

[291] Истоки этой нормы, как нам представляется,— последний весовой стандарт очень популярных серебряных танга Шахруха (1404—1447 гг.) (см.: Давидович. Свидетельство Даулатшаха о размерах земельной ренты).

[292] Давидович. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии, с. 94—95.

[293] 23 монеты в составе четырех кладов (Чилекский, Нурекский, Сары-Камышский, Кум-курганский; см. «Предисловие») и 10 монет ГЭ.

[294] В источниках есть свидетельство о том, что на глаз выбраковывались монеты даже из драгоценных металлов. В других случаях не только золотые и серебряные, но и медные монеты подвергались весовой проверке (Давидович. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 216—223).

[295] Давидович. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 216—231.

[296] В этой связи существенно отметить позицию Бируни: «И нет вреда здесь для нас в том, что в разных странах мискали различны [по весу], если все указанные нами действия будут производиться по одному какому-нибудь из них, с общепринятым делением его на меньшие доли, а именно — [мискаль] равен шести даникам, а даник — четырем тасуджам; других долей его мы не будем упоминать, дабы не вносить усложнений и дабы не итти дальше к более мелким долям, так как это только числа, известные по их отношению друг к другу [но не имеющие практического значения]» (Бируни, пер. Беленицкого, с. 252). Однако ниже будет приведен пример, когда точность юстировки определялась половиной нухуда.

[297] График см.: Давидович. По поводу двух кладов, с. 115, рис. 2.

[298] График см.: Давидович. Материалы для характеристики <...> медных монет XV в., с. 244, рис. 5.

[299] Эпизодические выпуски появлялись и незадолго перед этим: монеты Самарканда 894/1488-89 г. (тип 46); монеты 896/1490-91 г. без обозначения места выпуска.

[300] При определении средней нормы потертости на основе средней продолжительности обращения нужно иметь в виду одно важное затруднение: вторичные весовые потери от разных условий местонахождения кладов и разных методов очистки монет.

[301] Давидович. К медным номиналам, с. 40—41, табл. 2/1—2.

[302] Давидович. Шаартузский клад, с. 31 сл. и табл. 2/3—6.

[303] Давидович. Клады, с. 341—343, клад № 72.

[304] В гл. VI/2 будет рассмотрена вероятность того, что двойные динары Хисара, Кундуза и Термеза с датой (907 г. х.) или без нее — это серия, которая неизменно выпускалась несколько лет, а внутри этой серии в рамках чекана эл-марко вес монет изменялся (подобно тому, как это было в более масштабной серии — с датой 832/1428-29 г., см. гл. V/1—2).

[305] Клад хранится в МИУз, инв. № 170. Был нами обработан и опубликован в 1960 г. (Давидович. Клад среднеазиатских пулов, с. 193 сл.).

[306] Хафиз Таныш, л. 463а. Важный этот отрывок В. В. Вельяминов-Зернов и И. И. Умняков истолковывали иначе, полагая, что речь идет о весе монет. Текст этого пассажа и его истолкование подробно уже рассмотрены нами и показано, что подразумевалась проба золота (Давидович. Две денежные реформы, с. 121—123).

[307] Дженкинсон, с. 183.

[308] Маджму'ат-и васаик, л. 99б, док. № 333.

[309] Там же, л. 108а, док. № 358.

[310] Мукминова. К истории аграрных отношений, с. 311.

[311] График см.: Давидович. Клад среднеазиатских пулов, с. 196, рис. 2.

[312] Михалевский. Очерки истории денег, с. 198—199.

[313] Перед нами тот случай, когда разница среднего и указного веса определена не только средней нормой потертости монет, но и вторичной потерей веса при их очистке. Очистку произвела химик-лаборант ИИТ Г. А. Коротаева, сообщившая следующее. Монеты не только были окислены, но и содержали слой хлорных солей меди сложного состава; их вес после очистки стал ниже исходного, так как вместе с кислородом, хлором и пр. ушла медь, которая была с ними химически связана. Следовательно, средний вес в 2,7 г несколько ниже того исходного среднего веса, который имели монеты 904 г. х. к моменту их изъятия из обращения.

[314] Подробнее см.: Давидович. К медным номиналам, с. 44—45, рис. 3.

[315] Возможно, в 899 г. х. были сделаны надчеканы с надписью «ду данги»=«два данги», давшие рынку двойной номинал (см. примеч. 271).

[316] К. Маркс. Капитал. Т. 1.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, с. 132, 133.

[317] За всю историю среднеазиатского феодализма лишь три раза функции золотых монет как средства обращения и платежа существенно возрастали, но это было не общим развитием от меньшего к большему, а тремя само-

стоятельными эпизодами, вызванными более частными и неодинаковыми причинами (Давидович. Золото в денежном хозяйстве, с. 55—69).

[318] Документы Тадж ад-Дина Хасана, изд. Данеш Пажуха.

[319] Дженкинсон, с. 183.

[320] Давидович. К вопросу о курсе и обращении.

[321] Олеарий. Подробное описание, с. 729.

[322] Стрейс. Три путешествия, с. 314.

[323] Можно привести еще ряд примеров, когда смена изображения на монетах обычно была связана тем или иным путем с курсом, и это касается не только одной меди. Например, для Крыма XVII в. есть в этом отношении интересное свидетельство доминиканца миссионера д'Асколи, который говорит, что, когда курс полусеребряных, полумедных аспров сильно падает, хан чеканит новые с новым изображением и по высокому курсу рассылает в разные места, взамен требуя реалы. И приводит пример, что за десятилетие аспры к великой выгоде хана и в ущерб его подданным менялись пять раз (Бертье-Делагард. Ценность монетных номиналов, с. 180).

[324] К. Маркс. К критике политической экономики.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13, с. 97.

[325] Выпуск новых монет из металла значительно сокращал доходы от самой акции (цена металла и технически более сложная и более дорогая работа). В пору усиления эксплуатации монетной регалии на базе выпуска монет из металла сокращение доходов стимулировало повторение. Надчеканы были во всех отношениях наилучшей формой, ибо доход в этих случаях уменьшался только на оплату технически самой простой работы и наиболее элементарного оборудования.

[326] Реформа была «обнаружена» и частично изучена нами на основе сравнительного анализа шести кладов медных монет (Давидович. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека, с. 274—299). После нашей публикации 1965 г. появились новые материалы, позволившие глубже понять и содержание, и пореформенное денежное обращение, особенно в контексте общей периодизации обращения медных монет XV— первой четверти XVI в. в Мавераннахре (общая периодизация рассмотрена в «Заключении» настоящей монографии).

[327] Массон. Клад медных монет XV в. из Оша, с. 112.

[328] Альхамова. Клад медных тимуридских монет XV в., с. 52.

[329] Массон. Клад медных монет XV в. из Оша, с. 113.

[330] Давидович. Клады, с. 312, табл. 79.

[331] Малое количество экземпляров в данном случае не должно смущать, ибо монеты Андигана, Карши, Самарканда, Термеза и Шахрухийи в других кладах (Давидович. Клады, с. 280—295, клады № 62—63) и в музейных собраниях рисуют такую же картину: в целом они высоковесные, но на графике четкого «треугольника» не образуют.

[332] Публикуя в 1965 г. первые материалы о денежной реформе Улугбека, мы располагали малым числом кладов, поэтому единственный клад предреформенных монет сочли свидетельством того, что обмен «старых», предреформенных монет осуществлялся по нормам, невыгодным для владельцев (Давидович. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека, с. 297).

[333] Документы Тадж ад-Дина Хасана, изд. Данеш Пажуха. Док. № 2, 5—9 и др. (нумерация наша).

[334] Давидович. Улугбек как государственный деятель, с. 26—28.

[335] О земельной ренте при Улугбеке см.: Бартольд. Улугбек, с. 132, примеч. 78; Ахмедов. Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра, с. 35; Чехович. Из источников, с. 303—304; Давидович. Свидетельство Даулатшаха о размерах земельной ренты, с. 17—37.

[336] Давидович. Улугбек как государственный деятель, с. 26—28.

[337] Чехович. К вопросу о воспитателе Улугбека, с. 10—18.

[338] 26 раби' I 854 г. х. (май 1450 г.) в результате заговора был убит отцеубийца 'Абд ал-Латиф. Заговорщики возвели на престол в Самарканде

мирзу 'Абдаллаха, который начал свое царствование раздачей войску большой суммы денег из самаркандской казны. В это же время в Бухаре провозгласили другого царевича, Абу Са'ида, который попытался овладеть Самаркандом, но был разбит. Он захватил северный форпост государства Тимуридов — город Иасы (Туркестан), и 'Абдаллах вынужден был послать войско для осады в том же, 854/1450-51 г. Шахрухийа же всегда была опорным пунктом при движении войск на север. 'Абдаллаху пришлось выступить и на юг, против другого царевича (Бартольд. Улугбек, с. 162—164). Эти междоусобицы потребовали новых расходов, а казна была основательно опустошена. Представляется, что выпуск медных монет в Самарканде и Шахрухийе как раз был вызван необходимостью платить войску. При этом 'Абдаллах был озабочен сохранением норм обращения меди, установленных Улугбеком, которому он старался подражать.

[339] Значительную ясность в понимание условий и задач проведения надчекана типа 1/*а* внесет абсолютная датировка надчеканов типов 2 и 1/*а*, определение времени, прошедшего между двумя этими мероприятиями.

[340] Эпизодический выпуск предшествующего времени представлен монетами Самарканда 894/1488-89 г. (ГИМ) и монетами 896/1490-91 г. без обозначения монетного двора (Самаркандский и Нурекский клады: описание типа и вес см.: Давидович. Клады, с. 360, 375). Более ранние даты требуют проверки. Например, Р. С. Сусенкова называет монету Бухары «по-видимому, 890 г. х.» (Сусенкова. Клад медных монет конца XV в., с. 178). Дата в три строки, как она приведена Р. С. Сусенковой, действительно сомнительна. Один тип монет Ташкенда на об. ст. дает дату —890 г. х. (можно читать и 809 г. х.), но это ошибка (см. ниже), слово единиц просто пропущено неумелым резчиком штампов (должно было быть 897, 898 или 899 г. х.).

[341] Бабур, с. 28—51.

[342] Сусенкова. Клад медных монет конца XV в., с. 179 (второй вариант) и табл.

[343] ГЭ № 31137, 43992. Монеты Душанбинского, Ангренского, Нурекского и Самаркандского кладов.

[344] В Сукокском кладе этот тип монет Ташкенда представлен, по определению Р. С. Сусенковой; только одной датой —897 г. х. (Сусенкова. Клад медных монет конца XV в., табл.).

[345] Таких монет много в Ангренском кладе.

[346] ГЭ № 31135—31136. В Ангренском кладе таких монет много.

[347] Из внемаверанахрских монетных дворов такой же тип монет выпустил в 899 г. х. Мерв (Давидович. Клады, с. 355, описание 22).

[348] Монеты Андиджана есть в Нурекском, Самаркандском и Ангренском кладах; ГЭ № 31127 и 31129; монеты Карши — в Самаркандском и Ангренском кладах; монеты Кеша — в Ангренском кладе.

[349] Надчекан Термеза этого типа опубликовала Р. С. Сусенкова (Сусенкова. Клад медных монет XV в., с. 180, № 17 и табл. на с. 181). В проработанных нами кладах надчекан Термеза не был выявлен.

[350] Еще более яркий пример экономии металла демонстрирует чекан монет в 917—919 гг. х. (см. гл. VII/1), что явилось одной из важнейших причин кризиса денежного обращения (см. гл. VII/3).

[351] Бабур, с. 54.

[352] Там же, с. 66.

[353] Тип монет: на л. ст.— наименование монетного двора в восьмилепестковом картуше, обрамленном орнаментом (орнамент совершенно отличен от того, который обрамляет шестилепестковый картуш монет Самарканда, Бухары и Карши без дат, обращавшихся, как было показано, между 901—904 гг. х.); на об.ст.— дата словами. Нам известны следующие даты: 899, 902, 904, 907 (909?) гг. х. Первая дата — свидетель вторичного использования старого штампа. Даты 902—907 (909?) гг. х. фиксируют время реального выпуска монет.

[354] Надчеканы Ташкенда и Шахрухийи типа 13 первой группы первого разряда, произведенные между 907—914 гг. х. Историческая ситуация позво-

ляет предположить, что надчекан типа 13 был наложен либо в 907—908 гг. х. моголами до завоевания Ташкенда Шейбани-ханом, либо уже после 910 г.х., когда налаженное им общегосударственное обращение меди было вновь разрушено удельными владетелями (см. ниже).

[355] События 905—906 гг. х. со многими интересными деталями, но все же тенденциозно изложил Бабур, их непосредственный участник (Бабур, с. 93—112). Подробно борьбу в эти годы между Тимуридами и Шейбани-ханом рассмотрел А. А. Семенов (Семенов. Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов, с. 49—56).

[356] Давидович. Клады, с. 299—344, клады № 66—73.

[357] Бабур, с. 146—148.

[358] Бартольд. Мир Али-Шир, с. 255.

[359] Более подробную статистическую характеристику см.: Давидович. Клады, с. 299—330, клады № 66—67.

[360] Графики веса надчеканенных монет см.: Давидович. Клады, с. 315, табл. 82 и с. 329, табл. 92.

[361] Давидович. Клады, с. 334—344, клады № 71—73.

[362] В кладе также 16 очень потертых монет.

[363] Подробнее о составе этих двух кладов см.: Давидович, Клады, с. 334—343, клады № 71—73; она же. Шаартузский клад, с. 31—42.

[364] Вопрос о политике в отношении веса одинарных динаров и самых мелких кратных основного номинала остается пока открытым из-за малого числа известных нам монет.

[365] Двойных динаров 906 г. х. сейчас известно относительно немного, и это не случайность. Во-первых, выпуск одного года все же ограничен; во-вторых, часть двойных динаров 906 г. х. была перечеканена в 907 г. х. Одинарные динары 906 г. х. вообще неизвестны. Если впоследствии они будут обнаружены, это будет означать следующее: реформа Хосроу-шаха была начата не в 907 г. х., а в 906 г. х.; запрет и изъятие монетной продукции предшествующего времени декретированы не в 907 г. х., а в 906 г. х.; первая часть (906 г. х.) реформы оказалась малоэффективной, во второй части (907 г. х.) лучше учли общественную психологию, что особенно выразилось в перестройке масштаба цен, а внешним образом — в усилении психологически нормализующего воздействия через особенности надписей и типа.

[366] См.: Давидович. Денежная реформа Шейбани-хана, с. 85—108.

[367] Дореформенные серебряные монеты Мухаммада Шейбани-хана (судя по экземпляру ГЭ) чеканены, как и позднетимуридские, по весовому стандарту в один мискал.

[368] Реальный вес четырех известных нам экземпляров —5,15, 5,15, 5,00, 4,70 г. Монеты плохой сохранности, этим и объясняется низкий вес одной. И среди самаркандских динаров 914 г. х. есть несколько столь же низковесных. Вес же остальных (5,0—5,2 г) соответствует реальному весу большинства монет Самарканда (см. гл. IV/1).

[369] Давидович. К медным номиналам, с. 42—44, № 1, 5, 6.

[370] ГЭ № 31808, 31810; ГИМ; СМ № 6284, 2012. Монеты 920 г. х. в кладе МИУз: 4,62; 4,92; 4,93; 5,02; 5,12; 5,25 г. Вес монет 919 г.х. ГИМ и СМ— 4,92; 5,0; 5,2 г.

[371] Возможно, правильнее считать, что у надчеканов типа 3 два ведущих центра — Бухара и Хисар, поскольку Хисар, осуществлявший однотипное с Бухарой надчеканивание, был тогда очень крупным владением, в котором (это будет рассмотрено в гл. VII/2) на протяжении длительного времени осуществлялась самостоятельная монетная политика, лишь иногда смыкавшаяся с монетной политикой центрального Мавераннахра. Но для данного раздела это не имеет значения, поэтому в дальнейшем ведущим центром надчеканов типа 3 мы будем называть только Бухару.

[372] Оптимальный весовой стандарт основного номинала в сфере обращения медных монет был 5,2 г. В главах IV и VI показано, что среди меньших кратных основного номинала выпускали монетки в две трети его части. Средний вес динаров Бухары и Самарканда в 3,1—3,2 г формально соответствует

именно двум третям. Если встать на эту точку зрения, то монеты Бухары и Самарканда, рассматриваемые здесь как одинарные и двойные динары, следует признать монетами в две трети динара и в целый динар. Это значило бы, что снижения веса одинарного динара не было, а двойные динары 917—919 гг. х. нам неизвестны. Нами учтены следующие соображения против такого осмысления монетного материала. Основной номинал всегда выпускали в огромном количестве, а кратные — в значительно меньшем. Главным объектом получения фискальных доходов являлся также основной номинал (число перегруппировок на базе типовых перемен или надчеканов). С этих позиций монеты 917—919 гг. х. со средним весом в 3,1—3,2 г в Самарканде и Бухаре были основным номиналом. С экономической точки зрения и с точки зрения общественной психологии одинаково, объявили ли основным номиналом монеты в две трети оптимального динара или снизили вес динара до величины двух третей его оптимального веса. Для доходов казны второй вариант предпочтительнее. В его пользу говорит и вес некоторых типов из числа тех, которые мы для 917—919 гг. х. рассматриваем как двойные динары: он много выше оптимального весового стандарта одинарного динара в 5,2 г. Пересмотр принятого здесь определения достоинства монет как одинарных и двойных динаров пониженного веса будет убедителен в двух случаях: если в монетных надписях окажутся прямые свидетельства или в значительном числе кладов количественная пропорция монет будет прямо противоположной.

[373] В данной монографии используется только часть статистических материалов о составе Нурекского клада (подробнее см.: Давидович. Денежное хозяйство <...> во втором десятилетии XVI в.). Нужно при этом иметь в виду, что типовые номера в названной статье и в этой монографии не совпадают. В статье нумерация типов сплошная при алфавитном расположении монетных дворов; в монографии (гл. II/2—3) типовые номера получили только четыре монетных двора (Самарканд, Бухара, Хисар и Хуттaлян), причем каждый — самостоятельные. Для удобства пользования статьей здесь в табл. 28 приведены оба ряда типовых номеров.

[374] 140 монет, т. е. основная масса расположилась в пределах 5,0—5,8 г, восемь более низковесных экземпляров можно поэтому считать примерами случайных отклонений за пределы ремедиума. Не исключено (см. ниже) использование штампов 917 г. х. в следующем году: такие факты при интенсивном чекане известны для разных столетий.

[375] Вопрос о том, был ли в чекане 918 г. х. использован этот третий, промежуточный весовой стандарт, возможно, поможет решить Сары-Камышский клад (Давидович. Клады, с. 377—378). Предварительный его осмотр показал, что по составу он близок Нурекскому и в нем много монет Хисара 918 г. х.

[376] Окончательно решить этот вопрос могло бы сравнение монет орнаментального типа с оборотными сторонами монет Хисара и Хуттaляна для выявления случаев использования одних и тех же штампов. Мы не имели возможности проделать такую работу.

[377] Возможно, выпуск монет орнаментального типа по этому весовому стандарту также имел место, но для окончательного заключения пока мало материалов.

[378] Оба надчекана относятся к первой группе первого разряда (см. гл. III/2): ранний — тип 2, производился в течение части 917—918 гг. х.; поздний — тип 1— в течение части 918 г. х. и в последующее время. Оба надчекана — региональное мероприятие, центром которого был Самарканд.

[379] Подробнее см.: Давидович. Денежное хозяйство <...> во втором десятилетии XVI в., с. 69—70.

[380] Состав и специфика двух этих кладов здесь подробно не рассматриваются, да это и невозможно без полной научной обработки. Отметим лишь следующее. В Кум-Курганском кладе имеются и ранние монеты (начиная с монеты Тимура) и много надчеканов. В этом отношении он ближе к Нурекскому кладу, чем Сары-Камышский. Последний — более «цельный», в нем нет или очень мало ранних монет, надчеканенные экземпляры единичны.

[381] Вес его стал ниже, чем в 907 г. х. Мы считаем это продуманной реакцией на снижение в 917—920 гг. х. веса одинарного и двойного динаров в центральном Мавераннахре.

[382] Болдырев. Зайнаддин Васифи, с. 122—123, 297—298. Глава эта в разных рукописях датирована различно, но А. Н. Болдырев убедительно доказал, что речь идет именно и только о 918 г. х.

[383] К. Маркс. Капитал. Т. 1.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, с. 129.

[384] Существенно, что такой клад, ядро которого составляют монеты 922—930 гг. х., не случаен. Нами зарегистрирован еще один подобный (см.: Давидович. Неопубликованные монетные находки, с. 171—172, № 32).

[385] ГИА УзССР, ф. И-323, док. № 12.

[386] Давидович. Две денежные реформы, с. 106—119.

[387] См.: Давидович. Денежная реформа Кучкунчи-хана.

[388] Каталог серебряных монет Кучкунчи-хана, классификация этих монет, описание их типов и аргументация (дающая достаточное в данной связи представление о состоянии чекана и обращения серебряных монет до и после реформы) опубликованы (см.: Давидович. Денежная реформа Кучкунчи-хана, с. 174—186, 201—204).

[389] Беленицкий, Бентович, Большаков. Средневековый город Средней Азии, с. 132—387.

[390] Давидович. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии, с. 87, 90.

[391] Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, с. 127.

[392] ГИА УзССР, ф. 323, док. № 1202/1; Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 233.

[393] Мы в свое время пользовались рукописью ЛО ИВ АН СССР, № е 574 ag (л. 99а—103а). Р. Г. Мукминова издала текст вакф-нама (на основе двух рукописей) и перевод [см.: Мукминова. К истории аграрных отношений, с. 214 сл. (текст), с. 305 сл. (пер.)]; на с. 305 в переводе пропущено указание на денежную часть вознаграждения му'идов, но эти сведения восстановлены в сводке на с. 59—60.

[394] ГИА УзССР, ф. 323, док. № 16.

[395] ГИА УзССР, ф. 323, док. № 12 и № 1186/7.

[396] Термин «танга» мог быть использован для обозначения даже золотой монеты, но в этом случае металл оговаривался непременно.

[397] Двойные танга (т. е. монеты весом в два мискала) в натуре нам неизвестны, но это не аргумент против такого понимания достоинства описанных в вакф-нама монет. Ведь равным образом нам неизвестны в натуре серебряные танга, весом и достоинством равные двум третям основного номинала, а такие тоже описаны в одной из вакф-нама XVI в. Неясно, конечно, почему в вакф-нама 942 г. х. предпочли вознаграждения выразить двойными танга, а не через основной номинал.

[398] ГИА УзССР, ф. 323, док. № 115.

[399] ГИА УзССР, ф. 323, док. № 24/1.

[400] ГИА УзССР, ф. 323, док. № 1 и № 55/69.

[401] ГИА УзССР, ф. 203, док. № 2.

[402] ГИА УзССР, ф. 323, док. № 55.

[403] ГИА УзССР, ф. 323, док. № 3.

[404] ГИА УзССР, ф. 323, док. № 7.

[405] Маджму'ат-и васаик, док. № 257—302.

[406] Попутно следует упомянуть, что под «зерном» в качестве вознаграждения в вакф-нама подразумевалось разное, но конкретное значение оговаривалось. В разобранном примере из вакф-нама 1002/1594 г. была поливная пшеница высшего сорта. Иногда даже подразумеваются три равные части разных злаковых или две равные части белой и пшеничной муки.

[407] Мукминова. К истории ремесленных мастерских-кархана XV в., с. 191.

[408] Мукминова. К истории аграрных отношений, с. 310.

[409] Число студентов и лиц, выполнявших постоянные обязанности при медресе Мухаммада Шейбани-хана, известно, оно приближалось к сотне. В двухэтажном медресе Калябад, судя по плану нижнего этажа, было не менее 60 худжр, в каждой жили по два студента, так что общее число постоянных обитателей медресе значительно превышало сотню.

[410] Чехович. Черты экономической жизни, с. 223. Из контекста ясно, что 18 динаров в месяц — это арендная плата за дуккан.

[411] Дженкинсон, с. 183.

[412] Не исключена реакция, когда на рынке штучное обращение начало сменяться весовым, что в сфере мелкой торговли крайне неудобно.

[413] В перечень монетных дворов мы не включили Ташкенд. Надчекан Ташкенда в одном экземпляре обнаружил М. Н. Федоров. Нам надчекан Ташкенда в одном экземпляре обнаружил М. Н. Федоров.

[414] Давидович. О локальных вариантах, с. 69—76.

[415] Одна монета хранится в ГИМ, № 939691; вторая — в Британском музее (см.: Lane-Poole. Catalogue. Vol. 7, № 140); третья — упомянута в аукционном каталоге (см.: Collection, № 2679).

[416] Сводку монет Бухары — Самарканда и Хисара см.: Давидович. Денежная реформа Кучкунчи-хана, с. 180—183 («Каталог серебряных денег Кучкунчи-хана»). Известен единственный пока надчекан с наименованием города или области — «Хисар», произведенный на мешхедской серебряной монете Кучкунчи-хана и фиксирующий какое-то фискальное мероприятие (Марков. Инвентарный каталог, с. 687, № 16).

[417] Любопытно, что Бухара и Самарканд, два главных монетных двора центрального Мавераннахра, на протяжении двух столетий работали неодинаково. Если в XVI в. при Шейбанидах Бухара и Самарканд стояли в одном ряду по регулярности и обилию выпуска серебра, то при Тимуридах регулярным и обильным на протяжении всего XV в. был выпуск только Самарканда. Нам представляется, что в данном случае такая разница на протяжении части XV в.— результат политики правительства, в которой не последнее место заняли соображения технического удобства и экономической выгоды от некоторой специализации двух близко находящихся монетных дворов: ведь вскоре после начала денежной реформы Улугбека в 832/1428-29 г. чекан медных монет был централизован в Бухаре. Бухарский монетный двор работал чрезвычайно напряженно, чтобы обеспечить одинаковой монетой все государство среднеазиатских Тимуридов. Было рационально монетный двор Бухары специализировать на выпуске меди, чекан же серебра сосредоточить преимущественно в столичном Самарканде. И особых неудобств даже при свободном чекане это не создавало, ибо путь из Бухары в Самарканд недалек, богатый бухарец мог заказать серебряные монеты в Самарканде.

[418] Пример — три клада с территории Таджикистана (Давидович. Клады, с. 265—277, клады № 58—60).

[419] Кармышева. О торговле, с. 115—133.

[420] О развитии производительности труда в ремесле см.: Беленицкий. Организация ремесла, с. 43—44; [Давидович]. Узбекское завоевание, с. 401—402; Мукминова. Очерки по истории ремесла, с. 148—151. Р. Г. Мукминова для Бухары и Самарканда насчитала более 130 ремесленных профессий (там же, с. 148—149), Б. Г. Гафуров подчеркивал, что производительность труда в ремесле именно в это время достигла максимально возможного при феодализме уровня (Гафуров. Таджики, с. 538).

[421] Вполне обоснована экстраполяция материалов XIX— начала XX в. о товарности даже женских промыслов, в том числе и сельских для продажи в городе (см.: Кармышева. О товарности; Сухарева. Участие женщин).

[422] Возможно, подобный процесс в рассматриваемое время имел место и в других регионах, но это нужно обосновать анализом местных источников, механическая экстраполяция недопустима.

[423] Давидович. О времени максимального развития товарно-денежных отношений, с. 88.

[424] Болдырев. Зайнаддин Васифи, с. 253—277.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМ — Азиатский музей.
АРТ — «Археологические работы в Таджикистане».
ГИА УзССР — Государственный исторический архив УзССР, Ташкент.
ГИМ — Государственный исторический музей, Москва.
ГЭ — Государственный Эрмитаж, Ленинград.
ГЭ — АМ — Государственный Эрмитаж — Азиатский музей (название клада № 19, см. «Предисловие»).
ЗВО — «Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества».
ИВ АН — Институт востоковедения Академии наук СССР.
ИИТ — Институт истории АН ТаджССР, Душанбе.
ИМКУ — «История материальной культуры Узбекистана».
КАТГУ — Кафедра археологии Средней Азии Ташкентского государственного университета, Ташкент.
КСИИМК АН СССР — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР».
ЛОА — Ленинградское отделение архива Института археологии АН СССР.
ЛО ИВАН СССР — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
МИУз — Музей истории Узбекистана, Ташкент.
НАА — «Народы Азии и Африки».
НС — «Нумизматический сборник» (Государственный исторический музей).
НЭ — «Нумизматика и эпиграфика».
ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент.
ООН — Отделение общественных наук.
ППВ — Памятники письменности Востока.
ППВ. Ежегодник — «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник». М.
РМТ — Республиканский объединенный музей историко-краеведческий и изобразительных искусств ТаджССР, Душанбе.
САГУ — Среднеазиатский государственный университет.
СВР — Собрание восточных рукописей.
СМ — Узбекистанский музей истории культуры и искусства, Самарканд.
Средазкомстарис — Среднеазиатский комитет по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы, Ташкент.
ТВОРАО — «Труды Восточного отделения имп. Русского археологического общества».
ТГУ — Ташкентский государственный университет.
ТМ — Сурхандарьинский областной историко-краеведческий музей, Термез.
ТОВГЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
Узкомстарис — Узбекистанский комитет по охране памятников старины и искусства.
ФАН СССР — филиал АН СССР.
ЭВ — «Эпиграфика Востока».
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum.
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. London.
EI — The Encyclopaedia of Islam. Leiden — London.
JAOS — Journal of the American Oriental Society. Baltimore, Maryland.
JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden.
NNM — Numismatic Notes and Monographes. The American Numismatic Society. New York.

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абу-л-Гази.— Абул-Гази. شجره تركيه Родословное древо тюрков. Пер. Г. С. Саблукова. Казань, 1906.

Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина.— Абу Тахир-ходжа. «Самария», описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Пер. В. Л. Вяткина — Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 6. Самарканд, 1899.

Альхамова. Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 663 г.х.— З. А. Альхамова. Клад медных посеребреных самаркандских дирхемов 663 г. х.— Труды САГУ. Новая серия. Вып. 11. Таш., 1950.

Альхамова. Клад медных тимуридских монет XV в.—З. А. Альхамова. Клад медных тимуридских монет XV в., найденный в Ташкенте при расширении Алмазарской трассы в 1940 году.— Тезисы докладов научной сессии, посвященной 25-летию Среднеазиатского государственного университета. Таш., 1945.

Атагаррыев. Средневековый город Куфен.— Е. Атагаррыев. Средневековый город Куфен в свете новых археологических данных.— Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Ахмедов. Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра.— Б. А. Ахмедов. Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра первой половины XV в.— Из истории эпохи Улугбека. [Таш., 1965].

Бабур.— Бабур-наме. Записки Бабура. (пер. М. Салье). Таш., 1958.

«Бабур-наме», изд. Ильминского.— Бабур-наме или Записки султана Бабура. Изд. И. Ильминского, Казань, 1857.

Бартольд. Ахсикет.— В. В. Бартольд. Ахсикет.— Сочинения. Т. 3. М., 1965.

Бартольд. История культурной жизни.—В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана.— Сочинения, Т. 2, Ч. 1. М., 1963.

Бартольд. История Туркестана.— В. В. Бартольд. История Туркестана.— Там же.

Бартольд. Кеш.—В. В. Бартольд. Кеш.— Сочинения. Т. 3. М., 1965.

Бартольд. К истории орошения Туркестана.— В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана.— Там же.

Бартольд. Мир Али-Шир.— В. В. Бартольд. Мир Али-Шир и политическая жизнь.— Сочинения. Т. 2, Ч. 2. М., 1964.

Бартольд. Рец. на книгу «Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VII».— В. В. Бартольд (Рец. на книгу): Справочная книжка Самаркандской области. Выпуск VII.— Сочинения. Т. 3. М., 1965.

Бартольд. Туман.— В. В. Бартольд. Туман.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.

Бартольд. Улугбек.— В. В. Бартольд. Улугбек и его время.—Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964.

Бейхаки — Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда. 1030—1041. Вступит. ст., пер. и примеч. А. К. Арендса. Таш., 1962.

Беленицкий. Организация ремесла.— А. М. Беленицкий. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв.— КСИИМК АН СССР. VI. М.— Л., 1940.

Беленицкий, Бентович, Большаков. Средневековый город Средней Азии.— А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Бертье-Делагард. Ценность монетных номиналов.— А. Бертье-Де-

лагард. Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве.— «Известия Таврической ученой архивной комиссии», № 51. Симферополь, 1914.
Бируни. Китаб ал-Джамахир — كتاب الجماهر فى معرفة الجواهر من تصنيف الاستاذ ابى الريحان محمد بن احمد ابيرونى ، المتوفى فى عشر الثلاثين و اربعماية من الهجرة (...) لدكتور سالم الكرنكوى الالمانى (...) . بحيدرآباد (...) فى سنة ١٣٥٥
Бируни, пер. Белиницкого.— Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Пер. А. М. Беленицкого [Л.], 1963.
Болдырев. Алишер Навои.— А. Н. Болдырев. Алишер Навои в рассказах современников.— Алишер Навои. Сб. ст. под ред. А. К. Боровкова. М.— Л., 1946.
Болдырев. Зайнаддин Васифи.— А. Н. Болдырев. Зайнаддин Васифи, таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Сталинабад, 1957.
Болдырев. Мемуары Восифи.— А. Н. Болдырев. Мемуары Зайн-ад-Дина Восифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI веков.— ТОВГЭ. Т. 2. Л., 1940.
Болдырев. Очерки.— А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв.—ТОВГЭ. Т. 4. Л., 1947.
Болдырев. Тезкирэ.— А. Н. Болдырев. Тезкирэ Хасана Нисори как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии XVI в.— ТОВГЭ. Т. 3. Л., 1940.
Булгаков. Автореферат.— П. Г. Булгаков. Сведения арабских географов IX— начала X веков о маршрутах и городах Средней Азии. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1954.
Бурнашева. Монетный материал с городища Отрар-тобе.— Р. З. Бурнашева. Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 годы.— В глубь веков. А.-А., 1974.
Бурнашева. Монеты с городища Отрар-тобе.— Р. З. Бурнашева. Монеты с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса. (Материалы 1969—1970 гг.).— Археологические исследования в Казахстане. А.-А., 1973.
Буряков. Историческая топография Ташкентского оазиса.— Ю. Ф. Буряков. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чача и Илака). Таш., 1975.
Буряков, Касымов, Ростовцев. Археологические памятники.— Ю. Ф. Буряков, М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев. Археологические памятники Ташкентской области. Таш., 1973.
Вакф-нама 894/1489 г. Ходжи Ахрара (Самарканд).— Вакф-нама раби' II 894/1489 г. Ходжи Ахрара в пользу двух обителей и мечети в Самарканде и в пользу потомков.— ГИА УзССР, ф. 323, док. № 1202/1.
Вакф-нама в пользу двух медресе Шейбани-хана (Самарканд) — Вакф-нама первой четверти XVI в. Михр-Султан-ханум в пользу двух медресе Шейбани-хана в Самарканде.— Рук. ЛО ИВАН СССР № е 574 ag.
Вакф-нама 934/1527-28 г. (Бухара).— Вакф-нама 934 г. х. в пользу медресе Мир-и Араб в Бухаре.— ГИА УзССР, ф. 323, док. № 16.
Вакф-нама 942/1535 г. (Бухара).— Вакф-нама раби' I 942/1535 г. в пользу медресе Газиййан в Бухаре.— ГИА УзССР, ф. 323, док. № 12 и № 1186/7.
Вакф-нама 977/1569-70 г. (Бухара).— Вакф-нама 977/1569-70 г. в пользу медресе Гаукушан в Бухаре.— ГИА УзССР, ф. 323, док. № 115.
Вакф-нама 978/1570 г. (Бухара).— Вакф-нама раби' II 978/1570 г. 'Абдаллах-хана б. Искандар-хана своему медресе в Бухаре.— ГИА УзССР, ф. 323, док. № 24/1.
Вакф-нама 'Абдаллах-хана своему медресе (Бухара).— Вакф-нама 'Абдаллах-хана б. Искандар-хана своему медресе в Бухаре.— ГИА УзССР, ф. 323, док. № 2.
Вакф-нама 1002/1594 г. (Бухара).— Вакф-нама джумади II 1002/1594 г. Куль-

баба Кукельташа своему медресе в Бухаре.— ГИА УзССР, ф. 323, док. № 1 и 55/69.
Вакф-нама 1005/1596 г. (Бухара).— Вакф-нама раби' II 1005/1596 г. в пользу медресе Фатхаллах-кушбеги в Бухаре.— ГИА УзССР, ф. 323, док. № 55.
Вакф-нама 1017/1608-09 г. (Бухара).— Вакф-нама 1017/1608-09 г. 'Абд ар-Рахима хаджи б. Хаджи Са'да в пользу медресе Калябад в Бухаре.— ГИА УзССР, ф. 323, док. № 3.
Васифи. Критический текст.— Зайн ад-Дин Васифи. Бадаи' ал-Вакаи'. Критический текст, введ. и указ. А. Н. Болдырева. Т. 1—2. М., 1961.
Вельяминов-Зернов. Монеты Бухарские и Хивинские.— В. [В.]. Вельяминов-Зернов. Монеты Бухарские и Хивинские. СПб., 1859.
Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана.— В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана.— Мавзолей Ишратхана. Таш., 1958.
Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета.— В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета.— Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 7. Самарканд, 1902.
Гафуров. Таджики.— Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
Давидович. Две денежные реформы.— Е. А. Давидович. Две денежные реформы в государстве Шейбанидов.— Труды САГУ. Новая серия. Вып. 23. Таш., 1951.
Давидович. Денежная реформа Кучкунчи-хана.— Е. А. Давидович. Денежная реформа Кункунчи-хана (XVI в.).— НЭ, 10. М., 1972.
Давидович. Денежная реформа Шейбани-хана.— Е. А. Давидович. Денежная реформа Шейбани-хана. (Из истории среднеазиатской экономики в XVI в.).— Труды АН ТаджССР. Т. 12, 1954.
Давидович. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах.— Е. А. Давидович. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах.—НЭ, 6. М., 1966.
Давидович. Денежное хозяйство <...> во втором десятилетии XVI в.— Е. А. Давидович. Денежное хозяйство на территории южного Таджикистана и Узбекистана во втором десятилетии XVI в. (Материалы для характеристики общего и особенного в денежном обращении разных областей Средней Азии).— НС, Ч. 5, вып. 1 [Труды ГИМ. Вып. 49]. М., 1977.
Давидович. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в.— Е. А. Давидович. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.). М., 1972.
Давидович. Заметки по нумизматике Средней Азии, часть 2.— Е. А. Давидович. Заметки по нумизматике Средней Азии, часть 2. (Уникальные и редкие монеты Саманидов, Тимуридов и Шейбанидов).— Ближний и Средний Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980.
Давидович. Золото в денежном хозяйстве.— Е. А. Давидович. Золото в денежном хозяйстве Средней Азии IX—XVIII вв.— Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.
Давидович. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв.— Е. А. Давидович. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. Душ., 1964.
Давидович. К вопросу о курсе и обращении.— Е. А. Давидович. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государстве Шейбанидов (XVI в.).—Труды САГУ. Новая серия. Вып. 11. Таш., 1950.
Давидович. К медным номиналам.— Е. А. Давидович. К медным номиналам конца XV—начала XVI вв. по данным чекана Хисара и Кундуза.—«Сообщения Тадж. Филиала АН СССР». Вып. 24. Сталинабад, 1950.
Давидович. К организации обмена медных монет.— Е. А. Давидович. К организации обмена медных монет в Средней Азии конца XV—начала XVI вв.— Памяти Михаила Степановича Андреева. Сталинабад, 1960 [Труды АН Тадж ССР, т. 120].
Давидович. Клад серебряных монет XVI в. из Таджикистана.— Е. А. Да-

видович. Клад серебряных монет XVI в. из Таджикистана.— НЭ, 8. М., 1970.
Давидович. Клад среднеазиатских пулов.— Е. А. Давидович. Клад среднеазиатских пулов первой четверти XVI в.— НЭ, 1. М., 1960.
Давидович. Клады.— Е. А. Давидович. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.
Давидович. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека.— Е. А. Давидович. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека.— Из истории эпохи Улугбека. [Таш., 1965].
Давидович. Материалы для характеристики <...> медных монет XV в.— Е. А. Давидович. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в.— НЭ, 5. М., 1965.
Давидович. Материалы для характеристики экономики.— Е. А. Давидович. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в.— «Изв. ООН АН ТаджССР». 1961, вып. 1 (24).
Давидович. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии.— В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Пер. с нем.; Е. А. Давидович. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.
Давидович. Монетные находки <...> в 1957 г.— Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г.— «АРТ в 1957 году. Вып. 5» [Труды АН ТаджССР, т. 103]. Сталинабад, 1959.
Давидович. Некоторые черты обращения медных монет.— Е. А. Давидович. Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XV—XVI вв. и роль надчеканов.— «Изв. ООН АН ТаджССР». Вып. 3. Сталинабад, 1953.
Давидович. Неопубликованные монетные находки.—Е. А. Давидович. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана.— Труды Института истории и археологии АН УзССР. Вып. 7. Таш., 1955.
Давидович. Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений.— Е. А. Давидович. Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений на территории южного Таджикистана в XV в.— Абдурахман Джами. Эпоха, жизнь и творчество. Душ., 1965.
Давидович. Нумизматические заметки.— Е. А. Давидович. Нумизматические заметки (Караханиды, Чингизхан, Шейбаниды).— «Изв. ООН АН ТаджССР». № 3 (53), 1968.
Давидович. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии Караханидов.— Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии Караханидов.— НС. Ч. 2 [Труды ГИМ. Вып. 26]. М., 1957.
Давидович. О времени максимального развития товарно-денежных отношений.— Е. А. Давидович. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии. (К постановке проблемы).— НАА. 1965, № 6.
Давидович. О локальных вариантах.— Е. А. Давидович. О локальных вариантах развития товарно-денежных отношений в IX—XVI вв. (на примере южного Таджикистана).— Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.
Давидович. О происхождении и значении термина *мири*.— Е. А. Давидович. О происхождении и значении термина *мири* в денежном хозяйстве Средней Азии XV— начала XX в.— История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
Давидович. По поводу двух кладов.— Е. А. Давидович. По поводу двух кладов медных монет XV в. из Таджикистана.— ЭВ, 17. М.— Л., 1966.
Давидович. По поводу южно-туркменистанского клада.— Е. А. Давидо-

вич. По поводу южно-туркменистанского клада серебряных монет Мухаммед-Шейбани-хана.— Материалы ЮТАКЭ. Вып. 1. Аш., 1949.

Давидович. Свидетельство Даулатшаха о размерах земельной ренты.— Е. А. Давидович. Свидетельство Даулатшаха о размерах земельной ренты при Улугбеке.— «ППВ. Ежегодник. 1971». М., 1974.

Давидович. Серебряные монеты удельных владетелей.— Е. А. Давидович. Серебряные монеты удельных владетелей как источник по истории Средней Азии XVI в.— «ППВ. Ежегодник. 1973». М., 1979.

[Давидович]. Узбекское завоевание.— [Е. А. Давидович]. Узбекское завоевание. Государство Шайбонидов.— История таджикского народа. Т. 2. Кн. 1. М., 1964.

Давидович. Улугбек как государственный деятель.—Е. А. Давидович. Улугбек как государственный деятель: оценка В. В. Бартольда и опыт новой интерпретации.— Бартольдовские чтения. Тезисы докладов и сообщений. М., 1979.

Давидович. Феодальный земельный милк.— Е. А. Давидович. Феодальный земельный милк в Средней Азии XV—XVIII вв.: сущность и трансформация.— Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдовские чтения 1975 г. М., 1979.

Давидович. Шаартузский клад.— Е. А. Давидович. Шаартузский клад двойных динаров 906/1500-1501 и 907/1501-1502 гг.— «Доклады АН ТаджССР». Вып. 9. Сталинабад, 1953.

Давидович. Шейбанидские серебряные монеты.— Е. А. Давидович. Шейбанидские серебряные монеты XVI века (критический набросок в связи с новой публикацией).— НАА. 1969, № 4.

Джавами'ал-'алиййат — جوامع العليه فى الوثايق على بن محمد على . الشرعية و السجلات المرعية

Рук. ИВ АН УзССР, № 9138.

Дженкинсон.— А. Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг.—Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с англ. Ю. В. Готье. [Б. м., б. г.].

Документы Тадж ад-дина Хасана, изд. Данеш Пажуха.— محمد تقى دانش پژوه . اسناد آستانه (...) درويش تاج الدين حسن ولى در قريهٔ نياك از بلوك لاريجان از شهرستان آمل ، [طهران] ١٣٤٤

Ерназарова, Кочнев, Ртвеладзе, Федоров. Нумизматические находки на территории Узбекистана.— Т. С. Ерназарова, Б. Д. Кочнев, Э. В. Ртвеладзе, М. Н. Федоров. Нумизматические находки на территории Узбекистана в 1969—1972 годах.— ОНУ. 1978, № 3.

Из архива шейхов Джуйбари.— Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века. М.— Л., 1938.

Казаков. Клад.— Б. Казаков. Клад с монетами.— «Правда Востока», 28.VIII.1979.

Кармышева. О товарности.—Б. Х. Кармышева. О товарности женских промыслов (этнографические данные по восточным бекствам Бухарского ханства).— Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.

Кармышева. О торговле.— Б. Х. Кармышева. О торговле в восточных бекствах Бухарского ханства в начале XX в. в связи с хозяйственной специализацией (по этнографическим данным).— Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.

Клавихо.— Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Пер. И. И. Срезневского. СПб., 1881 [Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 27, № 1].

Маджма'ал-гараиб.— Султан-Мухаммад б. Дарвиш-Мухаммад муфти Балхи. Маджма'ал-гараиб مجمع الغرايب— Рук. Института истории АН ТаджССР (ф. акад. А. А. Семенова).

Маджму'ат-и васаик. — مجموعة وثايق Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1386.
Макдиси.— Descriptio imperii moslemici auctore <...> al-Moqaddasi. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1967, ed. 3 [BGA, III].
Марков. Инвентарный каталог.—А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896.
Массон. Динары копеки.— М. Е. Массон. Динары копеки.— «Изв. АН ТССР. Серия общественных наук». 1972, № 4.
Массон. Клад медных монет XV в. из Оша.— М. Е. Массон. Клад медных монет XV в. из Оша.— ЭВ, 13. М., 1960.
Массон. Монетные находки <...> в 1930 и 1931 годах.— М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах.— Материалы Узкомстариса. Вып. 5. Таш., 1933.
Массон. Монетные находки <...> с 1917 по 1927 г.— М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г.— «Известия Средазкомстариса». Вып. 3. Таш., 1928.
Михалевский. Очерки истории денег.— Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. 1. М., 1948.
Мукминова. К истории аграрных отношений.— Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме». Таш., 1966.
Мукминова. К истории ремесленных мастерских-кархана XVI в.— Р. Г. Мукминова. К истории ремесленных мастерских-кархана XVI в. (чугунолитейная мастерская Самаркандской области).— Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980.
Мукминова. Очерки по истории ремесла.— Р. Г. Мукминова. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI веке. Таш., 1976.
Мухаммад Юсуф мунши.—Мухаммад Юсуф мунши. Мукимханская история. Пер. А. А. Семенова. Таш., 1956.
Мухтар ал-ихтийар.— اختيار بن غياث الدين . مختار الاختيار على المذهب المختار Рук. ИВ АН УзССР, № 2064 и № 5438.
Набиев. Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра XV в.— Р. Н. Набиев. Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра XV в. (заметки о Ходжа-Ахраре).— Великий узбекский поэт. Сб. ст. под ред. М. Т. Айбека. Таш., 1948.
Наршахи, второе изд. Резави — تاريخ بخارا تاليف ابو بكر محمد بن جعفر النرشخي (...) تصحيح و تحشيه مدرس رضوى ، ١٣٥١ ش [= 1973]
Наршахи, пер. Фрая.— The History of Bukhara. Transl. from a Persian abridgement of the Arabic original by Narsharhi. R. N. Frye. Cambridge, Mass., 1954.
Наршахи, первое изд. Резави — تاريخ بخارا تاليف ابو بكر محمد بن جعفـــر النرشخي (...) تصحيح مدرس رضوى ، ١٣١٧ ش [= ١٩٤٩] .
Наршахи, Бухарская литогр.— تاريخ نرشخى ، [بخارا ١٣٢٢] . (Новая Бухара, 1904).
Олеарий. Подробное описание.— А. Олеарий. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. Пер. П. Барсова. М., 1870.
Пугаченкова. Пути развития.— Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана в пору рабовладения и феодализма.— Труды ЮТАКЭ. Т. 6. Аш., 1958.
Ртвеладзе. Обнаружение средневекового селения Навандак.—Э. В. Ртвеладзе. Обнаружение средневекового селения Навандак в области Сагаииан.— ИМКУ. Вып. 14, Таш., 1978.
Самаркандские документы XV—XVI вв.— Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). Факс., критический текст, пер., введ., примеч. и указ. О. Д. Чехович. [ППВ, 31]. М., 1974.

Семенов. Шайбани-хан и завоевание им империи Тимуридов.— А. А. Семенов. Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов.— Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. «Труды АН ТаджССР». Т. 12. Сталинабад, 1954.

Смирнова. Из биографии рукописи.— О. И. Смирнова. Из биографии рукописи «Тарих-и гузида» собрания ЛО ИВАН СССР.— Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980.

Собрание восточных рукописей. Т. 4.— Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. 4. Таш., 1957.

Стрейс. Три путешествия.— Я. Я. Стрейс. Три путешествия. Пер. Э. Бородиной [Б. м.], 1935.

Сусенкова. Клад медных монет конца XV в.— Р. С. Сусенкова. Клад медных монет конца XV в. из горного селения Сукок Ташкентской области.— Труды САГУ. Новая серия. Вып. 111. Исторические науки. Кн. 25. Таш., 1957.

Сухарева. Участие женщин.— О. А. Сухарева. Участие женщин в товарном производстве тканей и одежды у равнинных таджиков в конце XIX— начале XX в.— Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.

Тизенгаузен. Восточные монеты Линевича.— В. Г. Тизенгаузен. Восточные монеты Н. П. Линевича.— ЗВО. Т. 4. СПб., 1980.

Тизенгаузен. Новое собрание восточных монет Комарова.— В. Г. Тизенгаузен. Новое собрание восточных монет А. В. Комарова.— ЗВО. Т. 3. СПб., 1888.

Тизенгаузен. Новые нумизматические приобретения Линевича.— В. Г. Тизенгаузен. Новые нумизматические приобретения Н. П. Линевича.— ЗВО. Т. 9. СПб., 1896.

Трутовский. Московский Публичный и Румянцевский музеи.—В. Трутовский. Московский Публичный и Румянцевский музеи. Нумизматический кабинет. Вып. 3. Каталог восточных монет. М., 1886.

Федоров. Клад монет Улугбека.— М. Н. Федоров. Клад монет Улугбека из Самарканда.— ОНУ. 1969, № 8—9.

Френ. Монеты ханов улуса Джучиева.— Х. М. Френ. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой орды с монетами разных иных мухаммеданских династий <...>. Пер. с нем. М. Волкова. СПб., 1832.

Хафиз Таныш.— Хафиз Таныш б. Мир Мухаммад ал-Бухари. Абдаллах-нама (Шарафнама-йи шахи). Рук. ИВ АН УзССР, № 2207.

Чехович. Бухарские документы XIV века.— О. Д. Чехович. Бухарские документы XIV века. Таш., 1965.

Чехович. Из источников.— О. Д. Чехович. Из источников по истории Самарканда XV в.— Из истории эпохи Улугбека. [Таш., 1965].

Чехович. К вопросу о воспитателе Улугбека.— О. Д. Чехович. К вопросу о воспитателе Улугбека.— Из истории науки эпохи Улугбека. Таш., 1979.

Чехович. Черты экономической жизни.— О. Д. Чехович. Черты экономической жизни Мавераннахра в сочинениях по фикху и шуруту.— Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.

Altheim.— F. Altheim. Geschichte der Hunnen. T. 1. B., 1959.

Bivar. A Mongol Invasion Hoard.— A.D.H.

Bivar. A Mongol Invasion Hoard from Eastern Afghanistan.— Near Estern Numismatics, Iconography and History. Studies in Honor of Georg C. Miles. American University of Beirut, 1974.

Codrington. A manual.— O. Codrington. A Manual of Musalman Numismatics. L., 1904.

Collection.—Collection White King. Amsterdam. Juin 1905.

Ehrenkreutz. Extracts from the Technical Manual.— A. S. Ehrenkreutz. Extracts from the Technical Manual on the Ayyubid Mint in Cairo.— BSOAS, 1953, XV/3.

Erdmann. Numi asiatici.— F. Erdmann. Numi asiatici musei Universitatis Caesareae Literarum Casanensis. P. 1. Casani, 1934.
Fraehn. Das muhammedanische Münzkabinet.— Ch. M. Fraehn. Das muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Vorläufiger Bericht. SPb., 1821.
Fraehn. Nova supplementa—Ch. M. Fraehn nova supplementa ad recensionem numorum muhammedanorum <...> Ed. B. Dorn. Petropoli, 1855.
Fraehn. Recensio.— Ch. M. Fraehn. Recensio numorum Muhammedanorum Academiae Imp. scient. Petropolitanae. Petropoli, 1826.
Frye. Notes.— R. N. Frye. Notes on the Early Coinage of Transoxiana.— NNM. 1949, № 113.
Göbl.— R. Göbl. Sasanian Numismatics. Braunschweig, 1971.
Lane-Poole. Catalogue. Vol. 7.— St. Lane-Poole. Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. Vol. 7. L., 1882.
Lowick. Shaybanid Silver Coins.— N. M. Lowick. Shaybanid Silver Coins.— «Numismatic Chronicle», ser. 7, vol. 6, 1966.
Markwart. Wehrot und Arang.— J. Markwart. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mithischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.
Soret. Lettre à François Seguin.— F. J. Soret. Lettre à François Seguin sur quelques monnaies orientales inédites trouvées à Bokhara.— Memoires et Documents de la Société d'Histoire et d'Archéologie de Genève. 1843, t. 2.
Tiesenhausen. Notice.— W. Tiesenhausen. Notice sur une collection de monnaies orientales de M. le comte S. Stroganoff. SPb., 1880.
Udovitch. Fals.— A. L. Udovitch. Fals.— EI. New Ed. Vol. 2. Leiden— London, 1965.
Vasmer. Fels.— [R.]. V[asmer]. Fels.— Wörterbuch der Münzkunde. Hrsg. von F. V. Schrötter. B., 1970.
Vasmer. Tanka.—[R]. V[asmer]. Tanka, Tenka, Tenga.— Wörterbuch der Münzkunde. Hrsg. von F. V. Schrötter. B., 1970.
Weyl. Verzeichnis von Münzen.— A. Weyl. Verzeichnis von Münzen und Denkmünzen <...> verschiedener mohammedanischer Dynastien der Jules Fonrobert'schen Sammlung. B., 1878.
Zambaur. Die Münzprägungen.— E. Zambaur. Die Münzprägungen des Islams. Wiesbaden, 1968.

SUMMARY

The basic source materials are 36 copper coin hoards (the majority are unpublished), legal works and documents. The basic method is a comparative analysis of the composition, topography and number of hoards with due account of the period of, and reasons for, their formation.

Chapter 1 surveys coin inscriptions and countermarks, the question of the predominance of the Persian language in these inscriptions, mints and their exact location. Some of the mints are new not being referred to in the books of O. Codrington and E. Zambaur. Others were known to them but they did not register mintage under the Timurids and the Shaybanids. A comparative analysis of coin inscriptions, legal works and documents has made it possible to determine the concrete historical significance of «fulus», «dangi» «'adli», «dinar», «dinar kebeki», «miri» and other terms in 15th-16th — century Maweranahr and to consider the question of the name of copper coins of the basic denomination.

Chapters 2—3 review the principles of classification and methods of attribution of coins and countermarks. Experience has shown that an unfortunate classification mechanically narrows the further research potential whereas a fortunate one forms the basis and insrument of study of many questions of monetary policy and circulation. The author has evolved a four-stage classificatory hierarchy, criteria at each classificatory level and signs of the type — the main classificatory unit (third stage of the hierarchy). This is followed by a concrete description of the types of coins of Samarqand, Bukhara, Hisar and Khuttalan as well as of the types of countermarks issued by all mints of Maweranahr. Some types of coins and the majority of the types of countermark were undated in the inscriptions; on some countermarks and even coins the mints are unnamed. Methods of dating and placing the mintage of such countermarks and coins are evolved.

Chapter 4 treats of the monetary policy. The policy with regard to the weight of copper coins in the 15th century and the first quarter of the 16th century has been found to develop. After a period of domination of the el-marco mintage the last decade of the 15th century brought the prevalence of mintage based on weight standard with a small remedy. The author has introduced and defined two new values («the average rate of wear» of copper coins and «standard remedy» in their mintage) and evolved a method of clarifying the weight standard through the study of the average weight of single-type coins.

The study of the coins' average weight made it obvious that since the closing decade of the 15th century the weight standard of the copper coins' basic denomination («copper dinar») had exhibited repeated changes: the optimal weight standard equaled 5.2 grammes (mithqal and a half of its dang) and the least equaled 2.8 grammes. In addition to the coins of the basic denomination its multiples were in existence. These were at times minted specially, on other occasions they were offered to the market with the aid of countermarks; the functions of small multiples were also performed by coins declared to be «old». The specially minted multiples of coins of the basic denomination differed from it by a proportionally multiple of the average weight, size and at times type. Since the last decade of the 15th century the number of multiples had been growing: trade was served by double and 1.5 dinars, coins with denominations of half, two-thirds, one-third and one-sixth of the copper dinar.

Mediaeval economists realised that the number of copper coins could not be increased arbitrarily. This determined the forms of usage of the coin regalia. Their foundation was a division of all copper coins into two groups — «old» and «new». The «new» coins were those of the latest type or those with the latest type of countermark; only they had a complete rate («dangi») of circulation. The policy with respect to the «old» coins happened to be dual: in some cases they were simply banned and offered to be exchanged for «new» ones, in others «old» coins functioned as lesser multiples. Thus additional incomes were derived both by the central authority and by the rulers of appanages.

Furthermore, the circulation of copper coins happened to be equal all over the state (whatever the place of issue or countermarking). In other periods in large possessions «local» and «alien» coins had different rates. The most interesting phenomenon was the formation of «economic alliances» of possessions: some of them allied themselves with Bukhara, others with Samarqand.

Chapter 5 discusses the monetary reform of Ulugbek, originated in 832/1428-29. Its first stage was the issue of single-type «new» coins of increased weight in many mints of Mawerannahr, the imposition of a ban on the continued circulation of the «old» coins and their exchange for «new» ones without serious losses for the population. Its second stage was the many-year issue of a series of coins with an unchanged date —832 H.— centralised in Bukhara. The Ulugbek reform ensured the equal circulation of copper coins in all parts of Mawerannahr. It responded to the requirements of developing trade in consumer goods itself promoting its development.

Chapters 6—7 consider and compare the monetary policy and state of monetary circulation in the last decade of the 15th century and the first quarter of the 16th century in two regions of Mawerannahr — central Mawerannahr (the districts of Bukhara and Samarqand) and in Hisar (the districts of Chaganiyan, Kabadiyan, Wakhsh, Khuttalan and Hisar). Almost throughout this period both the state of monetary circulation and the monetary policy have been found to be different in these two regions. By the turn of the 16th century both regions had exhibited crises of monetary circulation. In the Hisar region the crisis was deeper but in 907/1501-02 a monetary reform was conducted here. The concrete understanding of the economic situation and social psychology made this reform a complete success: it not only removed the crisis, but ensured a stable state and determined the main specific features of monetary circulation in this region for two decades ahead.

In central Mawerannahr the appropriate policy pursued in 907/1501-02 was limited to half-hearted measures. This played a role in the ripening of a more serious crisis here after 918/1512-13. Other reasons for this were the political situation, excessive exploitation of the monetary regalia by all expedients, the independent monetary policy of the rulers of Bukhara and Samarqand and the destruction of equal copper coin circulation between these cities. The reform of Kuchkunchi-khan (head of the Shaybanids; his own appanage was Samarqand) eliminated the crisis and laid the foundations of the general monetary policy all across Mawerannahr. However, this reform was effected with difficulty, in three phases being completed only by 1525.

Conclusion. Its four sections discuss the following new questions. Section 1. The sphere of copper coin circulation. Trade in consumer goods has been found to be served precisely by these coins. Section 2. Periodisation and local variants of the minting and circulation of copper coins. Signs of development common to Mawerannahr led to dividing the 15th century and the first quarter of the 16th century into eight stages. In two regions of Mawerannahr (central Mawerannahr and Hisar) local features of development have also been brought out. To each stage has been given a discription which underlines both common and specific signs. Section 3 is devoted to the phenomenon of the Hisar region. It has been discovered that at first this region lagged behind central Mawerannahr both in the total volume of commodity production and in that of trade at all levels. In the 15th century the Hisar region made a great «spurt» but only in some fields: it caught up with central Mawerannahr in the level of trade development in the sphere of copper coin circulation. Section 4 is concerned with the question of the «peak» development period of small-scale commodity production, trade in consumer goods and maximal involvement of rank-and-odinary citizens and part of the rural population in money-commodity relations in mediaeval Mawerannahr. Numismatic data have the advantage of being comparable diachronically. This has enabled the author to furnish an answer to the above-mentioned question: distinct signs had made their appearance by the second quarter of the 15th century whereas «peak» development fell on the last quarter of the 15th century and the first quarter of the 16th century.

Елена Абрамовна Давидович

ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

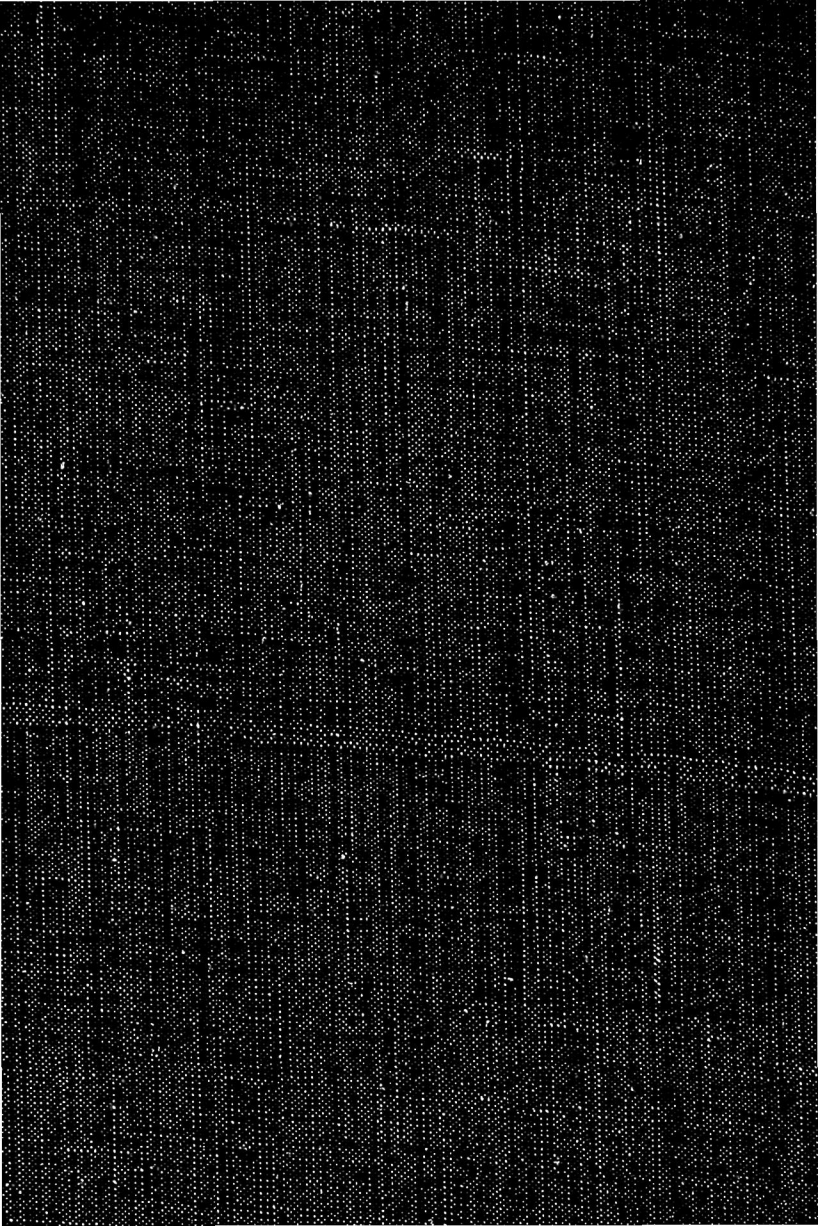
(медные монеты XV — первой четверти XVI в. в Мавераннахре)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор М. И. Штемпель
Младший редактор Л. А. Добродеева
Художник Э. Л. Эрман
Художественный редактор Б. Л. Резников
Технический редактор З. С. Теплякова
Корректор Н. Б. Осягина

ИБ № 14504

Сдано в набор 13.09.82. Подписано к печати 25.02.83. А-02146. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 22,5. Усл. кр.-отт. 22,5. Уч.-изд. л. 26,03. Тираж 3000 экз. Изд. № 5229. Зак. № 590. Цена 2 р. 80 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28